МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Tomsk State University
Journal of Cultural Studies and Art History

Научный журнал

2016 **№ 4(24)**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44127 от 04 марта 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписной индекс 82514 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал входит в "Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук",
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»

П.Л. Волк, д-р культурологии, начальник департамента по культуре и туризму Томской области; **Д.В. Галкин**, д-р. филос. наук, доцент каф. теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета; **О.Л. Лаврик**, д-р пед. наук, проф., зам. директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск); **А.А. Сундиева**, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. музеологии факультета Истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва); доктор **Марац Ласло**, доцент кафедры европейских исследований, гуманитарный факультет, университет Амстердама; **А.Н. Багашев**, д-р ист. наук, директор Института проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень);
Т.К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

EDITORIAL COUNCIL
P.L. Volk (Tomsk, Russia); **D.V. Galkin** (Tomsk, Russia); **A.A. Sundieva** (Moscow, Russia); **O.L. Lavrik** (Novosibirsk, Russia); **Maracz Laszlo** (Amsterdam, the Netherlands), **A.N. Bagashev** (Tyumen, Russia); **T.K. Shcheglova** (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»

Э.И. Черняк, гл. редактор, д-р ист. наук, проф., зав. каф. музеологии, культурного и природного наследия, директор Института искусств и культуры; **К.А. Кузоро**, отв. секретарь, канд. ист. наук, доцент каф. библиотечно-информационной деятельности;
В.Е. Буденкова, канд. филос. наук, доцент каф. теории и истории культуры;
Л.В. Булгакова, канд. искусствоведения, доцент, зав. каф. инструментального исполнительства;
Н.А. Долгих, канд. пед. наук, доцент, зав. каф. дизайна;
О.А. Жеравина, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. библиотечно-информационной деятельности;
Л.А. Коробейникова, д-р филос. наук, проф., зав. каф. теории и истории культуры;
Т.С. Коробейникова, зав. каф. изобразительного искусства;
И.Е. Максимова, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. этики, эстетики и культурологии;
В.В. Сотников, проф., зав. каф. хорового дирижирования

EDITORIAL BOARD
E.I. Chernyak (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **K.A. Kuzoro** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **V.E. Budenkova** (Tomsk, Russia); **L.V. Bulgakova** (Tomsk, Russia); **N.A. Dolgikh** (Tomsk, Russia); **O.A. Zheravina** (Tomsk, Russia); **L.A. Korobeynikova** (Tomsk, Russia); **T.S. Korobeynikova** (Tomsk, Russia); **I.E. Maksimova** (Tomsk, Russia); **V.V. Sotnikov** (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Алексеева Т.П., Виницкая Н.В. Фольклоризм в неопримитивизме русского авангарда первых десятилетий XX века 5
Алексеева Е.П. «Таткино» – первая киноорганизация Поволжья 26
Бубенкова М.В. Драматургия театрализованной формы перформанс в контексте реализации основных аспектов постмодернизма 34
Воробьева Е.С. Россия и Япония: опыт культурной модернизации 42
Забулионите А.К.И., Коробейникова Л.А. Онтология целостности в проекте российской культурологи 47
Наумов Ф.В. Проблемы утилитарного подхода к языковой политике в мультикультурализме 61
Толстова М.А. Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря 68
Черняева И.В. Рынок произведений искусства в России: ключевые понятия исследования 76
Чмыхало А.Ю., Ардашкин И.Б., Макиенко М.А. Интернационализация высшего образования как отражение ценностей культуры постмодерна: российская специфика 85

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Баушев А.В. Концерт-симфония для балалайки с русским оркестром Юрия Гонцова: специфика тематизма и формообразования 100
Горбачева Ю.С. Типология шаманского интонирования чалканцев и роль сигнального интонирования в обряде ловли души 108
Приходовская Е.А. Смысловые ареалы одиночества в жанре моноопера 117
Ульмасов Ф.А. Контрастные и диффузные формы многомерности в таджикской и узбекской монодии 126

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Азарова П.Е. Настольный календарь как атрибут праздников в Западной Сибири в 1920-30-х гг. 134
Васильченко Ю.С. О начальных этапах формирования историографии русской пейзажной живописи в XX веке 139
Григорьева С.Е. Томский областной краеведческий музей: на этапе становления 148
Колосова Г.И. Живописные и графические пейзажи сибирских рек в творческом наследии художника П.М. Кошарова 153
Чернявская О.А. К вопросу об атрибуции коллекции традиционной одежды коренных малочисленных народов северо-востока Сибири в фондах Иркутского областного краеведческого музея 162
Шапиро Б.Л. Лошади «государева седла» в Московском государстве XVI–XVII вв. 170
Щетинина С.Ю. Современные мультимедийные технологии презентации произведений искусства 185

БИБЛИОТЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дегтярёва А.И. Социальная деятельность сельских библиотек Томского района Томской области (2000-е гг.) 194
Дергилева Т.В. Проблемы функционирования информационно-библиотечной системы Сибирского отделения РАН в условиях реформ 205
Жеравина О.А. Библиотека Саламанкского университета в начальный период своей истории 211
Ивановская Е.В. Что читал русский офицер-разведчик начала XX в. (к вопросу о реконструкции библиотеки М.А. Полумордвинова, 1867–1917) 216
Кузоро К.А., Ляпкова А.А. Обслуживание читателей с ограниченными возможностями здоровья в муниципальных сельских библиотеках Томской области: анализ опыта 222
Лаврик О.Л. Материалы заочных конференций как средство научных коммуникаций Коммерческие научные издания 234
Ляпкова А.А. Библиотеки и семья: практика работы библиотек районов Томской области 240

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Дробченко В.А.,Черняк Э.И. Власть и сибирское общество в период социальных катаклизмов (март 1917 – май 1921 г.) 248

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 260

CONTENTS

CULTUROLOGY, THE THEORY AND CULTURAL HISTORY

Alekseeva T.P., Vinitskaya N.V. Folklorism and neoprimitivism of Russian avant-garde in the first decades of the XX century 5
Alekseeva E.P. «Tatkino» as the first film organization of the Volga region 26
Bubenkova M.V. Drama of theatrealised form «performance» in the context of the main aspects of postmodernism 34
Vorob'yeva E.S. The experience of culture modernization in Russia and Japan 42
Zabulionite A.-K.I., Korobeynikova L.A. Ontology of whole in the project of Russian Culturology 47
Naumov Ph.V. Problems of utilitarian approach to language policy in multiculturalism 61
Tolstova M.A. Gender in traditional culture through a dictionary 68
Chernyaeva I.V. The market of works of art in Russia: key concepts of research 76
Chmykhalo A.Yu., Ardashkin I.B., Makienko M.A. Internationalization of higher education as a reflection of the value postmodern culture: Russian specificity 85

ART HISTORY

Baushev A.V. The concert-simphony for balalaika and Russian orchestra by Yuri Gontsov: specifics of the themes and forming 100
Gorbacheva Yu.S. The typology of shamanic intonation of the Chalkans and the role of signal intonation in the ritual of a catching soul 108
Prikhodovskaya E.A. Semantic areas of loneliness in a monoopera genre 117
Ulmasov F.A. Contrast and diffuse form of multidimensional the Tajik and Uzbek monody 126

CULTURAL HERITAGE

Azarova P.E. The desk calendar as an attribute of west Siberian holidays in 1920-30-s 134
Vasilchenko Ju.S. The initial stages of the formation of the historiography of Russian landscape painting in the 20th century 139
Grigorieva S.E. Tomsk museum of local history studies: the phase of establishment 148
Kolosova G.I. Pictorial and graphical landscape drawings of Siberian rivers in the artistic heritage of painter P.M. Kosharov 153
Chernjavskaja O.A. On the question of attribution of the collection of traditional clothing of indigenous peoples of the North-east Siberia in the collections of the Irkutsk Regional Local History Museum 162
Shapiro B.L. Horses of «royal saddle» in the Muscovite Russia XVI – XVII centuries 170
Shchetinina S.Ju. Works of art modern multimedia presentation technologies 185

THE ROLE OF LIBRARIES IN CULTURE IN HISTORY AND MODERN TIMES

Degtyareva A.I. Social activity of rural libraries of Tomsk district of Tomsk region (2000-years) 194
Dergileva T.V. Problems of functioning of the informational-librarian system of Siberian branch under reforms 205
Zheravina O.A. The library of the university of Salamanca during the initial stage of its history 211
Ivanovskaya E.V. What reads Russian service agent officer in early XX century (to the question of the reconstruction of the library M.A. Polumordvinov, 1867–1917) 216
Kuzoro K.A., Lyapkova A.A. Service of the readers with disabilities in municipal rural libraries of Tomsk region: analysis of the experience 222
Lavrik O.L. Materials of correspondence conferences as a means of scientific communication 234
Lyapkova A.A. Libraries and the family: the practice of libraries of Tomsk region 240

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Drobchenko V.A. Chernyak E.I. Power and Siberian society in the period of social cataclysms (March 1917 – May 1921) 248

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS 260

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.04
DOI: 10.17223/22220836/24/1

Т.П. Алексеева, Н.В. Виницкая

ФОЛЬКЛОРИЗМ В НЕОПРИМИТИВИЗМЕ РУССКОГО АВАНГАРДА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX В.

Русский неопримитивизм рассматривается в статье на примере творчества основателя абстракционизма В.В. Кандинского, изобретателя русского неопримитивизма и лучизма М.Ф. Ларионова, яркой представительницы всех современных ей авангардных течений Н.С. Гончаровой, изобретателя супрематизма К.С. Малевича, высвечивается образ грузинского художника-самородка, представителя наивной живописи Нико Пиросмани (Н. Пиросманашвили), а также других художников,входивших в объединение «Ослиный хвост». Анализируются произведения, в которых так или иначе проявляются и фольклорные, и примитивистские, и авангардные тенденции.
Ключевые слова: *культура, фольклор, изобразительное искусство, авангардное искусство.*

Более чем столетний период отделяет нас от бурного всплеска различных авангардных течений искусства начала XX в. Это столетие – время постепенного осмысления искусства русского авангарда, его роли для общечеловеческой культуры. Одни современники авангардистов с восторгом воспринимали их творчество как перелом, взрыв, революционный протест, отрицание академического искусства. У других же, напротив, они вызывали полное непонимание, отторжение, возмущение, вплоть до отказа признавать такое творчество искусством. Сегодня авангардизм по праву признан самостоятельным, мощным, культурным пластом целой эпохи, название которой – XX в. Мы, люди третьего тысячелетия, иначе смотрим на это искусство, чем его современники. Тем не менее русский авангардизм все еще требует объективной исторической и искусствоведческой оценки и тщательного изучения.

Если творчеству и концептуальным взглядам искусства В.В. Кандинского, М.З. Шагала, К.С. Малевича и других художников посвящены целые тома исследовательских работ, то творчество М.Ф. Ларионова, Н.С. Гончаровой и их сотоварищей по кисти еще ожидает своей очереди. А это значительный пласт недостаточно изученных проблем этого направления, решение которых позволит не только понять, но и принять, по достоинству оценить их творения.

В 1998 г. в муниципальном музее Восточного административного округа Москвы был организован «Музей наивного искусства», который в 2003 г. постановлением Правительства г. Москвы был утверждён как Государственное учреждение культуры г. Москвы «Музей наивного искусства». Он расположен в уникальном здании – каменном особняке постройки 1907 г., единст-

венном сохранившемся из целого дачного посёлка начала XX в. «Новогиреево». В 2015 г. он объединился с музеем народной графики, образовав «Музей русского лубка и наивного искусства». Этому предшествовало проведение в 2012 г. в Центре восточной литературы РГБ совместной российско-китайской выставки «Чудесный мир лубка: народные картинки России и Китая XIX – начала XX в.», организованной совместно с Академией наук Российской Федерации. Это была третья аналогичная выставка. Первую устроил в 1913 г. Н. Виноградов, будучи тогда студентом Института живописи, ваяния и зодчества. На ней были продемонстрированы русские и китайские лубки, привезенные из Харбина и отличающиеся от русских яркостью и насыщенностью красок. Спустя месяц М.Ф. Ларионов организовал еще одну выставку, где были представлены подлинники не только лубка двух народов, но и иконописного жанра. Это было время расцвета русского примитивизма, годом рождения которого стал 1907 г., а его создателем по праву считается М.Ф. Ларионов. Выставка лубка и иконы, устроенная им, не была случайной. Она как нельзя лучше отобразила одну из интереснейших сторон творчества представителей русского авангарда первых двух десятилетий XX в. – фольклоризм, выразившийся, в частности, в обращении к жанрам народного искусства, а также к ряду традиционных народных изобразительных техник: от фрески до народной графики.

О фольклоризме в творчестве художников русского авангарда писалось не раз. Сами художники именно в связи своего искусства с теми или иными фольклорными источниками видели его национальную, русскую (российскую, как противопоставление западноевропейской) индивидуальность. Об этом открыто говорили и Н.С. Гончарова, которую назвали «рупором» русского примитивизма и авангарда, об этом писал один из художников объединения «Ослиный хвост» А.В. Шевченко в статье «Неопримитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения» в 1913 г. [1]. Тенденциям русского примитивизма в творчестве М.Ф. Ларионова посвящена часть книги Д.В. Сарабьянова [2]. Тем не менее основательного исследования фольклорных тенденций этого искусства пока нет, и в этой теме остается немало белых пятен. Мы предлагаем ограничить наше внимание творчеством таких ярких личностей русского авангарда, каковыми являются представители объединения «Бубновый валет», составившие затем творческую группировку выставок «Мишень», – М.Ф. Ларионов, его верная подруга по творчеству и супруга Н.С. Гончарова, К.С. Малевич, С.М. Романович и, безусловно, основатель абстракционизма В.В. Кандинский.

Даже в академическом искусстве, подчинявшем художников определенным правилам и нормам, у каждого мастера своя техника, свои излюбленные жанры или тематика, свой стиль. Что говорить об авангардистах, восставших против всяких канонов? Сложность исследования в фольклоризма их творчестве состоит в том, что ни один из них не подражал фольклору. За основу были взяты техника или жанр как идея, некие характерные тенденции, которым следовал художник, и конкретные задачи, которые он перед собой ставил. Кроме того, и представители объединения «Бубновый валет», одним из главных организаторов которого был М.Ф. Ларионов, и «Ослиный хвост»

в значительной степени испытали влияние западноевропейского авангарда. Более того, они отслеживали все новости художественной жизни, скупая и привозя в Россию журналы, публикуя и изучая манифесты западных коллег по кисти, активно подражали ему. Во многом проникновению новых идей искусства в Россию способствовал С.П. Дягилев, устраивавший выставки русского искусства в Париже, способствовавший зарубежным поездкам некоторых художников. И тем не менее русские живописцы, скульпторы, поэты стремились в буквальном смысле слова изобрести своё новое искусство.

Созданию благоприятных условий для рождения русского авангарда во многом способствовала культурная атмосфера России конца XIX – начала XX в. Речь идет о русском модерне Серебряного века.

В предчувствии глобальных перемен, которые принес XX в., общественная и художественная жизнь России напоминала кипящий кратер вулкана. Она пробуждала неутолимую жажду общения с искусством в качестве читателя, зрителя, слушателя, желание заниматься художественным творчеством, стремление участвовать в его жизни в роли мецената, организатора или члена художественного союза, клуба коллекционеров произведений искусства.

Примером может служить сложившееся еще в 1860 г. и просуществовавшее вплоть до 1918 г. Московское общество любителей художеств (МОЛХ). Оно объединило как художников, так и меценатов, коллекционеров, издателей, среди которых были П.М. Третьяков, Л.Н. Толстой, В.Д. Поленов, И.Е. Репин, С.Т. Морозов, В.П. Верещагин, И.Н. Крамской, Н.А. Касаткин, Л.О. Пастернак, Н.Н. Ге. Всего около трехсот участников. МОЛХ обеспечивало заказами молодых художников, помогало с организацией выставок, конкурсов, учреждало премии, занималось благотворительностью и оказывало материальную помощь престарелым живописцам.

Другую организацию – «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже» (1877–1917) – материально поддерживали не только меценаты, но и государство. Это общество выполняло очень важную функцию: оно знакомило заграничную публику с российским искусством. Кроме того, в «Русскую кассу взаимного вспоможения в Париже» могли обратиться за помощью обучающаяся во Франции художественная молодёжь, а также семьи русских художников. Его учредителями были банкир Г.О. Гинцбург, коллекционер А.Ф. Онегин, писатель И.С. Тургенев, художники М.М. Антокольский, А.К. Беггров, А.П. Боголюбов, Ю.Я. Леман. Они организовывали в своем Клубе рисовальные классы, проводили литературные чтения, концерты, предоставляли художникам мастерские для работы.

Нельзя обойти вниманием и Мамонтовский художественный кружок, известный также как Абрамцевский (1878–1893 гг.), объединивший множество творческих личностей вокруг известнейшего московского мецената и предпринимателя С.И. Мамонтова, живописца и педагога В.Д. Поленова, скульптора, а в дальнейшем академика Петербургской академии наук М.М. Антокольского и историка искусств, археолога и художественного критика А.В. Прахова. Среди них – художники В.А. Серов, К.А. Коровин, а также его брат Сергей, И.Е. Репин, мастера исторической живописи братья Васнецовы, старший из которых, Аполлинарий, известен еще и как фольклорный живо-

писец и архитектор, а младший, Виктор, был еще и искусствоведом. Мамонтов поддержал творчество непринятого тогда приверженцами академической живописи М.А. Врубеля, покупая его картины, что в дальнейшем открыло художнику дорогу в журнал и выставки «Мира искусства», а также – в «Ретроспективы» Дягилева и, наконец, позволило стать одним из ведущих модернистов первого десятилетия XX в. Мы не случайно остановились столь подробно на Мамонтовском кружке. Многие художники, входившие в него, станут учителями будущих представителей русского авангарда.

Кружок Мамонтова оказал значительное воздействие на формирование такой важной стороны искусства Серебряного века, как «неорусский» стиль.

Его особенность заключается в особом отношении к народному творчеству. Мамонтовцы серьезно занимались изучением народных ремёсел, а также многое сделали для их сохранения и возрождения. Так, в абрамцевских мастерских работала в технике резьбы по дереву русская художница, график, живописец, мастер декоративного дизайна, одна из первых художников-иллюстраторов детской книги в России, одна из основоположников стиля модерн в русском искусстве Е.Д. Поленова. Была в Абрамцево и гончарная мастерская, где воссоздавалась техника русской майолики, которая привлекала русских художников-модернистов Серебряного века М.А. Врубеля, В.М. Васнецова, А.Я. Головина, С.В. Малютина.

Результатом тщательного изучения русской традиционной архитектуры стали такие «экспонаты» музея под открытым небом Абрамцева, как русская изба, а также построенные по проектам В.М. Васнецова «Избушка на курьих ножках», церковь Спаса Нерукотворного Образа, возведенная с 1881 по 1883 г. архитектором П.М. Самариным по рисункам В.М. Васнецова и В.Д. Поленова; баня-теремок архитектора И.П. Ронета и др.

Осваивались здесь и традиционное шитье и орнамент. Для любительских спектаклей, в том числе и музыкальных, ставших началом Московской частной русской оперы, декорации, костюмы и афиши изготавливались самими художниками-кружковцами.

Общение с завсегдатаями дома Мамонтова взаимно обогащало и музыкантов и художников. Неорусизм «мамонтовцев» был созвучен народной тематике творчества Н.А. Римского-Корсакова. Его первая самостоятельно написанная опера «Псковитянка» в одной из переработанных версий была поставлена в 1896 г. на сцене Московской частной русской оперы уникальным творческим составом: дирижёр – Марио Барнарди, художник – В.М. Васнецов и К. Коровин, певец – Ф.И. Шаляпин. Неподдельный интерес Н.А. Римского-Корсакова к сказке и неукротимый поиск новаторских, поистине модернистских средств музыкальной выразительности для её музыкально-сценического воплощения также найдет параллели в творчестве целого ряда русских художников Серебряного века. Универсализм художественной деятельности мастеров, объединенных Мамонтовым, – от народно-прикладного искусства до исторической монументальной живописи, сценических костюмов и декораций до архитектурных проектов – станет характерной чертой большинства русских художников-авангардистов начала следующего столетия.

Прежде всего, эти тенденции характерны для «Мира искусства», имевшего также свой одноименный журнал (1898–1927). Его представители поставили под сомнение сами идеалы гармонии и красоты, их возможность существования в современном, насыщенном враждой и социальными противоречиями мире. Именно ощущения иллюзорности, нереальности, недостижимости этих идеалов в человеческом обществе приведут часть творческой интеллигенции к мысли о том, что красота возможна только в сознании и фантазии художника, способного её воплотить в художественных образах своих творений. Отсюда нежелание больше обращаться к социальной реальности, критика передвижников за их реализм, за их иллюстративность жизни, потребность ухода в мир мифа, сказки, аллегории, древней истории, давно ушедшего прошлого, стремление к ретроспективе. Отсюда, наконец, усиленные поиски нового стиля для нового искусства, которое должно выйти за пределы музея, должно стать частью действительности, частью бытия. И если окружающий мир – острый диссонанс и какофония, то и искусство должно стать созвучным ему.

Первые десятилетия XX в., буквально пропитанные дыханием предстоящих и свершившихся войн и трех революций, фатальных социальных катаклизмов, разрушивших прежний мир, а вместе с ним и духовные ценности, не могли не отразиться на мировоззрении людей искусства. Предчувствие надвигающихся мировых катастроф, которые принесёт с собой век двадцатый, было свойственно и западным художникам. Взаимообогащающие творческие контакты стали возможными, благодаря деятельности журнала «Мир искусства», совместным выставкам, устраиваемым различными товариществами, союзами и художественными объединениям. Этому во многом способствовало ставшее модным обучение русских художников за рубежом. Реализация лозунга о праве художника на самовыражение и всестороннее раскрытие своего таланта, на индивидуализм и свободу выбора средств, жанров, тематики и форм привели в итоге к возникновению новых направлений в искусстве. Интерес к новизне проявился, например, в том, что почти никто из молодых художников начала столетия не смог пройти мимо импрессионизма, как и весь модерн Серебряного века.

Еще одна черта того времени – характерная для многих творческих людей деятельностная всеядность, проявившаяся в абсолютном творческом универсализме. Примером может стать личность М. Врубеля, а также целого ряда современных ему молодых авангардистов, когда художник мог быть и поэтом, и мастером прикладного искусства, и автором костюмов и декораций для театральных спектаклей, и даже балетмейстером (подобно М.Ф. Ларионову в балетных постановках С.П. Дягилева).

Все эти тенденции в гиперболизированном виде проявятся в творчестве русских авангардистов. Сразу уточним, что под русским авангардизмом мы традиционно имеем в виду те произведения изобразительного искусства, которые в первое двадцатилетие XX в. воспринимались и, по сути, представляли собой новые, передовые тенденции, знаменовавшие явный уход от классической традиции. Этим он существенно отличается от русского модерна, течения которого щедро представлены искусством Серебряного века и которому изначально принадлежали художники-модернисты.

Первое двадцатилетие прошлого века – время полемики о дальнейшей судьбе отечественной и мировой живописи, а также поиска новых художественных средств. И авангардизм со всеми вытекающими из него течениями стал настоящей революцией не только в изобразительном искусстве, но и в музыке, литературе, драматургии. Испытывая и отражая явное влияние западноевропейского искусства, русский авангардизм отличается своей индивидуальностью. Более того, он осмысленно искал эту индивидуальность. Целый ряд новых идей, рассеянных в отдельных произведениях европейских живописцев, были схвачены, основательно переработаны и реализованы в новом качестве русскими художниками.

Таково значение творчества В.В. Кандинского, сумевшего в 1910 г. не только создать первое абстрактное произведение под названием «Первая абстрактная акварель», но и обосновать концепцию абстракционизма («*abstractio*» – отвлечение, удаление) в трактате «О духовном в искусстве», написанном на немецком языке (опубликован в 1912 г.), фрагменты которого, переведенные на русский, были прочитаны Н.И. Кульбиным в декабре 1911 г. на Всероссийском съезде художников в Петербурге. Абстракционизм получил также и другие названия – «беспредметное искусство», «искусство под знаком “нуля форм”».

В.В. Кандинский тогда выдвинул в качестве основополагающего фундамента искусства его духовное содержание, сокровенный внутренний смысл, выражением которого является композиция, основанная на ритмическом использовании и психофизическом воздействии цвета, контрастах динамики и статики. Свои абстрактные работы В. Кандинский группировал по циклам: «Импрессии», «Импровизации» и «Композиции». В них ритм, эмоциональное звучание цвета, энергичность линий и пятен были призваны выразить мощные лирические ощущения, сходные с чувствами, пробуждаемыми музыкой, поэзией, видами прекрасных ландшафтов. Не случайно его беспредметные композиции сравнивают с музыкальной оркестровкой.

Творчество русских художников-абстракционистов представлено различными течениями и техниками, некоторые из которых были ими же и созданы. Так, М.Ф. Ларионов стал изобретателем русского примитивизма, или неопримитивизма, и лучизма с его идеей особой передачи цвета, когда любой предмет воспринимается как совокупность световых лучей, красочных точек их пересечения. Это поистине уникальное течение проявится и в картинах его жены Н.С. Гончаровой. Эта супружеская пара не ограничивалась лучизмом. Ей был присущ творческий интерес и к другим техникам русского авангарда. Что касается лучизма, то он привлек и М.В. Лё Дантю (1891–1917), самого загадочного и до сих про не изученного талантливейшего художника, трагическая судьба которого постигла и большинство утраченных его творений. К лучизму примкнули художники объединений «Лучисты и будущники» (1912–1914) и «Ослиный хвост» (1912–1913), отпочковавшийся от ранее созданного «Бубнового валета». Из «лучистов и будущников» самым творческим долгожителем направления, соединившим лучизм с фигуративной картиной и с мощной экспрессией в своих пронзительных по воздействию и высочайших по мастерству мистических произведениях 1950–1960-х гг., был С.М. Романович (1894–1968).

Русский кубофутуризм – еще одно направление, порожденное на русской почве, объединившее кубизм и футуризм – возник также в начале 1910-х гг. (было две выставки в 1915 г.) и окончательно изжил себя уже к 1920-м гг.

Одним из направлений авангардного искусства был футуризм (от лат. futurum – «будущее»). Он обязан своим появлением на свет итальянскому поэту Ф. Маринетти (1876–1944), автору первого манифеста футуризма, опубликованного совместно с художником Дж. Балла 20 февраля 1909 г. в парижской «Фигаро». Его основные идеи – отказ от культурного наследия прошлого вплоть до его полного разрушения и уничтожения, милитаристская, шовинистическая тематика, стремительность темпа жизни, отразившаяся, например, в телеграфном стиле текстов. В произведениях изобразительного искусства Дж. Северини, Л. Руссоло, Дж. Балла, К. Кара, У Боччьони была попытка отобразить впечатления человека, живущего в современном городе.

Для современника футуризма кубизма (от фр. cube – «куб») характерно изображение реальности в образах условных геометризированных, подчеркнуто примитивных форм. Более того, каждый предмет сам по себе также разбирается на формы. Появлению этого направления искусство обязано французскому художнику, графику, сценографу, скульптору и декоратору Ж. Браку (1882–1963), проделавшему путь от фовизма к кубизму, а также испанскому художнику, скульптору, графику, театральному художнику, керамисту и дизайнеру Пабло Пикассо (1881–1973). Классическим программным произведением кубизма с полным отсутствием светотени и перспективы считаются его «Авиньонские девицы». Кубисты стремились передать в абстрактном показе изменчивость предмета даже в течение одного мгновения.

В России оба направления объединятся в «кубофутуризм», проявившись как в поэзии (В.В. Хлебников, А.Е. Крученых, В.В. Маяковский), так и в живописи (А.А. Экстер, Н.А. Удальцова, В.Е. Татлин, О.В. Розанова, И.А. Пуни, Л.С. Попова, К.С. Малевич, И.В. Клюн, К.Л. Богуславская) и плавно перейдя в супрематизм. Кубофутуризм нашел отражение в творчестве М.Ф. Ларионова и Н.С. Гончаровой. Художники иллюстрировали сборники поэтов, выполняя литографии, рисовали кубофутуристические пейзажи. Сохранилась фотография Н.С. Гончаровой с раскрашенным лицом в технике кубофутуризма. Это была одна из кубофутуристических эпатажных акций, придуманная супругами, ставшая прообразом современного боди-арта. Интересен факт, что основатель футуризма Ф. Маринетти приезжал в Россию. И был неоднозначно встречен. Некоторые представители «Бубнового валета» пытались заявлять о том, что в России футуризм был создан раньше европейского, в 1908 г.

Один из основателей русского абстракционизма – К. Малевич, убежденный в те годы в том, что традиционная живопись полностью изжила и исчерпала себя. Испытав сильное влияние полотен Пита Мондриана и В. Кандинского, он стал создателем еще одного русского направления авангарда – супрематизма (от лат. – «последний», крайний», «наивысший»), в котором стремился найти «высшую реальность» в геометрическом конструктивизме (или абстрактивизме). Этим термином К. Малевич назвал и группу своих абстрактных картин, представленных на выставке «Ноль-десять». Форма квадрата стала для него концентрацией всех законов бытия, а единственными предметами картин – линии и геометрические фигуры, которыми художник

выражал отсутствие искусства в искусстве, его «приближение к нулю», наступление времени «беспредметных ощущений и эмоций». Каноны супрематизма будут пропагандироваться созданной К. Малевичем группой «Утвердители нового искусства» (УНОВИС). Представители этого течения – художники А. Родченко, А. Древин, Н. Генке, И. Пуни, Н. Суетин, А. Экстер, Н. Удальцова, И. Клюн, Л. Попов, О. Розанова.

Ярким представителем еще одного, характерного для России направления авангардного искусства – конструктивизма стал Владимир Татлин. Так как время его развития пришлось уже на 20-е гг., выходящие за пределы периода, обозначенного нами темой статьи, нами он упомянут лишь для полноты картины русского абстрактного искусства. Скажем лишь, что возник конструктивизм как одна из попыток создания нового искусства для новой страны, вместо искусства для искусства конструктивисты выдвинули идею искусства для производства, отвечающего запросам общества. Изначально данное направление появилось в архитектуре в 1921 г. Яркими представителями являются В.Ф. Степанова, А.М. Родченко, К.К. Медунецкий, А.М. Ган.

Важная сторона творчества этих мастеров – их новаторское, необычное, авангардное обращение к фольклору. И проявляется эта тенденция в русском неопримитивизме.

Фольклор – не только основа любой национальной культуры, но и неистощимый источник вдохновения художников. Особый интерес к народному творчеству возникает в периоды роста национального самосознания, становления государственности, когда требуется особый подъем чувства патриотизма или осознания своей неповторимости или уникальности. При зарождении новых культурных эпох поиски новых идеалов в искусстве также зачастую начинаются с обращения к фольклорным сюжетам, мотивам, образам.

Каждый период русского искусства характеризуется своим, особенным отношением к фольклору. Приведем примеры.

Для второй половины XIX в. обращение к фольклору означало:

Во-первых, его собирание, запись и изучение. Такова была в изобразительном искусстве и архитектуре деятельность уже упомянутого Абрамцевского кружка; в музыке и литературе – изданные сборники народных песен, текстов народной поэзии и прозы, описание народных обрядов, составление словарей и т.д.

Во-вторых, прямое цитирование или стилизация под фольклор в творческом процессе:

– освоение профессиональными художниками техник народных ремесел, применение элементов народного декора в профессиональном творчестве;

– постройка зданий в стиле народной архитектуры, в том числе и сказочной;

– в музыке – цитирование народных песен с текстами, обработки народных мелодий, стилизация под народную мелодику, голосоведение, многоголосие;

– в театре (в том числе и музыкальном) – включение стилизованных народно-обрядовых сцен в драматургию произведения;

– воспроизведение сюжетов фольклора и древней истории.

В-третьих, реалистичный показ народной жизни, его социально-классовых проблем.

В-четвертых, пейзаж и обращение к героическим сюжетам как проявление национального и государственного. Например, пейзаж – сельский, лесной, городской – виды русских городов как воплощение темы любви к Родине и малой родине, как проявление сопричастности к народу, родной природе.

В период русского модерна намечаются новые тенденции, связанные с творческим преломлением фольклора, многие из которых перейдут и в абстракционизм:

– обращение к историческим и сказочным сюжетам, к давно ушедшей старине как эталону красоты и гармонии;

– иллюстрация сказок, былин, народных песен как отказ от современной реальности;

– применение техник древней фрески, иконописи для воплощения мистических сюжетов и образов, а также как декорационного средства при оформлении интерьеров;

– обращение к восточной тематике как противопоставление европейской цивилизации;

– театрализованные ретроспективы, связанные с воспроизведением образов отечественного искусства в синтетических жанрах оперы и балета, создание сценических костюмов и декораций с использованием фольклорных сюжетов, образов, стилей, и превращение их в самостоятельный, полноправный вид искусства. Пример – творчество Дягилева и художников Н.С. Гончаровой, С.Ф. Ларионова.

Сложность и увлекательность исследования проявлений фольклора в творчестве русских авангардистов заключается в нестандартности его присутствия в их произведениях. Русский неопримитивизм не был искусством одного конкретного народа, и даже одной конкретной страны. Он синтетически спаял в себе самые разнообразные тенденции – от западного примитивизма и фовизма до любительского наивного искусства и собственно фольклора. Идеи французского фовизма и примитивизма проникают в русское искусство начиная с первых выставок «Бубнового валета».

Необходимо заметить, что примитивное искусство было известно и во времена раннего Ренессанса. А сам термин появился в XIX в. Французские художники рубежа столетий, стремясь следовать нормам искусства «примитивов», в своих картинах изображали образ жизни, быт и обряды аборигенов островов Океании, Африки и др., которых считали «отсталыми» народами, т.е. не охваченными западной культурой. «Дикая» экзотика стала для них источником для творческой фантазии и новых цветовых решений. Яркий пример – творчество П. Гогена. С другой стороны, под примитивом понимается первобытное искусство – плоские наскальные и пещерные рисунки – петроглифы, образы которых прослеживаются у А. Матисса и А. Дерера.

Не менее значительным становится воздействие наивного искусства, искусства непрофессиональных художников, его техники, образов и жанров. Речь идет о наивном искусстве – Art Naive, иначе называемом «Живопись семи воскресений в неделю», что означает творчество людей, в душе остающихся детьми. Европейские профессиональные художники-примитивисты

стремились передать в картинах особенности взаимоотношений членов родовой общины. Таковыми являлось четкое разделение роли женщин и мужчин, взрослых и детей. Так, в наивном искусстве взрослые изображались угловато-квадратными с укороченными телами и простодушно-наивными лицами с глазами младенцев, а дети – крупными, почти гигантами с глазами стариков, для которых родители были маленькими куклами.

Примитивизм в той или иной мере представлен как творчеством экспрессионистского, так и рационалистских течений. Одним из его создателей считается французский живописец, скульптор-керамист и график Эжен Анри Поль Гоген (1848–1903). Крупнейший представитель постимпрессионизма, он значительную часть своей жизни провел в Перу и в Океании. Именно там Гоген столкнулся с образом жизни, бытом, верованиями и искусством народов, считавшихся в его время «культурно отсталыми». Культуру народов Океании, как бы остававшихся в периоде «детства человечества», он считал не только достойной внимания, но и значительно выше европейской, так как в ней он видел гармонию человека и природы. Самые лучшие его полотна относятся именно к этому периоду. В чем проявлялся примитивизм Гогена? Прежде всего, в упрощенных линиях и насыщенном цвете. Фигуры его живописных полотен статичны, плоски, световые блики сведены до минимума. Сюжеты преимущественно бытовые. В них внесены мотивы легенд, верований и народной мифологии («Пробуждение духа мертвых» (1892); «Забавы злого духа» (1894).

Необходимо отметить, что импульсом для возникновения русского неопримитивизма в России стало посещение М.Ф. Ларионовым в 1906 г. Парижа по приглашению С.П. Дягилева для оказания помощи в устроении русских выставок. Это было время расцвета фовизма во Франции. Наиболее известной и скандальной в истории искусства была Осенняя выставка 1905 г. На ней в одном из залов представили свои работы А. Маттис, А. Дерен и др. С 1905 по 1907 г. на Осенних салонах выставлялись также их единомышленники по стилю А. Марке, Ш. Камуан, Л. Вальта и еще более десятка художников, вдохновленных постимпрессионистами Ван Гогом, П. Сезанном и П. Гогеном. Впоследствии творческие дороги этих художников разойдутся. Но тогда их произведения произвели такое шокирующее впечатление, что критик Л. Восель за экзальтированную, «дикую» яркость и сочетание красок назвал художников дикими зверями (les fauves). Отсюда название этого направления «фовизм». При этом сами художники отвергали отнесение их к дикарям. Они выступали за предпочтение цветовой гаммы, право художника манипулировать изображаемыми фигурами и объектами.

К характерным чертам фовизма как направления в живописи относят непривычную декоративность, насыщенность мазка, выразительность, экспрессивную интенсивность чистого цвета без привычной комбинации тени и света, энергичную подчеркнутость контура, отказ от линейной перспективы, упорядоченный хаос пространства, эмоциональность видения сюжета. Все изображаемые образы – природа, люди, окружающие пространство – были для фовистов лишь предметами, призванными передать мысль художника. Тем не менее до полной абстракции они не доходили. Лица их героев могли быть неестественно зелеными, желтыми. Объясняя это, А. Матисс (1869–

1954) говорил: «Я рисую не женщину, а картину». Для одних его картин, написанных в стиле фовизма, характерны плоскостность, застывшая статичность фигур при минимальном количестве окружающих деталей и насыщенно-яркой и контрастной цветовой гамме, («Разговор» (1909), «Сидящий Риффиан» (1913), черты лица персонажей лишь схематично намечены («Семейный портрет» (1914). В других работах эти же изобразительно-выразительные средства сочетаются с динамичными позами лежащих, стоящих, поднимающихся, идущих, танцующих людей с контурами фигур, обведенными контрастным цветом (черным, красным). Например, картина «Радость жизни» (1905–1906), в которой наивность превращается в первобытную дикость, неистовство страсти. Кстати, на заднем плане этой картины художник изображает круговой танец обнаженных людей. Именно он, решенный в ином цветовом ключе (сине-зеленый фон), с меньшим числом участников (пять вместо шести) и в обратном направлении движения (против часовой стрелки) будет повторен в другом его произведении «Танец» (1909).

В год пребывания М.Ф. Ларионова в Париже выставлялись и картины уже покойного Поля Гогена, творчество которого наконец-то получило признание. Таким образом, попав в сгусток новых течений и споров о них, М.Ф. Ларионов начинает свой путь в живописи, первой вехой которого станет созданный им русский неопримитивизм (1907). В своих новациях он шел не от случая, а через глубокое осознание того, что он делает, к какой цели идет. Это был мастер, который, стремясь найти пути нового искусства, основательно и на высочайшем уровне мастерства творчески изучил, проработал все имеющиеся в его время техники. Если кто-то искал себя в стиле, другие – стиль для себя, то М.Ф. Ларионов был способен писать только так, как считал нужным, и делал он это не потому, что это модно, а потому, что был убежден в том, что только так следует написать тот или иной сюжет, тот или иной образ. Все повороты в его творчестве были обоснованными. Он шел к цели даже тогда, когда его уход в другую область делал его оппонентом по отношению к бывшим товарищам по искусству. Достаточно напомнить, что его учителями были И.И. Левитан, К.А. Коровин, В.А. Серов, кроме того, в раннем периоде творчества на него оказало заметное влияние искусство П.В. Кузнецова, В.Э. Борисова-Мусатова, М.В. Нестерова. В студенческие годы он выставлялся на выставках «Мира искусства», «Союза художников», «Передвижников», «Бубнового валета». Преследуя новую идею, он создавал новые товарищества, объединения, выставки, всегда находя единомышленников. Будучи великим «кулибиным» в изобретении стилей и техник живописи, М.Ф. Ларионов сумел апробировать разносторонние идеи примитивизма практически во всех жанрах, в которых работал. Он увлеченно экспериментировал, смешивая, подобно краскам на палитре, те или иные акценты примитивизма с уже изобретенными техниками. Именно в этой области наиболее последовательно прослеживается фольклоризм живописи русского авангарда. М.Ф. Ларионов и его единомышленники не отказались от ярких цветовых находок фовизма. Напротив, для них Восток с его экзотической цветистостью был своим, почти родным, тем, что отличало русских от европейцев.

Многие абстракционисты обращались к наивному искусству, олицетворявшему искренность, непосредственность выражения народно-эстетических представлений, не испорченных цивилизацией. Тем более что в многонациональной Российской империи был свой уникальный грузинский художник-самородок Нико Пиросмани (Н. Пиросманашвили), занимавшийся в основном оформлением вывесок и изготовлением панно для питейных заведений, кабачков и ресторанчиков Тифлиса. Братья-футуристы – поэт Илья и художник Кирилл Зданевичи, близкие к М.Ф. Ларионову и Н.С. Гончаровой, заметили необычное творчество Пиросмани в 1912 г. Они не только начали пропагандировать работы мастера, но и купили у него большое количество картин, в том числе и выполненные на заказ. Кроме того, 10 февраля 1913 г. опубликовали статью о нем в московской газете «Закавказская речь» и в тифлисской – «Закавказье», а также выставили часть его картин на Московской выставке художников-футуристов «Мишень» наряду с картинами Ларионова и Гончаровой. Образы творчества Н. Пиросмани оказались близки образам крестьянских циклов Н.С. Гончаровой («Беление льна» (1908), «Жнецы» (1911) и др.) и К.С. Малевича («Садовник» (1911), «Жнец на красном фоне», «Крестьянка с ведрами и ребенком» (1912) и др.). Их крестьяне – широкотелые, трудолюбивые, по-детски наивные, твердо стоящие на земле крепкими, зачастую босыми ногами, будто бы врастая в неё.

Русские аванагардисты охотно обращались и к примитивизму первобытной наскальной графики, о чем будет сказано ниже. К фольклорным тенденциям восходит и их работа в техниках фрески и иконописи. М.Ф. Ларионовым была буквально открыта для профессионального творчества такая область народной графики, как лубок, вывеска, казарменная живопись, а также настенные и заборные рисунки, включая граффити. На выставке «Мишень» 1912 г. демонстрировались произведения художников-самоучек и детские рисунки, графика, образы которых явно присутствуют в тех или иных произведениях художников русского авангарда. Часто встречающиеся в их работах схематичные домики (плоский квадрат стены с крестом окна, треугольник крыши и труба, с возможно уходящим вверх дымком), «косматые» солнца, скелетообразные ветки деревьев, похожие на облака кроны деревьев и прочие детали – это подражание художественному детству.

Из всех перечисленных видов подробнее остановимся на лубке, жанре, взятом на вооружение многими художниками русского авангарда в качестве идеи противопоставления академическому искусству, предназначенному для музеев и салонов, понятному узкому кругу ценителей и знатоков, подлинно народного искусства, доступного широким массам. Наряду с рекламной и ярмарочной вывеской он занимал одно из ведущих мест, преломляясь в крайних проявлениях абстрактного искусства, вплоть до беспредметных композиций.

В словарях даются и другие наименования лубка – лубочная картинка, лубочный лист, потешный лист, простовик. Лубочные картинки первоначально рисовались от руки, снабжались пояснительными текстами. Подобные картинки были известны еще в XV столетии в странах Древнего Востока (Китай, Индия) и в Западной Европе. По мере изобретения множительной техники лубки принимали форму ксилографии, медной гравюры и литографии, но раскрашивались («цветились») только вручную, детьми и женщинами.

В Россию первые эстампы проникли примерно в XVI столетии вместе с иностранными гостями и получили название фряжских потешных листов из-за рисунков неприличного содержания. Очень скоро лубок становится видом распространения любой информации и завоевывает всенародную любовь. Лубки нарезались народными кустарями-умельцами. Они живо реагировали на любое событие – культурного, политического характера. Но особенно были популярны листки, на которых печатались лики святых и их жития, изображения персон царской фамилии, народные сказания и сказки, олицетворенные тексты популярных народных песен и многое другое. Отсюда и весьма разнообразные типы лубков в зависимости от информации, которую они содержали:

–. духовно-религиозные, с рисунками в византийском стиле (иконный тип изображений с житиями святых, притчами, нравоучениями, песнями и т.д.);

– философские;

– юридические, с изображением судебных процессов и действий («Шемякин суд», «Повесть о Ерше Ершовиче»);

– историко-географические («Умильные повести» из летописей, изображения исторических событий, битв, а также виды городов и топографические карты);

– сказочно-мифологические (богатырские, волшебные, житейские сказки, «Повести об удалых людях» и др.);

– праздники;

– конница (всадники) и солдаты;

– балагурники – потешные сатирические, карикатурные лубки побаски.

Лубки распространялись «офенями» – мелкими торговцами розницы, коробейниками или лубочниками. Они охотно раскупались и бережно хранились, часто наклеивались на стенах в домах. Простодушные, наивные, снабженные плоскими цветными рисунками, часто близкими тем, что украшали предметы народного прикладного искусства, они отличались композиционной цельностью и предназначались не только для простонародья, но и для других слоев населения. Примерно с 1820-х гг. в России появляются семьи предпринимателей (в Москве – Ахметьевы, в Мстере – Голушевы и др.), выпускающие лубки поточным способом, иногда превращая их в профессиональный вид рекламы. Это постепенно привело к утрате лубком своей кустарно-фольклорной основы.

Профессионально занимался изучением русского фольклора в годы учения В.В. Кандинский. Он даже совершал этнографические экспедиции на Волгу. Примерами фольклорных тенденций могут служить произведения, в которых он обращается к образам Востока, Древней Руси и народных преданий. Из ранних произведений сюда можно отнести жанровую сцену «Древняя Русь» (1904), выполненную в стиле постимпрессионизма, а также мифологическую сцену «Двое на лошади» (1906), выполненную в подражание технике древней мозаики. Эта техника будет прослеживаться и в более поздних абстрактных, беспредметных работах, таких как «Красочный ансамбль (1938). В гравюре в стиле модерн «Прощание» (1903), навеянной темами рыцарской мифологии, при минимальном изображении природного фона и схематичных черт лица юноши художник тщательно прорисовывает

элементы одежды героев, вплоть до складок женского платья, а также богатую сбрую коня. Влияние фовизма прослеживается в сочности красок и экзотичности восточных сцен, вплоть до желтых, красных и даже зеленых пятен вместо лиц, в подчеркнутой примитивности рисунка в пейзаже «Арабы. Кладбище» (1909) и жанровой сцене «Ипровизация № 6 (Африканское)» (1909). Ряд работ художника рождает ассоциации с лубочными картинками. Это пейзажно-жанровая сцена «Синяя гора» (1908), ассоциирующаяся с народными гуляниями, хороводами и катанием на конях, а также «День всех святых» (1911). На этой картине как будто бы воссоздаются образы лубков о церковных праздниках. Центральные персонажи – «все святые» – крошечные, почти безликие фигурки с цветными нимбами над головами, плывущие в черной ладье по синим водам реки. Из носа ладьи растет огромный оранжево-желтый цветок, напоминающий подсолнух, в центре которого сидит паук. Лапки паука на фоне головы подсолнуха не что иное, как образ солнца. Само же солнце-красное, выглядывает из-за дальних гор. О празднике оповещает гудящий в дудку гигантских размеров по сравнению со «святыми» Скоморох. Это своеобразная попытка в одном лубке отразить мировоззрение целого народа. Произведения «Железная дорога в Марнау» (1909), «Лошади» (1909) тоже близки к лубочным картинкам. А вот в «Импровизации» (1910) пересекающиеся разноцветные линии создают очертания домиков, словно сошедших с детских рисунков.

Техника русской церковной живописи – фрески и иконописи – еще одна сторона русского модерна и авангарда. Здесь уже примитив понимается в значении древний, изначальный, первобытный, старинный. Одна из ярких представительниц этого направления – русский живописец, график, театральный художник Н.С. Гончарова (1881–1962). Она считала, что язык изобразительного искусства должен быть понятен, доступен, прост. Возможно, поэтому её творчество так легко вписалось в рамки русского примитивизма. Она активно пропагандировала идею противопоставления миру машин и каменных городов светлых, искренних, естественные образов народных мастеров, призывала «не следовать традиции», а «жить в традиции». Как для Ларионова и многих других русских художников и поэтов-авангардистов, для Н.С. Гончаровой Россия и Восток были неделимы. Восток для них всегда считался родиной истинного искусства, а не далекой экзотикой с «отсталыми» народами. Россия через Восток противопоставлялась Западу, утратившему подлинную первобытность народной традиции. Символом же Востока Гончарова выбрала павлина как олицетворение бессмертия, восточной яркости, наслаждения жизнью, жа́ра. Окраску павлиньего оперенья она сравнивала с неиссякаемой энергией жизни. Ею создано множество павлинов в различных техниках, вплоть до имитации техники вышивки.

Как и М.Ф. Ларионов, художница испытала на себе влияние и кубизма, и футуризма, прекрасно овладев техникой лучизма, она участвовала во всех выставках авангардного искусства. И все-таки единственным способом создания надындивидувльаного, надличного искусства считала фольклорные традиции, к которым причисляла и религию. К образам первобытных языческих верований наших предков (каменные бабы, старинные обряды), равно как и к образам святых и апостолов Церкви Гончарова относилась с искрен-

ним почитанием и любовью. Для нее это были образы, не затронутые цивилизацией, а потому священные. Она старалась вжиться, проникнуть в дух древних верований, смотреть на них глазами души самих крестьян. Исследователи нередко обращают внимание на близость творчества Н.С. Гончаровой поэзии В. Хлебникова, чьи стихи она иллюстрировала.

Примером работ, выполненных в технике иконописи, являются религиозная сцена «Рождество» (1910), футуристическая акварель «Иконописные мотивы» (1912), «Четыре Евангелиста» (1914), считающиеся одной из выдающихся вершин её творчества. Надо сказать, что Гончарова мечтала иллюстрировать Библию. Библейские образы она помещает в нехарактерное для икон окружение и допускает вольности в трактовке сюжетов.

В «Рождестве» Богородица возлежит на деревянной кровати, младенца Иисуса принимают у нее и поклоняются ей не волхвы, а женщины-мироносицы. Возможно, этот мотив был выбран потому, что Богородица на Руси считается самым почитаемым библейским женским образом и поклоняются ей прежде всего женщины.

Диптих «Иконописные мотивы» вообще выполнен в стиле лубка или, что более вероятно, расписных ставень, «створки» которых – изображение Рождества и Поклонения Христу. А верхний, полукруглый наличник, равно как и нижний, а также фон «створок» для евангельских образов – все это крестьянская символика. Ветка кедра (или сосны), согнутая в форме подковы («на удачу»), цветущие деревья и травы, плодородные поля. По углам – символы вселенной – «красно солнышко и ясный месяц». Так, икона превращается в предмет декоративно-прикладного народного искусства. Рисуя костюмы к балету Л. Мясина «Литургия» по заказу С.П. Дягилева, Н.С. Гончарова изображает героев в хара́ктерном движении. Так, образ св. Луки, склоненный с протянутыми для благословения ладонями, как будто бы составлен из геометрических фигур и лучей. Интересно, что присутствие Бога здесь показано свечением, рассеивающим сине-фиолетовый фон вокруг рук евангелиста, а позади его коричневой мантии с ярким восточным узором – фиолетовый мрак. Шестикрылый Серафим решен в серебряно-золотисто-красной световой гамме и изображен с руками, которых у этих ангелоподобных существ нет. К религиозным сценам можно отнести и жанровые сцены из еврейской жизни: «Шабат» (1910), «Старец с семью звездами. Апокалипсис» (1910). Особо впечатляют силой первобытной мощи произведение «Каменная дева» (1908), которое, как и тетраптих «Евангелисты», выполнен в духе наива. Не стилизация фольклора, а вживание в него, не копирование, а осмысление народной эстетики, её сопричастности к всеобщим законам бытия. Отсюда преобладание жанровой живописи, возвращение жанровости на арену искусства. К сожалению, рамки статьи не позволяют глубже рассмотреть творчество этого замечательного мастера, высшим достижением которой стали работы в области авангардного декорирования. Эта тема достойна отдельного исследования.

Совсем иное применение образов древних фресок – творчество раннего К.С. Малевича, его «Эскизы фресковой живописи» (1907). Для людей, у которых имя Малевича ассоциируется только с супрематизмом, встреча с этими полотнами художника, написанными им в преддверии периода авангарда,

может вызвать по меньшей мере удивление. Чем же примечательны эти картины, помимо завораживающего золотого свечения и присутствия иконной техники, на первый, беглый взгляд создающие ощущение встречи с чем-то далеким и возвышенным? Кажется, что молодой Малевич искренне стремится, подобно многим представителям модерна, уйти от действительности в прошлое, в древнюю, давно ушедшую старину, к истокам, к корням. Однако это ощущение всего лишь обман. Буквально преисполненные хорально-возвышенным звучанием картины на поверку оказываются саркастической усмешкой художника. При взгляде на плоские, бестелесные фигуры с нимбами вокруг очертаний голов кажется, что это лики апостолов или святых. Но на самом деле мы видим лишь обнаженные мужские и женские фигуры, напоминающие светящиеся тени. В них всё призрачно, нереально и так далеко от целомудренности и религиозного аскетизма!

Будущего художника-абстракциониста выдает множество деталей: излюбленная и воспетая Малевичем и столь сложная для художников форма квадрата, в который вписана «фреска» (и другие эскизы тоже имеют эту форму); обилие вертикально-параллельных полос, изображающих стволы деревьев, но кажущиеся потоками стекающей воды; ритмичность и декоративность картины. Наконец, само присутствие псевдоправедников, их лицемерно-слащавая манера сродни отрицанию канонов, характерному для модерна и еще более типичному для авангарда начала века.

Нельзя не заметить сходство с языческими верованиями и обрядами сюжетов эскиза «Торжество неба», а также «Молитва» с изображенной обнаженной девичьей фигурой в позе плачущей и кающейся грешницы. Почти демонически воспринимается выдержанный в иконной традиции изображения ликов святых «Автопортрет», который, по мнению более поздних исследователей, считается на самом деле портретом старшего друга художника, ставшего вскоре его учеником и последователем в направлении супрематизма И.В. Клюнкова (художественный псевдоним Клюн). Именно Клюн и подал Малевечу идею обратиться к фреске. Вообще картины, приближенные по стилю к живописным панно, стенным росписям или гобеленам, создавались символистами П. Кузнецовым, П. Уткиным, братьями Милиоти. Это один из символистских жанров монументально-декоративного искусства того времени. Малевич не единственный представитель русского авангарда, которого интересовала тематика религиозного мистицизма.

Например, с искусствоведческой точки зрения интересно творчество С.М. Романовича. С.М. Романович (1894–1964), ученик Н. Касаткина, А. Архипова, К. Коровина и др., в 1912–1914 гг. сблизился с М. Ларионовым. Он стал активным членом объединения «Лучисты и будущники» и участвовал в выставках «Мишень» 1913 и 1914 гг. Драматично сложилась творческая судьба этого потрясающего художника. Вырванный войной из круга друзей-художников, вынужденный жить в условиях нового Советского государства, он нашел себе применение и завоевал заслуженное призвание как оформитель. Тяга к монументально-декоративному искусству, характерная для представителей русского модерна и авангарда, по иронии судьбы превратилась для него в способ добывания куска хлеба. А открытые в свое время его друзьями-авангардистами такие виды народного искусства, как вывески

и таблички, станут одним из основных его «творческих» заработков: он будет на заказ рисовать таблички для домов и улиц. Но все эти «уступки» обстоятельствам позволили художнику втайне отдаваться самому сокровенному искусству – созданию полотен на сюжеты Священного Писания. Находясь в духовном одиночестве, оторванный от единомышленников, он сумел проделать путь от авангарда к мистическому реализму, последовательно сохранив и технику лучизма, и другие приемы абстракционизма. В них ни на йоту не проявляется сарказм К. Малевича. Искренняя религиозность, щемящая душу боль пронизывают одну из его поздних работ – наполненную высокой эмоциональной экспрессией картину «Возложение тернового венца». На ней, слева от залитого потоками крови лика Иисуса Христа, боль и страдания, которого нашли выход в его измученно-человеческом взгляде страдальца, изображен завуалированный лучами полос краски еще один лик – полупрофиль самого художника, сострадающего Богу и тоже страдающего.

Многочисленные грани неопримитивизма представлены творчеством М.Ф. Ларионова. Об этом раньше других написал в своей брошюре о примитивизме А. Шевченко в 1913 г. [1]. Тем не менее многие стороны творчества этого удивительного художника еще не изучены и не раскрыты. Это касается в том числе и фольклоризма его живописи. Сюжеты его произведений самые разнообразные: от анимализма до пейзажа, от жанровой живописи до лубка и казарменной графики, от театральных декораций и костюмов до «парикмахерских», от портрета до ню. И везде в той или иной степени можно встретить различные грани примитивизма.

Мы остановимся на наименее описанных в литературе жанрах – пейзаже и лубочном цикле «Времена года», представленном вместе с циклом «Венеры» на выставке «Мишень» 1912 г. Ранний Ларионов был автором великолепных постимпрессионистских пейзажей.

Его «Пейзаж под снегом» (1899), наполненный голубоватым свечением зимних сумерек, превращен в бытовую сценку. Мы видим фигурку идущего человека, несущего мешок, его согнутое тело создает ощущение преодоления порывов зимнего ветра и тяжести несомого груза. Картина рождает ассоциации с предначертанием уготованной каждому человеку судьбы – самостоятельно нести «свой крест», наперекор невзгодам жизни.

В импрессионистской манере выполнены и следующие три пейзажа – «Сад» (1904), «Сад весной» и «Акации весной». В первом из них присутствие деревьев мы видим лишь в отражении их стволов на как будто бы кипящей сине-фиолетовой поверхности воды – не то река, не то мокрая от падающего дождя дорога. Лишь по краям картины видна увядающая зелено-желтая листва. В весенних пейзажах – буйство красок, ощущение бесконечной глубины и пространства, света и воздуха, синевы неба, полноты природной жизни.

Совсем иной стиль в городском зимнем пейзаже «Деревья на фоне дома». Здесь пространство как будто бы укорачивается, урезается. Прямо за двумя обнаженными деревьями – персиковая стена дома с зияющей чернотой окна. Исчезло небо. Присутствие солнышка выдают лишь откидываемые деревьями тени, словно упирающиеся в стену дома и ползущие по ней вверх. Художник тщательно выписывает не только каждую ветвь деревьев, но и полоску тени, которую дает даже самая тоненькая веточка.

Пейзаж «Закат после дождя» (1908) – это уже примитивизм. Жанр пейзажа здесь соединен с бытовой сценкой: скучающий возница, спешащий пешеход. Картина максимально приближена по стилю к детским рисункам. И форма дома, и забор, и схематичные стволы деревьев, и элипсо- и ромбообразные мазки, обозначающие листву, которые перекликаются с синими пятнами луж. Все изображения плоские. Фигурки людей, лошади, телеги схематично намечены, почти не прорисованы детально. Цветовая гамма построена на перекличке синего неба с сиреневатыми всполохами от заката и сиреневой землей с синими лужами. В центре – полоса зелени, которая взрывается по-фовистски ярко-желтым пятном кроны дерева, по форме напоминающей осенний дубовый лист, а также пятнами поменьше – кустарниками, квадратные контуры которых обведены темным цветом. Это примитивизм, близкий детскому фольклору или лубочным картинкам. Но насколько мастерски решён он в цветовом и композиционном плане! Две пейзажные литографии 1912 г. «Город» и «Улица» представляют нам уже Ларионова-абстракциониста.

В первом случае в пересечениях линий-лучей (лучизм) высвечивается фигура розового трамвая и как будто бы обгоняющего его извозчика. Фоном становятся темные и желтоватые полосы и пятна – не то крыши, не то столбы, не то окна домов. Другой пейзаж – двухъярусный. Внизу – выполненное в технике лучизма «дерево», стоящее рядом со стеной дома – единственное выжившее в условиях каменного города существо, слева – еще два дома. Это начало улицы. Далее – поднимающиеся вверх пересечения кристаллоподобных форм – множественные силуэты домов. У одних из них видны стены с темными проемами окон, у других – только острия крыш. Безрадостный пейзаж из нагромождения каменных строений.

Постепенно Ларионов приходит к технике бестелесных фигур, фигур-призраков. Таков пейзаж «Бульвар в Тирасполе» (1914) – ностальгия по малой родине художника. Он по стилю близок одной из более поздних картин художника «Весна» (1920). Оба произведения – образцы абстрактного примитивизма. В первом, городском, пейзаже относительно реальными являются лишь три дерева с высоко расположенными зелеными кронами и яркий свет с веранды дома. Все остальное – и белесые стволы деревьев, и белые, словно призрачные тени, отбрасываемые ими на землю, и безликие фигурки гуляющих людей – бестелесно и нереально. Нет лиц, нет движения, нет глубины и простора, нет изобразительности, все скрывает сумеречная синева. Это мираж, зыбкое воспоминание о бульваре в Тирасполе.

Вторая картина, написанная уже в период возвращения М. Ларионова к фигуративной живописи, вызывает множество споров именно из-за бесплотности, отсутствия телесности изображенных на ней фигур. По словам Ю. Аненкова, полупрозрачные, обнаженные фигурки двух девушек и ребенка в саду – это только видение или сон [3]. На наш взгляд, здесь имеется иной, фольклорно-мистический смысл в облике этих монохромных, почти бестелесных образов. Древние друиды верили в наличие душ у деревьев. Возможно, что здесь изображен весенний сад в облике людей-призраков, это – оживающие, просыпающиеся весной древесные духи. В этой картине соединено

все: телесность и призрачность, мистицизм и реальность, примитивизм и глубина смысла, пейзаж и жанровость.

С каменными девами Н.С. Гончаровой перекликаются сюжеты ларионовского цикла «Времена года (1912). По технике это примитив, соединивший архаику первобытных наскальных рисунков и народную жанровость, «говорящую сюжетность» лубка и тонкий добродушный юмор художника. Холст каждой картины разделен на прямоугольники, подобно средневековым тетраптихам. В одной его части изображены в манере наивного примитива женщины-стихии. Бледнотелая Зима, из открытого рта которой идет волнистый пар, изображена на коричнево-красном фоне, напоминающем старую стену с облезшей краской. В противоположном нижнем углу в стиле лубков надпись – поясняющий текст: «Зима холодная», снеговая, ветреная. Вьюгой окутанная, закована льдом». Далее изображены символы зимы: темно-серая шаль – это и вьюга, окутавшая Зиму, и вид зимней одежды; чернеющее обнаженное деревце, на ветках которого лежит иней; черный ворон и кошка – символы темных сил; кристалл льда, а внизу – белые примитивные контуры людских домов с напоминающими рыбные скелеты белыми контурами деревьев и белая фигурка не то волка, не то собаки.

Этому мрачному образу противопоставлена Весна. Фон этой картины выполнен в теплом колорите: оттенки охры от ярко-желтого до оранжево-коричневого. «Весна прекрасная. С яркими цветами. С белыми облаками» – так гласит надпись. На деревце мы уже видим листики и цветочки. Ларионов даже изобразил под ним ползущую гусеницу и бабочку. Внизу – лирическая сцена: двое влюбленных у цветущей яблони буквально поедают друг друга глазами. Под ними Ларионов с юмором рисует жанровую сценку: белые фигурки работающих на земле людей. У мужчины в руках – лопата. Женщина, подобно Весне, стоит, раскинув руки. А с другой стороны деревца уходит, досадно размахивая руками, отвергнутый соперник. Весна, окруженная крылатыми амурами, пляшет. Символ весны – летящая птица с цветущей веточкой в клюве. Для «Лета» художник выбрал темно-синий фон, символ ясного неба. Его символические образы – созревающие ягоды, цветы, сноп хлеба, оставленный для птиц, лошадь и люди, несущие тяжелые корзины с плодами. «Лето знойное, с розовыми тучами, опаленной землей, с синим небом, спелым хлебом». Замыкающая цикл «Счастливая Осень» представлена сразу двумя образами: на синем фоне – Осень в окружении плодовых деревьев, спелого винограда, людей, собирающих яблоки, множества птиц, а также кружек и бутылей. Надпись гласит: «Осень счастливая, блестящая, как золото, со зрелым виноградом, с хмельным вином». Все фигурки времен года выполнены в едином стиле: во весь рост, обнаженными, и только заключительная картина – «Осень счастливая», написанная в цвете охры, изображает голову толстой, разжиревшей, довольной, улыбающейся девушки. Птица улетает. А Амур так растолстел, что стал напоминать медведя с крылышками.

Фольклоризм в примитивизме русских художников-авангардистов оказался струей живой воды. Именно фольклор не позволил достичь основной цели, к которой стремились абстракционисты, – создать искусство без образов, искусство без искусства. Уже «Черный квадрат» Малевича показал предел этих исканий. А фольклор раскрыл совершенно необычную, очень жиз-

ненную, вечную природу образов, а также великолепные возможности новых направлений русского авангарда. Стремясь к надличностности, надындивидуальности искусства, русские художники раскрыли неисчерпаемые возможности фольклорных техник, образов, истинность и вечность их идеалов.

Универсальность фольклоризма в примитивной технике была подтверждена прекрасными достижениями этих мастеров в самых различных жанрах изобразительного искусства: от колоритных жанровых сцен до религиозного мистицизма в портрете, от первобытной мифологии до футуристической экспрессии выражения одиночества личности в библейских сценах, от пейзажа до возведенных в ранг высокого искусства театральных декораций и костюмов.

Русский авангард достоин глубокого познания и осмысления. Начав с отрицания прежних ценностей, он сумел вновь открыть для человечества ценности вселенские, вечные. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в культуре той бурлящей эпохи, в мясорубке которой были уничтожены и искалечены судьбы целых народов, жизнь отдельно взятого человека практически утратила значение. Именно абстракционисты были тем явлением, которое, как это не парадоксально звучит, противопоставило внутренний мир личности, свойственное ей чувственное восприятие мира беспощадной машине под названием окружающая действительность, стремящейся раздавить, растоптать башмаками толпы человеческую душу, противопоставив ей массовое и классовое сознание.

Литература

1. *Шевченко А.* Нео-примитивизм: Его теория. Его возможности. Его достижения. М., 1913. 31 с.

2. *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись конца 1900 – начала 1910-х годов : очерки. М. : Искусство, 1971. 144 с.

3. *Анненков Ю.* Дневник моих встреч : биографии и мемуары. М. : Вагриус, 2005. 732 с.

Alekseeva Tatyana P., Vinitskaya Natalya V. The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation).

E-mail: tatyana.alekseevasergeeva@mail.ru, Natigor007@yandex.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 5–25 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/1

FOLKLORISM AND NEOPRIMITIVISM OF RUSSIAN AVANT-GARDE IN THE FIRST DECADES OF THE XX CENTURY

Key words: *culture, folklore, visual art, avant-garde.*

The article analyzes the problem of exhibiting a tendency to resort to folklore primitivism typical of the works of Russian avant-garde painters in the first two decades of the 20th century. Cultural and artistic life in Russia of the period in question is also described in the article: artistic societies and unions, exhibition and sponsor activities contributed to the formation of new ideas and views on art.

The author systematizes forms of resorting to folklore in different branches of Russian art, ranging from the Wanderers and the Mamontov Circle to abstract art. Besides, the author draws parallels and finds shared fields of Russian modernism and avant-garde and art of Western Europe. The author focuses the attention on Russian neoprimitivism which is studied through the examples of the founder of abstract art V. Kandinsky, the inventor of Russian neoprimitivism and rayism M. Larionov, the prominent representative of avant-garde N. Goncharova, the founder of suprematism K. Malevich, and the representative of naïve painting Niko Pirosmani (N. Pirosmanashvili).

The author characterizes genres and art techniques, which determine folklore motives and tendencies of Russian avant-garde, mainly, wall-painting, ranging from primitive cave drawing to fresco painting and icon painting; from barracks painting to graffiti; from cheap wood print introduced to

professional art by M. Larionov to child's drawing. The article analyzes the pieces of art which reflect folklore, primitive and avant-garde tendencies; outlines the direction of further research of Russian avant-garde requiring arts criticism as well as culturological and philosophic comprehension.

References

1. Shevchenko, A. (1913) *Neo-primitivizm: Ego teoriya. Ego vozmozhnosti. Ego dostizheniya* [Neo-Primitivism: Its theory. Its capabilities. Its achievements]. Moscow: 1-aya Moskovskaya Trudovaya Artel'.

2. Sarabyanov, D.V. (1971) *Russkaya zhivopis' kontsa 1900 – nachala 1910-kh godov* [Russian painting of the late 1900s – early 1910s]. Moscow: Iskusstvo.

3. Annenkov, Yu. (2005) *Dnevnik moikh vstrech: biografii i memuary* [The diary of my meetings: Biographies and memoirs]. Moscow: Vagrius.

УДК 791.43.03
DOI: 10.17223/22220836/24/2

Е.П. Алексеева

«ТАТКИНО» – ПЕРВАЯ КИНООРГАНИЗАЦИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена изучению начала кинопроизводства в молодой Татарской Республике. В феврале 1924 г. в Казани начала работу одна из первых в стране и первая в Поволжье киноорганизация, которая сосредоточила в своих руках кинопроизводство и кинопрокат Татарской Республики. Усилиями «Таткино» всего лишь через полгода работы был открыт первый «Татарский национальный кинотеатр» (впоследствии переименован в «Чаткы»). Особое внимание в статье уделено производству фильма «Булат-Батыр», ставшему первой совместной постановкой киностудий «Совкино» и «Таткино».

Ключевые слова: *«Таткино», первый «Татарский национальный кинотеатр», титры на татарском языке, фильм «Булат-Батыр», кинопередвижка, кинооборудование.*

2016 г. объявлен Годом российского кино. Все, что связано с историей развития отечественного кинематографа, представляет несомненный интерес, становление же регионального кино является частью общей истории киноискусства России. Кинематограф Казани и Татарстана имеет свои особенности, которые автор попытался обозначить в данном исследовании.

В годы становления советского строя в Казани была нестабильная политическая обстановка. Татария и ее партийная организация изначально были для Москвы одной из самых «горячих точек» на карте создающейся «красной империи» [1]. Вплоть до 1925 г. в Казани чуть ли не ежегодно менялись секретари обкома, неоднократно наведывались комиссии ЦК. Тем не менее в феврале 1924 г. в Казани начала работу одна из первых в стране и первая в Поволжье киноорганизация, которая сосредоточила в своих руках кинопроизводство и кинопрокат молодой Татарской Республики. До этого в сохранившихся кинотеатрах показ осуществляли прокатные конторы «Совкино», «Севзапкино» и частные предприниматели, которые между собой конкурировали. После долгих и непростых переговоров Татнаркомпрос и Госкино подписали договор, по которому первый получил права монопольного кинопроката на территории Татарской Республики, а также соседних автономных областей. Был разработан Устав Татарского кинематографического объединения «Таткино» на паевых началах. Средств, выделяемых государством на функционирование новой организации, не хватало, поэтому «Таткино» разослало по госпредприятиям предложение стать пайщиками кинематографического объединения. Это обращение оказалось «гласом вопиющего в пустыне». И тогда Наркомпрос был вынужден обратиться к сотрудничеству с частными арендаторами кинотеатров. Возражений со стороны этих партнеров не последовало. Наиболее приемлемым оказалось предложение частных пайщиков кинотеатра «Электра» В. Егорова, В. Лаврова и А. Ширшова, которое было принято коллегией Наркомпроса. Устав вновь пересмотрен и утвержден. Уставной капитал «Таткино» состоял из 25 тысяч рублей. Доля Наркомпроса, которая была внесена не деньгами, а кинематографическим

инвентарем и имуществом, составляла 13 тысяч рублей; частные пайщики вложили деньги (в золотых рублях) на сумму 12 тысяч, а также различное кинематографическое оборудование. В сохранившемся акте оценочно-приемной комиссии упоминаются, в частности, «установка для печатания кинематографических надписей, штатив для киноаппарата с вращающейся платформой, киноаппарат «Гомон», объективы, негативная кинопленка» [2]. В штате «Таткино» состояли 113 человек, в число которых входил и официальный представитель организации в Москве. Первым председателем правления недолго был Х. Сейфи, затем на этом посту его сменил В. Егоров.

13 февраля 1924 г. «Таткино» официально начинает свою деятельность. Приоритеты работы были закреплены в Уставе: «Акционерное общество Татарское кинематографическое объединение «Таткино» учреждается с целью обслуживания культурных запросов рабочих, красноармейцев и крестьян через кино». Отмечалось, что население республики нуждалось в фильмах на татарском языке. Предполагалось наладить съемку кинохроники, объединить прокат и эксплуатацию кинотеатров в Казани и на всей территории республики. С 1 октября 1924 г. «Таткино» стало «чисто государственным учреждением». Объединение претерпело реорганизацию – из него был выведен частный капитал. Сохранилось множество отчетов и докладов о деятельности «Таткино» буквально по месяцам. На основе этих материалов можно воссоздать хронологию событий [3]. В целях монополизации кинопроката Таткино с самого начала своей деятельности организует фонд кинокартин. Для этого в Москве закупаются 29 кинокартин большого метража, кроме того, приобретаются 62 видовые и комические картины у частных предпринимателей. Собрав необходимый для обслуживания картинами фонд, «Таткино» устремило свое внимание на так называемые кантоны, т.е. районные города республики. Для всестороннего обследования кантонов Таткино посылает своих уполномоченных (7 человек), которые на местах проверяют техническое состояние аппаратуры, оборудования, изучают посещаемость, общую постановку дела.

В Казани «Таткино» принадлежали восемь кинотеатров. Осуществлена монополия в отношении «частновладельческого кино» «Гри-Гри» (бывший «Олимп», впоследствии «Унион»), заключен договор с «Севзапкино», который снабжал картинами этот кинотеатр. При этом цены регулировало «Таткино» – все картины проводились по своим накладным, за что взималось 10 процентов прокатной стоимости. Дополнительно к этому «Севзапкино» обязано было ставить в рабочих районах четыре агитационные программы бесплатно. В главном кинотеатре Казани «Электро» с дооктябрьского времени сохранен музыкальный оркестр. В его составе инструменты: первая скрипка, альт, флейта, флейта-пикколо, контрабас, виолончель, кларнет, труба, вторая скрипка, тромбон, литавры, фортепьяно. В других кинотеатрах работали, по крайней мере, музыкальные трио. Усилиями «Таткино» всего лишь через полгода работы был открыт первый «Татарский национальный кинотеатр» (впоследствии переименован в «Чаткы»). В зале, рассчитанном на 400 мест, показывали кинофильмы с титрами на татарском языке, которые изготавливались в кинолаборатории «Таткино». Эти фильмы демонстрировались не только в республике, но и за ее пределами – в регионах, где проживало татарское население. Если же по какой-то причине не было титров на та-

тарском языке, то в кинотеатре работал «специальный глашатай-переводчик». Чтобы сделать кино более доступным для рабочих, «Таткино» устанавливает цены от 15 до 25 копеек, а также вводит систему рабочего кредитования. Красноармейцам делается исключение – они пропускаются в кинотеатры бесплатно (примерно две тысячи человек ежемесячно). Кроме того, летом «Таткино» дважды в неделю бесплатно показывало кинофильмы военнослужащим в лагерях. Одним из важнейших направлений «Таткино» была работа в деревнях. Для этой цели вся республика была поделена на восемь районов, каждому из которых предоставили кинопередвижку с киномехаником. Маршрут разрабатывался заранее, по плану в месяц необходимо было продемонстрировать не менее 20 фильмов. Таким образом, обслуживалось 173 больших села и деревни Татарской Республики с населением более 500 тысяч человек. В Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) сохранились отзывы об этой работе: «В селе Биляр масса крестьян, в особенности подростки, видят киносеанс первый раз в жизни»; «У нас в селе Куюках кино за всю Революцию первый раз».

В Казани возникла необходимость создания второго большого (после «Электро») кинотеатра, чтобы пропускать картины первоначально на них, а затем отправлять в кантоны по более низким прокатным ценам. Таким вторым экраном решили сделать «Унион», принадлежавший ранее частному владельцу Федорову и затем Севзапкино кинотеатр «Гри-Гри». Было произведено полное переоборудование кинотеатра, построена мраморная лестница, повешен новый полотняный экран. Желая расширить сферу своей деятельности, в первую очередь за счет рабочих районов и окраин города, «Таткино» открывает кинотеатры «Адмиралтейский» и «Художественный», а после капитального ремонта – «Палас» на Арском поле. По-прежнему обслуживаются бесплатной кинопрограммой детский кинотеатр «Пассаж», а также клубы, в том числе и клуб ГПУ. В работе «Таткино» встречались и труднопреодолимые моменты, связанные, в частности, с государственной налоговой политикой. Кинотеатры по налоговой повинности были приравнены к торгово-промышленным предприятиям, таким как рестораны, кафе-шантаны. Это оказалось непосильным бременем для мелких организаций: на несколько месяцев летом 1925 г. были закрыты «Адмиралтейский», «Олимп», «Палас» и «Пассаж».

В сферу проката удалось включить не только кантоны на территории Татарской Республики, но и соседние Вотскую (Удмуртия) и Чувашскую области, Башкирскую Республику. Немалую роль в этом сыграл первый фильм с субтитрами на татарском языке. Переделанная в «Таткино» картина первоначально была продемонстрирована в кинотеатре «Электро», а затем сдана в кантоны и отправлена в соседние области и республики. Как сообщали из Ижевска, где проживало более 10 тысяч татарского населения, фильм прошел с громадным успехом. В это же время лаборатория «Таткино» завершила работу над титрами на татарском языке ко второй картине. Правлением Таткино велись переговоры с «Севзапкино» о покупке революционных кинокартин, но ввиду высокой стоимости пришлось обойтись вторичным прокатом. В это же время состоялась поездка председателя правления Таткино Х. Сейфи и его заместителя В. Егоровава Москву. В результате поездки были куп-

лены: мотор, два счетчика, реостат и кинокартина «Преступная рука» – всего на сумму 753 рубля. Помимо прокатной деятельности, «Таткино» наметило организацию фото-кинематографической лаборатории и производство киносъемок. Однако организация лаборатории на долгое время задерживалась ввиду отсутствия помещения. Только в мае 1925 г. с переходом «Таткино» в новое здание нашлось место и для лаборатории. В своей производственно-съемочной деятельности «Таткино» намеревалось снять различные стороны жизни республики: празднование годовщины революции, 1 Мая, съезд Советов, годовщину АТССР, работу совхозов и предприятий важнейших отраслей производства, хронику культуры и быта.

Через Госкино в Госплан СССР была сделана заявка по покупку 35 тысяч метров негативной кинопленки для съемочных работ. Уже в июле 1924 г. были сделаны пробные работы. Среди них «съемки похорон красного летчика тов. Бычкова и отдельные моменты прошедшей в Казани инсценировки империалистической войны», «засъемка показательных материалов пожарного депо в Казани», «киносъемка траурной демонстрации похорон В.И. Ленина, причем на этой картине надписи сделаны на татарском и русском языках» [4]. Начало собственного кинопроизводства было сопряжено с объективными трудностями. Из отчетов о работе съемочных групп: «Необходимо отметить, что темп работы значительно задерживается из-за отсутствия специалистов, например необходим опытный кинооператор, и отчасти за отсутствием необходимых материалов»; «Заснята хроника «Октябрьская годовщина в Казани». Из-за отсутствия пленки на рынке в Москве, операции по засъемке хроник временно приостанавливаются, приходится ограничиваться лишь фотографическими съемками» [5].

Тем не менее успехи казанских кинематографистов отмечаются даже в столичной прессе. О хронике «Приезд в Казань товарища Луначарского», премьера которой состоялась в кинотеатре «Электро», узнаем из московского журнала «Жизнь искусства»: «Зимний сезон в Большом Драматическом театре был ознаменован приездом в Казань тов. Луначарского. Перед началом спектакля т. Луначарский ознакомил присутствовавших с задачами современного театра. Появление Наркома на сцене вызвало шумные, долго несмолкаемые аплодисменты. Татарское кинематографическое объединение «Таткино» с большим успехом демонстрирует в местных кинотеатрах заснятую им кинохронику: «Луначарский в Казани» (400 метров). В ближайшее время намечается производство ряда съемок из жизни и быта Татарской Республики» [6].

В 1926 г. «Таткино», «ощущая острую потребность в разработке художественно-бытового сценария из татарской жизни», объявляет «конкурс на 2 сценария: из жизни и быта татар со времен феодализма, завоевания и до настоящего времени». Победителем стал молодой партийный работник из Агрыза Абдрахман Шакиров. По его заявке известный кинодраматург Натан Зархи написал сценарий фильма «Булат-Батыр», режиссером которого стал Юрий Тарич. О том, как проходили съемки фильма, вспоминал известный татарский композитор Джавдат Файзи: «Вот уже несколько дней с языка не сходит весть о том, что группа из Москвы будет снимать у нас фильм «Булат-Батыр». Съемки шли в Кремле, на берегу Казанки. Пошел туда и я. По левой

стороне Кремля, по направлению к мосту течет и течет людская река. Возле кремлевских стен, на берегу Казанки, на нижних этажах башни Сююмбеки видны пестро одетые люди, многие в чалмах, в чапанах. На возвышенностях у ворот – пушки, солдаты в драгунских, с хвостами, фуражках времен Екатерины. Вот подкатывает откуда-то машина с режиссером и главным оператором. Режиссер прокричал в рупор несколько команд и уехал, и тут возле кремлевских ворот настоящий бой развернулся! Стреляют ружья, сверкают сабли, летят пики. Повсюду крики «ура!»…».

О съемках «Булата Батыра» сохранились воспоминания и актрисы Галины Кравченко, снимавшейся в фильме: «Сценарий этого фильма, воскрешавшего события Пугачевского восстания, написали Натан Зархи и Юрий Тарич. Сюжет был, пожалуй, чрезвычайно усложнен, но мастерство талантливого драматурга Натана Зархи сказалось в том, что зрителям интересно было следить за событиями, охватывавшими период в два с лишним десятилетия. Умело и интересно были обрисованы в сценарии и образы главных действующих лиц. Аде Войцик досталась роль Асмы, приемной дочери Булата и участницы восстания. Я же выступила в отрицательной роли Елены фон Брандт, племянницы казанского губернатора. Юрий Тарич с обычной своей доскональностью и точностью в показе обстановки решил снимать картину на местах подлинных событий. Экспедиция меня радовала, ибо Казань – город, где я родилась. Нам повезло, что прибыли мы в Казань накануне большого национального праздника «Сабантуй», который празднуется раз в году, так что мы получили возможность снять такую конную массовку, о какой в Москве не могли и мечтать. Решено было включить актеров в группу конников, танцоров и борцов, чтобы добиться полной жизненной убедительности всего происходящего на экране. Тарича ожидало большое огорчение. По ходу действия ему совершенно необходимо было заснять большую группу татарок-партизанок, скачущих вместе с пугачевцами. В Москве казалось, что это можно будет сделать просто: кому как не татаркам любить лошадей! Однако наши взгляды устарели, очевидно, лет на двести. В Казани мы с удивлением узнали, что никаким способом мы не сможем уговорить татарок сесть в седло. Вполне возможно, что на селе нужда и большие расстояния заставляют женщину передвигаться верхом, но делается это лишь в том случае, если никто не видит. А вообще сесть женщине на лошадь – большой грех. Так нам объяснили, да и сами мы вскоре убедились, что бесполезно пытаться собрать женщин для этой массовки. Расстроенный Тарич выехал из Казани с ассистентами И. Пырьевым и В. Корш-Саблиным подыскивать в степях натуру для других объектов. Группа осталась в Казани. Как-то в разговоре с руководителями горисполкома, которые с самого начала нам помогали и были в курсе всех наших дел и затруднений, я рассказала о том, что окончила школу верховой езды. И тут «хозяева города» предложили следующий план: я приму участие в скачках на ипподроме, и мой пример поможет убедить татарских женщин сесть в седла. Я согласилась с удовольствием» [7. С. 68]. Актрисе выделили скаковую лошадь, дали возможность потренироваться на ипподроме. «Риск оправдал себя, массовку мы подобрали, – продолжает Галина Кравченко. – Женщины-татарки самолюбиво заявили, что они умеют

ездить верхом не хуже московских киноактрис. По случаю моей победы горисполком устроил банкет, на который пригласил всю нашу группу.

На съемках «Булат-Батыра» произошел еще один смешной и необычный случай. Как-то директор фильма Н. Стешенко и ассистент режиссера В. Корш-Саблин поехали в Куйбышев подыскать натуру и договориться с местными властями о содействии, а Тарич с Пырьевым остались в Казани для съемок эпизода взятия города войсками Пугачева. И здесь началась полоса неудач. Стояла жара, горели лесные массивы, и ветер окутал Казань плотной дымовой завесой. Померкло солнце. Из-за дыма пришлось отложить намеченную съемку, а между тем военные части, которые нам выделили для штурма Казани, не могли больше ждать, так как им следовало отправляться в лагеря. Сообщая об этом директору группы, Пырьев составил лаконичную телеграмму, использовав обычную «киношную» терминологию: «Небе молоко войска бузят взятие Казани отменяется»… Времена, когда «бузили» войска и брались волжские города, были еще всем памятны, поэтому в Куйбышеве телеграмма Пырьева произвела должный эффект. Стешенко был приглашен в соответствующие органы, где ему было предложено разъяснить «шифр». Стешенко объяснил, что «молоко» на кинематографическом языке означает отсутствие солнца, «взятие Казани» – это название объекта, эпизод исторического фильма, а слова «войска бузят» означают, что войска больше не могут ждать погоды, так как должны вернуться в лагеря… Кое-как все уладилось. А у нас в Казани ветер подул с другой стороны, унеся отвратительное «молоко». Мы благополучно завершили съемку, и Казань была «взята» [7. С. 68–72]. Фильм «Булат-Батыр», сохранившийся до сего времени, стал первой совместной постановкой киностудий «Совкино» и «Таткино». Кстати, ассистентом режиссера и консультантом фильма был Каюм Поздняков – впоследствии первый профессиональный татарский кинорежиссер. В фильме поднималась тема отцов и детей, оказавшихся в силу исторических событий в разных лагерях. Лента повествует о судьбе татарского мальчика Асфана, волею обстоятельств попавшего на воспитание к князю Потемкину. Когда Асфан в чине прапорщика является с карательным отрядом в родные места и узнает, что руководит восставшими крестьянами его отец Булат, он освобождает предводителя повстанцев. В финале отец и сын оказываются в лагере пугачевцев. Картина «Булат-Батыр» не претендовала на глубокое и полноценное отражение исторических событий. Рассказ об отважном свободолюбивом человеке, защищавшем бедняков, снят в приключенческо-романтическом жанре. Фильм пользовался огромной популярностью как в стране, так и за рубежом. В казанском кинотеатре «Чаткы» «Булат-Батыр» демонстрировался в течение года. Фильм анонсировался как «грандиозный исторический боевик из жизни поволжских повстанческих татарских отрядов (качкыннар). В главных ролях: Ада Войцик, Клюквин и Галина Кравченко. Режиссер Тарич».

В конце 70-х гг. прошлого века директору Таткинопроката А.А. Беляеву с большим трудом удалось разыскать в Госфильмофонде фильм «Булат-Батыр» и сделать пять копий кинокартины. Фильм «Булат-Батыр» демонстрировали кинотеатры Казани, его показывали по всей республике, в том числе и в Мамадышском районе, несколько жителей которого и стали инициато-

рами возвращения исторической ленты. В детстве они снимались в фильме в массовке и хотели бы вновь посмотреть его, о чем и написали в письме директору Таткинопроката. Именно это послание и подтолкнуло Ахата Беляева к возвращению фильма зрителям. И фильм до сих пор работает. Так, на открывшейся выставке «Казань. Кинематограф. Из века в век» в Казанском Кремле, в выставочном зале «Манеж» картина «Булат-Батыр» демонстрируется для посетителей выставки.

Фильм «Булат-Батыр», сохранившийся до сего времени, стал первой совместной постановкой киностудий «Совкино» и «Таткино». Ассистентами кинорежиссера на этой картине были знаменитый впоследствии Иван Пырьев и первый татарский кинорежиссер Каюм Поздняков. Именно «Таткино» были заложены традиции, которые определили развитие кинематографа в Татарстане в последующие годы.

Литература

1. *Султанбеков Б.* Альфред Лепа: Судьба, продиктованная эпохой // Республика Татарстан. 2000. 10 авг. С. 6.

2. *Национальный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 12.

3. *Национальный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3.

4. *Национальный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3.

5. *Национальный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3.

6. *Жизнь* искусства. Ленинград; Москва. 1924. № 48. С. 17.

7. *Кравченко Г.* Мозаика прошлого (рассказывает киноактриса). М. : Искусство, 1971. 144 с.

Alekseeva Elena P. Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation).
E-mail: alekseeva-kaz@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 26–33 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/2

«TATKINO» AS THE FIRST FILM ORGANIZATION OF THE VOLGA REGION

Key words: *«Tatkino», first «Tatar national cinema theatre», titles in the Tatar language, the film «Bulat-Batyr», mobile film projector, cinema equipment.*

The 2016 year declared as the Year of Cinema in Russia. Everything connected with the history of Russian cinema is of undoubted interest. The history of Kazan cinema is part of the history of Russian cinema. So regional cinema history is unquestionable contribution to the history of our country cinema. The article indicates the characteristics of Kazan and Tatarstancinema. The 1920s were the times of the unstable political situation with frequent change of the Republic leaders. However, in February 1924 one of the first in the country and the first cinema organization in the Volga region started its work in Kazan. This cinema organization concentrated the film industry and film distribution of the young Tatar Republic in its hands. The authorized capital of "Tatkino" consisted of 25 thousand rubles. On the 13th of February, 1924 "Tatkino" officially started its activity. Priorities of its work were proclaimed in the Charter: "The Joint Stock Company "Tatkino" Tatar Cinema Association is established for the purpose of maintenance of cultural requests of workers, soldiers of the Red Army and peasants through the cinema". It was noted that the population of the Republic needed the films in the Tatar language. It was supposed to adjust newsreels shooting, unite film rental and cinematheatres operation all over Kazan and the Republic. It is noted that the State Committee for Cinematography applied to the State Planning Commission for 35 thousand meters of negative film purchase for shooting. Already in July, 1924 the first documentary filming was made. The highlight of the article concerns the production of the first full-length film. In 1926 work began on the co-production of "Bulat-Batyr" film. The article describes memoires of film participants. Also, the first feature-length documentary "Tatarstan. The country of four rivers" was created. Activity of "Tatkino" became the foundation for the further development of cinema in the Tatar Republic.

References

1. Sultanbekov, B. (2000) Al'fred Lepa: Sud'ba, prodiktovannaya epokhoy [Alfred B. Lepa: The fate dictated by the epoch]. *Respublika Tatarstan*. 10th August.
2. The National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund R-144. List 1. File 1.
3. The National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund R-144. List 1. File 3.
4. The National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund R-144. List 1. File 3.
5. The National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund R-144. List 1. File 3.
6. *Zhizn' iskusstva*. (1924) 48. pp. 17.
7. Kravchenko, G. (1971) *Mozaika proshlogo (rasskazyvaet kinoaktrisa)* [Mosaic of the past (told by an actress)]. Moscow: Iskusstvo.

УДК 008
DOI: 10.17223/22220836/24/3

М.В. Бубенкова

ДРАМАТУРГИЯ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ФОРМЫ «ПЕРФОРМАНС» В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА

При переходе из сферы искусства в сферу театрализованных форм «перформанс» сохранил многие из своих характерных особенностей: телесность, междисциплинарность, доминирование визуальных образов, синтез искусств, функционирование на границе реального и художественного, спонтанность, вариативность, соучастие аудитории, унаследовав в то же время признаки основных аспектов постмодернизма. В статье делается вывод, что плюральность, ризоматичность, интертекстуальность, спонтанность способствуют появлению множества параллельных, отдельно развивающихся сюжетов, основанных на взаимодействии с аудиторией; множеству путей развития этих сюжетов; нелинейному, мультиинтерпретативному восприятию драматургической концепции; снижают уровень сценарности по сравнению с традиционными театрализованными формами; выражаются в фрагментарности, гетерогенности драматургии перформанса, её склонности к заимствованию, «коллажном» принципе работы.
Ключевые слова: *сфера театрализованных форм, постмодернизм, перформанс, драматургия, сценарность.*

Ни один вид искусства не принадлежит постмодернизму настолько, насколько принадлежит ему искусство перформанса. Оно формировалось на протяжении нескольких десятков лет прошлого века, вбирая в себя все идеи, принципы и установки постмодернизма. Перформанс и сегодня реализуется как искусство, однако научный интерес данной работы сосредоточен на его ответвлении в сферу театрализованных форм, под которой мы понимаем особую сферу культуры, деятельность по художественно-эстетическому преобразованию наиболее значимых моментов социокультурного бытия и воплощению возникающих на этой основе образно-символических конструкций в театрализованных действах.

Чтобы проследить, откуда растут «корни» трансформаций в драматургии театрализованной формы перформанс, нужно обратиться к его первоначальной сущности, связанной с искусством. К основным особенностям искусства «перформанса» можно отнести следующее. 1. В центре – высказывание художника, его акт самовыражения. 2. Основным выразительным средством, инструментом и материалом этого высказывания является тело художника. Искусствовед Ю.В. Кривцова актуализирует концепт тела как центральный жанрообразующий элемент перформанса, используя в его характеристике термин А. Юберсфельд «письмо тела» [1]. 3. Перформанс «функционирует на границах различных искусств» [Там же]. Эту мысль поддерживает немецкий театровед Х.-Т. Леман в концепции о «постдраматическом театре», включающем перформанс, который «становится местом встречи разных искусств» [2. С. 50]». 4. Обязательным компонентом искусства перформанса является

соучастие аудитории, «диалог художника с публикой». Как пишет американский искусствовед Р. Голдберг, «в перформансе видели средство преодоления отчуждения между исполнителем и зрителем – ведь тот и другой одновременно испытывали на себе его действие» [3. С. 189]. 5. Преобладание визуальных образов. 6. Эпатажность, экспрессивность, провокационность, парадоксальность. 7. Многообразие мест действия. 8. Отсутствие прямолинейного нарратива. 9. Полифонический характер интерпретации. Многие из этих особенностей заключены в ёмком высказывании Ю.В. Кривцовой: «Перформанс – «дерзская двусмысленная история-коммуникация, разыгранная на стыке искусства и повседневного потока жизни» [1]. 10. Его суть в спонтанном действии, которое изначально не репетировалось и не обладало литературным сценарием. Здесь уместно упомянуть «характерное для драматургии XX в. стремление преодолеть зависимость от текста, в широком смысле – от вербальности» [4. С. 24], обозначенное театроведами и исследователями перформанса. В представленном описании основных особенностей искусства перформанса прослеживаются признаки плюральности, ризоматичности, интертекстуальности, спонтанности, спектакулярности, отрефлексированные в своё время как основные аспекты постмодернизма.

Для театрализованной формы «перформанс» также характерны доминирование визуальных образов, телесность, междисциплинарность, синтетический характер, функционирование на границе реального и художественного, спонтанность, вариативность, соучастие аудитории. Эти качества унаследованы от искусства перформанса, которое получило наибольшую популярность в эпоху актуализации постмодернизма в культуре и искусстве (последняя треть XX в.). Поэтому аспекты постмодернизма заложены в этой театрализованной форме генетически.

Цель данной статьи – исследовать трансформации в драматургии театрализованной формы «перформанс», вызванные воплощением в её пространстве основных аспектов постмодернизма.

В данной статье перформанс рассматривается как театрализованная форма, основанная на импровизации и взаимодействии исполнителей с аудиторией; организуемая в честь какого-либо значимого для этой аудитории события, для которой характерны преобладание визуальных образов, синтетический междисциплинарный характер, акцент на создании атмосферы, костюмирование, спонтанность, фрагментарность, интертекстуальность.

Сегодня можно выделить несколько типов перформанса, исходя из особенностей взаимодействия исполнителей с аудиторией и из преобладающих в нём выразительных средств. Это так называемый «Wellcom» (встреча гостей), арт-перформанс, интеллектуальный перформанс, перформанс-вечеринка, живые статуи, мимы, перформанс ростовых кукол, медиа-перформанс, леди-фуршет, смешанный тип.

Состоятельность любого типа перформанса во многом зависит от артистичности, обаяния, харизмы исполнителей, их внешнего вида, умения импровизировать. Художественный руководитель уличного Театра господина ПЭЖО, в творческом «банке» которого не только спектакли, но и перформансы, А. Шишкина приводит целый перечень качеств, которыми должен обладать актёр. Среди них «сообразительность», «навыки саморежиссуры»

и «сканирования ситуации», чувство и понимание пространства, «периферийное зрение», «темпорирование действия», «навыки манипуляций», «внутренняя наполненность», «адресный посыл» [5. С. 34] Однако не стоит недооценивать и роль драматургии. Драматургия определяет форму и концепцию перформанса, исходя из тематики события, места, масштаба его проведения и особенностей аудитории. Драматургия перформанса – это всегда драматургия взаимодействия исполнителей с аудиторией и часто драматургия, не требующая фиксации на стабильном носителе, воплощающаяся в художественно-эстетической концепции события. Её невозможно спланировать заранее на сто процентов, но можно разработать образную концепцию события, продумать, какие выразительные средства смогут её воплотить и создать необходимую атмосферу, а также направить импровизацию в нужное русло, обозначив некоторые простые правила игры с аудиторией. Роль драматургии в перформансе возрастает ещё и в связи с повышением уровня его сценарности при переходе в сферу театрализованных форм. Под сценарностью мы понимаем свойство социокультурного явления, выражающееся в предварительной разработке (планировании, моделировании, упорядочивании), структурировании и словесной фиксации замысла какого-либо действа средствами, аналогичными средствам создания сценария. Тем более если «в искусстве перформанса автор является автором концепции, которую сам же и реализует», «он – одновременно тот, кто представляет идею и исполняет её» [6], то в театрализованной форме перформанс это далеко не всегда так. Автор художественно-эстетической концепции и её исполнители могут быть разными людьми.

Ключевыми компонентами драматургии в целом и драматургии театрализованных форм в частности являются конфликт и композиция.

Композиция, как построение художественного произведения, олицетворяет целостность всей театрализованной формы. Она соподчиняет и выстраивает эпизоды и структурные элементы драматургической основы для определённого восприятия, учитывая логику развития действия и необходимость эмоционального нарастания. Благодаря влиянию идей и принципов постмодернизма эти явления (конфликт и композиция) претерпевают трансформации. Отрицающий единство и целостность постмодернизм «воспевает» «бесконечный и непрерывный процесс борьбы с обобщениями, который ведёт к бесконечной множественности», обозначенный Ж. Деррида понятием «деконструкция» [7]. В связи с этим можно упомянуть анализ движения отдельных частей тела в хореографических практиках перформанса; «Швейцарский панк» В. Вайнгарта (постмодернистское направление в дизайне – комбинирование фрагментов фотографий, надписей и рисунков по принципу коллажа), популяризацию творческого приёма монтажа. Нельзя сказать, что композиция как инструмент создания целостности совсем исчезает из драматургии перформанса, однако она сильно размывается. Перформанс требует свободы взаимодействия с аудиторией, которое выстраивается не заранее, а в момент реализации. Часто в перформансе несколько параллельных очагов действия, у которых нет начала и нет конца: композиция минимально организует их отношение друг к другу и к пространству. Из классических элементов композиции в некоторых перформансах сохраняется яркий массовый финал.

Исследователи драматургии выделяют ключевую роль конфликта как основы, стимулирующей развитие действия, которое представляет собой борьбу. Драматургический конфликт – это столкновение конкретных персонажей при выполнении их «жизненных задач». Другой конфликт театрализованной формы более абстрактен, в его основе лежит неразрешимое социально-нравственное противоречие, в котором автор занимает какую-либо сторону и формирует исходя из этого свою идею. Конфликт такого рода «проявляется при монтаже различных художественных фрагментов, при сопоставлении различных идейных установок» [8. С. 11]. Конфликт в перформансе по-прежнему является двигателем действия, но это конфликт между аудиторией и перформером, вовлекающим в процесс взаимодействия, его шалостями и провокациями; это конфликт между ценностью пребывания аудитории в состоянии комфорта (в роли стороннего наблюдателя) и желанием перейти в новое состояние участника перформанса, получить новые эмоции, погружаясь в определённую атмосферу, одновременно поддерживая и создавая её. В перформансе присутствует конфликт между вымышленным персонажем, которого изображает перформер, и окружающей реальностью. В самом широком смысле можно выделить конфликт между художественным и реальным, запланированным и спонтанным, которым приходится сосуществовать в ситуации перформанса, сталкиваться и в то же время подпитывать друг друга. В перформансе может возникать бесконечное количество разных более мелких конфликтов при взаимодействии перформера с каждым отдельным членом аудитории в зависимости от его эмоций, намерений, мыслей, интеллекта, уровня воспитания и многих других составляющих. Среди практикующих режиссёров театрализованных форм также бытует мнение о современной тенденции «размытия конфликта»: становится всё сложнее определить его как две конкретные противоборствующие силы; борьба полифонична, изменчива или вовсе невидна.

Когда драматургия перформанса подразумевает несколько точек действия в пространстве, развивающихся параллельно, взаимодействие между исполнителями и аудиторией носит в высшей степени ризоматичный характер. В силу этого у автора перформанса нет возможности оперировать традиционными формами записи сценария при его разработке. Среди современных сценаристов, режиссёров, перформеров, осуществляющих деятельность в сфере театрализованных форм, нет единой официально принятой формы записи драматургической разработки перформанса. Но можно выделить несколько ключевых моментов, обозначаемых авторами в различного рода записях.

Один из них – цель – создание определённой атмосферы. На то, что «атмосфера является важнейшим элементом перформативного пространства», театр и перформанс-арт обратили внимание ещё в конце 1960-х, пишет Э. Фишер-Лихте [9. С. 220]. Однако в сфере театрализованных форм это становится ключевым элементом драматургии, после событийной основы. Важность коллективного сопереживания формирует эту особую цель перформанса – создание атмосферы как особой среды, которая сразу же захватывает и готовит аудиторию к настоящему событию (не исключая добавочность других целей). В описании определённой атмосферы перформанса, как правило, заключена и его образная художественно-эстетическая концепция. В качестве

определяющего фактора её создания выступает событие. В соответствии с целью и темой события подбираются и используются определённый материал и выразительные средства «искусств- и дисциплин-помощников».

Следующий ключевой момент – драматургия места, т.е. концепция оформления пространства, которая способствует реализации цели и включает в себя световое и цветовое решение, логику расположения и перемещения персонажей. Это преобразование, меняющее стереотипное восприятие места. Автор задумывается над адаптацией и неожиданными находками в использовании и оформлении уже имеющихся элементов пространства, учитывает траекторию движения аудитории. Выразительные средства подбираются для преобразования пространства, а не для его отягощения (если только это не приём), они часто бывают мобильными, способствующими взаимодействию исполнителей с аудиторией и одновременно максимальной просматриваемости этого импровизационного зрелища.

Огромную роль в создании атмосферы и драматургии перформанса играет звуковое оформление: музыкальное, шумовое или речитативное, вещательное, которое сразу же «окутывает» присутствующих, помогая окунуться в определённую атмосферу.

Другими опорными точками в драматургической разработке перформанса являются характеристика персонажей и их взаимодействие с аудиторией. Первое представляет собой короткое описание персонажа, отвечая на вопросы «кто?» и «какой?», включает его внешний вид. Второе – описание действий персонажа: «что делает?», «как делает?», иногда «когда делает?». Приведём в пример студенческие драматургические разработки перформанса, созданные, а затем воплощённые на базе Челябинской государственной академии культуры в 2010 г. под руководством поэта и драматурга С.К. Рубинского. Перформанс «Исторический музей времени» замышлялся и был проведён в затемнённом коридоре академии. Возле стен было расставлено шесть постаментов, на которых стояли оживающие фигуры. Каждый постамент освещался отдельно. Возле каждой фигуры стоял пюпитр с кратким описанием персонажа. В драматургической разработке характеристика персонажей и их взаимодействие с аудиторией выглядело следующим образом.

ПЯТИКАНТРОП. Описание на пюпитре: «Пятикантроп неандертальский. Мезозой. Агрессивен, голоден, холост». Внешний вид: одет в шкуры, в руке – каменный молоток. Процесс взаимодействия: «оживает» при вспышке фотоаппарата; начинает возбужденно прыгать, махать молотом.

КАЗАК. Описание на пюпитре: «Казак уральский. XVI–XVIII вв. Сподвижник Ермака, участник военных походов, вследствие чего легко теряет душевное равновесие.» Внешний вид: одет в казачий костюм, на боку – сабля; стоит, протянув вперед правую руку, словно для рукопожатия. Процесс взаимодействия: «Оживает», когда пожимают руку. Выхватывает из-за пояса саблю, начинает ею рубить воображаемых противников.

ДЕВИЦА. Описание на пюпитре: «Девица благовоспитанная. XVIII в. Знает 365 приемов этикета, 58 поклонов, 4 французских слова». Внешний вид: платье, характерное для того времени, в руке платочек; стоит в полупоклоне. Процесс взаимодействия: девица роняет платочек; «оживает», когда его кладут ей в руку; делает поклон тому, кто поднял.

Наличие и фиксация всех обозначенных компонентов драматургического замысла: «цель», «драматургия места», «звуковое оформление», «характеристика персонажей и их взаимодействие с аудиторией» не обязательна, но это опорные точки, на которых строится драматургия перформанса, о которых задумывается автор, разрабатывая перформанс. Такие элементы упорядочивания являются признаками сценарности. Чем подробнее продуманы эти моменты, тем выше уровень сценарности данной театрализованной формы, которая вступает во взаимодействие с основными аспектами постмодернизма.

Однако стоит добавить ещё один ключевой компонент драматургии театрализованной формы перформанса – финал, который представляет собой завершающее массовое действие. Это особенно часто проявляется в арт-перформансе, предполагающем совместное творчество исполнителей и участников, наблюдение за этим процессом других членов аудитории, выбравших роль зрителя. Результатом этого сотворчества могут быть различного рода арт-объекты (воздушные змеи, рисунки, фигурки оригами), появление которых становится лишь промежуточным драматургическим звеном, ведущим к финальному действию с этим объектом, которое, как правило, носит всеобщий массовый характер. Например, сложенных из бумаги журавликов раздают прохожим, расписанного воздушного змея – запускают в небо.

К трансформациям, вызванным влиянием основных аспектов постмодернизма, можно отнести следующее. Плюральность размывает композицию перформанса, множит конфликты, движущие импровизационное действие и взаимодействие перформеров с аудиторией, выражается: а) во множестве параллельных, отдельно развивающихся сюжетов, основанных на взаимодействии с аудиторией; б) во множестве путей развития каждого из этих сюжетов, которые рождаются здесь и сейчас в соавторстве с аудиторией, в) в нелинейном, мультиинтерпретативном восприятии драматургической концепции.

Ризоматичный характер развития действия в перформансе снижает его уровень сценарности по сравнению с традиционными театрализованными формами, делает традиционную форму записи драматургической разработки невозможной. К основным элементам сценарности в перформансе можно отнести: 1) концепцию, которая выражена основным художественным образом события, создающим определённую атмосферу; 2) указание основных персонажей с их характеристикой и описанием внешнего вида; 3) достаточно простые указания или правила взаимодействия с аудиторией; 4) драматургию места, т.е. запланированную адаптацию и оформление пространства; 5) финал. При этом фиксация на стабильном носителе, как и наличие всех перечисленных элементов, не носит обязательный характер.

Утверждать, что драматургия перформанса как текст в высшей степени интертекстуальна, представляется возможным, во-первых, исходя из ключевого тезиса Ролана Барта: интертекстуальность – «необходимое предварительное условие для любого текста» [10. С. 78]. Во-вторых, такие особенности интертекстуальности, как фрагментарность, гетерогенность, склонность к заимствованию, «коллажный» принцип работы, повторное использование «осколков и обрывков чужих текстов» ради трансляции заложенных в них смыслов и порождения новых, свойственны драматургии перформанса как театрализованной форме, где вступают в полилог и взаимодействуют подоб-

ным образом сюжеты достоверной реальности и художественные тексты. В-третьих, следует подчеркнуть важную роль аудитории, каждый член которой интерпретирует смыслы, рождающиеся из взаимодействия текстов, по-своему. Интертекстуальность драматургической разработки перформанса воплощается в его эклектичности и нелинейном прочтении соединяемых в ней смыслов: полисмысловая многозначность делает драматургический текст принципиально «мультиинтерпретативным».

Таким образом, в относительно новой актуальной театрализованной форме «перформанс», основанной на принципах плюральности, спонтанности, интертекстуальности, формируется новый тип драматургии, который требует от его авторов нового типа драматургического мышления, умения мыслить монтажно, векторно; лаконичности в широком смысле слова – как способности с помощью минимальных указаний направить взаимодействие исполнителей и аудитории в нужное русло, добиться создания необходимого образа – атмосферы, а также высокого уровня доверия к исполнителям.

Литература

1. *Кривцова Ю.В.* Перформанс в пространстве современной культуры : дис. … канд. искусствоведения. Ярославль, 2006. 189 с.

2. *Леман Х.-Т.* Постдраматический театр. М. : Изд. программа Фонда развития искусства драматического театра режиссера и педагога Анатолия Васильева. 2013. 311 с.

3. *Голдберг Р.* Искусство перформанса: От футуризма до наших дней. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 320 с.

4. *Липовецкий М.* Перформансы насилия : литературные и театральные эксперименты «Новой драмы» / М. Липовецкий, Б. Боймерс. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 376 с.

5. *Матушка* Медоуз о законах улицы и том, как важно «быстро соображать» [Электронный ресурс] // Альманах «Двери». 2013. № 3 (9). С. 27–37. URL: https:// issuu.com/dverifest/docs/almanah_dveri_09_63mb (дата обращения: 14.03.2016).

6. *Шувакович М.* Искусство перформанса и новые теории искусства. Минск : ЗЕРНЕ, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://ziernie-performa.net/blog/2013/09/29/lekciya-mishko-shuvakovicha-iskusstvo-performansa-i-novye-teorii-iskusstva/ (дата обращения: 07.03.2016).

7. *Деррида Ж.* О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.

8. *Шилов Н.П.* Сценарное мастерство. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2004. 68 с.

9. *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности. М. : Изд-во Канон+, 2015. 376 с.

10. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. 616 с.

Bubenkova Maria V. Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation).
E-mail: Masha-aissur@yandex.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 34–41 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/3

DRAMA OF THEATREALISED FORM «PERFORMANCE» IN THE CONTEXT OF THE MAIN ASPECTS OF POSTMODERNISM

Key words: theatrealised form, drama of theatrealised forms, performance, postmodern.

In the transition from the sphere of art to the field of theatrical forms performance has kept many of its particular qualities: physicality, interdisciplinarity, the dominance of the visual images, the synthesis of the arts, the operation on the border of real and artistic, spontaneity, variability, complicity audience, – inherited at the same time signs of major aspects of postmodernism of plurality, rhizome, intertextuality. Investigating the transformation in the drama of theatrealised form «performance» the author draws the following conclusions. Such elements as the composition and the conflict become blurred in the drama of performance. The main reference points of dramatic developments are: artistic and aesthetic concept – the image of the event, the specific performance goal – the creation of a certain atmosphere, characteristic of the characters and the process of their interaction with the audience, the

final. Availability and fixing all of these structural elements are not necessary. Plurality, rhizome, intertextuality, spontaneity contribute to the set of parallel, separately developing plots based on the interaction with the audience; a variety of ways to develop these subjects; nonlinear perception of dramatic concept; reduce the level of scripting compared to theatrealised theatrical forms; expressed in the fragmentation, the heterogeneity of drama performances, her propensity to borrow, «collage» principle works.

References

1. Krivtsova, Yu.V. (2006) *Performans v prostranstve sovremennoy kul'tury* [Performance in contemporary culture]. Art Studies Cand. Diss. Yaroslavl.

2. Leman, H.-T. (2013) *Postdramaticheskiy teatr* [Postdramatic theatre]. Moscow: Drama Theater Development Fund of Anatoly Vasilyev.

3. Goldberg, R. (2014) *Iskusstvo performansa: Ot futurizma do nashikh dney* [Performance art: From futurism to the present day]. Moscow: Ad Marginem.

4. Lipovetskiy, M. & Boymers, B. (2012) *Performansy nasiliya: literaturnye i teatral'nye eksperimenty "Novoy dramy"* [Performances of violence: The literary and theatrical experiments of the "New Drama"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

5. Shishkina, A. (2013) *Matushka Medouz o zakonakh ulitsy i tom, kak vazhno "bystro soobrazhat'"* [Mother Meadows of street law and how it is important to "think fast"]. [Online] Available from: https:// issuu.com/dverifest/docs/almanah_dveri_09_63mb. (Accessed: 14th March 2016).

6. Shuvakovich, M. (2013) *Iskusstvo performansa i novye teorii iskusstva* [Performance art and new art theory]. Minsk: ZERNE. [Online] Available from: http://ziernie-performa.net/blog/2013/09/29/lekciya-mishko-shuvakovicha-iskusstvo-performansa-i-novye-teorii-iskusstva/. (Accessed: 7th March 2016).

7. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.

8. Shilov, N.P. (2004) *Stsenarnoe masterstvo* [Screenwriting]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.

9. Fisher-Lichte, E. (2015) *Estetika performativnosti* [Aesthetics of performativity]. Moscow: Kanon+.

10. Bart, R. (1994) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.

УДК 338
DOI: 10.17223/22220836/24/4

Е.С. Воробьева

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье проводятся параллели в реформировании культуры в России и Японии. Модернизацию претерпели многие сферы жизни общества в этих странах: экономика, армия, флот и т.д. Однако реформы были направлены именно на изменение внешних культурных признаков. Обе страны восприняли культурные универсалии европейской цивилизации: модернизировались, сохранили национальную независимость и, каждая в свое время, вышли на новую ступень развития, в том числе и за счет такого субъективного фактора, как роль личностей – Петра Великого в России и Мэйдзи в Японии.
Ключевые слова: *модернизация, Россия, Япония, Петр I, Мейдзи, европейская культура, просвещенное общество, национальный характер.*

Уже несколько десятилетий зарубежная историческая мысль в лице У. Ростоу, Д. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера и др. разрабатывает концепцию модернизации, понимаемую как ускоренный переход от традиционных аграрных обществ к индустриальным, через комплекс социальных, политических, экономических и культурных преобразований.

Модернизацию претерпела в XVIII в. Россия, когда Петр Великий повернул страну навстречу европейской цивилизации. Через столетие с необходимостью модернизации столкнулась Япония. Обратим внимание на некоторые проблемы, связанные с модернизацией в России и Японии вообще и культуры в частности.

Россия и Япония пережили своего рода «революцию сверху» – Россия в XVIII в. в период правления Петра I, Япония позднее, в период правления императора Мэйдзи. Государствам пришлось под воздействием вызовов своего времени европеизироваться и модифицироваться, превратившись в развитые империи.

К началу реформ у двух стран намечалось отставание от европейских держав. В России к началу XVIII в. тормозом являлись, среди прочих причин, её замкнутость, патриархальность, неспешность и особое геополитическое положение. «Чтобы быть умелой посредницей между Азией и Европой, России, естественно, надлежало не только знать первую, но и обладать знаниями и искусствами последней» [1. С. 213]. Япония отстала от стран Запада за годы изоляции, и ей также была необходима трансформация.

Обе страны прошли курс преобразований в административной, военной, аграрной сферах, создали новейшие боеспособные армии и флоты. Кроме прочих переустройств, Россия и Япония пережили «культурный шок». Многое поменялось в обществе – от внешнего облика до путей получения образования.

Начали реформы юные правители. В России к коренным изменениям приступил молодой царь Петр I. «Революционером на троне» называл Петра историк Н.М. Карамзин. «Лишь воля и «беспредельная власть» Петра «могла

произвести такую внезапную быструю перемену» в России» [2. С. 346]. Сёгуну в Японии пришлось передать власть 15-летнему Муцухито. Начался период «просвещенного правления», или «революция Мэйдзи». «Муцухито взошел на хризантемовый трон в начале 1867 г. после скоропостижной смерти императора Комэй» [3. С. 130]. Оба государя осознали, что сохранение страны невозможно без изучения и присвоения достижений европейской науки, культуры и техники, без освоения европейской системы образования.

Переустройства в государствах возникали не на пустом месте. Историки С. Соловьев и В. Ключевский обращали внимание на то, что преобразования подготовлены всем развитием России в XVII в. «Значение главного деятеля в перевороте, Петра Великого: он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру» [4. Т. 13–14. С. 427]. Усиление иностранного влияния на культуру России началось еще при Алексее Михайловиче, когда модными стали европейская одежда, иностранные языки и даже танцы. «То была культура исключительно польская, начиная особенно с Могилы. Она пробивала дорогу более прямой ассимиляции с Западом. Алексей со своими приближенными вскоре подчинился все растущему ее влиянию» [5. С. 325]. Попытки проведения реформ А.Л. Ордина-Нащокина предвосхитили преобразования Петра I. «Для многих думающих русских людей было очевидно, что России нужно приобщаться к плодам европейской культуры» [6. С. 23]. В Японии идею преобразований предписывают Сакума Сёдзан, которому принадлежат слова: «Восточная мораль, западная техника» («Тоё дотоку, сэйё гидзюцу»). Его привлекала личность Петра I. «Деятельность Петра I создавала много параллелей современной Японии. Сакума Сёдзан импонировало в Петре I то, что он поощрял принятие западной технологии и строительство морского флота. Он считает, что Петр I содействовал возвышению России среди других народов» [3. С. 57].

Усвоение европейской культуры осуществлялось с помощью её изучения. Петр I придавал образованию огромное значение. Он отправился в Европу. «Великое посольство было одной из снаряжавшихся экспедиций на Запад с целью все нужное там высмотреть, вызнать, перенять европейское мастерство…» [1. С. 168]. С этого события и пошел обычай посылать молодежь на учёбу за границу. Петр I вернулся домой с решительным намерением преодолеть отставание от стран Запада. «Чтобы сделать Россию такой же, как и эти страны, – богатой, сильной и процветающей, нужно быстро, не теряя времени, перенять с Запада все, что для этого нужно: промышленность, оружие, технику, обычаи, книги, одежду» [6. С. 37]. При Петре открылись школы для разных слоев общества. Обучение детей дворян стало обязательным. Без наличия образования священники не могли зарегистрировать брак. В 1701 г. основана навигацкая школа, далее артиллерийская, инженерная, медицинская, горная и 42 цифирные школы. В 1731 г. был открыт Шляхетский корпус, затем Смольный институт, Академия художеств. По указу Петра I в 1725 г. создана Академия наук. В Японии также понимали, что для успешной модернизации необходимо повысить грамотность. Один из пунктов клятвы Мэйдзи гласил: «Полезные знания будут заимствоваться во всем мире, и та-

ким путем будут укрепляться основы империи» [3. С. 131]. В 1871 г. императором провозглашён курс на создание «просвещенного общества». Япония направляет студентов на учебу в европейские страны и в Россию. Среди посланных в зарубежье был чиновник, искренне восхищавшийся русским царем. «Ивакура отличался сановитою обходительностью. Он чувствовал себя неловко в европейской одежде и пользовался каждым удобным случаем, чтобы обменять ее на традиционную японскую кофту и халат. Он был восторженным поклонником Петра Великого и из своего путешествия вывез богатую коллекцию портретов преобразователя России» [7]. Для нас удивительно, что японцы шли уже проторенным русскими путем. Была проведена школьная реформа. Причем «японская реформа образования 1872 г. оказалась более радикальной – было введено обязательное начальное обучение, которое в России при Романовых так и не появилось» [8]. В 1901 г. открылся первый женский университет. Преподавание часто велось иностранными офицерами на английском языке. «В это время в Японии была принята современная система образования, одним из обязательных предметов которой был английский язык. В этот же период появляются первые заимствования из английского языка, такие, как, например, purin «pudding», meriken «American», burashi «brush» [9. С. 193].

Все реформы вызывали неизбежные культурные видоизменения в обществе. В России большинство иностранных новшеств и заимствований коснулись высших слоев общества. Царю пришлось сломить противоборство бояр. Аристократия и дворяне стали носить европейское платье, брить бороды, танцевать на ассамблеях. «По возвращении в Москву он велел остричь бороды своим ближним боярам и предписал им переодеться в европейские одежды» [6. С. 38]. Влияние Европы сказалось и на внешнем облике японцев. Так же как русский царь, японский император надел европейское платье. Эти действия повторили больше половины японцев. Вводился мундир. Первыми его надели полицейские. Теперь только отсталый человек отказывался от употребления мяса. Был введен европейский календарь, днем отдыха было объявлено воскресенье. Вечерние улицы освещались газовыми фонарями. Район Токио Гиндза был застроен по-европейски – кирпичными домами и магазинами. Японцы очень хотели стать прогрессивными, и в своих внешних преобразованиях они пошли даже дальше русских.

Культурные преобразования в России и в Японии проходили нелегко. Царь Петр не щадил ни окружающих, ни себя. На строительство Санкт-Петербурга сгоняли десятки тысяч крестьян. «После 1703 г. преступников со всей России ссылали уже не в Сибирь, а в Петербург – невская каторга была страшней сибирской» [10. С. 7]. В результате в России появилась столица, не уступающая европейским городам. Главными же чертами развития культуры в России стали отход от церковных ценностей и приобщение к светской европейской традиции. Однако культура в этот период носила переходной характер, сохраняя для основного слоя общества – крестьянства традиции прежней допетровской России. В Японии низшие слои общества так же еще долго не принимали европейские новшества.

Самым сложным, как нам кажется, для двух стран было не потерять свою национальную самобытность, «свое лицо» в процессе европеизации. Опыт

модернизации в России, где была сохранена русская душа, оказался чрезвычайно полезным для Японии. Начиная с XIX в. на японцев большое влияние оказали русская литература, философия. Японцы убедились в том, что в России достижения западной науки и техники брались на вооружение при сохранении культуры, традиций и национального характера. «Японцы научились прагматично заимствовать лучшие достижения Запада, «не теряя своего лица» (в чем поначалу обвиняли императора Мэйдзи)» [8].

В коротком исследовании трудно проследить все изменения, произошедшие в России и Японии. Обе страны модернизировались, восприняли культурные универсалии европейской цивилизации, сохранили национальную независимость и, каждая в свое время, вышли на новую ступень развития, в том числе за счет такого субъективного фактора, как роль личности – Петра Великого в России и Мэйдзи в Японии. В заключение подчеркнем, что изучение истории стран в период культурной модернизации поможет наладить диалог двух культур.

Литература

1. *Ключевский В.О.* Исторические портреты: Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М. : Правда, 1990. 624 с.

2. *Шмидт С.О.* Н.И. Карамзин и его «История государства Российского» // Карамзин Н.М. Об истории государства Российского / сост. А.И. Уткин; отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1990. 384 с.

3. *Совастеев В.В.* Очерки истории Японии: От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 296 с.

4. *Соловьев С.М.* Сочинения : в 18 кн. История России с древнейших времен / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М. : Мысль, 1991. Кн. 7, т. 13–14. 701 с.

5. *Валишевский К.* Первые Романовы. М. : Квадрат, 1993. 374 с.

6. *История* современной России: 1682–1861 / под ред. В. Шелохаева. М. : Терра, 463 с.

7. *Воспоминания* о Японии начала 70-х годов XIX в. (копия), Лев Ильич Мечников [Электронный ресурс]. URL: http://www.bakumatsu.ru/lib/LMechnikov.pdf (дата обращения: 17.12.2015).

8. *Сидоркин П.* Революция «за императора». Вокруг света. 2011. Март [Электронный ресурс]. URL: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7377/ (дата обращения: 25.12.2015).

9. *Белоножко Ю.В.* Слог и ритм английской речи носителей японского языка : дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 193 с.

10. *Прохватилова С.А.* История Санкт-Петербурга. СПб. : Балтийская кн. компания, 2011. 112 с., ил.

Vorob'yeva Elena S. *Far Eastern State University (Vladivostok, Russian Federation).*
E-mail: alenka-lisichka7@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 42–46 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/4

THE EXPERIENCE OF CULTURE MODERNIZATION IN RUSSIA AND JAPAN

Key words: *modernization, Russia, Japan, Peter the Great, Meiji, European culture, educated society, national character.*

Relevance of a subject of a research is caused by current trends of cultural development in the conditions of globalization when all cultures of the world are mixed. It is very difficult to acquire at the same time achievements of world culture and not to lose traditional cultural heritage of the country. Similar large-scale transformations already happened in cultural life of our country in the 18th century, in government of the emperor Peter I. Similar changes were made also in Japan when to the power the young 122nd emperor Mutsukhito came. An era of the educated Meiji's government call time of reforms in Japan. The tsar Peter I in Russia was entitled in the people Great. Both emperors were rather young, vigorous, understood need of changes for the countries. For changes there were serious reasons.

Russia by the beginning of reforms was the backward country that constituted serious danger to national independence. In Japan after long closing of the country – feudal backwardness which could result the country in colonial dependence. Problems required the fastest solution.

Upgrade was undergone by many spheres of life of society, both in Russia, and in Japan: economy, army, fleet, etc. However reforms were directed to change of external cultural signs.

In article parallels in reforming of culture in the countries are drawn. Both countries apprehended cultural universaliya of European civilization: were modernized, kept national independence, and, everyone in due time, came to a new step of development including at the expense of such subjective factor as roles of persons – Peter the Great in Russia and Meiji in Japan.

References

1. Klyuchevskiy, V.O. (1990) *Istoricheskie portrety: Deyateli istoricheskoy mysli* [Historical portraits: Figures of historical thought]. Moscow: Pravda.

2. Schmidt, S.O. (1990) N.I. Karamzin i ego “Istoriya gosudarstva Rossiyskogo” [N.I. Karamzin and his “History of the Russian State”]. In: Karamzin, N.M. *Ob istorii gosudarstva Rossiyskogo* [On the history of the Russian state]. Moscow.

3. Sovasteev, V.V. (2008) *Ocherki istorii Yaponii: Ot Tokugava Ieyasu do Khasimoto Ryutaro* [Essays on the history of Japan: From Tokugawa Ieyasu to Ryutaro Hashimoto]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

4. Soloviev, S.M. (1991) *Sochineniya: v 18 kn. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Compositions: In 18 books. History of Russia from ancient times]. Moscow: Mysl'.

5. Valishevskiy, K. (1993) *Pervye Romanovy* [The first Romanovs]. Moscow: Kvadrat.

6. Shelokhaev, V. (1996) *Istoriya sovremennoy Rossii: 1682–1861* [The history of modern Russia: 1682–1861]. Moscow: Terra.

7. Mechnikov, L.I. (n.d.) *Vospominaniya o Yaponii nachala 70-kh godov XIX v.* [Memories of Japan of the early 1870s]. [Online] Available from: http://www.bakumatsu.ru/lib/LMechnikov.pdf. (Accessed: 17th December 2015).

8. Sidorkin, P. (2011) Revolyutsiya “za imperatora” [Revolution “for the emperor”]. *Vokrug sveta*. March. [Online] Available from: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7377/. (Accessed: 25th December 2015).

9. Belonozhko, Yu.V. (2007) *Slog i ritm angliyskoy rechi nositeley yaponskogo yazyka* [The style and rhythm of the English speech of the Japanese native speakers]. Phiolology Cand. Diss. Vladivostok.

10. Prokhvatilova, S.A. (2011) *Istoriya Sankt-Peterburga* [History of St. Petersburg]. St. Petersburg: Baltiyskaya kn. Kompaniya.

УДК 168.522; 124.4
DOI: 10.17223/22220836/24/5

А.К.И. Забулионите, Л.А. Коробейникова

ОНТОЛОГИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В ПРОЕКТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Установка на понимание культуры как целостного и уникального исторического образования отличает проект российской культурологии от cultural studies. Вопрос онтологии целостности представлен как основной ориентир в конституировании дисциплинарности российской культурологии. Рассматриваются два способа введения концепта целостности в культурологическое исследование и выявляются апории, с которыми сталкивается современная теоретическая культурология. В статье обсуждаются предмет и метод исторической культурологии и гносеологическая стратегия культурологического исследования в неклассической культурологии, исходящей из приоритета локального события перед общим принципом. Предлагается алгоритм типологического моделирования как ситуативное исследование.

Ключевые слова: *логика и методология гуманитарного знания, онтология целостности, метафизика культуры, неклассическая культурология, типология, моделирование, алгоритм типологического моделирования, новый историзм, российская культурология.*

1. Введение

Культурология как самостоятельная область исследований формируется в то время, когда наука, вступившая в постнеклассический этап развития, конституируется не столько жестко выстроенной дисциплинарностью, сколько единством проблемного поля и наличием соответствующей методологии познания. Однако столь характерные для современной науки междисциплинарные исследования не означают, что речь идет о размывании дисциплинарности научного знания. Междисциплинарность невозможна без дисциплинарности – фундаментального знания, формирующего остов конкретной науки. Меняется ныне и смысл фундаментальной науки – «чистая наука» может сохранить себя только как фундамент прикладного исследования. Потому главными точками ее роста становятся целенаправленные попытки рационального осмысления прикладных задач, что означает ориентацию фундаментальной науки на культурную мотивацию научно-познавательной деятельности как таковой. Все сказанное относится и к культурологии.

Если можно говорить о некоем единстве проекта российской культурологии, объединяющем самые разные, порой конкурирующие научные программы и методологические традиции (системные, синергетические, семиотические концепты, методологические традиции, сложившиеся в органицизме, и др.), то многим из них присуща изначальная установка на идею многообразия культур и понимание культуры как целостного и уникального исторического образования. Со времен И.Г. Гердера и немецких романтиков эти характеристики культуры выражаются понятием «тип», той нерасчленимой далее целостности (монады) культурно-исторической жизни, бытие которой и составляет сущность социально-исторической определенности человечест-

ва, а ее изменение (трансформации) – содержание культурно-исторического процесса. Представляется, что именно эти изначальные установки на целостность и многообразие принципиально отличали российскую культурологию от cultural studies. На них обратила внимание Л.А. Коробейникова, сравнивая российскую культурологию с cultural studies, которые представляют собой мультидисциплинарное поле исследований, включающее самые разные дисциплины. В междисциплинарной ориентированности исследователь узрела единственное сходство cultural studies и российской культурологии, которая, «включая в себя множество дисциплин, тяготеет, однако, к большей структурированности. Дисциплины, изучающие культуру, обычно подразделяются на два больших блока: история культуры и теория культуры. …Западные культурные исследования вообще не затрагивают историю культуры и в основном направлены на эмпирическое изучение культуры, охватывающее небольшой исторический период – начиная с середины XX в. по настоящее время. При этом для cultural studies характерны интерпретации культуры сквозь призму политических теорий с установкой теоретиков отделить культурный тезис от культурного эссенциализма, утверждающего общую значимость культуры для нормативного теоретизирования» [1. С. 161].

Вопрос онтологии целостности и эссенциализма не является частным вопросом для российской культурологии – он ведет в средоточие ее дисциплинарности. Идея целостности и уникальности культуры выражается понятием «тип», концептуально строящим базовое понятие культурологии – «культуру». Однако способы теоретически выразить целостность культуры, как было выявлено в исследовании «Типологический таксон культуры» [2], применяются самые разные: тип-символ, тип-система, тип-структура, тип-функция, тип-конструкт. Развивая разные научные программы и методологические традиции по вопросу целостности, ученые ведут полемику и расходятся в суждениях. Яркий пример тому – известная полемика Ю.Н. Солонина [3] и М.С. Кагана [4]. Однако до настоящего времени вопросы онтологии целостности в культурологии остаются открытыми и требующими систематического исследования.

В настоящей статье мы рассмотрим два разных способа введения концепта целостности (процедуры типологизации) в культурологическое исследование. Выявим затруднения, с которыми сталкивается современная культурология, а также предложим новое возможное средство их устранения – алгоритм типологического моделирования, предполагающий изменение самой гносеологической стратегии культурологического исследования и формирование неклассической культурологии.

Исследования и результаты

1. Онтология целостности в классической культурологии. Наиболее развитой частью российской культурологии сегодня является теоретическая культурология, как полагается, конституирующая культурологию как самостоятельную область научных исследований. На теоретическую культурологию возлагается и задача выразить культуру как целостность. Поэтому вопрос о теоретических (концептуальных) способах построения базового понятия «культура» и стоял в центре уже упомянутой дискуссии Солонина

и Кагана. Полемика о том, является ли система целостной, исходила со стороны органицизма, научной программы, альтернативной механицизму, которая в российскую культурологию начала активно внедряться усилиями Солонина. Органицисты полагали, что системные методы, опирающиеся на аналитико-констеллирующую технику познания, выразить целостность не могут. А типологию они считали особым методом, способным выразить целостность и качественную определенность исследуемого объекта. Начиная с типологических идей Гете, предложившего осмысление частей исходя из «образа», органицисты и начали поиски концептуальных выражений целостности в разных науках. В исследованиях самого понятия «тип», выстроенного на «образе», велись поиски структурных особенносей, отличающих его от понятия «система». Таким образом, Петербургская полемика по-своему воспроизводила известную с конца XVIII в. конкуренцию альтернативных научных программ. Но при всех расхождениях обе стороны соглашались, что в культурологии типология является методом не философского, а научного знания и речь идет только о разных логико-методологических стратегиях. При этом, оценивая типологический метод в холистической доктрине как квалитативный метод научного знания, альтернативный квантитативно-систем-ному, Ю.Н. Солонин подчеркивал необходимость найти способы согласования эвристического потенциала обеих методологий [5. С. 26].

Тенденция редуцировать типологию в научную плоскость наметилась, конечно, не в последнее время. Она обозначилась с самого начала разработки типологии в науках Нового времени, когда типологическое мышление, известное еще античным и средневековым мыслителям, привлекало к себе внимание в связи с кризисом аналитико-констеллирующей техники познания, не способной постичь предметность нового типа – органические целостности. Типология, как определенная методология и логика построения понятия, начала разрабатываться с начала XVIII в. прежде всего в биологической науке, объекты которой отличаются характеристикой целостности [2, 6]. Однако значимые результаты были достигнуты только в конце XVIII в., в программе органицизма. Предложенная И.В. Гете идея типологического метода оказалась продуктивной. Она была воспринята в разных областях знания, в том числе и философией культуры. Как мы показали в монографии «Типологический таксон культуры», в истории распространения типологического метода возобладала тенденция редуцировать его в измерение научного знания. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в инструменталистских типологиях, в частности в хорошо известных «идеальных типах» М. Вебера. Тенденцию толковать типологический метод как научный, редуцировать всю проблематику типологии в научную плоскость укрепляли и позитивистские исследования типологического метода, проведенные К. Гемпелем и П. Оппенгеймом [7, 8].

В культурологию типологический метод переносится из философии культуры, которая изначально и на протяжении более двухсот лет строилась как специфический аналог философии природы. Причем в философии культуры были известны обе научные программы биологии (как механицизм, так и органицизм). Поэтому, когда культурология начала выделяться из философии культуры, она переняла типологический метод как основной метод, выра-

жающий уникальность и целостность исследуемой культуры. Однако типология культур, теряя философское измерение и становясь научным методом, обнаруживает ряд основательных проблем. Поэтому обратимся к вопросу: с какими апориями сталкивается ныне теоретическая культурология в проекте российской культурологии, исходящей из установки понимать культуру как целостное и уникальное историческое образование.

Предпринятый в монографии «Типологический таксон культуры» анализ разных теоретических выражений целостности культуры – системной, структурной, функциональной, организмической, коммуникативной – показал, что уникальности культуры эти теоретические конструкты не выражают. Они моделируют концептуально-онтологическую реальность, но остаются абстракциями, т.е. строят *культуру вообще*. После гетевской идеи типологии – *единства*, проявляющегося лишь в совокупности особенных явлений, культурфилософская мысль раз и навсегда должна была оставить стремление открыть за индивидуальным многообразием и исторической случайностью отдельных культур *общую структуру пра-культуры*. При всех отличиях теоретические конструкты моделируют культуру, но знания о специфике уникальной культуры (или ее события) они не несут. Знание об уникальности культуры кроется не в теоретическом конструкте.

Следует отметить и другой важный момент – общенаучный характер этих способов теоретического выражения «культуры». Все они только разные логико-методологические способы моделирования реальности. Это чистая логика построения предмета. Поэтому конкуренция научных программ в теоретической культурологи, по сути, является конкуренцией их культурфилософских оснований.

Как бы банально ни звучала эта известная истина о многообразии уникальных культур, теоретическая культурология не обладает достаточными средствами выражения уникального бытийного горизонта культуры. Поэтому в реальных исследованиях мы встречаемся или с обычным перенесением теоретического конструкта в эмпирику конкретной культуры, или с образами-монолитами (как, например, у О. Шпенглера – фаустовская, аполлоновская культура). Как решить этот вопрос специфики культуры в культурологии? Представляется, что все эти вопросы находятся в компетенции исторической культурологии, которая, следует признать, ныне находится еще на стадии формирования.

Кроме вопроса целостности и уникальности культуры, неразрешимой проблемой для теоретической культурологии становится и познание исторической динамики культуры как проявления свободы действующих в ней индивидов. Власть логики, проявляющаяся в любой теоретической схеме, не может уловить стихии «жизненного порыва». Она накладывает жесткую рамку на подвижную, творческую жизнью, на свободу. История не может без остатка вместиться в «исторические законы». Обсуждая «момент непредсказуемости» в истории, Ю.М. Лотман тонко подметил основную проблему историзма гегелевского и, в известной мере, марксистского толка. Вслед за Б. Пастернаком он назвал «историка пророком, предсказывающим назад» [9. С. 111]. Однако при этом сам Лотман тоже шел от логики – семиосферы как теоретического конструкта.

Если есть свобода индивида, конец истории непременно открыт, а «жизненные порывы» индивида, хотя и совершаются в пределах бытийного горизонта культуры (как некоторой смысловой системы координат), не вмещаются в теоретико-рациональные структуры, властно задающие границы возможных событий и познания.

2. Поворот к неклассической культурологии. Отмеченные апории теоретической культурологии известны: в логику теоретической схемы в принципе не укладываются ни уникальность культуры, ни свобода индивида, ни открытый финал исторического процесса. И нет принципиального отличия, в какой логико-методологической традиции теоретический конструкт созидается.

Неклассическая культурология предлагает принципиально иной подход к познанию культуры. Она исходит не из приоритета теоретического конструкта, но из приоритета свободы индивида и отдельного события перед принципом. Такое событие, как локальный центр пересечения разных сил предстает как единичное, аномалия. Ситуация познания переворачивается. Она влечет и некоторые трансформации дисциплинарности культурологии – центр тяжести в ней перемещается в историческую культурологию, в которой конденсируется вся специфика этой науки.

Говоря об исторической культурологии, которая ныне является гораздо менее разработанной, чем теоретическая, следует прежде всего наметить ее отличие от истории как области знания. Историческая культурология не есть история. Она имеет собственный предмет и метод. Так же, как история, она работает с эмпирическим знанием, но эта эмпирика непременно соотнесена с уникальным бытийным горизонтом культуры. В отличие от истории, «не терпящей сослагательного наклонения», историческая культурология обращается к уникальному бытийному горизонту культуры как глубинному ее метафизическому проекту, т.е. говорит об условиях возможности тех или иных артефактов. В этом смысле историческая культурология не может без сослагательного наклонения предвидения – conjunctivus prospectivus. Она спрашивает о чем-нибудь, что должно (может) случиться, и говорит о том, как возможны те или другие артефакты в определенном смысловом горизонте.

Важнейшими идеями, конституирующими историческую культурологию как самостоятельную область знания, являются идея региональных онтологий (плюрализм бытийных горизонтов) и опирающийся на нее новый историзм – не как логика и методология исторического познания, но как новая онтология. Так как речь идет о культуре как целостности и многообразии уникальных бытийных горизонтах, важнейшее место в исторической культурологии принадлежит философской типологии культур, понимаемой на основе дисконтинуальной метафизической структуры. Идея философской типологии культур на основе дисконтинуальной метафизической структуры в философию культуры проникает постепенно: от представлений о континуальной метафизической структуре к дисконтинуальной перейти удается не сразу, даже признавая культурный полиморфизм. В осмыслении культуры это движение от классического органицизма И.В. Гете и И.Г. Гердера к типологии культур О. Шпенглера. Здесь особо хотелось бы обратить внимание на то, что гетеанская идея типологии, сложившаяся в классическом органициз-

ме, предполагала единство прообраза. И.В. Гете говорил о творящей Природе как единой основе всего сущего. Гердер также строил универсальную картину мира. Единой основой сущего у него выступал Бог, истолкованный как «максимум гуманизма». Поэтому даже несмотря на то, что Гердер выдвинул идею понимания культуры как самоценного и самоцельного исторического образования, но подлинной типологии культур, предполагающей существование нескольких независимых начал (иными словами, дисконтинуальную метафизическую структуру), у Гердера не было. При всем внешнем утверждении многообразия суверенных и уникальных культур он истолковал их как разные духовные модусы единого принципа – «максимума гуманизма». Выражения культуры как уникального бытийного горизонта у Гердера еще не было.

В то же время под влиянием идей Гердера складывались культурфилософские идеи немецкого романтизма, впервые в истории философии выдвинувшего идею культурной определенности бытия. Эта идея способствовала формированию представлений о дисконтинуальной метафизической структуре и отходу от монистической картины мира, опирающейся на универсальность онтологических постулатов. С идеи романтиков о культурной определенности бытия и начинают формироваться представления о локальных системах (региональных онтологиях). Важнейший импульс тому сообщила и мысль И. Канта, поставившего человека и априорность в центр своей философии. Всякая подлинная метафизика есть антропология. К.А. Сергеев отмечал, что после мысли Канта «бытие-как-сознание преобразуется в лице Шопенгауэра и Маркса в бытие-как-волю; и после метафизики труда Маркса в бытие-как-жизнь, определяемое волей к власти, волей к могуществу, постоянной переоценкой ценностей ради жизни как таковой. Последняя, т.е. жизнь, результируется продуцированием культуры. Начиная с XX в., господствующим становится понимание бытия-как-культуры. Теперь все в человеческой жизни зависит от культуры. Культура получает самодостаточное бытие» [10. С. 146].

Осмысление бытия-как-культуры формирует принципиально новую перспективу для осмысления самого принципа историзма. В отличие от историзма, исходившего из понимания бытия как Единого и универсальной картины мира (континуальная метафизическая структура), формируется новый историзм, опирающийся на идею культурного полиморфизма и философской типологии культур. Он опирается на идею региональных онтологий (дисконтинуальная метафизическая структура), принимает идею культурного полиморфизма. Но это происходит постепенно даже в самой философии культуры. Так укрепление идеи региональных онтологий через метафизику воли Ф.В.Й. Шеллинга и «философию жизни» Ф. Ницше ведет к О. Шпенглеру, выдвинувшему идею о полиморфизме культур как замкнутых на своих прообразах мирах. То есть его типология культур выстроена уже на дисконтинуальной метафизической структуре. Однако прообраз культуры у Шпенглера остается понятийно неструктурированным монолитом. Его «аполлоновская», «фаустовская» культура – такие же монолиты, как «символический цветок» Гете, «максимум гуманизма» Гердера.

Только тогда, когда в мысли утверждается идея региональных онтологий (наличие нескольких независимых начал), возникает место для культуроло-

гии в фундаментальном знании. А в самой культурологии – необходимость понятийно структурировать уникальные бытийные горизонты культур, которые не могут быть выражены ни формальными теоретическими конструктами, ни методами эмпирического описания. Эта глубинная метафизическая структура, или культурно-исторические a priori, позволяющие осмыслить партикулярные события как части целостной культуры, требует методов философской реконструкции.

Продуктивной в структурировании прообраза культуры представляется традиция феноменологии, прежде идея «жизненного мира» Э. Гуссерля. «Жизненный мир» как интенциональность, как глубинная настроенность в весьма малой степени зависят от эмпирического опыта и свершившихся событий. Он выражает фундаментальную настроенность, которая сама определяет актуальное событие. Для того чтобы быть содержательной, такая трансцендентальность, по Гуссерлю, не нуждается в привлечении внешнего – эмпирического, психологического материала. Она представляет собой «чистую предметность» или «чистое сознание». При этом, следует отметить, интенциональность не наличествует, а функционирует. Мир человека формируется, с одной стороны, как рационально-логически организованный, с другой – как интуитивно ощущаемый. Анализируя структуру чистого переживания, Гуссерль обратил внимание на неинтендируемую данность и предпринял попытку дать феноменологическое описание чистого переживания времени. В результате было выявлено, что всякое интенциональное переживание содержит нетематические данности (на которые не направленно сознание), составляющие как бы двусторонний горизонт переживания. Такие нетематические данности сознания временности Гуссерль назвал ретенцией и протенцией, т.е. горизонтами, которые актуально не осознаются, но могут быть осознаны, если на них направить внимание. Таким образом, чистое интенциональное переживание имеет свой нетематический горизонт, который является неким «предварительным» знанием о предмете, который мы рассматриваем тематически.

С поляризацией метафизического горизонта как «жизненного мира» у Гуссерля связано осмысление историчности. Гуссерлевский горизонт как глубинная структура является негомогенной, поляризованной и динамичной. С одной стороны, это своеобразная система координат, выражающих образ мира конкретной культуры, с другой – в эту глубинную метафизическую структуру входят скрепами понятий не схваченные, «не затвердевшие» зоны потенциальной ее динамики – некие предчувствия, невыраженные настроенности. В этих не выраженных понятиями зонах реализуются творческие порывы человеческой деятельности – точки роста, развития. В них происходит разветвляющееся «развитие» самой глубинной трансцендентальной структуры (здесь можно усмотреть мотив развивающейся сферы трансценденталиэма Э. Кассирера). Но это развитие не разрушает самой системы координат как культурного a priori. Поляризованность гуссерлевского горизонта дает возможность и для описания «открытой истории», и для свободы человека.

Для реконструкции бытийного горизонта культуры историческая культурология обращается к методам философии. Но пользуясь философскими ме-

тодами, она не превращается в философию, или философию культуры, ибо обращается она к конкретным культурам и их артефактам. Не становится она и историей, ибо в структуре артефакта как локального события видит пересечение разных планов: культурных a priori и свободы индивида. Реализуя свою свободу, индивид участвует в динамике бытийного горизонта самой культуры как исторической целостности. Одновременно посредством действия индивида потенциальные смыслы бытийного горизонта культуры становятся ее актуальными артефактами. А через порождение реальных артефактов уплотняется «тело» культуры (мотив символической функции и символической формы Э. Кассирера). Каждое локальное событие высвобождает потенциальную возможность, которая становится актуальным содержанием культуры. Чем больше потенциальность культурного прообраза актуализирована, тем плотнее пространство культуры, намеченное ее бытийным горизонтом. Уплотняясь, онтологическое «тело» культуры предоставляет эмпирический материал для исследований самых разных гуманитарных областей знания (искусствоведения, социологии, истории как области знания, религиоведения и др.). Но исследуя эти «тела» культуры, ни одна область гуманитарных наук, в том числе и история как область знания, не исследует «априорный проект культурологии» как таковой – структурированность ее прообраза как потенциально возможного. Это предмет культурологии, для которой вопрос о бытийном горизонте осознается как проблема и предмет исследования. Культурология занимается прояснением уникальных культурно-исторических априори и того, что с ними происходит в ландшафте культуры в результате степеней свободы творческого индивида.

Важно отметить, что бытийный горизонт культурология может исследовать только в его актуализированном виде, т.е. только обращаясь к опредмеченным формам «жизненного порыва», к «телам» культуры. Культурология исследует *динамику* прообраза в историческом ландшафте культуры. Таким образом, она эмпирична по методу и метафизична по цели. Такая историческая культурология призвана дать возможность для осмысления любого отдельного артефакта в перспективе целостности историко-мировоззренческого горизонта уникальной культуры.

Но остается нерешенным еще один вопрос исторической культурологи – вопрос интерпретации. Это вопрос о том, как соединить в исследовании уникальный бытийный горизонт культуры (который дает условия описания любых артефактов этой культуры) с конкретными артефактами. Ибо эмпирика не соединяется с абстракцией такого ранга непосредственно. Только осмысленные через бытийный горизонт культуры, отдельные эмпирические факты (фрагменты) попадают в смысловую перспективу целостности конкретной культуры – и становятся частью целого. Этот вопрос возвращает нас к дисциплинарной структуре неклассической культурологии и к научному алгоритму познания. Суть в том, что классическая культурология идет «от теории», от логической схемы к событию. Неклассическая культурология, как уже сказано, переворачивает ситуацию познания и исходит из приоритета события перед логической схемой. Но этот переворот не погружает культурологию в безудержный эмпиризм или индивидуализм постмодернистского толка. В неклассической культурологии мы имеем дело с особым алгоритмом

познания. Речь идет о ситуационном исследовании уникального события. В таком ситуационном исследовании культурология не дублирует ни историю, ни другую область гуманитарного знания. Исследование, которое себя позиционирует как культурологическое, не теряет из виду центрального момента своей дисциплинарности – идеи целостности – прообраза культуры, раскрытого как культурологическое a priori. Таким образом, культурология, даже обращаясь к *идио*графическому методу, держит установку на метафизику (прообраз культуры), соотнося с ним все этапы движения герменевтических усилий от выдвижения исследовательской гипотезы до моделирования исследуемого фрагмента реальности.

Для обозначения такого алгоритма научного исследования мы и вводим понятие «типологическое моделирование». А вводя в науку это новое понятие, мы предлагаем и более строгое употребление термина «тип»: типологией следовало бы называть только философскую типологию. В науке, которая всегда исследует фрагмент реальности, теоретические конструкты выстроены на исследовательской гипотезе. Научный конструктивизм, по существу, является научным моделированием, даже если сам исследователь их называет типами, как в случае «идеальных типов» М. Вебера.

3. Типологическое моделирование – алгоритм ситуативного исследования.

Типологическое моделирование есть алгоритм исследования локального события, которое в неклассической культурологии имеет структуру, сочетающую бытийный горизонт и свободу индивида. Так как в структуру локального события входит измерение свободы, то с точки зрения закономерности такое событие есть аномалия. А это означает, что его исследование по характеру – ситуативное (case studies). Но в культурологии, исходящей из идеи целостности, моделирование должно учитывать перспективу уникальной целостности культуры. Это вопрос о том, как следует строить в культурологии теорию среднего уровня и исследовать фрагмент реальности, не теряя целостности. Таким образом, культурологии, которая исходит из идеи региональных онтологий и целостности уникального бытийного горизонта культуры, не миновать вопросов и методов философии.

Но это вовсе не означает, что неклассическая культурология отказывается от всего известного многообразия теоретических традиций построения предмета исследования. Здесь следует отметить другое – сам способ введения вопроса целостности в дисциплинарную структуру и особенности научного моделирования в неклассической культурологи. От логико-методологических способов она не отказывается, но и не онтологизирует их. Ко всем способам моделирования реальности неклассическая культурология относится инструменталистски, и поэтому иначе включает их в алгоритм познания. В такой ситуации важен и вопрос выбора соответствующего теоретического способа построения модели.

После всего сказанного отметим основные моменты теоретического моделирования, ибо в культурологическом исследовании не теоретическая модель реальности отвечает за целостность. Суть и ценность научного моделирования – оптимальное для изучения упрощение реальности.

Функция теоретической модели в познании – соединить гипотезу с эмпирическими данными, привести эмпирику в некоторую взаимосвязь, т.е. вне-

сти гипотетическую связь в эмпирику. Говоря о моделировании, важно отметить, что любая гипотеза (и выстроенная на ней теоретическая модель) «вырезает» из реальности только те аспекты, которые считает существенными, и опускает все остальные. Поэтому теоретическая модель никогда не воссоздает объект всесторонне и исчерпывающе. Но в этом не недостаток, а достоинство моделирования: слишком нагруженная, усложненная модель малоэффективна в исследовательской практике. Обсуждая отличие изучаемой реальности и ее модели, видный представитель философии науки М. Вартофский обратил внимание, что «модельное отношение оказывается в определенном смысле асимметричным» [11. С. 33]. Кроме ограничения относительно релевантных свойств, он также указал на другую существенную особенность модельного отношения: «…если релевантность ограничена намерениями и универсумом рассуждений человека, то именно мы и должны произвести отбор – из всего многообразия имеющихся у объекта свойств» [11. С. 33–34]. Таким образом, модель репрезентирует реальность не только в строго контролируемом смысле, но это *наша* репрезентация, которая посредством модели «всегда несет в себе наше отношение к ней как к модели – свойство, которым объект репрезентации не обладает» [11. С. 38]. Более того, Вартовский обращает внимание на то, что, отвергая претензии на абсолютное знание, мы полагаем, что моделируемые нами объекты или состояния дел обладают еще не познанными нами свойствами: «Специфической чертой плодотворных научных моделей является возможность открытия с их помощью тех свойств моделируемых объектов, которые нам пока неизвестны: исследуя свойства модели, мы делаем заключения о свойствах объекта, которые проверяем затем экспериментально» [11. С. 38].

Можно отметить также, что, выступая против «неумеренного реализма», М. Вартофский выдвигает «радикальный тезис»: «…модельные отношения имеют смысл не только для весьма сложных репрезентаций, называемых нами научными теориями или теоретическими моделями науки, но и для любого дескриптивного высказывания» [11. С. 38]. Таким образом, любое предложение, которое можно рассматривать как дескриптивное, он предлагает рассматривать как модель того, о чем говорится в предложении, как репрезентацию своего референта, как репрезентацию определенного состояния дел. Таким образом, даже эмпирика, описанная нами до построения каких-либо теоретических конструктов, то, что принято считать объективным «фактом науки», уже нагружена нашим отношением, неким предтеоретическим знанием. Имея в виду, что непосредственной реальности для нас не существует, позитивисты называли эти эмпирические данные фактуальностью. Поэтому к любому уровню высказывания о реальности (включая простую дескрипцию артефакта) следует относиться *как к языку науки*. В этом свете следует понимать и вопрос о доказательствах теории: «факты» не доказывают. Они только подкрепляют или не подкрепляют гипотезу. Доказать гипотезу они в принципе не могут.

В арсенале российской *теоретической культурологии* сегодня сосуществуют самые разные способы теоретического выражения предмета исследования, построения базового понятия «культура». И все эти теоретические модели культуры – работающие. Но ни один из них нельзя онтологизировать

в том смысле, чтобы приписать ему сущностные характеристики культуры. Это особо следует подчеркнуть, так как время от времени такие тенденции проявляются. Так было с системными построениями М.С. Кагана, а ныне это нередко происходит с синергетикой.

Поэтому еще раз подчеркнем, что ставшие столь привычными для культурологии теоретические способы моделирования культурной реальности не собственность культурологи, они являются общенаучными. В этом смысле теоретическая культурология складывается в общем русле развития теоретического знания.

Ни один из теоретических концептов и даже вся их сумма не смогут выразить онтологии целостности и уникальности культуры. Она вне компетенции теоретической куьтурологии. Но особо подчеркнем, что вовсе не в непосредственном моделировании целостности усматриваются достоинства теоретических конструктов. Не в целостности, а в возрастающей аналитичности познавательный потенциал теоретической культурологии. И вопрос следует ставить не о целостности, но о легитимации теоретического знания и эвристической силе одного или другого теоретического концепта в исследовании конкретных проблем, соответствии их решению тех или других конкретных задачах. Поэтому необходимо понимать, для чего пригодна та или другая теория, соответствует ли ее эвристический потенциал для решения конкретного вопроса. Ни одна из этих теорий не может быть абсолютизирована. В этой связи следует помнить предупреждение К. Поппера, автора процедуры фальсификации в проверке научных теорий: «Снова и снова старайтесь формулировать теории, которых вы придерживаетесь, и критикуйте их. И пробуйте строить альтернативные теории, даже по отношению к тем теориям, которые, как вам кажется, обязательно должны быть верными… Как только какая-то теория начинает казаться вам единственно возможной, примите это за сигнал о том, что вы не разобрались ни в теории, ни в проблеме, которую она призвана разрешить. И всегда смотрите на свои эксперименты как на проверку теории – как на попытку найти в ней недостатки и опровергнуть ее» [12. С. 256].

Выводы

Представления об онтологии целостности культуры – одной из основных установок на понимание культуры в российской культурологии – менялись на разных этапах ее становления.

Внимание на онтологию целостности в философии и науке особенно активно обращал Ю.Н. Солонин. Этот вопрос он привнес и в пространство становящейся в 1990-е гг. российской культурологии, инициировав полемику с М.С. Каганом – видным представителем системного подхода. В центре этой дискуссии стоял вопрос о целостности и его понятийном выражении в двух конкурирующих научных программах: в механицизме и органицизме. А ее результатом оказался не просто частный вопрос дополнительности двух методологических техник познания, но стратегический поворот на установку целостности в формировании проекта российской культурологии в целом.

Анализируя, как вопрос онтологии целостности внедрялся в российскую культурологию, мы обратили внимание на то, что на первых этапах она фор-

мировалась как классическая наука, воспроизводя основные ее онтологические и гносеологические установки. На классическом этапе организации знания российской культурологии в центре внимания оказались теоретико-познава-тельная проблематика и ее философское обоснование. Поэтому не случайно наиболее развитой частью российской культурологии стала культурология теоретическая. А полемика велась о философских обоснованиях теоретической деятельности (механицизме и органицизме как мировоззренческих установках в понимании структуры бытия). Солонин стоял на позициях онтологии целостности в философии и науке, а Каган всерьез говорил о системности бытия.

Однако на рубеже XX–XXI вв. ситуация в эпистемологии меняется. Перемен требуют и проявившиеся слабые места классической культурологии и философии культуры – они были очевидными уже в последние десятилетия XX в. Все чаще звучали голоса, что «монументальные построения» философии истории и философии культуры, наподобие Гегеля или Шпенглера, слишком абстрактны. Дело доходило даже до попытки противопоставления культурологии и философии культуры, но и это не решало вопроса. Культурология, теряя связь с философией, начала терять свои дисциплинарные контуры и растворяться в универсуме гуманитарных наук, исследующих отдельные формы культуры. Культурология возвращалась в материнское лоно гуманитарного знания, из которого она когда-то рождалась, конституируя свою дисциплинарность, ориентируясь на идею культуры как целостности.

Поэтому представляя проект неклассической культурологии, исходящей из приоритета события перед концептуальной (логической) схемой, мы особо обратили внимание на философскую составляющую в конституировании дисциплинарности культурологии. Культурология невозможна без связи с философским знанием, и философией культуры в частности.

Следует отметить и еще один момент: онтология целостности как стратегическая ориентация, сохраняющаяся на всех этапах российской культурологии, актуальна не только для конституирования дисциплинарности. Она определена и практической ориентацией фундаментальной культурологии, выступающей основанием культурологии как прикладной науки.

Ситуация культур в условиях глобальной цивилизации отличается тем, что интенсивность межкультурного обмена артефактами (в самых разных сферах) нередко превышает темпы их органического включения в целостное мировоззрение культуры, порождая риски разрывов в ментальной матрице – в целостности бытийного горизонта культуры. Все актуальнее становится создание эффективной методологической базы, способной провести культурологические экспертизы. Предложенный алгоритм неклассической культурологии, исходящей из приоритета события перед теоретической схемой, задает направление формирования методологических инструментов анализа совершенно нового порядка и аналитической силы, позволяющих анализировать организм культуры на «клеточном» уровне.

В этой статье мы представили только рамочный проект неклассической культурологии. Более основательная его разработка еще впереди. Российская культурология, исходящая из понимания культуры как целостности, самоценности и самоцельности, как уникального исторического образования, се-

годня формируется как оригинальный проект. Особенно явно эти черты проступают на фоне хорошо известных cultural studies. Даже в первом приближении видно, что они представляют собой два фундаментальных проекта, отличающихся по внутренней логике и ориентированных на разное знание и разные «практические» установки. По сравнению с российской культурологией, cultural studies выглядят более хаотичными. И все же вряд ли следует допускать, что за кажущейся хаотичностью отсутствуют своя внутренняя логика и устойчивые установки, определяющие направления и тематический интерес этой науки. Возможно, что одной из таких установок является идея смены историзма принципом трансформизма по образцу ведущих стран глобализации. Однако это предположение. Более основательное сравнение этих проектов – научных образов российской культурологии и cultural stu-dies – предполагает проведение обстоятельных исследований.

Литература

1. *Забулионите А.К.И.* Философия науки, философия культуры, культурология: взаимный интерес // Логико-философские штудии. 2015. № 13. С. 160–161.

2. *Забулионите А.К.И.* Типологический таксон культуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. 279 с.

3. *Солонин Ю.Н.* Проблема единства знания : между системностью и целостностью // Вече: Альманах русской философии и культуры. 1996. № 6. С. 166–174.

4. *Каган М.С.* Системность и целостность // Вече: Альманах русской философии и культуры. 1996. № 6. С. 175–181.

5. *Солонин Ю.Н.* Методологический кризис: его философские основания и перспективы // Забулионите А.К.И. Типологический таксон культуры. СПб., 2009. С. 5–26.

6. *Матросова Н.К.* Типологический модус целостности. СПб., 2016. 288 с.

7. *Hempel C., Oppenheim P.* Typusbegriff im Lichte der neuen Logik. Leiden, 1936. 130 S.

8. *Hempel C.* Typological methods in the natural and social sciences // *Hempel C.* Aspects of sciences explanation and other essays in the philosophy of science. New York; London, 1965. P. 155–171.

9. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2004. С. 12–148.

10. *Сергеев К.А.* Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция // Кант И. Трактаты. СПб., 1996. С. 5–146.

11. *Вартофский М.* Модели: Репрезентация и научное понимание. М., 1988. 508 с.

12. *Поппер К.Р.* Объективное знание: Эволюционный подход. М., 2002. 384 с.

Zabulionite Audra-Kristina I. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation).

E-mail: k.zabulionite@holism-culture.org

Korobeynikova Larisa A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: larisa_korobeynikova@rambler

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 47–60 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/5

ONTOLOGY OF WHOLE IN THE PROJECT OF RUSSIAN CULTUROLOGY

Key words: *logic and methodology of humanitarian knowledge, ontology of Whole, metaphysics of culture, non-classic culturology, typology, modeling, algorithm of typological modeling, new historicism, Russian culturology.*

The article examines the original approach, which emerged in the Russian culturology, for understanding culture as a comprehensive and unique historical phenomenon. It is supposed that this very approach distinguishes the project of Russian culturology from cultural studies. The issue of ontology of Whole is presented as the major element in institutionalization of disciplinarity of the Russian culturology. The two methods of introduction of the Whole concept into a cultural research are examined. The article argues, that while Russian culturology was emerging, the problems of theoretical culturol-

ogy, which is now the most developed aspect in the field, were emphasized. However, theoretical culturology encounters two challenges: manifestation of uniqueness of culture and demonstration of an acting individual's freedom. The theoretical scheme, as the originally introduced logic, is contributed to the empirical material. It also predetermines the emergence of events and cognition.

Making attempt to resolve this problem, the article puts forward an epistemological research strategy, which relies upon priority of a local event over a general principle. A possibility of formation of non-classic culturology, based on this principle, is explored. In this regard, disciplinarity of culturology undergoes transformation. Historical culturology is moved to the centre of disciplinarity on non-classic culturology, where all peculiarities of this science are concentrated. The article examines the difference between historical culturology from history as an area of knowledge. The historical a prioris (an ontological horizon, metaphysical project of culture) as pre-conditions for artefacts constitute the subject matters of historical culturology. The methods applied in phenomenology seem to be efficient for reconstruction of culture's ontological horizon. We also pay attention to structure – polirization and dynamism of Husserl's horizon of conscience and his developments of the time philosophy. The philosophical typology of cultures, which unleashed unique ontological horizons, is presented as the fundamentals for the new historicism, perceived not as logic and methodology for historical cognition, but as the new ontology. An algorithm of typological modeling as a situational research is proposed. Its idea lies in scientific modeling in the perspective of Whole (an ontological horizon of culture – cultural and historical aprioris). This non-classic culturology is descriptive in terms of a method and metaphysical in terms of a goal.

References

1. Zabulionite, A.K.I. (2015) Filosofiya nauki, filosofiya kul'tury, kul'turologiya: vzaimnyy interes [Philosophy of science, philosophy of culture, culture studies: Mutual interest]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 13. pp. 160–161.

2. Zabulionite, A.K.I. (2009) *Tipologicheskiy takson kul'tury* [Typological taxon of culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

3. Solonin, Yu.N. (1996) Problema edinstva znaniya : mezhdu sistemnost'yu i tselostnost'yu [The unity of knowledge: Between the system and integrity]. *Veche: Al'manakh russkoy filosofii i kul'tury*. 6. pp. 166–174.

4. Kagan, M.S. (1996) Sistemnost' i tselostnost' [Consistency and integrity]. *Veche: Al'manakh russkoy filosofii i kul'tury*. 6. pp. 175–181.

5. Solonin, Yu.N. (2009) Metodologicheskiy krizis: ego filosofskie osnovaniya i perspektivy [The methodological crisis: Philosophical foundations and prospects]. In: Zabulionite, A.K.I. *Tipologicheskiy takson kul'tury* [Typological taxon of culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 5–26.

6. Matrosova, N.K. (2016) *Tipologicheskiy modus tselostnosti* [Typological modus of integrity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

7. Hempel, C. & Oppenheim, P. (1936) *Typusbegriff im Lichte der neuen Logik*. Leiden: [s.n.]. (In German).

8. Hempel, C. (1965) *Aspects of sciences explanation and other essays in the philosophy of science*. New York; London: Free Press. pp. 155–171.

9. Lotman, Yu.M. (2004) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: IskusstvoSPb. pp. 12–148.

10. Sergeev, K.A. (1996) Filosofiya Kanta i novoevropeyskaya metafizicheskaya pozitsiya [Kant's philosophy and modern European metaphysics]. In: Kant, I. *Traktaty* [Treatises]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 5–146.

11. Vartofsky, M. (1988) *Modeli: Reprezentatsiya i nauchnoe ponimanie* [Models: Representation and scientific understanding]. Translated from English. Moscow: Progress.

12. Popper, K.R. (2002) *Ob"ektivnoe znanie: Evolyutsionnyy podkhod* [Objective Knowledge: An evolutionary approach]. Translated from English by D. Lakhuti. Moscow.

УДК 130.2: 316.7
DOI: 10.17223/22220836/24/6

Ф.В. Наумов

ПРОБЛЕМЫ УТИЛИТАРНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ

Статья посвящена исследованию теоретических проблем реализации языковой политики современных государств с точки зрения анализа их этико-философских оснований. Критическому осмыслению подвергаются две основные теоретические компоненты утилитарного подхода в политической философии: проблема определения блага и принцип его максимизации. В работе рассмотрены аргументы, выдвинутые Дж. Ролзом и У. Кимликой против утилитарного подхода к языковой политике.
Ключевые слова: *языковая политика, общественный договор, благо, мультикультурализм, утилитаризм, либеральная нейтральность.*

Каковы место и роль государства в процессе регулирования отношений в мультикультурном обществе? Этот вопрос связан с известной проблемой роли государственного регулирования жизни общества, которая является одной из самых дискутируемых тем в политической философии начиная с XVI в. Сегодня некоторые сферы общественной жизни формально лишены активного государственного вмешательства, индивидам предоставлены широкие права. Так, например, большинство государств признают свободу совести, разрешая людям самостоятельно определять свою религиозную принадлежность и давая возможность в довольно широких правовых рамках проповедовать свое вероучение. Раньше представить себе такой уровень религиозной терпимости со стороны власти было просто невозможно, а тем более вообразить себе «государство без алтарей».

М. ван Кревельд связывает расширение функций государства с развитием бюрократии [5. С. 128]. Так, долгое время главными задачами государства было создание законов, объявление войны, сбор налогов, правосудие и чеканка монет. Однако к XVIII веку, по мере расширения государственные органы стали брать на себя новые функции, в том числе в области образования, здравоохранения, соцподдержки и пр. Как известно, до этого соцобеспечением, например, занимались местные самоорганизованные сообщества и церковь, но индустриальная революция привела к перемещению людей в города, и проблемы поддержки населения стали слишком сложны для местных сообществ. С течением времени государство стало терять свои позиции, что связано с несколькими причинами, на которые указывает М. ван Кревельд. Во-первых, прогресс в вооружении и создание оружия массового поражения, что делает ненужными крупные территориальные расширения, а любую экспансивную политику невозможной. Во-вторых, истощение не восполняемых ресурсов и отсутствие адекватной альтернативы природному топливу приводит к значительному сокращению соцобеспечения населения, что существенно понижает значимость государства. В-третьих, из-за глобализации границы между государствами становятся все прозрачнее, а благодаря международ-

ным корпорациям все актуальнее становится не национальная, а профессиональная идентичность. В-четвертых, ввиду серьезных внешнеполитических проблем, таких как терроризм, все большую актуальность приобретают негосударственные охранные структуры, такие как частные армии и охранные агентства. Наконец, в-пятых, само отношение к государству сильно изменилось. Если в начале XIX в. Г.В.Ф. Гегель писал, что «государство – это звук шагов Бога, идущего по земле», то сегодня уверенно можно заключить, что государство растеряло кредит доверия перед обществом и воспринимается, скорее, как бездушная многоликая бюрократическая машина, которой нет дела до нужд людей.

Таким образом, можно сделать вывод, что с течением времени традиционные сферы государственного управления постепенно все сильнее дерегулируются из-за принципиальных изменений в обществе, все сильнее подтачивая авторитет государства как необходимого социального института. Это можно увидеть на множестве примеров дерегулирования: дорожного трафика, перинатальной медицины и фармацевтики, оборота гражданского оружия, местного самоуправления и пр.

По многим вопросам еще предстоит прийти к консенсусу, однако уже сейчас в связи с усилением сепаратистских настроений во многих регионах мира, в том числе и в России, необходимо понять, возможно ли регулировать языковое разнообразие иначе, ведь государство, как кажется, не самым удачным образом справляется с этим. Однако прежде необходимо рассмотреть распространенную практику языковой политики сегодня.

Языковая политика традиционно до сих пор остается в ведении государства, преимущественно из-за того, что она, помимо сугубо языковых вопросов, затрагивает ряд других, например межнациональные отношения, которые для большинства регионов мира остаются болезненными и трудно разрешимыми. Попытки тем или иным образом регулировать языковое разнообразие неизбежно приводят к конфликтам, поэтому государства очень осторожно и расчетливо вносят изменения в сложившиеся отношения по поводу использования языков.

Если взглянуть на языковую политику большинства государств, то можно уверенно сказать, что там, где она приобретает последовательный характер, она всегда опирается на определенную этико-философскую базу. Ее суть, говоря о языковой политике, в том, что государство рассматривает язык не только и даже не столько как средство коммуникации, но как средство построения идентичности. От государства к государству языковые политики, конечно, сильно отличаются, однако основа их остается неизменной – язык должен служить средством достижения определенных целей. Опираясь на классификацию, предложенную А. Паттеном, можно выделить, минимум два вида языковой политики: языковая политика одноязычия (или конвергенции) и языковая политика многоязычия (или мультилингвизма) [6. С. 365]. Обе эти модели языковой политики опираются на идейный фундамент философии утилитаризма, которая стремится, если говорить просто, увеличивать общественное благо. Следовательно, любая языковая политика сегодня стремится увеличить сопутствующие эффекты от реализации многоязычия или одноязычия. Собственно, вопрос коммуникации остается на втором плане. К та-

ким эффектам обычно относят увеличение социальной мобильности, создание единого пространства политического обсуждения и предотвращение внутригосударственных конфликтов на языковой или этнической почве, или той и другой. Нужно ли говорить, что абсолютное большинство государств активно влияют на эти процессы преимущественно путем обязывания и запрещения? Императивность языковой политики выражается в создании сводов нормативно-правовых актов и закреплении ответственности за их несоблюдение.

Однако у данного подхода есть ряд теоретических проблем, связанных в первую очередь с проблемами определения блага и его максимизации.

Говоря о понятии блага, необходимо начать с «проблемы заказа пиццы». Эта шутливая формулировка основана на тезисе У. Кимлики о том, что невозможно четко определить благо и потенциальные положительные эффекты от его достижения [1. С. 35]. У. Кимлика начинает с того, что пытается определить, что же в интуитивно понятном виде представляет собой идея блага? Сначала он обращается к определению блага как к получению удовольствия здесь и сейчас, что вполне в духе вульгарных комментаторов И. Бентама и Дж. Ст. Милля. При такой трактовке получается, что максимизация блага связаноа с постоянной стимуляцией организма, приводящего к удовольствиям, – «машиной удовольствия». Как ни странно, но полный аналог данного эксперимента был проделан Дж. Олдсом над крысами, которым в мозг вживляли электрод, стимулирующий центр удовольствия, как только крыса нажимала на рычаг замыкания тока. Является ли такая трактовка блага справедливой? Большинство скорее всего ответит нет, как и сам У. Кимлика.

Однако философ не отступает и предлагает расширить диапазон состояний сознания, включив в понятие блага не только удовольствие, но и страдание, переживание, томление, гнев, т.е. все то, что нельзя назвать приятным. Реконструированная машина, которая теперь называется «машина переживаний», демонстрирует тот же принцип работы, но с тем отличием, что обеспечивает весь спектр состояний сознания при стимуляции. Подходит ли данное определение теперь? Строго говоря, любой наркотик может вызвать целую гамму переживаний, однако мало кому придет в голову назвать наркоманию благом.

У. Кимлика соглашается с этим и переходит к наиболее продуманной трактовке, которая предполагает благом все, что соответствует нашим предпочтениям. Таким образом, понятое «благо» означает, что недостаточно просто симулировать спектр переживаний от, например, написания стихов, но нужно предоставить условия, в которых будет возможно писать стихи и получать от этого все возможные переживания. Именно здесь и появляется «проблема заказа пиццы», и суть его в следующем. Предположим, у нас есть общество, состоящее из пяти человек, которые решают, что им хочется заказать. Следуя принципу увеличения полезности, о котором будет сказано ниже, если хотя бы трое из пяти хотят заказать пиццу, а остальные китайскую еду и сэндвичи, они должны будут заказать пиццу на всех. Итак, пицца доставлена и начинается ужин. И вдруг выясняется, что пицца по неизвестной причине отравлена или протухла. Это, очевидно, испортит впечатление от вечера как минимум. Как максимум это даст некорректное представление о

благе, потому что не был учтен один важный аспект – возможность оценить последствия своего решения. Нельзя ведь сказать, что 100% заказов будут успешными и что какая-нибудь отравленная/несвежая пицца не попадет на стол. Тогда, в попытке решить данную проблему придется дополнить понятие блага как удовлетворения предпочтения рациональной предпосылкой выбора.

К великому сожалению, это не очень помогает. Дело в том, что теперь понятие блага должно подразумевать возможность человека или группы людей делать рациональные, т.е. с минимальной погрешностью обдуманные, выборы каждый раз. И если в случае с пиццей можно предположить хотя бы минимальный шанс того, что можно быть уверенным в ее качестве, то в случае с общественным благом нельзя сделать никаких более или менее достоверных прогнозов. Непонятно, следовательно, как бы себя повела полностью информированная о благе личность при совершении того или иного действия. Так, например, каким образом можно понять, какая из гендерных ролей является полностью соответствующей благу личности, а не просто его привычкой? Какая религиозная точка зрения должна быть принята в качестве блага, если точно неизвестно, рационален ли ее выбор или это просто сложившаяся традиция – исповедовать определенные взгляды? Кроме того, проблема усугубляется, при попытке сравнить два несоизмеримых блага: например, успешная карьера или романтическая любовь. В данном случае нет надежного рационального метода сопоставить их или сложить.

Переводя данную проблему в плоскость языкового разнообразия, получим, что нельзя заранее сказать, какая из языковых политик соответствует рациональным предпочтениям, а какая просто результат исторически сложившейся практики языкового планирования. Так, если предположить, что одноязычие определенно способствует единству, то как быть с многочисленными протестами по поводу неприятия языковой политики, например, в Прибалтике? Следовательно, никогда нельзя быть уверенным в том, какой даст эффект то, что принято называть «благом», и столь желанные сопутствующие цели языковой политики могут просто не сработать. Очевидно, что для «включения» того или иного эффекта требуется гораздо больше, чем стандартные правовые декларации законов о государственных языках.

Проблема справедливости тезиса об увеличении блага связана с тем, о чем говорил Дж. Ролз в своей знаменитой работе «Теория справедливости» [3. С. 128]. Занимаясь проблемой справедливого распределения общественных благ, он прибегнул к мысленному эксперименту – абстрактному общественному договору между членами некоторого абстрактного же общества. Суть эксперимента заключалась в следующем: если с самого начала предположить, что никто из членов общества не знает своего социального положения и своих личных качеств и, следовательно, никто из них заранее не объединен в группы, то каждый член общества проголосует за максимальную свободу и независимость в отношении каждого, опасаясь, что, утвердив неравенство, сам может оказаться в дискриминируемой группе. Кроме того, люди также скорее всего договорятся о поддержке тех членов общества, которые в силу природных особенностей, например, будут лишены объективной возможности получить доступ к большинству социальных благ (речь

может идти, например, об инвалидах). Таким образом, в результате получаем такое общественное устройство, которое максимально расширяет меру возможного поведения для его членов и создает нейтральное в моральном плане государство. Более того, в таком обществе невозможна идея об увеличении блага, потому как в случае ее принятия существует очень большая вероятность того, что во имя коллективного блага правомочиями меньшинства будут пренебрегать.

Если адаптировать данный тезис к проблеме языкового разнообразя, то получается, что каждый член общества, не знающий, в каком языковом коллективе он окажется, проголосует за равноправное возможное представление всех языковых коллективов вообще. Это означает, что государство, когда оно будет учреждено, останется нейтральным ко всем языковым коллективам, не создавая для каких-то из них привилегированного положения. Интуитивная справедливость данного утверждения целиком опирается на справедливость предположения Дж. Ролза о гипотетическом договоре в состоянии неведения, которая, несмотря на свою неординарную трактовку, довольно точно отражает типичную ситуацию, взятую из теории игр, а значит, достаточно обоснована.

Таким образом, создаие механизма государственного регулирования языкового разнообразия, который бы «обходил» данные проблемы на практике маловероятно. Из этого беглого анализа оснований большинства языковых политик следует, что скорее всего необходимо попытаться сформулировать альтернативную теорию языковой политики, которая бы как минимум не сталкивалась с теоретическими трудностями такого масштаба. И такой вариант, как представляется, может быть сформулирован. Он заключается в применении интуитивных выводов теории гипотетического договора Дж. Ролза с сознательным отказом от какой угодно модели языковой политики, основанной на достижении определенных результатов, признаваемых за благо. Пока трудно сказать, как конкретно будет реализована данная альтернатива, но можно обрисовать некоторые ее основные положения.

Так, во-первых, ни один из языков на территории некоторого региона не должен отождествляться с идентичностью иного рода, будь то этническая, национальная, религиозная или любая другая. Это позволит рассматривать язык не как инструмент воздействия и различных политических спекуляций, но как инструмент коммуникации (чем он фактически и является). В данном случае исчезает традиционная утилитарная «погоня за благом».

Во-вторых, государственное регулирование языковой политики должно быть заменено на местное регулирование, что означает возможность формировать языковое разнообразие «снизу», исходя из коммуникативных потребностей людей в каждом конкретном регионе. Данное допущение призвано устранить недовольство людей государственной политикой поощрения одних языков и языковых коллективов по сравнению с другими, что, в частности, порождает проблему диглоссии. Касаясь данной проблемы, А. Цветков в статье «Кому принадлежит язык?» говорит о том, что до сих пор существует проблема навязывания языковой нормы. Он же говорит, подчеркивая важность языковой политики «снизу»: «В отсутствие правил языка нет, но это совсем не значит, что правила должны исходить из единого центра. Английский язык в этом смысле – лучший пример и доказательство» [4].

Наконец, в-третьих, ни один язык или языковой коллектив не может находиться в привилегированном положении. Речь идет о том, что языковое равенство должно устанавливаться между всеми актуальными языками вообще. На практике это означает, например, что, если на местном уровне с течением времени сформируется определенная языковая группа, которая исторически никогда не проживала в данном регионе, и если она будет активно участвовать в жизни местного сообщества, никакого дискриминирующего воздействия на нее не должно оказываться. Более того, необходимо будет выстраивать процесс коммуникации таким образом, чтобы они могли участвовать в организации жизни сообщества наравне с другими, что будет подтверждать тезис об открытости сообществ и границ, о котором постоянно пишет Ч. Кукатас [2. С. 25]. Нужно отметить, что данное положение относится к дискуссионным, и в этом направлении, конечно, необходимо размышлять далее.

Подводя итог, нужно согласиться с тем, что подобная радикальная точка зрения на языковую политику многих может не устраивать. Предвкушая весь спектр критических замечаний, можно выделить наиболее болезненное для России: подобная языковая политика лишает и без того плохо интегрированное сообщество людей важнейшего средства идентичности в виде русского языка. В рамках национально ориентированного сознания потеря обязательной регламентации русского языка может существенно подорвать целостность государства и усилить местный сепаратизм. Однако, прекрасно понимая логику данной критики, можно попытаться, например, обратиться к опыту других государств, в частности США, где в отсутствие явной языковой политики, направленной на одноязычие или многоязычие, США тем не менее продолжают сохранять целостность, несмотря на то, что изначально это очень неоднородное в языковом плане государство. Дело в том, что американскую идентичность формируют другие механизмы, не связанное с языком, например гражданственность. Кроме того, в свете ранее сказанного о роли и месте государства сегодня можно предположить, что дерегулирование языковой политики может явиться очевидным следствием процесса утраты государством своего былого влияния и вполне соответствовать духу времени, когда самые традиционные области человеческих взаимоотношений все сильнее выпадают из юрисдикционных рамок отдельных государств и становятся делом частного выбора или международного сотрудничества.

Литература

1. *Van Creveld M.* The rise and decline of the state. Cambridge: University Press, 1999. 439 p.
2. *Patten A.* Liberal neutrality and language policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf (дата обращения: 29.09.2016).
3. *Кимлика У.* Современная политическая философия : введение / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
4. *Роулз Дж.* Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев. Новосибирск : НГУ, 1995. 535 с.
5. *Цветков А.* Кому принадлежит язык? [Электронный ресурс]. URL: http://www.inliberty.ru/blog/2303-Komu-prinadlezhit-yazyk (дата обращения: 29.09.2016).
6. *Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг : Теория разнообразия и свободы / пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. Куряева А.В. М. : Мысль, 2011. 482 с.

Naumov Philip V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: c_d90@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 61–67 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/6

PROBLEMS OF UTILITARIAN APPROACH TO LANGUAGE POLICY IN MULTICULTURALISM

Key words: language policy, the social contract, the good, multiculturalism, utilitarianism, liberal neutrality.

The organization co-existence of people living in a situation of de facto multiculturalism is a complex problem. Effective language policy, of course, is the most important factor in the stabilization and development of a multicultural society. The state's role in this process is enormous, but many successful examples of deregulation of public policy in other spheres of social life raises the question: is it possible to reduce state intervention in the regulation of the life of a multilingual society? Is the state language policy an adequate mechanism for the harmonization of social space?

Examining the implementation of the language policy leads to the fact that it is based on the utilitarian philosophical and ethical component, which includes two main elements: a certain interpretation of the good and rule to increase goods. Because of these reasons, it requires the active role of the state in the implementation of the language policy as well. However, a critical look at this ethical and philosophical positions is conclude to are fundamental difficulties in determining the good, as well as its principle of maximization. Consequently, the role of state in the implementation of language policy at least exaggerated.

For example, we can define the concept of good in several ways, but none of which can not be considered satisfactory. In fact, the perfect form of such a determination requires the ability to make a rational choice when you are try to define a particular good. However, to say unequivocally which of the actions taken or events is good for the individual and society is impossible. Consequently, in case of language policy is impossible to determine what form of organization of linguistic diversity promote the public good.

The principle of maximization of goods is also in doubt. If we accept that there is no universal concept of good for the whole society, the principle of it maximization will be unavoidable in practice infringe the rights of the minority. Using the methodology proposed by John. Rawls, it is possible to conclude that the state needs to remain neutral with respect to any conception of the good, and therefore, must minimally regulate social relations, including in the case of language policy.

Thus, because of the analysis of the identified problems we must acknowledge the dominant model of implementation of language policy contradictory, which implies the need to develop an alternative model, involving state deregulation and expansion of individual and collective rights.

References

1. Van Creveld, M. (1999) *The rise and decline of the state*. Cambridge: University Press.

2. Patten, A. (2003) Liberal neutrality and language policy. *Philosophy and Public Affairs*. 31(4). [Online] Available from: https://www.princeton.edu/~apatten/liberalneutrality-PAPA.pdf. (Accessed: 29th September 2016).

3. Kymlicka, W. (2010) *Sovremennaya politicheskaya filosofiya* [Contemporary political philosophy]. Translated from English by S. Moiseev. Moscow: HSE.

4. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

5. Tsvetkov, A. (2016) *Komu prinadlezhit yazyk?* [Whom does the language belong to?]. [Online] Available from: http://www.inliberty.ru/blog/2303-Komu-prinadlezhit-yazyk. (Accessed: 29th September 2016).

6. Kukatas, Ch. (2011) *Liberal'nyy arkhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody* [A Liberal Archipelago: The theory of diversity and freedom]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Mysl'.

УДК 811.161.1
DOI: 10.17223/22220836/24/7

М.А. Толстова

ГЕНДЕР В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВАРЯ[1]

Статья посвящена анализу информативных возможностей лексикографического источника для изучения гендера в диалекте. На примере репрезентаций феминнных характеристик в «Вершининском словаре» анализируются средства, конструирующие гендер и гендерные стереотипы, сложившиеся в традиционной культуре и обусловленные социальными и культурными изменениями XX в. Описана гендерно маркированная лексика, представленная в словаре: слова, называющие человека по его принадлежности к полу, характеристики внешности, характера, социального статуса и вида деятельности.
Ключевые слова: *гендер, гендерный стереотип, традиционная культура, словарь.*

Последние десятилетия в российской гуманитарной науке отмечены бурным интересом к гендерным исследованиям, объектом изучения в которых является человек, рассматриваемый сквозь призму пола. В центре данных исследований лежит понятие «гендер», определяемое современными учеными как конструкт, в котором выстраиваются представления о мужчинах и женщинах, различия в их ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках. Среди его основных признаков выделяют институализированность, ритуализированность, культурную обусловленность и динамичность. «Гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе» [1. С. 6].

Гендер как компонент и индивидуального, и коллективного сознания изучается как когнитивный феномен, проявляющийся в виде стереотипов – «культурно и социально обусловленных мнений и пресуппозиций о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [2. С. 98]. Гендерные стереотипы, зависящие от принятых в конкретном обществе гендерных ролей, могут различаться степенью выраженности или содержанием в разных культурах и меняться на протяжении истории в рамках одной культуры. Стереотипы формируются под влиянием социальных условий и «на глубинном ментальном уровне общественного сознания, уходящем корнями в далекое прошлое, наиболее стабильном, передающемся из поколения в поколение» [3. С. 6].

Научным направлением, изучающим проявления гендера в языке и речи, стала гендерная лингвистика, рассматривающая две группы вопросов: описание и объяснение того, как манифестируется гендер в языке, и изучение речевого и коммуникативного поведения мужчин и женщин. Гендер не является собственно лингвистическим понятием, он попал в языкознание из таких

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

наук, как история, историография, социология и психология. Тем не менее его содержание может быть раскрыто с помощью анализа различных структур языка.

Междисциплинарный статус гендерной лингвистики обусловил своеобразие изучения гендера и гендерных стереотипов. Необходимым условием исследования становится использование данных других, смежных с лингвистикой наук: культурологии, истории, психологии. Такой подход предполагает научную интерпретацию языкового материала на основе экспликации сведений по истории и культуре соответствующего субэтноса.

Гендерные характеристики и стереотипы в языке отчётливее всего проявляются на лексико-фразеологическом уровне. Анализ лексического состава позволяет выявить средства, которыми располагает язык для конструирования гендера и гендерных стереотипов.

Один из наиболее полных и достоверных источников диалектной лексики, «сохраняющий аутентичность взгляда носителей культуры, свободный от инокультурного восприятия и каких-либо инокультурных трактовок» [4. С. 22] – областной словарь. Ярким примером может служить «Вершининский словарь» [5], составленный коллективом томской диалектологической школы. Его издание началось в 1998 г., а последний, седьмой, том был опубликован в 2002 г.

Выбор словаря обусловлен несколькими причинами. Во-первых, объектом лексикографирования. Говор села Вершинино и прилегающих к нему сёл Батурино и Ярское – один из типичных русских старожильческих говоров Сибири – территории исторически полиэтнической, многоконфессиональной, со сложным сочетанием образа жизни, укладов, традиций, языков и говоров, с особыми географическими условиями и связанными с ними особенностями быта. Сибирский старожильческий говор относится к наиболее изученным диалектным системам. К моменту выхода словаря была сформирована база записей диалектологических экспедиций, начатых в 1947 г., словарных картотек, опубликованы диалектные словари различных типов, осуществлено разноаспектное описание русских старожильческих говоров.

За более чем 50 лет сбора материала для словаря в жизни крестьян произошло множество социально-исторических и культурных событий, потрясений и изменений, которые повлияли не только на основы общественного устройства российской деревни, но и на повседневную жизнь людей, их ценности, обыденные представления, нормы поведения и жизненные стратегии, которые непосредственно связаны с изменением гендерных ролей и трансформацией гендерных стереотипов. Столкновение социально-политических условий и традиций, старых и новых укладов гендерного порядка проявилось в формировании особых гендерных культур, что не могло не найти отражения в языке и, соответственно, в словаре.

Во-вторых, важную роль при выборе источника играет жанр словаря. «Вершининский словарь», являясь полным толковым словарем, включает не только диалектную, но и общерусскую лексику и фразеологию. В состав словаря входят и нейтральные, и стилистически окрашенные единицы, эмоционально-экспрессивные единицы, общеупотребительные и с ограниченной сферой употребления, архаизмы и неологимы. Он включает 34 170 лексико-

фразеологических единиц вершининского говора (однозначных слов, формальных и лексико-семантических вариантов слова, фразеологизмов), зафиксированных в более чем полумиллионе контекстов. Словарь обладает не только ценным иллюстративным материалом, но и содержит пометы, указывающие на стилистическую отнесенность слова, его происхождение, число зафиксированных словоупотреблений каждой лексемы.

Полнота собранного материала определена не только длительностью изучения Вершининского говора, но и использованием совокупности приёмов его наблюдения: наряду с приёмом лингвистического эксперимента (беседа с информантом) широко использовался приём психолингвистического эксперимента, данные которого позволяют увидеть говор «изнутри», а также приём непосредственного наблюдения с фиксацией речи на магнитную ленту.

Источниковедческие возможности диалектного словаря для лингвокультурологии были рассмотрены в работах О.И. Блиновой [6], Г.В. Калиткиной [7], Е.А. Юриной [8], Т.Б. Банковой [9] и др. Однако репрезентация гендерных характеристик и стереотипов в словаре не было предметом отдельного научного рассмотрения, тогда как через описание гендерных характеристик в сибирском говоре может быть представлена система значимых понятий конкретного общества, их трансформация и динамика.

На примере репрезентации феминнных характеристик рассмотрим информативные возможности «Вершининского словаря».

В результате анализа 34 170 лексико-фразеологических единиц было выявлено, что гендерно маркированной лексикой в лексикографическом источнике оказываются: слова, называющие человека по его принадлежности к полу, характеристики внешности, характера, вида деятельности.

Первая группа гендерно маркированной лексики связана с общей номинацией человека по принадлежности к полу. В зависимости от информации, которую несет в себе лексема, выделяются следующие подгруппы.

1. Нейтральное обозначение женщины в диалекте, вне зависимости от каких-либо характеристик.

Наиболее употребительное общерусское ***женщина*** (с фонетическим вариантом ***женчина***) называет лицо женского пола, независимо от социального статуса и статуса в браке. Второе по количеству словоупотреблений – просторечный вариант общерусского слова ***баба***. В отличие от литературного языка, где развиваются «тенденции «огрубления» и отчуждения его на периферию языковой картины мира <…> в сознании диалектоносителей ***баба*** до сих пор продолжает использоваться как безоценочная, стилистически нейтральная номинация замужней женщины» [Ефремов. С. 121–122]. В качестве доказательства приведем фрагмент иллюстративного материала к словарной статье в «Вершининском словаре»: *А баба крас**и**ва была так**а**, отч**а**янна, б**о**йка, пела, пила, плясала, с мужиками гуляла. // Пять-шесть баб борону таскали* [в войну] *и боронили.*

Несмотря на то, что ***женщина*** в диалекте имеет б**о**льшее количество словоупотреблений, лексема ***баба*** имеет несколько значений (замужняя женщина; жена; любовница; мать отца или матери; бабка; обращение к пожилой женщине, старухе; повивальная бабка), что «свидетельствует о большей степени ее освоенности в говоре» [10. С. 260]. Кроме того, эти две лексемы «от-

личаются разными способами вхождения в диалектный контекст. ***Женщина*** обычно используется для обозначения незнакомого человека из другой сферы, чуждой говорящему, в совокупности с неопределенными местоимениями и частицами, маркирующими категорию чуждости…» [10. С. 260].

Стилистические пометы содержат словарные статьи с единицами, производными от лексемы ***баба***. Это ласкательные: ***бабёнка / бабочка, бабёночка***: *Она так**а** открытая бабёнка. // Она чистопл**о**тненька б**а**бочка. // Колхозные бабочки-то р**о**бют. // У сына хороша бабёнка. Живут хорошо. // А эта бабочка-то как**а** хороша, жена-то. // Они расходились, а потом сходились. Хор**о**ша бабочка была, жалко. // Бабёночки рядом живут хороши. // Так это Витька чё, женился? Сюда бабу привёз. Бабёночка ничё, ага?* Пренебрежительные: ***бабёнишка, бабёнчишка, бабёшка****: Бабёнишка идёт. Тьфу! Напилась. // Бабёнчишка? Кот**о**ра пь**я**на, так её и ругают: бабёнчишка. // А бабёшка-то? Ох, ленива. Огород зарос. // А бабёнишка* [у сына] *плоха. Дети голодны, он голодный... // Пьёт. Нешш**а**дно пьёт Сашкина бабёнчишка-то. // Это аферистка настоя**ш**ша ходит тут* [продает шали], *бабёнчишка-то была; Бабёнчишка - кот**о**ра пь**я**на, так её и ругают: «бабёнчишка»*. Исходя из содержания контекстов, негативную оценку слово получает, когда речь идет о женском пьянстве и бесхозяйственности.

Третьим по распространённости употребления среди общих номинаций становится диалектное *ж**е**нска: А меня ругали женски кот**о**ры, что у тебя так**а** семья, работать-то ты еш**о** ходишь.*

2. Номинация лица женского пола, в зависимости от статуса в браке.

В традиционной культуре важную роль играло замужество. Это было переходным событием в жизни женщины, которое предписывало ей определенные жизненные установки. Этим объясняется четкое разграничение номинаций, указывающих на статус женщины в браке.

Девичество отмечено лексемами: ***девка, девушка / деушка, деваха, девица:*** *Девишники – пели песни про невесту накануне свадьбы. Это для деушки, её последний вечер; Девок на свадьбе не было, не приглашали. Придут, посмотрят – и всё, отваливайте от квартиры; Молода была – ходила на вечорки вечером. Парни, девки соберутся. Летом на улицы.*

В словаре представлены лексические единицы, связанные с темой девичества: ***девичий, девский*** – относящийся к девушке, ***в девках*** – до замужества, ***девичник, молодухин пирог*** – вечер у молодой жены, на котором ее одаривают подарками, ***расплетение косы*** – ритуал свадебного обряда и др.

Тема непорочности девушки до свадьбы отмечена словарными статьями ***честная девушка, самостоятельная девушка****: Прямо стыд-позор, выведут в одной сорочке, да ещё и повертят тебя. Что если ты и честная девушка. Да вот так делано.*

Женщина, состоящая в браке: ***жена, баба, женка, женушка, супруга, хозяйка.***

Молодую замужнюю женщину характеризуют лексические единицы ***молодуха, молодушка***: *Молодуха – первый год замуж выдет. Вот её похрестьянству молодухой зовут. // Молодухой на другой день невесту звали. У ей расплетали косу.*

Молодухой называли и замужнюю женщину, родившую первенца сына: *Молодуха – после свадьбы, пока не родит. Если сына принесёт – ешш**о** молодуха, а если дочь – нет.*

Статус вдовы отмечен лексемами ***вдова / овдова, вдовуха / овдовуха, вдовушка****: Там живет ивдова, одна. // Вдовуха я вот осталась, муж погиб. // Овдовела, так и вишь, муж помер, овдовела вдовушка, овдовая,* о женщине, оставленной мужем – ***брошенка, разженка****: Брошенка когда называли так раньше, брошенки – так её муж бросил.*

Женщина, не вышедшая замуж, – ***девка (в девках)***: *Хороша женшишина, она девка, ей уж пес**я**т пять лет.*

Вторая группа гендерно маркированной лексики – слова, характеризующие внешность и характер человека. Однако выявлено, что подавляющее число лексем, используемых для характеристики мужчин и женщин, являются гендерно симметричными, их употребление по отношению к мужчине или женщине зависит от контекста, в котором употребляется данная лексема. Так, например, лексемы ***аккуратный, чистоплотный*** чаще употребляются по отношению к женщине: *Чистоплотна, хор**о**ша женщина: везде чисто, в избе чисто, сама чиста, аккуратна. Говорят: аккуратистка*. Неодобрение вызывает ее неопрятность, неаккуратность. Например, лексемы ***беспелюха, нечистюлька*** характеризуют неумелую, нечистоплотную женщину: *Беспелюха делать ничё не может; Не знаю, вот навязалась така нечистюлька, ничё делать не хочет.*

Кроме традиционных женских характеристик, связанных с пространством дома, семьи, в словаре нашли отражение характеристики, связанные с вовлечением женщины в производство и общественную жизнь и рассматривающие женщину как рабочую единицу, равную по социальному статусу мужчине. Положительными женскими качествами становятся **активность**: *Акт**и**вны, а вот остальные, они, как единоличники. Она так**а** была хор**о**ша, и активна везде, в заводе там она везде участвовала и в самодеятельности везде;* **бойкость**: *Она бойка, пробоиста баба. Когда чё привезет, когда огурцы мои продаст;* **склонность к работе***: Говорят, который выбирает* [жену] *красивую, который, говорят, – не доила, да по двору ходила, который – за характер, который – за рабочий* [нрав] *любят, уважают, что она работница хор**о**ша; Работница была хор**о**ша, работала в колхозе; А я хор**о**ша была работница.*

Негативные характеристики, связанные с пьянством и распутством, обычно относящиеся только к мужскому миру, становятся гендерно симметричными: *Гулеван – кто гуляет, пьёт, с бабами чужими ходит от пьяна. Гулеванка – женщина, она тоже гулят с мужиками – от своего мужа…*

Женщине в обществе было предписано быть работящей и активной, а о ее красоте говорится лишь как о констатации факта: *Девочки красивенькие были, миленьки, померли; А баба красива так**а** была, отчаянна, бойка!; Хор**о**ошенька, как куколка.*

Третья группа лексики – слова, называющие человека по социальному статусу и виду деятельности.

Словарь включает словарные статьи, отражающие статус женщины в семье: ***мать, дочь, теща, свекровь, тётя, мачеха*** и др.

В словарных статьях ***дама, барышня, барыня*** актуализируется семантический компонент принадлежности женщины или девушки к городу: *С первой же зимы меня стали уже просить, да и в городе узнали, что я могу скатать пимы хороши для дам;* ***барышня*** сопровождает пометой Уваж. – уважительное: *Я вашим барышням сказала: миленьки вы мои, так**и** я пословицы вам берегла! // Идёт одна барышня, крас**и**ва, как у меня, ходили раньше с косой*; ***барыня*** дается с пометой Бран. – бранное и значением `О бездельнице`: *На улицу счас выкину! Айда! Городска барыня!*

Социальные и культурные изменения в обществе нашли отражение в существовании в диалекте лексем, называющих женщину по профессии или должности. Например, *агрономка, агрономша, бухгалтерша, докторица, врачица, врачиха* и др. Некоторые из названных слов в словаре сопровождаются пометой Нов. (новое). Традиционной для российского общества являлась патриархальная гендерная система, а женскими в русской культуре считались те сферы деятельности, которые связаны лишь с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, приготовлением пищи. Архаичные формы подобной фиксированности деятельности закрепились и в диалекте в виде существования только женского эквивалента называния по профессиональному принципу. Например, *вязальщица, вышивальщица*. Но российские социальные трансформации вызвали целый ряд новых проблем, которые непосредственно связаны с изменением семьи, положения женщины, ценностей и норм в отношениях мужчин и женщин. В обществе изменяются ценности культуры, меняется и гендерная система. На смену патриархату приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин в разных сферах, в том числе и в профессиональной. В контекстах словарных статей таких лексем отсутствует отрицательная оценка: *Удобр**е**ня больш**у** роль игр**а**т, она говорила, грономкой её звали. Она не верш**и**нинска. // Танёшка – ето как её, булгактерши-то, её девочка всё кажный день по земляникy ходит. // А булгахтерша-то ей сказала, что чё-то неправильно.*

Таким образом, описание гендерно маркированных лексических единиц диалекта позволяет восстановить фрагменты диалектной картины мира и проследить трансформации, вызванные социальными и культурными изменениями. В статье представлены лишь некоторые возможности словаря как источника изучения гендерной системы диалекта. Перспективы для изучения гендерной картины мира дает анализ фразеологического состава словаря и его иллюстративной части, содержащей информацию о гендерных стереотипах традиционной культуры.

Литература

1. *Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера : дис. … д-ра филол. наук. Н.Новгород, 2005. 401 с.

2. *Кирилина А.В.* Гендер : лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.

3. *Манзуллина З.А.* Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект : на материале русского и французского языков : дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2005. 179 с.

4. *Калиткина Г.В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 2) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 17–23.

5. *Вершининский* словарь. Т. 1–7. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 308 с.

6. *Блинова О.И.* Способы отражения народной духовной культуры в областном словаре // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. Вып. 4. С. 64–69.

7. *Диалектные* словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 12–19.

8. *Юрина Е.А.* Областной словарь как источник изучения культуры народа // Этносы Сибири : язык и культура. Томск, 1997. С. 46–49.

9. *Банкова Т.Б.* «Полный словарь сибирского говора» как источник изучения народного миросозерцания // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее : сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений / под ред. Л.М. Хараима, О.Н. Бахтиной, О.Т. Лойко. Томск, 1995. Вып. 4. С. 80–84.

10. *Демешкина Т.А.* Стандарт и нонстандарт в диалекте. ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII/ Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů – 02.09. – 04.09. 2009. Olomouc, 2009. С. 259–263.

Tolstova Maria A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: tolstova_11@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 68–75 pp.
DOI:10.17223/22220836/24/7

GENDER IN TRADITIONAL CULTURE THROUGH A DICTIONARY

Key words: *gender, gender stereotype, traditional culture, dictionary.*

The article is concerned with a topical anthropocentric scientific trend – gender linguistics, which studies the role of gender and gender stereotypes in language and speech. The interdisciplinary character of the branch involves the scientific interpretation of language material in terms of data explication in history and culture of a respective subethnos. Accordingly, a system of meaningful concepts for a particular society, its transformation and development can be construed through description of gender characteristics in the dialect.

In a language, gender characteristics and stereotypes are displayed with the highest distinctiveness at the lexico-phraseological level. As a lexicographical source reflecting the vocabulary of particular dialect we selected the "Vershiniskiy dictionary" composed by the Tomsk dialectological school. The choice is determined by the subject of lexicography – a dialect of Vershinino village, one of the typical old-time Siberian dialects. The comprehensiveness of the material gathered is ensured by lengthy studying of the dictionary and its genre being unabridged, explanatory and filled not only with dialectic, but common Russian vocabulary and phraseology.

On the basis of feminine characteristics representation, the article analyzes the means of constructing gender and gender stereotypes formed in a traditional culture and caused by the social and cultural changes of the 20th century.

Analysis of lexico-phraseological units found in the lexicographical source revealed that gender-marked vocabulary is constituted by words referring to a person by sex assignment, appearance, character, social role and kind of activity. The first group of gender-marked vocabulary is linked to a general denomination of a person by sex assignment. Depending on the information contained in a lexeme two categories are identifiable: general denomination of a woman irrespective of any status and denomination subject to her matrimonial status. The second group includes words describing the appearance and character of a person. It was discovered that the overwhelming majority of lexemes characterizing men and women are gender-symmetrical and their use depends on context. The third group of gender-marked vocabulary comprises words characterizing a woman in terms of her social condition – family status, job and position. Language transformation connected with changes in family institution, status of women, values and standards in men-women relationship are noted as well.

In this way description of dialectic gender-marked lexical units allows the reconstruction of fragments of a dialectic worldview and trace transformation caused by social and cultural changes.

References

1. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]. Philolohy Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

2. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

3. Manzullina, Z.A. (2005) *Yazykovaya kategorizatsiya gendernykh stereotipov: sopostavitel'nyy aspekt: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Language categorisation of gender stereotypes: A comparative aspect: A case study of Russian and French]. Philology Cand. Diss. Ufa.

4. Kalitkina, G.V. (2007) Dialektnye slovari kak lingvokul'turologicheskiy istochnik: opyt rekonstruktsii traditsii (stat'ya 2) [Dialectal dictionaries as a linguistic and cultural source: Reconstructiing tradition (Article 2)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 17–23.

5. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [The Vershinino Dictionary]. Vol. 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

6. Blinova, O.I. (1995) Sposoby otrazheniya narodnoy dukhovnoy kul'tury v oblastnom slovare [Methods of reflecting the people's spiritual culture in the regional dictionary]. In: Kharaim, L.M., Bakhtina, O.N. & Loyko, O.T. (eds) (eds) *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The culture of Motherland: Past, Present and Future]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 64–69.

7. Kalitkina, G.V. (2006) Dialektnye slovari kak lingvokul'turologicheskiy istochnik: opyt rekonstruktsii traditsii (stat'ya 2) [Dialectal dictionaries as a linguistic and cultural source: Reconstructiing tradition (Article 1)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 291. pp. 12–19.

8. Yurina, E.A. (1997) Oblastnoy slovar' kak istochnik izucheniya kul'tury naroda [Regional Dictionary as a source of study the culture of Siberian peoples]. In: Osipova, O.A. (ed.) *Etnosy Sibiri: yazyk i kul'tura* [Siberian ethnic groups: Language and culture]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 46–49.

9. Bankova, T.B. (1995) “Polnyy slovar' sibirskogo govora” kak istochnik izucheniya narodnogo mirosozertsaniya [The Complete Dictionary of Siberian dialect” as a source of study of the national outlook]. In: Kharaim, L.M., Bakhtina, O.N. & Loyko, O.T. (eds) *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The culture of Motherland: Past, Present and Future]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 80–84.

10. Demeshkina, T.A. (2009) [Standard and nonstandart in the dialect]. ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII. Proc. of the Conference. Olomouc. pp. 259–263.

УДК 7.075
DOI: 10.17223/22220836/24/8

И.В. Черняева

РЫНОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья является аналитическим обзором разработки ключевых понятий исследования проблемы развития художественного рынка произведений искусства в России: «художественный рынок», «арт-рынок», «художественная галерея», «виртуальная галерея», «выставка», «аукцион». Анализируются понятийный аппарат, представленный в трудах российских исследователей Д.Я. Северюхина, Т.М, Степанской, А.В. Карпова, Т.Е. Шехтер, Н.Н. Суворова, Е.Е. Прилашкевич, Н.В. Чумаковой и других авторов. Обосновывается необходимость освещения возникших на рубеже XX–XXI вв. в экономической составляющей художественного рынка терминов «арт-менеджер», «куратор».
Ключевые слова: *художественный рынок, художественная галерея, виртуальная галерея, выставка, куратор, арт-менеджер, аукцион, искусствовед.*

Художественный рынок является важным компонентом культуры – формирует материальную основу для развития искусства, существенно и разносторонне влияет на создание, распространение и бытование художественных произведений. Понятие «художественный рынок» часто применяют в широком смысле, относя его к товарообороту любых художественных произведений, включая зрелищные искусства, музыку и литературу. Наряду с этим допустимо и более узкое применение этого понятия – в отношении только сферы изобразительного искусства.

Определение термина «художественный рынок» дает в своем исследовании доктор искусствоведения Д. Северюхин [1. С. 5–6]. Автор определяет художественный рынок как систему социокультурных и экономических отношений, связанных с товарооборотом произведений искусства и услуг по исполнению художественных работ. Художественный рынок включает две области, каждая из которых имеет собственную историю развития, свою специфику и внутренние механизмы. Первую из них Д. Северюхин называет «первичным художественным рынком». Особенность этой области состоит в том, что художник как «производитель товара» является непосредственным участником («субъектом») рыночных отношений. Вторая соответственно называется «вторичным художественным рынком», ее особенность заключается в том, что произведение искусства как «товар» отчуждается от своего создателя и бытует на рынке независимо от него. Вторичный рынок охватывает не только антикварную торговлю, как это по традиции трактуется многими исследователями, но и вообще любые торговые сделки в отношении произведений искусства, совершаемые без участия их автора и без учета его интересов. В сфере искусствознания термин «художественный рынок» подразумевает любые формы материального вознаграждения и стимулирования художественного труда.

Определение понятия «художественный рынок» предлагают А.В. Карпов и Т.Е. Шехтер [2. С. 16]. По мнению исследователей, художественный рынок – это сфера экономических отношений, где произведения искусства выступают в качестве продаваемых предметов; это сфера проявления и сопоставления эстетических и художественных ценностей, идей, проектов и прожектов, смелых фантазий, отражающих стремление проявиться и удержаться в динамичной среде постоянно умножающихся художественных предложений. Рынок – это место актуализации отношений произведения искусства с действительностью в данный конкретный момент ее существования. В условиях рынка произведение искусства рассматривается как носитель определенной системы ценностей, художественные и нехудожественные составляющие которых с точки зрения рыночной значимости уравниваются.

Объектом художественного рынка являются не только произведения искусства, но и художественные образы, идеи, проекты, обладающие эвристической ценностью и оказывающие реальное воздействие на состояние художественной деятельности. Нельзя не заметить, что именно эта область художественного рынка становится все более заметной, привлекательной для заказчика и постоянно растет в цене. Способность придумать новую версию традиционного жанра, дать оригинальную трактовку мифу, нетрадиционно интерпретировать популярный сюжет или образ неизменно привлекает внимание потребителя, ибо это открывает возможность нового взгляда на действительность, человека, историю и новые перспективы творческой деятельности. Художественный рынок – это область агональных (соревновательных) стратегий, позволяющих утвердить то или иное художественное явление в сознании эпохи. Следовательно, в понятие рынка входит представление о способах введения в обращение произведений, идей и ценностей. Важно заметить, что художественный рынок – это и открытая потребителю коллекция художественных технологий, которые надо уметь выбирать и которыми надо уметь пользоваться в разных сферах деятельности [2. С. 17].

На рубеже XX–XXI вв. в современном искусстве стали сочетаться и дополнять друг друга взаимоисключающие компоненты, вырабатываться новые приемы художественного синтеза, включающего в том числе и развивающиеся современные технологии. С учетом этого факта должна сформироваться система критериев художественной оценки нового поколения, тем более что художественный рынок по природе своей требует постоянного обновления оценочного подхода, что связано не только с движением вкуса, но и с появлением новых творческих тенденций и обновлением материалов искусства. В настоящее время сфера интересов художественной деятельности выходит за пределы реальной среды. Искусство все чаще захватывает трансцендентную область, в которой пытается найти подлинные источники жизни и творчества, причем каждый автор в соответствии с направленностью собственного взора проясняет для себя, что есть сущность художественной деятельности. Творцов начинают интересовать виртуальные возможности компьютерных технологий, смысловые пространства, созданные технической или научной мыслью.

Современный художественный бизнес – это не только деятельность по введению в оборот произведений искусства, художественных идей и проек-

тов, художественных технологий, но и обеспечение их понимания, интерпретации и привлечения в разные сферы человеческой деятельности, что предполагает необходимость участия в развитии рынка теоретической научной и критической искусствоведческой мысли. Поэтому важнейшими условиями профессиональной работы в сфере художественного рынка являются: умение видеть и оценивать (критическая деятельность), выявлять и исследовать, обобщать, ставить цель и определять результат (проективная деятельность), представлять, показывать и осуществлять собственную позицию (репрезентативная деятельность).

На рубеже XX–XXI вв. наряду с понятием «художественный рынок» возникло понятие «арт-рынок», предполагающее существование экономических отношений только в сфере изобразительного искусства. Нередко происходит замещение одного понятия другим. Происходит это из-за того, что английское слово *art* означает, с одной стороны, выражение творческого таланта человека, главным образом в визуальной форме, т.е. в живописи или скульптуре (изобразительном искусстве), с другой стороны, совокупность всех видов искусства. Также art означает «художественный». Поэтому при переводе, когда имеется в виду рынок изобразительного искусства, слово *art* переводят как «художественный рынок» [3. С. 52].

Важной составляющей художественного рынка России является галерея современного искусства. В пространстве галереи репрезентируются новейшие тенденции, возникающие в искусстве. «Парадигма такова, что пространство галереи превращается в опосредующее звено цепи: художник – произведение искусства – галерея – зритель (потребитель)» [2. С. 107]. В терминологическом словаре по искусству галерея определяется как специально устроенное помещение для обозрения произведений искусства; государственное, общественное или частное предприятие, постоянно занимающееся экспонированием, хранением, изучением и пропагандой искусства [4. С. 115]. Художественная галерея – это пространство, предназначенное для демонстрации изобразительного искусства. Выставленные произведения обычно предлагаются на продажу. Слово «галере́я» имеет франко-итальянские корни. Французское galerie, и итальянское galleria в переводе означают вытянутое в длину крытое помещение или переход между частями здания или соседними зданиями. Возникновение слова и термина «галерея» изначально связано с архитектурой. В этом смысле галерея – это не просто особое пространство, но еще и определенным образом организованное пространство. Во французском варианте это место, где обычно одну из продольных стен заменяют колонны или столбы, а иногда ещё и балюстрада. Особенно важным представляется значение такого места для дворцовой архитектуры и образа жизни монарших особ, других владельцев усадеб и дворцовых комплексов, таких, как, например, немецкий дворец в Сан-Суси или отечественные Павловск, Царское Село, Ораниенбаум и т.д. В итальянском языке слово «galleria» обозначает церковную паперть. В современной языковой практике трактовка слова неоднозначна в нюансах. Иногда оно употребляется расширительно и под галереей подразумевают торговое или экспозиционное пространство. В узком смысле под галереей понимают художественные организации. Но и в этом отношении нет однозначного подхода [5].

Главное отличие частной коммерческой галереи от магазинов и художественных салонов заключается в отношении к предмету деятельности, который в случае галерейной продажи выступает как искусство-товар, в то время как в обычной торговле произведение искусства рассматривается как обычный товар – тиражируемый предмет продажи, не обладающий особой спецификой. Галереи составляют основу художественного рынка, представляют определенный уровень организации арт-бизнеса, требующей от галериста большого профессионализма и квалификации. В галереях, в отличие от обычной торговли, работают профессионалы-искусствоведы. Коммерческие галереи, как правило, имеют четко сформулированные концепции деятельности и либо работают по принципу постоянной тематической выставки-продажи, либо устраивают продолжительные тематические выставочные проекты, не меняя экспозиции в течение всего срока и отдавая проданные вещи только после окончания выставки. В основу концепции положена, как правило, галерейная специализация, профиль в мире старого или современного искусства (например, русский авангард, фотография, архитектурный проект, антикварная мебель, ковры, старая живопись, концептуализм, наивное искусство, объект и т. д.).

Галерейная деятельность рассчитана на достаточно узкую микросреду, в которую входят представители интеллигенции, любители искусства, коллекционеры, арт-критики и галеристы, представители прессы, постоянные посетители. Галерейная деятельность устанавливает связи по нескольким каналам распространения информации: с художественными критиками, которые будут тиражировать информацию через художественные журналы и другие средства массовой информации; с художественными салонами, которые могут оказать влияние на распространение информации о художниках и галерейных выставках; с привлечённой рекламой, к этому следует добавить случайное распространение произведений искусства среди туристов или покупателей. Подобно музею, галереи могут формировать собственные коллекции, создавая при этом фонды хранения. Фонды образуются из произведений, купленных у художника либо подаренных галерее. Хранение произведений должно осуществляться по строгим правилам, принятым в музейной практике. Как и музей, галерея может вести и исследовательскую деятельность, изучая тенденции современного искусства, процессы художественного рынка, творчество художников и т.д. При этом галереи ведут издательскую деятельность, издавая каталоги выставок, произведений отдельных художников и других печатных изданий. К функциям галереи можно причислить и организацию свободного времени, так как зритель посещает галереи с целью ознакомления с современным искусством, получая при этом эстетическое наслаждение. Функции воспитания и образования характерны в большей степени для отечественных галерей. Знакомя зрителя с искусством, галереи воспитывают художественный вкус и формируют художественный рынок.

Художественная выставка является важным элементом гуманитарного знания и неотъемлемой частью галерейного дела. В условиях современной культуры отмечается общественный интерес к художественной выставке как к форме международного культурного обмена, приобщения к непреходящим гуманитарным ценностям, встрече с признанными шедеврами мирового ис-

кусства или творческими экспериментами начинающих мастеров. Художественная выставка является заметным явлением культурной жизни современного общества. Выставочное пространство состоит из выставочной среды, пространства, создаваемого оборудованием, и пространства, воспроизводимого размещенными в нем произведениями искусства – экспонатами.

Особой разновидностью галереи является аукционная галерея, т.е. регулярно устраивающая наряду с выставками еще и аукционы своих коллекций. Аукционы (от лат. auctio – публичные торги; англ. auction, public sale) – продажа с публичных торгов, при которой товар или имущество приобретаются лицом, предложившим за них самую высокую цену [6. С. 227]. Аукцион – способ продажи различных продуктов человеческой деятельности, в том числе произведений искусства, антиквариата, раритетов, заявленных подлинниками.

Аукционные продажи основаны на рыночных отношениях, при которых продавец хочет получить максимальную цену, а покупатель заплатить наименьшую. Особенностью аукциона является установка цены не продавцом, а покупателем, но продажа осуществляется по правилам, установленным продавцом. Аукционер, как правило, не распоряжается собственностью, выставленной на торги, но выступает посредником между продавцом и покупателем [7. С. 97]. Данный торговый механизм явился наилучшим для продажи предметов искусства. Аукцион позволяет определить реальную стоимость произведения искусства на текущий момент. Он формирует котировки и рейтинг художника. В России формирование системы аукционных торгов проходило достаточно медленно. Отечественных коллекционеров привлекали европейские аукционы, где на протяжении XVIII–XIX вв. ими было приобретено значительное количество произведений искусства. В Петербурге исторически сложилась традиция проведения благотворительных аукционов, благотворительных выставок – продаж для поддержки художников. Аукционы были важными событиями столичной художественной жизни. Действовали специальные аукционные залы [8. С. 5].

Государственная монополия, установившаяся в годы советской власти, трансформировала естественный художественный рынок в систему централизованной оплаты создаваемых произведений искусства. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в Ленинграде стали пробиваться первые ростки художественного рынка, начали развиваться его общественные, коммерческие и информационные структуры. Наибольшую популярность аукционы приобрели к середине 1990-х гг. К этому времени родилась и завоевала достаточно большую популярность антикварная структура «Гелос» [9. С. 50]. В 1991 г. в Москве возникла первая частная аукционная фирма «Альфа-Арт». В 1992 г. прошел первый аукцион «Альфа-Арт» [10. С. 36]. Среди крупных аукционных домов России аукционный дом «Гелос» – монополист на своем рынке, но в начале 1990-х у компании были конкуренты: «Магнум», «Четыре искусства», «Гамаюн» и «Альфа-Арт».

На художественном рынке Западной Сибири есть примеры создания аукционных домов. Сибирский Аукционный Дом был создан в конце 2007 г. Цели, которые ставят перед собой создатели Сибирского Аукционного Дома, – это развитие цивилизованного арт-рынка, продвижение произведений искусства, формирование отношений художник – общество, сохранение национального наследия.

На рубеже XX–XXI вв. в экономической составляющей художественного рынка возник термин «арт-менеджер». Арт-менеджер (англ. art menager от art – «искусство» и menage – «хозяйство») – коммерческий, деловой помощник художника, вынужденного работать в условиях сложного, разветвленного рынка, разобраться в котором может только специалист. Арт-менеджер проводит «маркетинг» (англ. marketing – «исследование рынка»), в сотрудничестве с арт-дилером и арт-экспертом ищет спонсоров, меценатов, заказчиков, покупателей. В обязанности арт-менеджера входит подготовка коммерческих договоров о сотрудничестве, исполнении и реализации художественных произведений. Особое значение его деятельность имеет в области дизайна, декоративного и прикладного искусства, проектирования оформления интерьера, дизайн-графики, фирменного стиля, где необходимо сотрудничество многих специалистов, фирм, использование разных материалов и технологий. В иных видах искусства традиционное название этой специальности – антрепренёр, художественный директор, агент [11].

Кураторская деятельность – одна из основных сил, влияющих на развитие арт-процесса [12. С. 256]. Точного определения понятия «куратор», «кураторство» применительно к художественной сфере не существует. Имеющиеся словари изобилуют определениями, но ни одно из них не отображает реального значения кураторской деятельности, что, в свою очередь, усугубляется настойчивым употреблением понятия «куратор» вне художественного контекста. Наиболее близко к его истинному значению подходит определение, представленное Большой советской энциклопедией, в соответствии с которой «куратор (лат. curator) – попечитель, опекун, лицо, которому поручено наблюдение, присмотр за ходом определённой работы или цикла работ». Почти полностью следуя представленному значению, ему вторит и Оксфордский словарь. Тем не менее в последнем случае акцент делается не на отвлечённо-обобщённом, а на человеческом факторе, подразумевающем оказание куратором помощи непосредственно художнику, а именно поддержание необходимой степени активности художника в обществе. На значимость этимологии понятия «куратор» в отношении современной кураторской деятельности указывает Андрас Санто, связывая её с тремя аспектами. Быть куратором («curator») для него означает быть в высшей степени любознательным (от «curiositas» – в значении «любознательность»); воспитывать и защищать (от «curatorio» – «забота» и «исправление»), а также быть высокоорганизованным (от «curo» – «справляться, управлять»). Согласно его мнению каждое из подобных утверждений соответствует куратору, представляющему современную художественную среду. Одну из первых российских версий фигуры куратора как неотъемлемой части художественного процесса представляет Борис Гройс. Вместе с тем необходимо отметить, что он не даёт точного определения кураторской деятельности. Он лишь старается подчеркнуть само наличие специфической профессии «куратор» и через сравнительный анализ куратора и художника вычленить её особенности. С одной стороны, деятельность куратора, по его мнению, равноценна деятельности художника, поскольку кураторское апеллирование произведениями искусства или обыкновенными повседневными предметами в рамках выставочного пространства стало восприниматься как художественный акт, в то время как художник

пришёл к почти полному цитированию готовых стилей и произведений прошлого и настоящего.

Практик и аналитик современного искусства В.В. Савчук предлагает структурировать кураторскую деятельность, выделив следующие типы кураторов: куратор-менеджер, куратор-посредник, куратор-концептуалист, куратор-учредитель, куратор-гурман и повар, куратор-супердоносчик.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Художественный рынок является важным компонентом культуры – формирует материальную основу для развития искусства, существенно и разносторонне влияет на создание, распространение и бытование художественных произведений. Художественный рынок – это сфера экономических отношений, где произведения искусства выступают в качестве продаваемых предметов; это сфера проявления и сопоставления эстетических и художественных ценностей, идей, проектов и прожектов, смелых фантазий, отражающих стремление проявиться и удержаться в динамичной среде постоянно умножающихся художественных предложений. На рубеже XX–XXI вв. наряду с понятием «художественный рынок» возникло понятие «арт-рынок», предполагающее существование экономических отношений только в сфере изобразительного искусства. Нередко происходит замещение одного понятия другим.

Важной составляющей художественного рынка России является галерея современного искусства [13]. Главное отличие частной коммерческой галереи от магазинов и художественных салонов заключается в отношении к предмету деятельности, который в случае галерейной продажи выступает как искусство-товар, в то время как в обычной торговле произведение искусства рассматривается как обычный товар – тиражируемый предмет продажи, не обладающий особой спецификой. Галереи составляют основу художественного рынка, представляют определенный уровень организации арт-бизнеса. Особой разновидностью галереи является аукционная галерея, т.е. регулярно устраивающая наряду с выставками еще и аукционы своих коллекций.

На рубеже XX–XXI вв. в экономической составляющей художественного рынка возник термин «арт-менеджер». Арт-менеджер является коммерческим помощником художника, который ищет спонсоров, меценатов, заказчиков, покупателей. Кураторская деятельность – одна из основных сил, влияющих на развитие арт-процесса, которая способствует апроприации и грамотному претворению художественного проекта в жизнь.

Литература

1. *Северюхин Д.Я.* Старый художественный Петербург = Artistic Petersburg of the times past: рынок и самоорганизация художников от начала XVIII в. до 1932 г. СПб. : Міръ, 2008. 534 с.

2. *Художественный* рынок как объект гуманитарного знания : материалы ежегодной межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–23 января 2004 г. СПб. : СПбГУП, 2004. 204 с.

3. *Каган М.С.* Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века // К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18 мая 2001 г. Сер. Symposium. Вып. 12. СПб. : Изд-во С.-Петерб. филос. об-ва, 2001. С. 9–14.

4. *Аполлон.* Изобразительное и декоративное искусство, архитектура : терминологический словарь / под общ. ред. А.М. Кантора. М., 1997. 736 с.

5. *Хангельдиева И.Г.* Галерейный бизнес // Энциклопедия : фонд знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131985 (дата обращения: 20.03.2016).

6. *Большая* энциклопедия : в 62 т. М. : Терра, 2006. Т. 4. 592 с.

7. *Суворов Н.Н.* Галерейное дело : искусство в пространстве галереи : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2006. 201 с.

8. *Степанская Т.М.* Экономика и культура : программа и учебно-методические материалы к спец. курсу. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. 91 с.

9. *Чумакова Н.В.* Аукционный дом «Гелос» : формы сотрудничества с музеями // Справочник руководителя учреждения культуры. 2002. № 3. С. 49–53.

10. *Каменский М.* Аукционы и музеи // Мир музея. 1993. № 4. С. 36–43.

11. *Власов В.Г.* Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : Т. 8: Р–С. СПб. : Азбука-классика, 2008. 848 с.

12. *Прилашкевич Е.* Работа куратора выставки : взгляд изнутри // Галерейный бизнес. Российский и зарубежный опыт. М. : Арт-менеджер, 2010. С. 256.

13. *Черняева И.В.* Просветительская деятельность художественных галерей Западной Сибири в условиях современного арт-рынка // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 80–84.

Chernyaeva Irina V., Altay State University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: gurkina-22@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 76–84 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/8

THE MARKET OF WORKS OF ART IN RUSSIA: KEY CONCEPTS OF RESEARCH

Key words: *the art market, art gallery, virtual gallery, an exhibition, the curator, an art - the manager, auction, the art critic.*

Article is the state-of-the-art review of development key concepts of research of a problem of development art a wound of works of art in Russia: "the art market", "an art - the market", "art gallery", "virtual gallery", "exhibition", "auction". Are analyzed the conceptual framework presented in works of the Russian researchers D. Ya. Severyukhina, T.M, Stepanskoy, A.V. Karpov, T.E. Shekhter, N.N. Suvorova, E.E. Prilashkevich, N.V. Chumakova and other authors. Need of lighting of the 20-21st centuries which have arisen at a boundary for an economic component of the art market of the terms "art manager", "curator" is proved. In the conclusion of article the author comes to the following conclusions: the art market is an important component of culture – forms a material basis for art development, significantly and versatily influences creation, distribution and an existing of works of art. The art market is a sphere of the economic relations where works of art act as the sold objects; it is the sphere of manifestation and comparison of esthetic and art values, ideas, projects and pipe dreams, the courageous imaginations reflecting aspiration to be shown and keep in the dynamic environment of constantly multiplied art offers. An important component of the art market of Russia is the gallery of the modern art. The main difference of private commercial gallery from shops and art salons consists in the relation to object of activity which in case of gallery sale acts as art goods while in usual trade the work of art is considered as usual goods – the duplicated sale subject which isn't possessing special specifics. Galleries make a basis of the art market, represent a certain level of the organization of art business. A special kind of gallery is the auction gallery, i.e. regularly arranging along with exhibitions also auctions of the collections.

References

1. Severyukhin, D.Ya. (2008) *Staryy khudozhestvennyy Peterburg = Artistic Petersburg of the times past: rynok i samoorganizatsiya khudozhnikov ot nachala XVIII v. do 1932 g.* [Old Artistic Petersburg = Artistic Petersburg of the times past: the market and self-organization of artists from the early 18th century]. St. Petersburg: Mir".

2. Shekhter, T.E. (ed.) (2004) *Khudozhestvennyy rynok kak ob"ekt gumanitarnogo znaniya* [The art market as an object of human knowledge]. Proc. of Conference. St. Peterburg. January 21–23, 2004. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

3. Kagan, M.S. (2001) [The methodology of the Humanities in the future of the 21st century]. *K 80-letiyu professora Moiseya Samoylovicha Kagana* [The 80th anniversary of Professor Moisey Samoilovych Kagan]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. May 18, 2001. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophy Society. pp. 9–14. (In Russian).

4. Kantor, A.M. (ed.) (1997) *Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo, arkhitektura: terminologicheskiy slovar'* [Apollo. Fine and decorative arts, architecture: A terminological dictionary]. Moscow: Ellis Lak.

5. Khangeldieva, I.G. (n.d.) *Galereynyy biznes* [Gallery business]. [Online] Available from: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131985. (Accessed: 20th May 2016).

6. Kondratov, A. (ed.) *Bol'shaya entsiklopediya: v 62 t.* [Great Encyclopedia: In 62 vols]. Vol. 4. Moscow: Terra.

7. Suvorov, N.N. (2006) *Galereynoe delo: iskusstvo v prostranstve galerei* [Gallery business: Art in the gallery space]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

8. Stepanskaya, T.M. (2005) *Ekonomika i kul'tura* [Economy and culture]. Barnaul: Altai State University.

9. Chumakova, N.V. (2002) Auktsionnyy dom “Gelos”: formy sotrudnichestva s muzeyami [Gelos Auction House: Forms of cooperation with museums]. *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tury*. 3. pp. 49–53.

10. Kamenskiy, M. (1993) Auktsiony i muzei [Auctions and museums]. *Mir muzeya*. 4. pp. 36–43.

11. Vlasov, V.G. (2008) *Novyy entsiklopedicheskiy slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* [New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts]. Vol. 8. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

12. Prilashkevich, E. (2010) Rabota kuratora vystavki: vzglyad iznutri [The work of a curator of the exhibition: A look from the inside]. In: Babakov, V.A. *Galereynyy biznes. Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Gallery business. Russian and foreign experience]. Moscow: Art-menezhder. pp. 256.

13. Chernyaeva, I.V. (2012) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' khudozhestvennykh galerey Zapadnoy Sibiri v usloviyakh sovremennogo art-rynka [Educational activity of art galleries in Western Siberia in the modern art market]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(5). pp. 80–84.

УДК 001.895
DOI: 10.17223/22220836/24/9

А.Ю. Чмыхало, И.Б. Ардашкин, М.А. Макиенко

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА[1]

Статья посвящена оценке влияния интернационализации высшего образования на социокультурные процессы, происходящие в современной России. Выявляются основные тренды развития отечественных и зарубежных исследований в области интернационализации высшего образования. Сравнительный анализ опыта исследовательской деятельности в России и за рубежом позволяет констатировать необходимость активизации работы по изучению интернационализации высшего образования и его последствий. Результаты исследования показывают необходимость обратить внимание на те противоречивые последствия, которые порождают процессы интернационализации высшего образования в России в условиях отсутствия региональных и общефедеральной стратегий интернационализации.
Ключевые слова: *интернационализация высшего образования, глобализация, культура постмодерна, университеты.*

Интернационализация образования становится все более очевидной тенденцией развития национальных систем высшего образования не только в развитых странах мира, но и в современной России. Формирование данной тенденции можно проследить не только на примере деятельности как вузов, находящихся в Санкт-Петербурге и Москве, так и ведущих провинциальных университетов России, в частности Томского политехнического университета и Томского государственного университета. Активизация работы российских вузов в области интернационализации образования была вызвана мерами управленческого характера со стороны государственных органов (в частности, принятием и реализацией проекта «5–100», связанного с вхождением не менее 5 российских вузов в число 100 ведущих университетов мира до 2020 г.), а также тем обстоятельством, что в настоящее время этот процесс представляет собой глобальное явление, которое затрагивает все страны мира [1. С. 206]. Именно поэтому за последние два десятилетия оно привлекло внимание большого количества исследователей, которые в своих работах рассматривают разнообразные аспекты интернационализации высшего образования на институциональном, региональном, национальном и международном уровнях.

Понятие «интернационализация высшего образования» стало использоваться в научных исследованиях с начала 1990-х гг. С этого времени в научных публикациях оно все чаще заменяет такие понятия, как «международное образование» и «международное сотрудничество». Введение его в научный оборот должно было подчеркнуть существенные изменения, кото-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-16-70006.

рые происходят в системе высшего образования. Смена понятий отражала растущую важность международного аспекта в дальнейшем развитии высшего образования в мире [2].

В значительной степени процесс интернационализации высшего образования был вызван теми глубинными изменениями в экономической, социальной и политической жизни, которые в первую очередь затронули развитые страны мира. Эти изменения нашли свое отражение в культуре изменяющегося общества, в которой все большее значение стали приобретать постматериальные ценности: терпимость к меньшинствам, свободное слово, межличностное доверие. Некоторые авторы, в частности американский исследователь Р. Инглхарт, использовали для обозначения указанных культурных изменений термин «постмодерн».

Учреждения систем высшего образования развитых стран мира, университеты, оказали значительное влияние на трансформацию индустриального общества, переход его в постиндустриальное состояние, а также на формирование культуры постмодерна, в которой на первый план были выдвинуты ценности самовыражения и качества жизни.

В этих условиях интернационализация высшего образования была вызвана не только желанием развитых стран мира приобрести новые источники человеческих и финансовых ресурсов в странах третьего мира, но и размыванием традиционных ценностей в этих странах, расширением свободы индивидуального выбора жизненного стиля и индивидуального самовыражения для граждан этих стран [3. С. 35].

Масштабы, которые приняла интернационализация высшего образования в России, а также влияние этого процесса на социально-экономическое, политическое и культурное развитие отдельных российских регионов и страны в целом демонстрируют необходимость его пристального изучения, осуществления анализа опыта других стран, оценки результатов уже проведенных исследований в рассматриваемой области. В связи с этим в рамках настоящей работы предпринята попытка охарактеризовать основные тенденции в развитии исследований интернационализации высшего образования в России и за рубежом, дать оценку культурному значению этого феномена.

Еще в 1992 г. Arum S. и Van de Water J. [4] предложили понимать под интернационализацией высшего образования «многочисленные мероприятия, программы и услуги, которые осуществляются в рамках международных исследований, международных образовательных обменов и международного технического сотрудничества». Несколько иное определение в 1994 г. предложила Knight J. [5], которая рассматривала интернационализацию высшего образования как «процесс интеграции (включения) международных и межкультурных аспектов в содержание преподавательской, научной и сервисной функций учреждения (образования)». Несколько позднее, в 2003 г., она пересмотрела свое определение, представив его в ином виде, а именно как «процесс интеграции межнационального, межкультурного или глобального масштаба в цели, функции и обеспечение постсреднего образования» [6].

В 2002 г. Soderqvis M. [7] предложила рассматривать интернационализацию высшего образования как «процесс перехода национального вуза в состояние ведущего международного института высшего образования с выхо-

дом системы управления на международный уровень во всех аспектах своей деятельности с целью повышения качества преподавания и обучения, а также для достижения желаемого уровня компетенции».

В настоящее время среди всех возможных подходов к определению термина «интернационализация высшего образования» выделяют четыре наиболее типичных и широко используемых:

- деятельностный подход, в рамках интернационализации высшего образования рассматривается через применение таких категорий или видов деятельности, как число иностранных студентов, мобильность студентов, международные двойные ученые степени (Harari M. [8], Mestenhauser J., Ellingboe B. [9], Powell C. [10]);
- компетентностный подход, который предполагает описание интернационализации образования с точки зрения разработки новых знаний, навыков, отношений и ценностей у студентов, преподавателей и сотрудников, в то же время обращается внимание на повышение возможностей института в области преподавания и проведения научных исследований (R. Ayoubi, H. Massoud [11], G. Elkin, J. Farnsworth, A. Templer [12], S. McGowan, L. Potter [13], M. Van der Wende [14]).
- рационалистический подход, в рамках которого акцентируется внимание на рассмотрении интернационализации с точки зрения выявления ее целей и оценки полученных результатов (H. De Wit [15]; J. Knight [16]);
- процессный подход, с точки зрения которого интернационализация определяется как процесс, который направлен на интеграцию международных аспектов в преподавательскую, научную и сервисную функции образовательного учреждения (H. De Wit [15], J. Knight [5]).

Среди этих четырех подходов, как отмечают китайские исследователи Wanhua Ma и Yun Yue [17], наиболее широко в литературе представлены деятельностный и компетентностный подходы, которые применяются для исследования конкретных проблем интернационализации высшего образования. Их отличает применение надежной и достоверной системы индексов, которые могут быть использованы в качестве инструмента или ориентира для изучения интернационализации, что и определяет их популярность.

Расширение масштабов исследования современных процессов интернационализации высшего образования, выявление различий в его протекании в разных странах актуализировали внимание к истории формирования феномена. В связи с этим все более значительное внимание в исследованиях начинает уделяться различным аспектам истории интернационализации высшего образования. Здесь можно отметить работу Philip G. Altbach и Hans de Wit [18], которые рассматривают становление данного феномена в широком историческом, политическом и этнокультурном контексте. Также имеется значительное число работ, которые посвящены рассмотрению истории интернационализации высшего образования на уровне отдельных государств. Среди них можно выделить работы S. Slaughter, L. Leslie [19], L. Glazier, L. Kenschaft [20], J. Carbone, G. Winston [21], W. Hoffa [21] (все об интернационализации образования в США), A. Yonezawa [23] (об интернационализации образования в Японии), M. Asteris [24], R. Garrett [25] (об интернационализации

высшего образования в Великобритании), G. Harmon [26] (об интернационализации высшего образования в Австралии) и проч.

Многочисленность исследований процесса интернационализации высшего образования привела к дифференциации предметной области. Были выделены различные формы реализации международного сотрудничества в этой сфере, а именно:

- индивидуальная мобильность: мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;
- мобильность образовательных программ и институциональная мобильность; формирование новых международных стандартов образовательных программ;
- интеграция в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов;
- институциональное партнёрство: создание стратегических образовательных альянсов.

Рассмотрению этих форм посвящены исследования S. Bedenlier, O. Zawacki-Richter [27], P.G. Altbach, L.S. Lewis [28], L.K. Childress [29], J.L. Davies [30], A. Hamza [31], A. Gopal [32] и др.

Современный уровень развития науки и высшего образования характеризуется увеличением масштабов научных исследований и разнообразия каналов для участия в современном глобальном обществе знаний. Это стало результатом целенаправленной политики многих стран мира по поддержанию и улучшению состояния своих ведущих университетов, по расширению систем высшего образования в условиях ограниченных финансовых ресурсов, выделяемых государством на эти цели. Анализ национальных моделей интернационализации высшего образования представлен в большом количестве работ, которые вышли в последние годы. В частности, особый подход, выразившийся в сильном государственном вмешательстве, характерен для моделей стран Восточной Азии (Южная Корея, Филиппины, Вьетнам, Китай, Сингапур), что отмечается в работах P.G. Altbach, J. Bala´n [33], S. Marginson, S. Kaur, E. Sawir [34], M. Moon, K.S. Kim,F. Huang [35] и др.

Модель интернационализации, реализуемая в Японии, характеризуется наличием у университетов значительных академических свобод, автономией при принятии решений, а также участием государства в финансировании и в регулировании численности студентов и преподавателей. Ее описание представлено в работах A. Yonezawa, K. Ishida, H Horta. [36], M. Kaneko [37]. Специфика модели интернационализации высшего образования Великобритании рассматривается в работах S. Kyvik [38], H. Willmott [39] и др.

Также в исследованиях прослеживается выделение различных стратегий интернационализации высшего образования, реализуемых отдельными странами и регионами мира. К настоящему времени уже появилась многочисленная литература, посвященная рассмотрению стратегий интернационализации высшего образования на уровне межгосударственных объединений (например, ЕС, ОЭСР). Разработка национальных стратегий интернационализации высшего образования и актуализация практических мер по их реализации составляют важную часть современных исследований в этой области, поскольку это связано с той высокой степенью заинтересованности, которую

выражают многие страны в привлечении талантливой молодежи из-за рубежа, в получении дополнительного дохода, в расширении тематики научных исследований для обеспечения своего научного, экономического, социального и политического развития и лидерства в мире. В связи с этим можно упомянуть работы таких авторов, как I. Ferencz, B. Wächter [40], B.M. Kehm, U. Teichler [41], E. Egron-Polak, R. Hudson [42] (о стратегии интернационализации высшего образования в рамках Европейского Союза и отдельных стран Европы); J.K. Hudzik, M. Stohl [43], J. Davies [44], S. Slaughter, G. Rhoades [45] (о стратегии интернационализации высшего образования в США) и др.

Кроме того, одним из активно разрабатываемых аспектов исследований стратегии интернационализации высшего образования является стратегия интернационализации на уровне отдельных вузов. Особенно это характерно в отношении исследователей тех стран, в которых отсутствует хорошо скоординированная национальная стратегия интернационализации высшего образования, как, например, в США. Среди авторов работ подобного рода можно отметить J.K. Hudzik [46], L.K. Childress [29], J.R. Cole [47], W.I. Brustein [48], R. Bhandari, P. Blumenthal [49], C.Miller-Idriss, E.A. Worden [50] и др.

Разработка стратегии интернационализации высшего образования является актуальной и в России, причем как на национальном уровне, так и на уровне отдельных регионов и университетов. Особенно это важно для тех вузов, которые претендуют не только на лидерство в рамках отечественной системы высшего образования, но и на глобальное лидерство. Разработка данного вопроса имеет свою историю в отечественной науке. В 2009 г. вышло исследование «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» [51] (авторы М.Л. Агранович, И.В. Аржанова, В.А. Галичин, Н.Е. Боревская, Н.В. Гроховатская, Л.И. Ефремова, Е.А. Карпухина, М.В. Ларионова, О.В. Перфильева, Д.В. Суслова, В.М. Филиппов). В этой работе были представлены возможные сценарии развития высшего образования в России в контексте дальнейшего углубления процессов интернационализации. С момента ее выхода в свет значительно изменился геополитический, экономический, демографический, социокультурный контексты развития процессов интернационализации в России. Данное обстоятельство актуализирует необходимость проведения дальнейших исследований в этой области, однако в последние годы эта проблема практически выпала из пространства исследовательского интереса отечественных ученых. В значительной степени внимание исследователей сместилось в сторону рассмотрения частных аспектов интернационализации высшего образования, например, таких, как интернационализация и повышение качества образования (Н.В. Красильникова [52], Л.Р. Ягудина [53]), интернационализация и глобализация (Д.А. Качанов [54], С. Марджинсон [55]) и др.

Об актуальности разработки стратегии интернационализации высшего образования на уровне государства, а также отдельных регионов России, вузы которых наиболее активно вовлечены в процесс интернационализации высшего образования, говорят многие авторы. Среди них можно отметить О.В. Сагинову [56], А. Шишкина, Л. Брагина, Г. Селянскую, В.Ю. Куприянову-Ашину [57], М.В. Ларионову [58] и др. Вместе с тем в работах указанных авторов намечаются только контуры подобных проектов, обозначаются воз-

можные формы и направления участия российских вузов в процессе интернационализации высшего образования.

Активизация исследований в области интернационализации высшего образования в России также обусловлена тем, что в настоящее время в России отсутствуют специальные программы (или стратегия) интернационализации высшего образования не только на уровне отдельных регионов, но и на общефедеральном уровне. Отсутствие данных программ в некоторой степени компенсируется активностью со стороны руководителей отдельных российских университетов, выступающих с инициативой разработки вузовских программ (стратегий) интернационализации высшего образования. Например, в 2012 г. была представлена Стратегия интернационализации Балтийского федерального университета им. И. Канта, в 2013 г. была разработана «Стратегия интернационализации Казанского федерального университета», в конце 2015 г. в Томском политехническом университете (ТПУ) был подготовлен проект «Стратегии интернационализации ТПУ». Аналогичные документы разработаны и реализуются и рядом других вузов России.

Активность региональных вузов России в области интернационализации высшего образования все более обращает на себя внимание и требует критического осмысления, поскольку порождает парадоксальные ситуации в сфере культурного, социального и экономического развития, требующие не только внесения изменений в политику региональных и федеральных органов государственной власти и управления, но и более масштабных изменений, связанных с пересмотром ценностных ориентиров современного российского общества [59. С. 4–5]. Особенно это характерно для тех регионов России, вузы которых вовлечены в реализацию Проекта 5-100, запущенного в 2012 г.

Пример многих вузов России, в том числе двух вузов Томской области – Томского государственного университета и Томского политехнического университета (оба вуза являются участниками Проекта 5-100) – наглядно демонстрирует наличие серьезных позитивных количественных изменений, характеризующих положение университетов страны, активно вовлеченных в процесс интернационализации высшего образования (табл. 1, 2).

Таблица 1

Количество иностранных студентов, обучавшихся в университетах г. Томска (ТПУ и ТГУ)

	ТПУ[1]			ТГУ[2]		
Годы	Из стран СНГ	Из стран дальнего зарубежья	Всего	Из стран СНГ	Из стран дальнего зарубежья	Всего
2007	нет данных	409	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
2008	нет данных	482	нет данных	897	21	918
2009	1464	638	2102	нет данных	нет данных	нет данных
2010	1463	671	2134	942	80	1022
2011	1933	789	2722	763	59	822
2012	2224	939	3163	840	96	936
2013	2439	983	3422	нет данных	нет данных	нет данных
2014	4063	1210	5273	нет данных	нет данных	нет данных
2015	3741	1069	4810	1414	239	1653

[1] Таблица составлена на основании данных, содержащихся в отчетах и докладах за период с 2009 по 2015 г., размещенных на официальном сайте ТПУ в разделе «Отчеты и доклады» (URL: http://tpu.ru/).

[2] Таблица составлена на основании данных, содержавшихся в отчетных материалах, размещенных на официальном сайте ТГУ (URL: http://tsu.ru/).

Таблица 2.

Количество действующих программ Double Degree

	ТПУ[1]			ТГУ[2]		
Годы	Бакалавр	Магистр	Всего	Бакалавр	Магистр	Всего
2003	2	–	2			
2004 – 2007	2	–	2			
2008	2	4	6		1	1
2009	2	8	10		2	2
2010	2	12 (13)	14 (15)		3	3
2011	2	12 (13)	14 (15)	1	3	4
2012	2	14 (15)	16 (17)	1	4	5
2013	2	18 (19)	20 (21)	1	4	5
2014	2	18 (19)	20 (21)	1	6	7
2015	2	18 (19)	20 (21)	1	7	8

Позитивная динамика в области интернационализации высшего образования России несомненно уже оказала влияние на социальные, экономические политические и культурные процессы в стране, на увеличение степени открытости страны, вовлеченности ее в глобальные процессы. В частности, с 1 января 2014 года вступили в силу изменения в миграционное законодательство России, согласно которым иностранным студентам разрешается работать в период обучения на территории Российской Федерации. Это обстоятельство способствовало увеличению привлекательности системы высшего образования России для граждан других стран.

«Процессы глобализации научной деятельности привели к тому, что научное сообщество выходит за пределы узких рамок национальных границ. Формируются многочисленные международные исследовательские группы. В немалой степени этому помогает деятельность транснациональных корпораций, действующих в десятках стран, расположенных практически на всех континентах» [60. С. 115], а также целенаправленная политика органов государственной власти и управления. Необходимость соблюдения требований международных рейтингов Times Higher Education, Quacquarelli Symonds (QS), ARWU (для вузов, участвующих в Проекте 5-100) определила формирование тенденции к резкому увеличению количества иностранных преподавателей, работающих в вузах Томска. Например, в ТПУ в 2015 г. 130 зарубежных специалистов из 30 стран были привлечены к научно-образовательному процессу. В дальнейшем их доля должна составить 7,2 %[3]. В итоге общее число зарубежных специалистов составит более 150 человек при общей численности научно–преподавательского состава в 2145 человек (по данным на 2015 г.).

[1] ТПУ указывает разное количество программ DD на своем сайте в Интернете в русской и английской версиях. Эта разность прослеживается с 2013 г. На 01.01. 2016 г. общее количество магистерских программ, упоминаемых на русской версии сайта, – 18, на английской версии – 16 (отсутствуют 2 программы с университетами Великобритании, 1 программа с университетом Германии, но дополнительно упоминается 1 программа с университетом Франции, которая не упоминается в русской версии сайта).

[2] Таблица составлена на основании данных, содержавшихся в отчетных материалах, размещенных на официальном сайте ТГУ (URL: http://tsu.ru/).

[3] Решение ученого совета ТПУ по вопросу «Международная деятельность ТПУ в 2015 году и задачи на 2016 год». URL: http://tpu.ru/f/743/2016_resheniemezhdunarodnaya-deyat.v2015g.izada-china2016.pdf

Вместе с тем в последние годы на фоне усиления конкуренции между странами мира в области развития науки, техники и технологий значительно выросла и конкуренция среди университетов в области привлечения иностранных студентов [61. С. 56]. Кроме России, целый ряд стран пытаются сделать свое образование интересным студентам со всего мира – это и страны БРИКС, страны Азии и Восточной Европы. При осуществлении выбора места обучения студенты все больше принимают во внимание не только стоимость и качество образования, но и иные обстоятельства – качество жизни, наличие возможностей для самовыражения, разнообразие жизненных стилей и прочие условия, обусловленные становлением культуры постмодерна в современном мире. Однако в этой области мы можем наблюдать скорее процессы деградации, чем движения вперед. В частности, на фоне растущей интернационализации высшего образования в г. Томске и его значимой роли как инновационного центра страны качество жизни в регионе в период с 2012 по 2015 г. неизменно снижалось (табл. 3.)

Таблица 3

Рейтинг Томской области по качеству жизни среди регионов России за период с 2012 по 2015 г. (по данным РИА Новости[1])

Год	Позиция в рейтинге
2012	24
2013	30
2014	36
2015	45

Успехи в области интернационализации высшего образования в г. Томске усугубили ситуацию на рынке труда региона. В 2015 г. Томская область была включена Министерством труда России в перечень территорий, отнесенных к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда.

Кроме того, характеризуя организацию учебной деятельности иностранных студентов в томских вузах, можно отметить ряд проблемных моментов, которые осложняют выстраивание коммуникативных процессов между ними и их российскими коллегами, затрудняют их адаптацию в местной культурной среде. Например, на протяжении длительного времени студенты из стран дальнего зарубежья, обучавшиеся в ТПУ и ТГУ, были практически изолированы от общения с российскими студентами. Для них организовывались отдельные учебные группы, они размещались для проживания в отдельных общежитиях, удалённых от мест расположения основных общежитий студенческого кампуса. Отсутствие полноценного коммуникативного процесса внутри студенческой среды и за его пределами, в который бы иностранные студенты были вовлечены в полной мере, не могло способствовать улучшению понимания иностранцами поведения и склада мышления россиян в различных сферах жизни, а значит, и повышению привлекательности нашей страны.

Таким образом, очевидно, что процесс интернационализации высшего образования оказывает противоречивое влияние на развитие страны и ее регионов. Успехи университетов г. Томска по привлечению иностранных студентов и преподавателей для учебы и работы достаточно ярко обнажили ряд

[1] См.: http://riarating.ru/

проблем социокультурного характера. Увеличение доли иностранных студентов в российских вузах привело только к одному очевидному результату – продвижению ряда университетов в мировых рейтингах. Другие видимые позитивные результаты интернационализации пока не просматриваются. Более того, процессы интернационализации все более остро обнажают проблемы современного российского общества, которые связанны с улучшением качества жизни, расширением возможностей для самореализации и проч.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что необходимо активизировать работу по изучению опыта интернационализации системы высшего образования, выявлению эффективных механизмов его реализации (возможно, посредством разработки стратегий интернационализации высшего образования на региональном и общефедеральном уровнях), так как интернационализация является не только одним из ключевых направлений интеграции российской системы высшего образования в международное образовательное пространство, выхода ее на передовые позиции в мировых рейтингах, но и процессом, который связан с глубинными изменениями в социальной и культурной жизни общества. Этот процесс способен оказать значительное влияние на производство изменений в культуре и ценностных ориентирах современного российского общества, в которых все большее значение приобретают постматериальные ценности, связанные с формированием терпимости к меньшинствам, межличностного доверия, уважения к свободе слова и разнообразию жизненных стилей.

Литература

1. *Matei L., Iwinska J.* National Strategies and Practices in Internationalisation of Higher Education: Lessons from a Cross-Country Comparison // Higher Education Reforms in Romania. 2014. November. P. 205–226.

2. *Elspeth J., De Wit H.* Globalization of internationalization: Thematic and regional reflections on a traditional concept. 2012. URL: http://muse.jhu.edu/journals/audem/v003/3.jones.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

3. *Корниенко А.А., Ардашкин И.Б., Чмыхало А.Ю.* Философия науки : учеб. пособие. Томск: Том. политехн. ун-т, 2007. 184 с.

4. *Arum S., Van de Water J.* The Need for a Definition of International Education in US Universities // Bridges to the Future: Strategies for internationalizing higher education. Klasek C.B. (Ed.). Carbondale: Association of International Education Administrators.1992. P. 191–203.

5. *Knight J.* Internationalisation: elements and checkpoints. // Canadian Bureau for International Education. Ottawa. 1994. 7. URL: http://www.cbie-bcei.ca/wp-content/uploads/2014/01/Internationalization-Elements-and-Checkpoints.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

6. *Knight J.* Updated internationalization definition // International Higher Education. 2003. № 33. P. 2–3.

7. *Soderqvist M.* Internationalization and its management at higher education institutions: Applying conceptual, content, and discourse analysis. Helsinki: Helsinki School of Economics. 2007. URL: http://epub.lib.aalto.fi/pdf/diss/a206.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

8. *Harari M.* The internationalization of the curriculum // Bridges to the Future: Strategies for internationalizing higher education. Klasek C.B. (Ed.). Carbondale: Association of International Education Administrators.1992. P. 52–79.

9. *Mestenhauser J., Ellingboe B.* Reforming the higher education curriculum: Internationalizing the campus. Phoenix, AZ: American Council on Education / Oryx Press, 1998. 244 p.

10. *Powell C.* Statement for international education week. 2004. URL: http://state.gov/view/statements/powell.htm (дата обращения: 20.10.2016).

11. *Ayoubi R., Massoud H.* The strategy of internationalization in universities // International Journal of Education Management. 2007. № 21(4). 339–349.

12. *Elkin G., Farnsworth J., Templer A.* Strategy and the internationalization of universities // International Journal of Education Management. 2008. № 22. P. 239–250.

13. *McGowan S., Potter L.* The implications of the Chinese learner for the internationalization of the curriculum: An Australian perspective // Critical Perspectives on Accounting. 2008. № 19 (2). P. 181–198.

14. *Van der Wende M.* Internationalization of higher education in the OECD countries: Challenges and opportunities for the coming decade // Journal of Studies in International Education. 2007. № 11. P. 274–289.

15. *De Wit H.* Internationalisation of Higher Education in Europe and its assessment, trends and issues. URL: http:// nvao.com/page/downloads/ Internationalisation_of_Higher_Education_ in_Europe_DEF_december_2010.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

16. *Knight J.* Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales // Journal of Studies in International Education. 2004. № 8. P. 5–31.

17. *Wanhua Ma, Yun Yue* Internationalization for quality in Chinese research universities: student perspectives // Higher Education. 2015. № 70 (2). P. 217–234.

18. *Altbach P. G., Wit H. de* Internationalization and Global Tension: Lessons From History // Journal of Studies in International Education. 2015. № 19(1). P. 4–10.

19. *Slaughter S., Leslie L.* Academic capitalism: Politics, policies and the entrepreneurial university. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press., 1997. 276 p.

20. *Glazier L., Kenschaft L.* Welcome to America: The World War I era and the rise of international education in the United States // International Educator. 2002. № 5. P. 5–11.

21. *Carbone J., Winston G.* Saving, wealth, performance, and revenues in U.S. colleges and universities // Review of Higher Education. 2004. № 28. P. 97–128.

22. *Hoffa W.* A history of U.S. study abroad: Beginnings to 1965. Carlisle, PA: Forum on Education Abroad, 2007. 318 p.

23. *Yonezawa A.* Making «world-class universities»: Japan's experiment // Higher Education Management and Policy. 2003. № 15. P. 9–24.

24. *Asteris M.* British universities: The "coal exporters" of the 21st century // Journal of Studies in International Education. 2006. № 10. P. 224–240.

25. *Garrett R.* Transnational delivery by UK higher education, part 1: Innovation and competitive advantage. London, England: Observatory on Borderless Higher Education. 2004.

26. *Harmon G.* Australia as a higher education exporter // International Higher Education. Retrieved. URL: http://www.bc.edu/bc_org/avp/soe/cihe/newsletter/News30/text001.htm (дата обращения: 20.10.2016).

27. *Bedenlier S., Zawacki-Richter O.* Internationalization of higher education and the impacts on academic faculty members // Research in Comparative & International Education 2015. № 10 (2). P. 185–201.

28. *Altbach P.G., Lewis L.S.* The academic profession in international perspective // Altbach P.G. The International Academic Profession. Portraits of Fourteen Countries. Princeton, NJ: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1996. P. 3–48.

29. *Childress L.K.* The twenty-first century university: Developing faculty engagement in internationalization. New York, NY: Peter Lang, 2010.

30. *Davies J.L.* The shift from teaching to learning: Staff recruitment and careers development policies for the Universities of the twenty-first century // Higher Education in Europe. 1998. № 23(3). P. 307–316.

31. *Hamza A.* International experience. An opportunity for professional development in higher education. // Journal of Studies in International Education.2010. 14 (1). P. 50–69.

32. *Gopal A.* Internationalization of higher education: Preparing faculty to teach cross-culturally // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education. 2011. 23 (3). P. 373–381.

33. *Altbach P.G., Bala´n J.* World class worldwide: Transforming research universities in Asia and Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press., 2007.

34. *Marginson S., Kaur S., Sawir E.* Higher education in the Asia-Pacific: Strategic responses to globalization. Dordrecht: Springer, 2011. URL: http://www.springer.com/gp/book/9789400714991

35. *Moon M., Kim K. S.* A case of Korean higher education reform: The Brain Korea 21 Project // Asia Pacific Education Review. 2001. 2(2). P. 96–105.

36. *Yonezawa A., Ishida K., Horta H.* The long-term internationalization of higher education in Japan // Internationalization of higher education in East Asia: Trends of student mobility and impact on education governance. K. Mok & K. Yu (Eds.). Abingdon: Routledge. 2013. P. 179–191.

37. *Kaneko M.* Incorporation of national universities in Japan design, implementation and consequences //Asia Pacific Education Review. 2009. 10(1). P. 59–67.

38. *Kyvik S.* Structural changes in higher education systems in Western Europe. Higher Education in Europe. 2004. 29(3). P. 393–409.

39. *Willmott H.* Commercializing higher education in the UK: The state, industry and peer review // Studies in Higher Education. 2003. 28(2). P. 129–141.

40. *Ferencz I., Wächter B.* European and national policies for academic mobility. Linking rhetoric, practice, and mobility trends. ACA Papers in International Cooperation and Education. Bonn: Lemmens. 2012. 244 p. URL: http://www.aca-secretariat.be/fileadmin/aca_docs/images/members/ACA-2012-European_and_national_policies.pdf

41. *Kehm B.M., Teichler U.* Research on internationalisation in higher education // Journal of Studies in International Education, 2007. 11(3–4). P. 260–273.

42. Egron-Polak E., Hudson R. Internationalization of higher education: Global trends, regional perspectives. Paris: International Association of Universities, 2010.

43. *Hudzik J.K., Stohl M.* Modelling assessment of the outcomes and impacts of internationalisation // Wit H. de (ed.) How do we measure what we do? The debate. EAIE Occasional Paper. Amsterdam: EAIE Occasional Paper 22, 2009. EAIE, Amsterdam, Netherlands. P. 9–21.

44. *Davies J.L.* The shift from teaching to learning: Staff recruitment and careers development policies for the Universities of the twenty-first century // Higher Education in Europe. 1998. 23(3). P. 307–316.

45. *Slaughter S., Rhoades, G. Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 2004. 384 p.

46. *Hudzik J. K.* Comprehensive internationalization: From concept to action. Washington, DC: NAFSA: Association of International Educators. 2011. URL: http://ecahe.eu/w/images/1/1f/Comprehensive_Internationalization_-_NAFSA.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

47. *Cole J. R.* The great American university: Its rise to preeminence, its indispensable national role, why it must be protected. New York, NY: PublicAffairs, 2009.

48. *Brustein W. I.* The global campus: Challenges and opportunities for higher education in North America. Journal of studies in international education. 2007.*11*. P. 382–391.

49. *Bhandari R., Blumenthal P.* International students and global mobility in higher education: National trends and new directions. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2010.

50. *Miller-Idriss, C., Worden E. A.* Internationalization in US higher education: Studying the Middle East in the American university. Globalisation, Societites and Education. 2010. *№ 8*(3). P. 393–409.

51. *Агранович М.Л.* и др. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. Национальный фонд подготовки кадров, М.: Логос, 2010. 280 с.

52. *Красильникова Н.В.* Мониторинг реализации стратегии интернационализации вуза как условие ее эффективного развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 466.

53. *Ягудина Л.Р.* Качество высшего образования в условиях его интернационализации: мнение российских и иностранных студентов // Изв. Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 2. С. 219–227.

54. *Качанов Д.А.* Регионализация, интернационализация и глобализация высшего образования // Право и управление. XXI век. 2009. № 1. С. 73–76.

55. *Марджинсон С.* Российские наука и высшее образование в условиях глобализации // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 8–35. URL: https://vo.hse.ru/data/2014/12/23/1104091156/Marginson.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

56. *Сагинова О. В.* Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности (на примере Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова). URL: http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/internatsionalizatsija-vysshego-obrazovanija-kak-faktor-konkurentosposobnosti/ (дата обращения: 20.10.2016).

57. *Куприянова-Ашина В., Чанг Жу*. Интернационализация высшего образования: Российские подходы. URL: http://www.intertrends.ru/thirty-third/Kupriyanova.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

58. *Ларионова М.В.* Анализ подходов к интернационализации в российских вузах в контексте тенденций глобализации: задачи и условия повышения конкурентоспособности и развития экспортного потенциала // Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М. : Логос, 2010. С. 216–257.

59. *Ардашкин И.Б., Боярко Г.Ю., Дутова Е.М. и др.* Основы ресурсоэффективности : учеб. пособие / под ред. А.А. Дульзона, В.Я. Ушакова. Томск: Том. политехн. ун*т, 2012. 286 с.

60. *Чмыхало А.Ю., Ардашкин И.Б.* Перспективы развития науки и инноваций в современной России // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 111–122.

61. *Ардашкин И.Б., Макиенко М.А., Погукаева Н.В., Чмыхало А.Ю.* Формирование поликультурной среды как условие повышения конкурентоспособности российских вузов // Вестн. науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 55–62. URL: http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1274/912 (дата обращения: 20.10.2016).

Chmykhalo Alexander Yu., Ardashkin Igor B., Makienko Marina A. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@inbox.ru, ibardashkin@mail.ru, mma1252@tpu.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24;85–99 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/9

INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION AS A REFLECTION OF THE VALUE POSTMODERN CULTURE: RUSSIAN SPECIFICITY

Key words: *internationalization of higher education, globalization, postmodern culture, universities.*

The study focused on assessing the impact of the internationalization of higher education in the socio-cultural processes taking place in today's Russia, because the phenomenon is becoming increasingly apparent trend in the development of national systems of higher education of developed countries and modern Russia. Formation of this trend can be seen in the activities of higher education institutions located in St. Petersburg, Moscow, and the example of other leading universities in Russia, in particular, Tomsk Polytechnic University and Tomsk State University. Revitalization of the work in the field of education internationalization of Russian higher education institutions was caused by management interventions by the public authorities (in particular, the adoption and implementation of the "5-100" of the project, associated with the entry of at least 5 Russian universities in the top 100 universities in the world until 2020.

The scale, which took the internationalization of higher education in Russia, as well as its impact on the socio-economic, political and cultural development of individual Russian regions and the country as a whole demonstrate the need for its careful study, the implementation of the analysis of the experience of other countries, assessment results have already conducted research in this region. In this regard, within the framework of the present study attempted to describe the main trends in the development of studies of internationalization of higher education in Russia and abroad, to assess the cultural significance of this phenomenon.

The success of Tomsk universities to attract foreign students and teachers to study and work quite clearly revealed the presence in Russia of a number of socio-cultural problems. Increasing the share of foreign students in Russian universities has led to the promotion of a number of universities in the world rankings. However, the internationalization of other positive results are not yet visible. Moreover, you can observe a tendency to deterioration of the quality of life, narrowing opportunities for self-realization of people and so on. in the region, who was actively involved in the processes of internationalization of higher education.

In this regard, more work is needed to study the experience of internationalization of higher education systems, identifying effective mechanisms for its implementation. Internationalization is not only one of the key areas of integration of the Russian higher education system into the international educational space and release it at the forefront in the world rankings, but also a process that is associated with profound changes in the social and cultural life of society, able to have a significant impact on production changes in the culture and values of modern Russian society.

References

1. Matei, L. & Iwinska, J. (2014) National Strategies and Practices in Internationalisation of Higher Education: Lessons from a Cross-Country Comparison. *Higher Education Reforms in Romania*. November. pp. 205–226.

2. Elspeth, J. & De Wit, H. (2012) *Globalization of internationalization: Thematic and regional reflections on a traditional concept*. [Online] Available from: http://muse.jhu.edu/journals/audem/v003/3.jones.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

3. Kornienko, A.A., Ardashkin, I.B. & Chmykhalo, A.Yu. (2007) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Tomsk: Tomsk Plytechnic University.

4. Arum, S. & Van de Water, J. (1992) The Need for a Definition of International Education in US Universities. In: Klasek, C.B. (ed.) *Bridges to the Future: Strategies for internationalizing higher education*. Carbondale: Association of International Education Administrators.pp. 191–203.

5. Knight, J. (2014) Internationalisation: elements and checkpoints. *Canadian Bureau for International Education*. 7. Available from: http://www.cbie-bcei.ca/wp-content/uploads/2014/01/Internationali-zation-Elements-and-Checkpoints.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

6. Knight, J. (2003) Updated the definition of Internationalization. *International Higher Education*. 33. pp. 2–3.

7. Soderqvist, M. (2007) *Internationalization and its management at higher education institutions: Applying conceptual, content, and discourse analysis*. Helsinki: Helsinki School of Economics. [Online] Available from: http://epub.lib.aalto.fi/pdf/diss/a206.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

8. Harari, M. (1992) The internationalization of the curriculum. In: Klasek, C.B. (ed.) *Bridges to the Future: Strategies for internationalizing higher education*. Carbondale: Association of International Education Administrators. pp.52–79.

9. Mestenhauser, J. & Ellingboe, B. (1998) *Reforming the higher education curriculum: Internationalizing the campus*. Phoenix, AZ: American Council on Education.

10. Powell, C. (2004) *Statement for international education week*. [Online] Available from: http://state. gov/view/statements/powell.htm. (Accessed: 20th October 2016).

11. Ayoubi, R. & Massoud, H. (2007) The strategy of internationalization in universities. *International Journal of Education Management*. 21(4). pp. 339–349. DOI: 10.1108/09513540710749546

12. Elkin, G., Farnsworth, J. & Templer, A. (2008) Strategy and the internationalization of universities. International *Journal of Education Management*. 22. pp. 239–250. DOI: 10.1108/09513540810861874

13. McGowan, S. & Potter, L. (2008) The implications of the Chinese learner for the internationalization of the curriculum: An Australian perspective. *Critical Perspectives on Accounting*. 19(2). pp. 181–198. DOI: 10.1016/j.cpa.2005.12.006

14. Van der Wende, M. (2007) Internationalization of higher education in the OECD countries: Challenges and opportunities for the coming decade. *Journal of Studies in International Education*. 11. pp. 274–289. DOI: 10.1177/1028315307303543

15. De Wit, H. (2010) *Internationalisation of Higher Education in Europe and its assessment, trends and issues*. [Online] Available from: http:// nvao.com/page/downloads/ Internationalisation_of_Higher_Education_ in_Europe_DEF_december_2010.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

16. Knight, J. (2004) Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*. 8. pp. 5–31. DOI: 10.1177/1028315303260832

17. Ma, W. & Yue, Y. (2015) Internationalization for quality in Chinese research universities: student perspectives. *Higher Education*. 70(2). pp. 217–234. DOI: 10.1007/s10734-015-9899-1

18. Altbach, P.G. & Wit, H. de (2015) Internationalization and Global Tension: Lessons From History. *Journal of Studies in International Education*. 19(1). pp. 4–10. DOI: 10.1177/1028315314564734

19. Slaughter, S. & Leslie, L. (1997) *Academic capitalism: Politics, policies and the entrepreneurial university*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

20. Glazier, L. & Kenschaft, L. (2002) Welcome to America: The World War I era and the rise of international education in the United States. *International Educator*. 5. pp. 5–11.

21. Carbone, J. & Winston, G. (2004) Saving, wealth, performance, and revenues in U.S. colleges and universities. *Review of Higher Education*. 28. pp. 97–128. DOI: 10.1353/rhe.2004.0027

22. Hoffa, W. (2007) *A history of U.S. study abroad: Beginnings to 1965*. Carlisle, PA: Forum on Education Abroad.

23. Yonezawa, A. (2003) Making "world-class universities": Japan's experiment. *Higher Education Management and Policy*. 15. pp. 9–24. DOI: 10.1787/hemp-v15-art10-en

24. Asteris, M. (2006) British universities: The "coal exporters" of the 21st century. *Journal of Studies in International Education*. 10. pp. 224–240. DOI: 10.1177/1028315306289785

25. Garrett, R. (2004) *Transnational delivery by UK higher education, part 1: Innovation and competitive advantage*. London, England: Observatory on Borderless Higher Education.

26. Harmon, G. (n.d.) Australia as a higher education exporter. *International Higher Education*. [Online] Available from: http://www.bc.edu/bc_org/avp/soe/cihe/newsletter/News30/text001.htm. (Accessed: 20th October 2016).

27. Bedenlier, S. & Zawacki-Richter, O. (2015) Internationalization of higher education and the impacts on academic faculty members. *Research in Comparative & International Education*. 10(2). pp. 185–201.

28. Altbach, P.G. & Lewis, L.S. (1996) The academic profession in international perspective. In: Altbach, P.G. *The International Academic Profession. Portraits of Fourteen Countries*. Princeton, NJ: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching. pp. 3–48.

29. Childress, L.K. (2010) *The twenty-first century university: Developing faculty engagement in internationalization*. New York, NY: Peter Lang.

30. Davies, J.L. (1998) The shift from teaching to learning: Staff recruitment and careers development policies for the Universities of the twenty-first century. *Higher Education in Europe*. 23(3). pp. 307–316. DOI: 10.1080/0379772980230302

31. Hamza, A. (2010) International experience. An opportunity for professional development in higher education. *Journal of Studies in International Education*. 14(1). pp. 50–69.

32. Gopal, A. (2011) Internationalization of higher education: Preparing faculty to teach cross-culturally. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. 23(3). pp. 373–381.

33. Altbach, P.G. & Bala´n, J. (2007) *World class worldwide: Transforming research universities in Asia and Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

34. Marginson, S., Kaur, S. & Sawir, E. (2011) *Higher education in the Asia-Pacific: Strategic responses to globalization*. Dordrecht: Springer. [Online] Available from: http://www.springer.com/gp/book/9789400714991.

35. Moon, M. & Kim, K.S. (2001) A case of Korean higher education reform: The Brain Korea 21 Project. *Asia Pacific Education Review*. 2(2). pp. 96–105. DOI: 10.1007/BF03026294

36. Yonezawa, A., Ishida, K. & Horta, H. (2013) The long-term internationalization of higher education in Japan. In: Mok, K. & Yu, K. (eds) *Internationalization of higher education in East Asia: Trends of student mobility and impact on education governance*. Abingdon: Routledge. pp. 179–191.

37. Kaneko, M. (2009) Incorporation of national universities in Japan design, implementation and consequences. *Asia Pacific Education Review*. 10(1). pp. 59–67. DOI: 10.1007/s12564-009-9004-5

38. Kyvik, S. (2004) Structural changes in higher education systems in Western Europe. *Higher Education in Europe*. 29(3). pp. 393–409. DOI: 10.1080/0379772042000331679

39. Willmott, H. (2003) Commercializing higher education in the UK: The state, industry and peer review. *Studies in Higher Education*. 28(2). pp. 129–141. DOI: 10.1080/030750703200005812

40. Ferencz, I. & Wächter, B. (2012) European and national policies for academic mobility. Linking rhetoric, practice, and mobility trends. *ACA Papers in International Cooperation and Education*. Bonn: Lemmens. [Online] Available from: http://www.aca-secretariat.be/fileadmin/aca_docs/images/members/ACA-2012-European_and_national_policies.pdf.

41. Kehm, B.M. & Teichler, U. (2007) Research on internationalisation in higher education. *Journal of Studies in International Education*. 11(3–4). pp. 260–273. DOI: 10.1080/13603108.2015.1062057

42. Egron-Polak, E. & Hudson, R. (2010) *Internationalization of higher education: Global trends, regional perspectives*. Paris: International Association of Universities.

43. Hudzik, J.K. & Stohl, M. (2009) Modelling assessment of the outcomes and impacts of internationalization. Wit, H. de (ed.) How do we measure what we do? The debate. *EAIE Occasional Paper*. Amsterdam: EAIE Occasional Paper 22. pp. 9–21.

44. Davies, J.L. (1998) The shift from teaching to learning: Staff recruitment and careers development policies for the Universities of the twenty-first century. *Higher Education in Europe*. 23(3). pp. 307–316. DOI: 10.1080/0379772980230302

45. Slaughter, S. & Rhoades, G. (2004) *Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

46. Hudzik, J.K. (2011) *Comprehensive internationalization: From concept to action*. Washington, DC: NAFSA: Association of International Educators. [Online] Available from: http://ecahe.eu/w/images/ 1/1f/Comprehensive_Internationalization_-_NAFSA.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

47. Cole, J.R. (2009) *The great American university: Its rise to preeminence, its indispensable national role, why it must be protected*. New York, NY: PublicAffairs.

48. Brustein, W.I. (2007) The global campus: Challenges and opportunities for higher education in North America. *Journal of studies in international education*. 11. pp. 382–391. DOI: 10.1177/1028315307303918

49. Bhandari, R. & Blumenthal, P. (2010) *International students and global mobility in higher education: National trends and new directions*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

50. Miller-Idriss, C. & Worden, E.A. (2010) Internationalization in US higher education: Studying the Middle East in the American university. *Globalisation, Societites and Education*. 8(3). pp. 393–409. DOI: 10.1080/14767724.2010.505102

51. Agranovich, M.L. et al. (2010) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: tendentsii, strategii, stsenarii budushchego. Natsional'nyy fond podgotovki kadrov* [Internationalization of Higher Education: Trends, strategies, future scenarios. National Training Fund]. Moscow: Logos.

52. Krasilnikova, N.V. (2015) Monitoring of the implementation of a higher education institution's strategy for internationalisation as a factor of its efficient development. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 3. pp. 466. (In Russian).

53. Yagudina, L.R. (2012) Quality of higher education under conditions of its internationalization: opinion of Russian and foreign students. *Izv. Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Pedagogical Sciences. Proc. of South Federal University*. 2. pp. 219–227. (In Russian).

54. Kachanov, D.A. (2009) Regionalization, internationalization and globalization of higher education. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 1. pp. 73–76. (In Russian).

55. Marginson, S. (2014) Russian science and higher education in a more global era. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. pp. 8–35. [Online] Available from: https://vo.hse.ru/data/2014/12/23/1104091156/ Marginson.pdf. (Accessed: 20th October 2016). (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2014-4-8-35

56. Saginova, O.V. (n.d.) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya kak faktor konkurentosposobnosti (na primere Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii im. G.V. Plekhanova)* [Internationalization of higher education as a factor of competitiveness (a case study of Plekhanov Russian Academy of Economics)]. [Online] Available from: http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/internatsionalizatsija-vysshego-obrazovanija-kak-faktor-konkurentosposobnosti/. (Accessed: 20th October 2016).

57. Kupriyanova-Ashina, V. & Chang, Ju. (n.d.) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: Rossiyskie podkhody* [Internationalization of Higher Education: Russian approaches]. [Online] Available from: http://www.intertrends.ru/thirty-third/Kupriyanova.pdf. (Accessed: 20th October 2016).

58. Larionova, M.V. (2010) Analiz podkhodov k internatsionalizatsii v rossiyskikh vuzakh v kontekste tendentsiy globalizatsii: zadachi i usloviya povysheniya konkurentosposobnosti i razvitiya eksportnogo potentsiala [An analysis of approaches to internationalization in Russian universities in the context of globalization trends: Challenges and conditions of competitiveness and development of export potential]. In: Agranovich, M.L. (ed.) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: tendentsii, strategii, stsenarii budushchego* [Internationalization of Higher Education: Trends, strategies, future scenarios]. Moscow: Logos. pp. 216–257.

59. Ardashkin, I.B., Boyarko, G.Yu., Dutova, E.M. et al. (2012) *Osnovy resursoeffektivnosti* [Basics of resource efficiency]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

60. Chmykhalo, A.Yu. & Ardashkin, I.B. (2014) Future development of science and innovation in modern Russia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 4(28). pp. 111–122. (In Russian).

61. Ardashkin, I.B., Makienko, M.A., Pogukaeva, N.V. & Chmykhalo, A.Yu. (2015) Formation of multicultural environment as a condition for improving the competitiveness of russian universities. Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science. 1(16). pp. 55–62. [Online] Available from: http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1274/912. (Accessed: 20th October 2016). (In Russian).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7; 18:7.01
DOI: 10.17223/22220836/24/10

А.В. Баушев

КОНЦЕРТ-СИМФОНИЯ ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ С РУССКИМ ОРКЕСТРОМ ЮРИЯ ГОНЦОВА: СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЗМА И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

В творчестве большинства современных композиторов в области народно-инструментального искусства всё чаще обнаруживает себя такой феномен, как микстовый жанр. Микстовые жанровые структуры, особенно активно проявляют себя в жанре концерта. В данной статье рассматривается специфика воплощения микстового жанрового образования в концерте-симфонии для балалайки с русским оркестром Юрия Гонцова. Особый уровень мышления, связанный с микстовостью, в этом произведении обусловлен выходом за пределы концертности в сторону идейного содержания.

Ключевые слова: *народно-инструментальное творчество, концерт для балалайки, концерт-симфония, микстовый жанр, Юрий Гонцов.*

Второй Астраханский концерт Юрия Гонцова – произведение в своем роде уникальное. Уже в авторском названии содержатся установки на смешение разных жанров и стилей.

С одной стороны, композитор обращает нас в сферу народной музыки. Этот концерт входит в цикл Астраханских концертов, где Первый концерт – «Русский», для баяна и народного оркестра, а Второй – «Калмыцкий», для балалайки и народного оркестра. В работе у композитора Третий Астраханский концерт – «Нижневолжский», для домры и народного оркестра. Во всех этих концертах автор подчеркивает связь с фольклорными источниками, ориентирует на конкретную национальную принадлежность интонационного строя, наконец, инструментальный состав концертов говорит сам за себя [1].

С другой стороны, сам композитор определяет жанр произведения как концерт-симфонию. Тем самым Гонцов дает нам понять, что произведение выходит за рамки концертности, виртуозности, народной праздности, но имеет глубокий смысл.

В чем предпосылка такого отношения к фольклорному материалу?

Причина кроется, во-первых, в мировоззрении Юрия Гонцова. Сам глубоко верующий человек, автор множества произведений духовной тематики, композитор с уважением относится ко всем религиям. А калмыки, как известно, единственный в Европе народ, исконно исповедующий буддизм. Произведение, написанное с использованием калмыцкого фольклора, не может не коснуться буддийской идеологии.

Во-вторых, первоисточник калмыцкого народного искусства – грандиозный героический эпос «Джангар». Вдохновенные песни народных певцов – джангарчи – повествуют о древних богатырях, живущих в стране Бумбе, ко-

торая не знает смерти и увядания, о легендарном хане Джангаре, своей доблестью вдохновляющем воинов на подвиги и приключения. «Джангар» является священным для каждого калмыка. Образный строй Второго Астраханского (калмыцкого) концерта, так или иначе, связан с этим народным эпосом.

Итак, в чем традиционность Второго Астраханского концерта Юрия Гонцова и в чем его оригинальность как концерта-симфонии?

В современной музыке наблюдается взаимовлияние всех жанров, не исключение симфония и концерт. Да и сами эти жанры претерпели значительную трансформацию ко второй половине XX в. [2]. Название «симфония» скорее обозначает индивидуальную концепцию, воплощенную в многочастном сочинении для симфонического оркестра. Сольный концерт, в отличие от симфонии, сохранил больше традиционных признаков – это условно симметричная в темповом отношении структура трехчастного цикла с определенными семантическими функциями частей, неизменным остался и основополагающий жанровый признак – принцип концертности, предполагающий как взаимодействие солиста и оркестра в форме концертного диалога, так и особый, показательно-виртуозный характер партии солиста.

В современной музыке концерт получает дополнительный подзаголовок «симфония» не в тех случаях, когда его структура близка классическому сонатно-симфоническому циклу, а когда многочастная композиция отклоняется от традиционной концертной модели в силу своего идейного замысла. В данном случае целесообразно говорить не о симфонии как таковой, а о методе симфонизма как глубокой и динамичной музыкально-философской драматургии.

Оркестровая партитура Второго Астраханского концерта внешне традиционна. Концерт представляет собой классический трехчастный цикл (быстро – медленно – быстро), партитура изобилует сопоставлениями *solo* и *tutti*. Но при более детальном рассмотрении выявляется самобытность строения концерта-симфонии.

В общем композиционном плане это проявляется, во-первых, в наличии вступления и заключения, обрамляющих трехчастный цикл. Схематично строение концерта можно представить следующим образом:

Вступление	I часть	II часть	III часть	Заключение
Andante	*Allegro moderato*	*Andante*	*Allegro molto*	*Andante*

Кроме того, оригинальность структуры выражается в отсутствии цезур между частями: все части идут *attacca* одна за другой, образуя единую неразделимую композицию.

Это единство частей обусловлено образным строем концерта – эпическим повествованием калмыцких певцов-сказителей. И если говорить о принципах симфонизма в данном концерте, то здесь применим скорее эпический симфонизм, основанный не на противоборстве образов, а на их контрастном сопоставлении [3].

Этому образному строю соответствует и оркестровый состав. Во-первых, это солирующая балалайка. Причем звучание балалайки уподоблено калмыцкой домбре. Для балалайки оказываются равнодоступными как лирические, мелодические темы, так и энергичные ритмы калмыцких танцев – чичирдык, товшур.

Во-вторых, Гонцов вводит в состав русского оркестра деревянно-духовые инструменты: флейту, гобой и кларнет. Звучание этих инструментов связано исключительно с лирико-повествовательной образностью, порой напоминает зов буддийских труб, а порой горловое пение [4].

И если говорить о концертности как о соревновательном принципе концертного жанра, то соревновательно-игровой момент в данном концерте воплощен не только в сопоставлении *solo–tutti*, но и в контрасте струнной балалайки и трех духовых.

Необходимо отметить и расширенную группу ударных инструментов, играющую важнейшую роль в создании образного строя концерта. Уже в оркестровом вступлении с помощью звукоизобразительности ударных воссоздается картина бескрайней калмыцкой степи, завывание ветра, шелест степной травы.

Тема оркестрового вступления поручена деревянно-духовым – основная мелодия звучит у флейты, следом вступают кларнет и гобой с подголосками. Эта тема выдержана в стиле калмыцких протяжных песен ***ут дун***, содержание которых отразило патриархально-родовой быт кочевого скотовода, картины природы. Ее ладовая основа – диатоника с условным центром *d*, с отдельными оборотами пентатоники. Теме свойственны импровизационность, ритмическая свобода, в интонационном плане характерны квартово-квинтовые интонации, резкие скачки, обилие орнаментальных украшений. Все эти свойства выражают речевую природу этой темы, она обрисовывает образ сказителя – джангарчи.

В целом оркестровое вступление создает атмосферу медитативной сосредоточенности, настраивает на восприятие эпического повествования.

Первая часть концерта открывается призывным кличем солиста и следом у домр, тем самым музыка резко переносится в сферу действенности, активности.

Основная тема первой части принадлежит к образному строю традиционных главных партий сонатно-симфонического цикла, однако о сонатности в данном случае можно говорить лишь условно.

Итак, основная тема солиста энергичная, с активной ритмической основой. Оживлённая моторика, острая ритмика, синкопы, форшлаги в оживленном темпе свойственны мужским калмыцким пляскам. Основной штрих у балалайки – бряцание, преобладание двойных нот и форшлагов напоминают звучание двухструнной домбры.

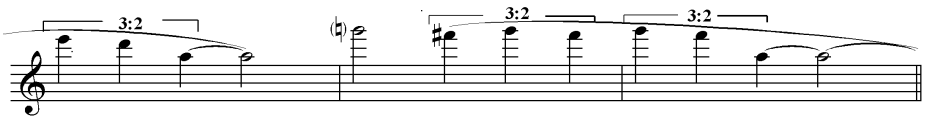
Ритмическое сопровождение у домр и ударных подчас напоминает ритм конной скачки, цокот копыт.

Следующий раздел (цифра 12) относится к сфере лирических побочных партий. Первая лирическая тема вновь поручена деревянно-духовым. На тремолирующем фоне балалайки вступает гобой, затем флейта и кларнет. Мелодия темы вновь импровизационно-речитативного характера, своеобразная игра вводными тонами квинты *d-a*, с последующим глиссандированием во-

круг этих тонов. Звучание инструментов здесь напоминает вибрацию обертонов при горловом пении. Важная черта темы – полифоничность, имитационность у трех инструментов.

Вторая лирическая тема (цифра 13) звучит у балалайки – это распевная задушевная мелодия широкого диапазона. Такой мелодизм свойствен как калмыцким, так и русским протяжным песням. Это неудивительно, ведь два народа вот уже пять веков соседствуют в нижневолжском регионе.

Однако высокий регистр темы создает ощущение зыбкости, призрачности, сказочности. Невольно возникает образ легендарной страны Бумбы.



Завершается лирический раздел темой деревянно-духовых. Таким образом, можно говорить об условной трехчастности, замкнутости.

Разработочный раздел вновь переносит в сферу действенности. Возвращается четкий моторный ритм, но на его фоне звучит лирическая тема балалайки в более «приземленном» виде, на октаву ниже. Тема звучит как повествование о героических подвигах, перекликаясь с резкими выпадами ударных.

Тема балалайки плавно перетекает в каденцию, которая строится на интонациях лирической темы деревянно-духовых. Однако в процессе импровизации она трансформируется в лирическую тему балалайки.

Вторжением нового тембра гармоник начинается драматический кульминационный раздел. Из темы балалайки вычленяется трихордовая попевка, которая ложится в основу новой яркой темы у флейты. Кульминация наполнена драматическими контрастами и представляет зрительную картину баталии.

Условно репризный раздел сокращен. Возвращается основная тема балалайки на октаву выше. После недолгой «скачки» звучность постепенно растворяется в пространстве, остается тремолирующий фон балалаек и ударных.

Относительно формы первой части концерта прежде всего нужно отметить отсутствие четкой архитектоники. В данном случае можно говорить о непропорциональной трехчастности, т.е. о трехчастной форме с сокращенной репризой, с чертами сонатности, выраженной в наличии двух контрастных сфер. Следует отметить и не совсем традиционное положение сольной каденции – в центре разработочного раздела перед драматической кульминацией. Все эти особенности обусловлены логикой эпического повествования.

Вторая часть – традиционный лирический центр – рисует идиллическую картину мира с возможным ее разрушением.

На тремолирующем вибрирующем фоне домр и балалаек вступает кантиленная тема у балалайки соло. Мелодия типична для протяжных песен, ее ладовая основа – миксолидийский *E*, центральная интонация – скачок на септиму (*h-a*) с остановкой на *gis*. Тем не менее и в ней сильна речитативно-импровизационная основа.

Далее эта же тема звучит у деревянно-духовых в каноне с минимальным шагом – в одну восьмую. К тремолирующему фону струнных добавляется свободная импровизация соло-балалайки.

Вновь создается зрительный образ бескрайней степи с вибрирующим от зноя воздухом, с завываниями суховея.

Однако этот образ резко прерывается тремолирующим кластером оркестрового *tutti*, (цифра 30). Перед слушателем встает новый образ – темной вражеской силы, которая готова смести все вокруг. Ему пытается противостоять солист с импровизационными возгласами, но тьма приобретает более конкретное очертание – грозный наступательный ритм. Основная тема теперь звучит у деревянно-духовых и баянов уже в восьмиголосном каноне, как возгласы паники и отчаяния.

Тем не менее ритмический натиск отступает, сменяется вибрацией.

Вновь вступает соло-балалайка. На этот раз основная тема завуалирована в сольном импровизационном потоке. Импровизация подводит к репризе. Тема вновь звучит одноголосно, но у кларнета на фоне вибрации всего оркестра.

В целом форму второй части можно определить как вариации на сопрано-остинато (тема и четыре вариации). Однако в ней ярко выражены черты репризности (тему и последнюю вариацию можно соотнести как первую часть

и репризу). Не совсем типично для жанра концерта появление сольной каденции в медленной части. В данном случае это одна из вариаций (третья) темы. Выбор формы вариаций обусловлен образом эпического сказания.

Третья часть, финал, переносит в атмосферу традиционного народного праздника. Основная тема энергичная, танцевального характера, напоминает калмыцкий танец товшур, для которого характерны короткие ритмичные мелодические обороты с широкими скачками. Звучит тема у домр.

Форму финала можно определить как свободное рондо, где эпизоды – различные персонажи на праздничном гулянии. Наиболее яркие эпизоды – темой баянов – поступенное восхождение в диапазоне кварты (цифра 44), а также игровой туттийный эпизод (цифра 50), напоминающий игрища на массовых праздниках.

Таким образом, финал концерта вполне традиционен и по форме, и по смысловому содержанию.

Игровое танцевальное движение постепенно затихает, словно растворяется в ночи. И вновь возникает образ вступления.

В заключительном разделе, назовем его кодой, образ вступления несколько видоизменен. Здесь нет тревожных звуков ударных, но добавлено звучание колоколов с коротким мотивом – опеванием звука *d*. В коде вновь возвращается образ сказителя – джангарчи, своеобразной аркой обрамляя изложенную поэму.

Итак, Второй Астраханский концерт Юрия Гонцова («Калмыцкий») для балалайки с русским оркестром – яркое произведение микстового жанра. Авторское определение жанра концерта как концерта-симфонии дает установку выхода за пределы концертности в сторону идейного содержания. Эта концепция обусловлена образным строем произведения, его связью с калмыцким эпосом Джангар. Отсюда наблюдается размытость форм, подчинение разделов логике контрастного сопоставления, тематическое развитие подчинено принципам вариационности, что соответствует эпическому повествованию. Такой тип эпического симфонизма берет начало в «Богатырской симфонии» Бородина.

Литература

1. *Земцовский И.И.* Фольклор и композитор : теоретические этюды. М.; Л.: Сов. композитор, 1978. 172 с.

2. *Горбачёв А.А* .Основные направления развития современного исполнительства на балалайке [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые данные, 2013. URL: http:// www.alexamar.narod.ru (дата обращения: 20.11.2016).

3. *Шаравин Е.В.* Особенности развития жанра концерта для балалайки // Музыка в современном мире : наука, педагогика, исполнительство : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 1 февраля 2013 г. / Тамб. гос. муз.-пед. ин-т им. С.В. Рахманинова. Тамбов, 2013. С. 129–136.

4. *Аверин В.А.* История исполнительства на русских народных инструментах: курс лекций. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2002. 293 с.

Baushev Andrey V. Tambov State Musical and Pedagogical Institute (Tambov, Russian Federation).

E-mail: bayshev14@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 100–107 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/10

THE CONCERT-SIMPHONY FOR BALALAIKA AND RUSSIAN ORCHESTRA BY YURI GONTSOV: SPECIFICS OF THE THEMES AND FORMING

Key words: *folk instrumental art, concert for balalaika, concert-symphony, genre mixed structures, Yuri Gontsov.*

The second Astrakhanian concert of Yuri Gontsov is a piece unique in its kind. In the very naming by author there are some guidelines on the mix of different styles and genres. The composer defines the genre of the piece as a concert-symphony. With this Gontsov lets us know that its content is beyond the concert, virtuos genres, folklore, but keeps deep meaning.

Yuri Gontsov is a deep believer, he's author of lots of pieces with spiritual themes, composer treats with respect all religions. As is known, Kalmyks are the only nation in Europe who primordially exercises buddhizm. Composition made with using of Kalmyk folklore, must touch somehow Buddhist ideas.

Orchestra score of the second Astrakhanian concert looks traditional. Composition is a classical three-part form (fast-slow-fast), the score contains a lot of contrasts between solo and tutti. But more detailed review discovers structural originality of the concert-symphony.

Besides, structural originality appears in a lack of pauses between parts: all the parts follow each other *Attaca,* generating unified indivisible composition.

This unity of all parts caused with concert's imagery – epic narrative of Kalmyk singers-storytellers. Speaking about symphonic principles in this concert, we may state rather epic kind of symphony based not on confrontation but on chiaroscuro.

The orchestra satisfies this special imagery. First of all, it's balalayka solo. What is more, sound of balalayka likened with Kalmyk dombra. For balalayka it's available to play both lyric themes and energetic rythmes of Kalmyk dances – chicherdyk, tovshur.

In the second place, Gontsov includes in Russian folklore orchestra woodwinds: flute, oboe and clarinet. Sound of these instruments connected with lyric-narrative images, sometimes reminding Buddhist pipes or throat singing.

If speak about concert as an emulative genre, in this composition competitive spirit appears not only in solo-tutti contrasts, but also in a competitive game between balalayka strings and woodwinds.

It's necessary to mark extended percussion group, playing meanful role in creating concert's imagery. In the very beginning of compostion sound-depiction of percussions re-creates boundless Kalmyk prairies, howl of the wind, grass rustle.

The second Astrakhanian (Kalmyk) concert of Yuri Gontsov for balalayka and Russian folklore orchestra is a bright example of mixed genres. Author's definition concert-symphony takes us beyond concert genre to wide ideological content. This concept caused with imagery of composition and its bound with Kalmyk epos Dzhangar. That's why we may observe blurring form, parts submitted to chiaroscuro logic, themes development based on variation principle – it's all satisfies epic narrative concept. This type of epic symphonism originates in Borodin's Bogatyrskaya symphony.

References

1. Zemtsovskiy, I.I. (1978) *Fol'klor i kompozitor: teoreticheskie etyudy* [Folklore and the composer: Theoretical studies]. Moscow, Leningrad: Sovetsky kompozitor.

2. Gorbachev, A.A. (2013) *Osnovnye napravleniya razvitiya sovremennogo ispolnitel'stva na balalayke* [Main directions of development of contemporary balalaika]. [Online] Available from: http:// www.alexamar.narod.ru. (Accessed: 20th November 2016).

3. Sharavin, E.V. (2013) [Specificity of the concert genre for balalaika]. *Muzyka v sovremennom mire: nauka, pedagogika, ispolnitel'stvo* [Music in the modern world: Science, pedagogy, musicians]. Proc. of the Ninth International Conference. Tambov. February 1, 2013. Tambov: Tambov State Museum. pp. 129–136. (In Russian).

4. Averin, V.A. (2002) *Istoriya ispolnitel'stva na russkikh narodnykh instrumentakh* [The history of playing Russian folk instruments]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

УДК 781.7
DOI: 10.17223/22220836/24/11

Ю.С. Горбачева

ТИПОЛОГИЯ ШАМАНСКОГО ИНТОНИРОВАНИЯ ЧАЛКАНЦЕВ И РОЛЬ СИГНАЛЬНОГО ИНТОНИРОВАНИЯ В ОБРЯДЕ ЛОВЛИ ДУШИ

В статье характеризуется типология интонирования чалканского шаманского текста. В исследуемом обряде ловли души автор выявляет семь типов интонирования и предлагает иерархическую схему их взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу проявлений сигнального типа интонирования, который является маркером шаманского пения: описывается его корреляция с измененным состоянием сознания шамана, характерные особенности использования в различных разделах обряда, а также соотношение с другими типами интонирования.
Ключевые слова: *тип интонирования, шаманский музыкальный текст, сигнальное интонирование.*

Применение понятий «интонация» и «интонирование» в трудах фольклористов ведет отсчет от начала XX в. Впервые данные термины были введены в музыковедческий обиход еще Б.Л. Яворским, а вслед за ним и Б.В. Асафьевым, однако широта и универсальность терминологического аппарата на этом этапе обусловили создание различных музыковедческих концепций, связанных с применением этих понятий на практике[1].

Исследуя различные образцы фольклорного материала, ученые, представляющие разные музыковедческие школы, предлагают выделять интонации повествовательной речи, плача и возгласа [1] или, в более конкретизированном варианте, речитацию, сказ, декламацию, декламацию-скандирование, возглас, вокализацию [2] либо песенное, плачевое, эпическое (сказительское, декламационное, речитативное) интонирование и скандирование [3]. Предложенные типологии интонирования, как правило, базируются на разделении по генезису интонации или ее культурным функциям.

Подобный подход, действительно, оправдан в работе с рядом фольклорных жанров, но когда требуется провести анализ таких сложных синкретических явлений, как шаманский обряд, необходимо опираться на иные принципы типологии, основанные на строгих структурных критериях. Попытка создать такую типологию была предпринята О.Э. Добжанской [4, 5]. В своем исследовании музыкального компонента шаманского обряда у нганасан ученый предлагает выделять пять основных типов интонирования: вокальный, вокально-речевой, вербальный, инструментальный и сигнальный [5. С. 93], различающиеся по форме исполнения. Однако выявленные О.Э. Добжанской типы интонирования определяются характеристиками, лежащими в различных плоскостях, что делает изложенную выше типологию недостаточно строгой.

Более подробная и системная классификация голосовых типов интонирования была предложена В.В. Мазепусом [6]. Она была разработана как уни-

[1] Подробнее об этом см.: в [10].

версальный инструмент описания интонационных культур [7] и оказалась в особенности удобна для анализа шаманских текстов, так как базируется на различении типов интонирования по признакам, не связанным с культурной семантикой, и позволяет сосредоточиться на описании голосовых типов интонирования без учета инструментального компонента, который в большинстве современных шаманских обрядов редуцирован.

Целесообразность применения данной классификации отмечалась в ряде работ и неопубликованных докладов Г.Б. Сыченко. В статье, посвященной шаманскому обряду шорцев, этномузыковедческая разработка В.В. Мазепуса была апробирована [8].

В связи с тем, что указанная классификация не имеет широкой известности среди музыковедов, представляется необходимым ее краткое описание. В.В. Мазепус предлагает различать типы интонирования, основываясь на проявлениях двух дифференциальных признаков: усредненной по времени напряженности дыхательно-речевых органов (ось координат **Н** на рис. 1) и усредненной амплитуде ее вариаций в звуковом потоке (ось координат **А** на рис. 1). При этом анализ проявления описанных выше признаков в конкретном фольклорном материале позволяет дать определение типу интонирования независимо от его функции в культурном контексте [9], а также дает возможность описывать и сравнивать любые явления интонационной культуры.

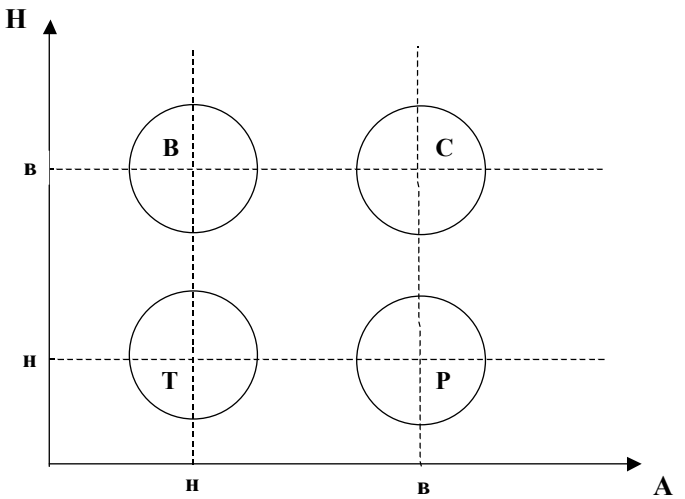


Рис. 1

Согласно классификации В.В. Мазепуса различают четыре основных базовых голосовых типа интонирования: вокальный, сигнальный, речевой и тонированная речь. Вокальный тип интонирования отличается высокими показателями напряженности органов речи в сочетании с узкой амплитудой колебания интонации. Речевой, напротив, характеризуется низкой напряженностью и высокими показателями ее вариативности. Тонированная речь (или тонированный тип интонирования) определяется низкими значениями как напряженности органов речи, так амплитуды ее колебаний. И наконец, сиг-

нальный тип интонирования отличает высокая напряженность органов речи при широкой амплитуде колебания этой напряженности (см. рис. 1).

Каждый из перечисленных выше типов интонирования имеет зонную природу и во многом зависит от проявления в конкретном музыкальном материале. При этом автор оговаривает возможность возникновения промежуточных типов интонирования, которые могут образовываться в результате смещения одного из дифференциальных признаков.

Принимая во внимание параметры типологии интонирования, предложенные В.В. Мазепусом и изложенные выше, мы проанализировали музыкальный текст шаманского обряда ловли души[1], записанного от потомственной чалканской[2] шаманки А.К. Абашевой. Данный обряд был записан Г.Б. Сыченко в экспедиции 1992 г. При этом анализ нового материала подтвердил целесообразность применения разработки В.В. Мазепуса для изучения фольклорных текстов подобного плана.

Исследуемый обряд состоит из двух частей, различных по своему содержательному плану и функциональному назначению: первая из них имеет гадательный характер, а вторая представляет собой шаманское путешествие. Каждая из частей, в свою очередь, разделяется на три раздела, которые отличаются по ряду параметров, что тесно связано с различными стадиями пребывания шаманки в измененном состоянии сознания (вхождение в транс, его пиковые проявления и выход из него).

Прежде всего, нам было необходимо определить, какие типы интонирования встречаются в данном обряде. В ходе подробного анализа музыки камлания выяснилось, что помимо четырех базовых типов интонирования для шаманского пения характерны различные микстовые, или смешанные, которые сочетают в себе некоторые признаки базовых. При этом микстовые типы интонирования в камлании могут иметь статус основных, релевантных, о чем свидетельствует их частое появление и продолжительное звучание.

Обнаружилось также, что в данном тексте встречается довольно большое количество разнообразных голосовых явлений, отличающихся друг от друга не только по типу интонирования, но и по конкретным тембровым характеристикам[3]. На данном этапе анализа мы, с одной стороны, исключили из рассмотрения тембровые характеристики, с другой – пришли к необходимости отождествления некоторых из встреченных типов интонирования между собой. Это связано с тем, что ни один из них не появлялся в камлании в неизменном виде. С целью выявления наиболее значимых типов интонирования незначительные колебания

[1] Обряд ловли души представляет собой шаманское камлание, которое в данном случае проводится с целью исцеления пациента, поскольку, в представлении шаманов, состояние физического тела напрямую связано с местонахождением души. В процессе проведения обряда шаман должен совершить «путешествие», где он встречается с различными духами и другими персонажами. Результатом совершенного обряда является поимка и возвращение души пациента, что считается залогом его выздоровления

[2] Чалканцы – малочисленный народ, проживающий на севере Горного Алтая, в долинах притоков реки Лебедь. На сегодняшний день численность данного этноса составляет около 800 человек. Основная форма хозяйственной деятельности у них – охота с элементами собирательства. Многие аспекты жизни и деятельности чалканцев определяются важным значением шаманизма в их традиционной культуре, что сохранилось вплоть до нашего времени.

[3] Тип интонирования и тембр – не тождественные понятия. Внутри одного и того же типа интонирования, например вокального, может встречаться огромное количество различных тембров.

дифференциальных признаков, такие, как, например, понижение или повышение напряженности, не принимались во внимание.

Итак, в результате проведенного анализа мы выделили **семь типов интонирования**, релевантных для данной традиции. При этом в ходе исследования стало очевидно, что их местоположение в обряде, а следовательно, их функции в тексте различны. Роль каждого из семи выделенных нами типов неодинакова. Три из них – сигнальный, сигнально-вокальный и вокально-сигнальный – можно определить как **основные**, а оставшиеся четыре – вокально-речевой, речевой, тонированный и рече-сигнальный – как **подчиненные**.

Основными типами интонирования мы считаем те, которые: 1) встречаются в обеих частях обряда; 2) несут основную семантическую нагрузку; 3) имеют высокий статистический вес в обряде; 4) присутствуют на всех этапах обряда. Подчиненные типы интонирования: 1) могут встречаться лишь в одной из его частей; 2) семантически несамостоятельны; 3) статистически представлены в гораздо меньшем объеме[1]; 4) присутствуют главным образом в средних разделах обеих частей, где они замещают один из основных типов интонирования.

В ходе анализа также выяснилось, что типы интонирования различаются по их удельному весу, соотношению между собой, роли и функциям в первой и второй частях обряда. В результате оказалось, что данные типы образуют стройную **иерархическую систему** (таблица 1), состоящую из трех уровней, каждый из которых функционально подчинен всем находящимся выше уровням (направление функциональных связей в таблице показано стрелками).

Среди основных типов интонирования особая роль отведена сигнальному. Этот тип интонирования характеризуется наиболее высокой напряженностью органов речи и широкой амплитудой ее колебания по сравнению с остальными. Использование данного типа интонирования в шаманском обряде значительно отличается от его применения в других стратах[2] интонационной культуры, например в скотоводческих сигналах, охотничьих звукоподражаниях, имитациях голосов героев в сказках и т.д.

Таблица 1

Иерархическая схема типов интонирования (ТИ)

Основные ТИ	Сигнальный	Сигнально-вокальный	Вокально-сигнальный		
Подчиненные ТИ (1 и 2 части)	–	–	Вокально-речевой	Речевой	Тонированный
Подчиненные ТИ			Рече-		

[1] За исключением речевого интонирования, высокий статистический вес которого обусловлен тем, что в определении общего количества в обряде в данном случае были включены и довольно продолжительные участки речевого интонирования, предшествующие собственно камланиию, так как они представляют собой важный этап «настройки» на проведение обряда. Исключение из подсчета данных участков резко (почти в два раза) снижает «количество» речевого типа интонирования – в особенности в первой части обряда.

[2] Согласно концепции интонационной культуры этноса [7] страта – это группа текстов, объединенных общей грамматикой.

(2 часть)	–	–	сигнальный	–	–

В камлании сигнальное интонирование оказывается включенным в общий текстовый поток, соответственно, участки, характеризующиеся сигнальным типом интонирования в чистом виде, в основном очень краткие. Как правило, за редким исключением из текста обряда трудно понять, к какому персонажу относятся те или иные сигналы. Шаман не объясняет и не стремится показать аудитории, чей голос имитируется при помощи сигнального интонирования. Семантическая интерпретация возгласов и других сигналов представляет значительную трудность.

Сигнальное интонирование включает в себя различные возгласы и звукоподражания и не всегда предполагает сочетание с вербальным текстом. Возможно, сигнальный тип интонирования появляется в тех разделах шаманского обряда, где шаман обращается к духам-помощникам и другим мифологическим персонажам, а они, в свою очередь, отвечают камлающему.

Сигнальное интонирование пронизывает музыкальный текст обеих частей камлания. В первой части оно появляется в основном в завершении строк, основанных на разновидностях вокального интонирования. В среднем разделе первой части, где измененное состояние сознания шамана, по-видимому, выражено более интенсивно, чем в обрамляющих разделах, участки, характеризующиеся сигнальным типом интонирования, появляются значительно чаще. Кроме того, возрастает разнообразие звукоподражаний и типов вибрато. Так, например, начиная с шестой минуты фонограммы обряда к характерным «покашливаниям»[1] прибавляются своеобразные «клокочущие» звуки, а также звукоподражательные элементы, напоминающие всхрапывание и ржание лошади. К концу обряда интенсивность использования подобных звуковых комплексов падает и продолжает использоваться, главным образом, вибрато, основанное на резких выдохах, напоминающее кашель, также являвшееся основным на начальном этапе первой части камлания.

Роль сигнального типа интонирования усиливается во второй части обряда, представляющей собой непосредственно процесс ловли души. Помимо увеличения количества участков текста, характеризующихся использованием сигнального интонирования в чистом виде, повышается напряженность органов речи (а значит, и признаки сигнальности) на протяжении всего текста второй части камлания. Здесь, как и в первой части, одним из основных проявлений сигнального типа интонирования остаются характерные «кашляющие» звуки. Они пронизывают весь текст, а в начальном и заключительном разделах являются единственными, хотя и регулярными, участками «чистой» сигнальности.

Нужно отметить, что во второй части шаманского обряда ловли души, по сравнению с первой его частью, крайние разделы – вхождение в измененное состояние сознания и выход из него – заметно сокращаются. Если в первой части признаки экстатического состояния шаманки появляются примерно с шестой минуты фонограммы, то во второй части они представлены уже че-

[1] Звуки, напоминающие сухой кашель, в обеих частях камлания являются наиболее частым проявлением сигнального интонирования. Они образуют как самостоятельные участки текста, так и внедряются в участки, характеризующиеся другими типами интонирования (например, неожиданно прерывают вокально-сигнальные строфические образования).

рез три минуты после начала камлания. В заключительном разделе первой части камлания выход из измененного состояния сознания начинает осуществляться примерно за пять минут, а во второй части – менее чем за три минуты до окончания. При этом речевое интонирование шаманки по окончании первой части камлания характеризуется невысокой напряженностью и производит впечатление спокойной и несколько усталой речи. В конце второй части речь ярко эмоциональная, близкая к крику, т.е. и в речевое интонирование проникают признаки сигнального.

Указанные особенности второй части обряда обусловлены ее насыщенной событийностью: именно здесь осуществляется шаманское путешествие, общение с обитателями Верхнего и Нижнего миров и непосредственно ловля души. Насыщенная событийность шаманского путешествия сопровождается более интенсивным, чем в первой части, трансовым состоянием шаманки, в результате чего использование дыхательных процессов, провоцирующих достижение данного состояния, также интенсифицируется. Это определяет и большую значимость сигнального типа интонирования во второй части камлания, поскольку именно он является одним из наиболее заметных проявлений особого упорядочивания дыхания и измененного состояния сознания.

Помимо уже упоминавшегося характерного «кашля» и специфических вибрато, средний раздел второй части обряда насыщен новыми проявлениями сигнального типа интонирования. Основным здесь становится звукоподражание «стосуставному гусю», с помощью которого шаманка осуществляет свое путешествие. Это звукоподражание представляет собой довольно протяженные участки (до 15 секунд[1]), озвученные на слоги «кар-кар-кар». Причем именно на этих участках можно проследить все возможные трансформации сигнального типа интонирования, которые не были отмечены в первой части камлания. Дифференциальные признаки (напряженность и амплитуда ее колебания) в течение одного такого участка несколько раз претерпевают значительные изменения. Как правило, начинаются звукоподражания гусю почти с шепота, где оба дифференциальных признака снижены, а затем постепенно повышаются. Такие колебания дифференциальных признаков могут происходить до трех раз на одном участке. Схожими признаками обладает еще одно часто встречающееся в среднем разделе данной части звукоподражание на слоги «ма-ма-ма» (это звукоподражание встречалось в первой части, но количество его появлений там было минимальным), которое чередуется со звукоподражаниями гусю или сменяет их на одном и том же участке.

Кроме того, сигнальным типом интонирования характеризуется сам процесс поимки души. Он представляет собой почти театральный фрагмент, включающий ряд резких выдохов и эмоциональных возгласов на слогах «вах», «ух», «ох» и т.п. Возгласы разделяются паузами и дополняются инструментальным интонированием, представленным резкими, громкими ударами фоноинструмента. К проявлению сигнального типа интонирования в возгласных конструкциях нужно отнести и резкий возглас на словах магической формулы «Кап-курый!», которые появляются ближе к завершению камлания и, как правило, сопровождаются рядом выдохов и всхлипов.

[1] Тогда как продолжительность участков, характеризующихся сигнальным интонированием, в первой части обряда составляла от нескольких десятых секунды до секунды.

На заключительном этапе второй части обряда, как и в первой части, количество проявлений сигнального типа интонирования уменьшается, остаются преимущественно звуки, напоминающие кашель, но их напряженность несколько снижается, кроме того, участки, характеризующиеся признаками сигнальности, укорачиваются.

Таким образом, вторая часть обряда ловли души демонстрирует гораздо большее количество проявлений сигнального типа интонирования, а также все разнообразие его вариантов. Но общие закономерности применения сигнального интонирования в шаманской традиции чалканцев во второй части обряда подтверждаются: сигнальный тип интонирования и здесь проявляет себя как маркер данной страты интонационной культуры этноса, напрямую соотносясь с достижением измененного состояния сознания. Соответственно, мы можем наблюдать более разнообразные и яркие его проявления в средних разделах обеих частей камлания, где трансовое состояние шамана выражено сильнее.

Нужно отметить, что если в упомянутой выше классификации типов шаманского интонирования шорцев [8] сигнальное интонирование не присутствует в чистом виде, тем не менее являясь маркирующим типом интонирования для всей шаманской традиции, то в чалканском обряде велика роль именно фрагментов, характеризующихся присутствием сигнального типа интонирования как такового.

Помимо этого, сигнальный тип интонирования, как и в шорской традиции, активно объединяется шаманом с другими, создавая смешанные типы, основанные на сильнейшем влиянии сигнальности.

Литература

1. *Рубцов Ф.А.* Статьи по музыкальному фольклору. Л., 1973. 219 с.

2. *Лобкова Г.В.* Типологические особенности обрядовых форм допесенного интонирования (по материалам псковских коллекций Фольклорно-этнографического центра) // Музыка устной традиции : материалы междунар. науч.конф. памяти А.В. Рудневой // Науч. тр. Моск. гос. консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 27. М., 1999. С. 183–200.

3. *Народное* музыкальное творчество / отв. ред. О.А. Пашина. СПб., 2005. 568 с.

4. *Добжанская О.Э.* Песня хотарэ. Шаманский обряд нганасан : Опыт этномузыковедческого исследования. СПб., 2002. 224 с.

5. *Добжанская О.Э.* Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск, 2008. 272 с.

6. *Мазепус В.В.* Артикуляционная классификация тембров и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор : Комплексная текстология / отв. ред. В.М. Гацак. М., 1998. С. 24–51.

7. *Кондратьева Н.М.* К теории интонационных культур : интонационная культура теленгитов / Н.М. Кондратьева, В.В. Мазепус, Г.Б. Сыченко // Вопросы музыкознания. Новосибирск, 1999. С. 212–225.

8. *Сыченко Г.Б.* Типология шаманского интонирования шорцев // Народная культура Сибири: материалы X науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузовского центра по фольклору. Омск, 2001. С. 82–87.

9. *Мазепус В.В.* Культурный контекст этномузыкальных систем // Музыкальная этнография Северной Азии : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Новосибирск, 1988. С. 28–44.

10. *Сыченко Г.Б.* «Шаманское интонирование» : история и феноменология термина // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 174–180.

Gorbacheva Yulia S. Novosibirsk State Conservatoire named after M. I. Glinka (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: yulia_popova@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 108-116 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/11

THE TYPOLOGY OF SHAMANIC INTONATION OF THE CHALKANS AND THE ROLE OF SIGNAL INTONATION IN THE RITUAL OF A CATCHING SOUL

Key words: *intonation typology, shamanic musical text, signal intonation.*

The author focuses on the shamanic ritual of a catching soul, recorded from the hereditary Chalkan shamaness A. K. Abasheva. Using the methodology of V. V. Mazepus, the typology of shamanic intonation is undertaken.

In the course of analysis seven intonation types significant for the ritual are revealed. They are: signal, signal-vocal, vocal-signal, vocal-speech, speech, toned speech and speech-signal. These intonation types are in the complex hierarchical relationships. The first three types are the main ones, and they form the first hierarchical level of the system. The next four types are subordinates ones, and they form the second and the third hierarchical levels of the whole system. Thus, the speech-signal type is subordinated to the vocal-speech, and the latter is subordinated to the vocal-signal. Both speech and toned speech are subordinated to the vocal-speech directly. Signal and signal-vocal types are independent and they don't have subordinated types.

The ritual of a catching soul consists of two parts, and the signal intonation is the main intonation type in both of them. It manifests itself as a marker of shamanic intonation in the intonation cultures of other ethnic groups also. For example, this intonation type is important for the shamanic intonation of the Shors.

In the Chalkan text signal intonation is represented by a wide range of phenomena. This intonation type penetrates the musical text. It reveals itself in such forms as the specific shamanic cough, vibrato on long sounds, all sorts of cries and a large number of onomatopoeia. The distinctive feature of the signal intonation is a difficulty of semantic interpretation, because it is rarely combined with a verbal text.

The analysis of the Chalkan shamanic text of a catching soul showed, that the signal intonation is directly linked with the stages of the altered state of conciseness of the shamaness. The signal intonation type is most intensively revealed in the middle sections of the both parts of the ritual, where the shamanic trance has the strongest manifestation. In the second part of the ritual that is during the shamanic journey the signal intonation has its largest distribution. Here many new onomatopoeia appear, and the key moment – catching the patient's soul – is also marked by a signal intonation.

Besides, this intonation type appears in the shamanic text not only in pure form but also affects other intonation types. It may be combined with them in hybrid forms, such as vocal-signal, speech-signal intonation types. This fact proves the G. Sychenko's hypothesis that signal intonation is a marker of this grammatical stratum of the intonational culture.

References

1. Rubtsov, F.A. (1973) *Stat'i po muzykal'nomu fol'kloru* [Articles on musical folklore]. Leningrad: Sov. kompozitor.

2. Lobkova, G.V. (1999) [Typological features of ritual forms of the narrative intonation (a case study of Pskov collections of the Folklore and Ethnographic Centre)]. *Muzyka ustnoy traditsii* [Music of the Oral tradition]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 183–200. (In Russian).

3. Pashina, O.A. (2005) *Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo* [Folk music]. St. Petersburg: Kompozitor.

4. Dobzhanskaya, O.E. (2002) *Pesnya khotare. Shamanskiy obryad nganasan: Opyt etnomuzykovedcheskogo issledovaniya* [The song of Khotare. The Nganasans shaman ritual: Ethnomusicological research]. St. Petersburg: Drofa.

5. Dobzhanskaya, O.E. (2008) Shamanskaya muzyka samodiyskikh narodov Krasnoyarskogo kraya [The shaman music of the Samoyed peoples of Krasnoyarsk Region]. Norilsk: Apeks.

6. Mazepus, V.V. (1998) Artikulyatsionnaya klassifikatsiya tembrov i printsipy notatsii tembrov muzykal'nogo fol'klora [The articulation classification of voices and notation principles of folk music]. In: Gatsak, V.M. (ed.) *Fol'klor: Kompleksnaya tekstologiya* [Folklore: Complex textology]. Moscow: Institute if World Literature. pp. 24–51.

7. Kondratieva, N.M. (1999) K teorii intonatsionnykh kul'tur: intonatsionnaya kul'tura telengitov [On the theory of intonation cultures: The intonation culture of Telengits]. In: Kondratieva, N.M.,

Mazepus, V.V. & Sychenko, G.B. *Voprosy muzykoznaniya* [Questions of musicology]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 212–225.

8. Sychenko, G.B. (2001) [The typology of shamanic intonation among the Shor people]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the Tenth Siberian Regional Hich School Seminar on Folklore. Omsk. pp. 82–87. (In Russian).

9. Mazepus, V.V. (1988) Kul'turnyy kontekst etnomuzykal'nykh sistem [The cultural context of ethnomusical systems]. In: Sheykin, Yu.I. & Sheykin, Yu.I. (eds) *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical ethnography of North Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka. pp. 28–44.

10. Sychenko, G.B. (2004) “Shamanskoe intonirovanie”: istoriya i fenomenologiya termina [The “shaman intonation”: History and phenomenology of the term]. In: Khokhlov, N.A. & Tazieva, E.M. (eds) *Istoriya i teoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii* [History and theory of culture in higher education]. Issue 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 174–180.

УДК 782
DOI: 10.17223/22220836/24/12

Е.А. Приходовская

СМЫСЛОВЫЕ АРЕАЛЫ ОДИНОЧЕСТВА В ЖАНРЕ МОНООПЕРЫ

В статье рассматриваются специфические особенности жанра монооперы. Важнейшая смысловая константа монооперы – центральное значение единственного персонажа. В текстах известных моноопер преобладает комплекс смысловых ареалов одиночества. В этом комплексе выявляются ареалы вынужденного бездействия, эпистолярных жанров и «тайников помутнённого сознания» на примерах из моноопер Г. Фрида «Дневник Анны Франк», М. Таривердиева «Ожидание», А. Спадавеккиа «Письмо незнакомки».
Ключевые слова: *моноопера, всеобъемлющее сознание персонажа, смысловые ареалы, одиночество.*

Одинокими не рождаются.
Одиночеству учатся…
Р. Рождественский

Жанр монооперы ещё сравнительно молод, но уже достаточно востребован и с композиторской, и с исполнительской, и с исследовательской точек зрения. Вместе с довольно обширным рядом уже созданных шедевров, являющихся частым предметом исторических исследований, моноопера содержит множество ещё не реализованных перспектив.

Важнейшая из смысловых констант монооперы, обеспечивающих её жанровую уникальность, – центральное значение единственного персонажа. Именно «единственность» персонажа принципиально отличает монооперу от близких родственных жанров музыкального театра. Субъектная функция в моноопере единственного персонажа требует введения такого понятия, как *всеобъемлющее сознание персонажа* (ВСП). Если в камерной и в многоперсонажной (большой) опере каждый персонаж выступает только как элемент целого, наряду с подобными элементами («один из»), в моноопере единственный персонаж «вбирает в себя» все смысловые и подтекстовые «слои», становясь «центром притяжения» всего окружающего мира. Если сказать более образно, мы всё окружающее, все явления и процессы мира видим «глазами персонажа». Другие персонажи, виртуально присутствующие в моноопере, функционируют только как объекты ВСП. Только единственный персонаж наделён «голосом»[1] [1. С. 48].

Представляется целесообразным констатировать наличие ряда различных смысловых ареалов, которые вкупе составляют смысловое «поле» жанра монооперы. Каждый смысловой ареал, не являясь чётко отграниченным образованием, содержит специфическое, отличающееся от других смысловых ареа-

[1] Восприятие и понимание своего сознания как всеобъемлющего, в принципе, присуще в реальной действительности любому человеку – по закону природы, независимо от конкретных свойств данного сознания. Человеку свойственно воспринимать себя как некое «начало координат» («точку отсчёта для сущего как такового» [1. С. 48]).

лов, множество сюжетно-эмотивных посылов. Близкие смысловые ареалы, реализованные или потенциально возможные, существуют в виде «пучка» родственных ответвлений единого смыслового комплекса.

Среди множества смысловых ареалов монооперы, обусловленных действием смысловой константы жанра – «единственности» персонажа, в фиксированных, уже созданных текстах преобладает, как можно заметить, *комплекс смысловых ареалов одиночества*. Такая востребованность и, можно сказать, традиционность обращения к данному комплексу смысловых ареалов обусловлена спецификой распространённых представлений о жанре моноопера, включающих, как правило, смешение понятий *одиночества*, представляющего только один комплекс смысловых ареалов, и *монологичности*, являющейся одним из ключевых свойств жанра.

Монологичность ВСП не требует для своей художественной реализации сюжетно-фактологической ситуации одиночества. Монологичность ВСП представляет собой центральное свойство всего ряда комплексов смысловых ареалов моноопера. Комплекс смысловых ареалов одиночества является лишь одним из однородных элементов названного ряда. Но и в рамках данного комплекса фактологическая (сюжетно обусловленная) ситуация одиночества не является обязательной.

Внутренняя психологическая жизнь человека располагает такими известными явлениями, как «одиночество в толпе», «одиночество вдвоём», и в то же время такими явлениями, как «разговор с прошлым», «разговор с воображаемым гостем» и т.п. Следует подчеркнуть *виртуальную* сущность названных явлений: диалог, наблюдаемый «в одностороннем порядке», неизбежно предстаёт монологом, реализацией отражения ситуации диалога в индивидуальном сознании одного из собеседников. Второй собеседник в данном случае оказывается не более чем *фактом сознания* говорящего.

Таким образом, человек может переживать одиночество, находясь фактологически не один, и не испытывать этого состояния, находясь фактологически в одиночестве. Данные наблюдения усложняют процесс классификации смысловых ареалов моноопера; тем не менее одиночество – как фактологически-реальное, так и внутренне переживаемое – существует в едином смысловом пространстве, объединяя ряд различных смысловых ареалов в целостный комплекс. Заметим, что ***одиночество становится смысловым ареалом только тогда, когда превращается в воспринятый и осознанный личностью факт ВСП***.

Как сюжет моноопера, коррелирующий напрямую со структурными закономерностями строения текста, предлагается понимать не внешне воспринимаемую цепочку событий (которых в моноопере, как правило, немного), а последовательность внутренних событий ВСП. Именно с этих позиций представляется значимым обращение к ***монодраме*** как жанру, генетически связанному с моноопероой.

Монодрама, при кардинальном отличии языка выразительных средств, близка моноопере как один из её непосредственных «предков» по центральной смысловой константе – «единственности» персонажа. Корни монодрамы уходят далеко в прошлое, к древнегреческой трагедии: центральное значение единственного актёра в трагедиях Эсхила пусть не напрямую, но «переклика-

ется» с единственным актёром монодрамы. Собственно теория монодрамы получила развитие в начале XX в., прежде всего в работах Н. Евреинова [2]: «…понятие монодрамы должно обозначать такого рода драматическое представление, в котором мир, окружающий действующего, является таким, каким воспринимает его действующий в любой момент своего сценического бытия» [3. С. 10]. Таким образом, в монодраме, согласно данному определению жанра, фиксируем смыслообразующую функцию субъектного – единственного – персонажа, а также центральное значение ВСП.

Специфика внутреннего мира ВСП требовала от жанра монодрамы иных выразительных средств, чем традиционные в театре. «Теперь, с изобретением транспарантных декораций, поистине «волшебных фонарей», усовершенствования средств освещения всевозможной окраски и силы, частых перемен, о которых раньше и не снилось драматургам, превосходных эффектов вуалирования и пр. …мы смело можем говорить о монодраме, как о вполне осуществимой идее» [3. С. 11]. Здесь речь идёт, по сути, о кинематографе. Совсем немногим позднее появляется понятие *монтажа* как принципа организации синтетического текста (впервые формулируется понятие, тогда как «в качестве всеобщего принципа смыслообразования и одного из способов воплощения художественного замысла монтаж существовал и до своего распространения в кинематографе в других видах искусства (литература, изобра-зительное искусство, музыка и т.д.» [4]). Используется в творческих опытах и изучается специфика *монодраматического монтажа* [5]. Акцентируется «особая эстетическая роль монтажа, который организует единство зрительных и звуковых элементов в особый пространственно-временной континуум» [4]. Единство зрительных и звуковых элементов, формируемое в тексте посредством монтажа, можно считать предвосхищением аудиовизуального единства синтетического текста моноопера.

Среди важнейших исторических предпосылок рождения жанра моноопера, наряду с монодрамой, следует назвать комплекс смысловых ареалов одиночества, являющийся только одним из воплощённых и потенциально существующих смысловых комплексов и в то же время первым и исходным в истории жанра. Именно историческая функция комплекса смысловых ареалов одиночества инициировала формирование традиции, связывающей моноопера исключительно с одиночеством.

Смысловой комплекс ***одиночества*** как некая художественная парадигма появляется в эпоху романтизма, получая затем – уже в XX в. – разностороннее развитие. Если романтизм придавал одиночеству возвышенный, даже героический оттенок, последующее развитие смыслового комплекса одиночества привело к трагизму «маленького человека». Образ «маленького человека» [6] кристаллизовался в литературе постепенно, но достаточно целенаправленно (с позиций настоящего времени можно проследить тенденцию, идущую от творчества А. Пушкина к прозе Ф. Достоевского и пресекающуюся только с приходом советской власти). Если в рассказе А. Пушкина «маленький человек» был ещё только *социально* «маленьким», «униженным богатырём» [7. С. 285], в дальнейшем он приобретает черты *нравственно* «маленького», «забитого», рождается образ «отчуждённого человека во враждебном мире» [8]. Войны и катаклизмы рубежа веков обесценили человеческую личность практически до нуля; одиночество Воццека отличается от одиночества Чайльд-Гарольда именно тем, что оно

становится *вынужденным*, перестаёт быть романтической «драпировкой», превращаясь в человеческую трагедию. Романтические одиночество и странничество преобразуются в экспрессионистские изолированность и бесприютность. Утрирование порождает трагический гротеск: одиночество становится брошенностью, народ становится толпой.

«Экспрессионизм как художественное направление возник на основе взаимоотношений с различными сферами научной деятельности: с психоанализом Фрейда, феноменологией Гуссерля, неокантианской гносеологией, философией «Венского кружка» и гештальтпсихологией» [8]. Многоаспектность экспрессионизма как художественного направления включает целый комплекс черт: «Для музыкального экспрессионизма характерен иррационализм, устремлённость за пределы сознания – будь то тёмные глубины человеческой души (не случайно его развитие совпало с расцветом психоанализа) или мистическое визионерство; тяготение к пограничным психическим состояниям, эмоциональная взвинченность, предельная субъективность, нередко приводящая к деформации окружающего мира, который предстаёт сквозь призму восприятия героя…» [9. С. 6]. В дальнейшем, при переходе к лирико-бытовым пластам содержания, одиночество становится фактом межличностных отношений (тогда персонажем моноопера становится одинокая / брошенная любимым женщина). Не случайна хронологическая синхронность появления теории монодрамы, кульминации развития экспрессионистского образа «потерянного человека», функционирования немецкой «драмы крика» («Schreidramen») и создания А. Шёнбергом моноопера/монодрамы «Ожидание», положившей начало пониманию моноопера как самостоятельного жанра.

Такие этапы можно фиксировать в процессе формирования в искусстве смыслового комплекса одиночества как самодостаточной художественной парадигмы. Вероятно, именно хронологической синхронностью кульминационного этапа названных процессов, в числе прочего, объяснима значимость для жанра моноопера комплекса смысловых ареалов одиночества и обусловленное этой значимостью смешение понятий одиночества и монологичности.

Обозначим ареалы, выделяемые нами в комплексе смысловых ареалов одиночества, учитывая условность проводимых смысловых границ:

1) ареал ***вынужденного бездействия*** («Ожидание» А. Шёнберга, «Ожидание» М. Таривердиева): при кардинальном различии сюжетных фабул в обеих моноопера героиня оказывается «запертой» в молчании окружающего мира. Внутренний монолог персонажа с максимальной степенью детализации «транслируется» в вокальную партию. Этапы внутреннего сюжета моноопера М. Таривердиева ***«Ожидание»*** синхронизированы с реально протекающим временем: сколько женщина стоит под часами – столько и длится моноопера. Осознание одиночества персонажем, превращение одиночества в факт ВСП маркировано на протяжении всего текста: а) «Женщины привыкли ждать»; б) «Одинокой мне быть запрети». Два фрагмента прямого осмысления слова «одиночество», происходящего в ВСП, содержат тенденцию смыслового крещендирования, масштабирования темы: если в первом фрагменте наблюдаем связь «одиночество – Я», то во втором фрагменте происходит переход на уровень притчи, обобщение индивидуальной проблематики до общечеловеческой («одиночество – Люди»).
Первый фрагмент («Одиночество – Я»)

Ветры зимние
вдаль уносятся
и назад возвращаются.
Почему,
зачем,
одиночество,
ты со мной
не прощаешься?
Пусть мне холодно
и невесело, -
всё стерплю,
что положено...
Одиночество –
ты профессия
до безумия сложная!
Ночь пустынная.
Слёзы затемно.
Тишина безответная...
Одиночество –
наказание.
А за что –
я не ведаю...
Ночь окончится.
Боль останется.
День
с начала закрутится...
Одинокими
не рождаются.
Одиночеству учатся.

Второй фрагмент («Одиночество – Люди»)

В этом взрывчатом мире
забытой уже
тишины,
где над всеми
бессонное время
летит безучастно,
не придётся вам пусть никогда
ждать любимых
с войны!
Не придется вам пусть никогда
ждать любимых
напрасно!
Рядом с бронзой царей,
разжиревших
на лжи и крови,
рядом с бронзой героев,
рискнувших собой в одночасье,
должен выситься памятник
Женщине,

ждущей любви!
Светлый памятник Женщине,
ждущей
обычного счастья...
Вновь приходит зима
в круговерти метелей и стуж.
Вновь для звёзд и снежинок
распахнуто небо ночное...
Все равно я дождусь!
Обязательно
счастья дождусь!
И хочу, чтоб дождались вы
вместе со мною.

Особое значение для финала монооперы имеет *притчевость*, восходящая к жанру притчи [10, 11], и позволяющая обобщить проблематику, актуализируемую в индивидуальном ВСП, до общечеловеческой;

2) ареал ***эпистолярных жанров*** («Письмо незнакомки» А. Спадавеккиа, «Письма Ван Гога», «Дневник Анны Франк» Г. Фрида, «Нежность» В. Губаренко) – превращение в «звуковую партитуру» *письменных* источников, воплощающих внутренний монолог персонажа. Несмотря на то, что «письму свойственно острое ощущение собеседника, адресата, к которому оно обращено» [12. С. 238], ареал эпистолярных жанров представляется возможным отнести к комплексу смысловых ареалов одиночества. *Во-первых*, в рамках данного ареала одиночество, как правило, является фактом ВСП; *во-вторых*, отсутствует виртуальный диалог как с воображаемым, так и с действительным собеседником: задействуются только те контакты, реакция на которые концентрируется во внутренних структурах ВСП. Приведём фрагменты из монооперы А. Спадавеккиа ***«Письмо незнакомки»***, в которых формулируется тема одиночества как факта ВСП:

а) Вчера мой ребёнок умер! Я снова буду одна, если мне суждено ещё жить. Завтра придут чужие люди, положат в гроб моё дитя. Придут друзья, принесут венки, но что значат цветы возле гроба? Меня станут утешать, говорить мне слова, слова, слова, но это не сможет меня утешить, ведь я же осталась одна, осталась одна!.. А ведь нет ничего более ужасного, чем одиночество среди людей.

б) Я снова одинока, нет ребёнка… Нет ни строчки от тебя. Раз я мертва для тебя, так почему мне не желать смерти! Я не буду больше докучать тебе, но я должна была излить душу свою в час смерти нашего ребёнка!

Центральной здесь предстаёт формулировка «нет ничего более ужасного, чем одиночество среди людей». Именно эта формулировка фигурирует здесь как важнейший факт ВСП, тогда как смерть ребёнка постулируется как внешнее событие, повлекшее за собой появление такого факта во внутренних структурах ВСП.

В моноопере Г. Фрида «Дневник Анны Франк» видим другую формулировку темы одиночества:

В сущности, молодость более одинока, чем старость. У старших есть свои воззрения, они больше не колеблются, они знают, что им делать в жизни. А нам, молодым, вдвойне трудно защищать свои взгляды в такое время, когда рушатся, рушатся все идеалы, когда люди усомнились в правде, в справедливости, в сча-

стье! Идеалы, мечты, светлые надежды у нас не могут возникнуть, а если возникают, то страшная действительность разрушает их начисто…

«Дневник Анны Франк» Г. Фрида представляет собой довольно неоднозначное целое. С одной стороны, в этом тексте бесспорно можно констатировать одиночество как факт ВСП – признак комплекса смысловых ареалов одиночества; с другой стороны, ВСП оперирует местоимением «мы» чаще, чем местоимением «я», переводя смысловые ориентиры текста из сферы индивидуального внутреннего мира в сферу притчевого обобщения. Одиночество фигурирует здесь как философское понятие и часть мировоззрения целого поколения («нам, молодым…»), а не как личностное переживание;

3) ареал ***«тайников помутнённого сознания»*** («Записки сумасшедшего» Ю. Буцко, «Чёрный обморок» Д. Кривицкого) – для этого смыслового ареала характерны децентрация сюжета, подчинение внутреннего монолога персонажа и в целом динамики ВСП концептуальному содержанию текста. Ареал «тайников помутнённого сознания» составляет значительную область потенциала комплекса смысловых ареалов одиночества, так как допускает практически ничем не ограниченную свободу построения сюжета, не связанного вообще с внешними контактами ВСП[1].

Итак, комплекс смысловых ареалов одиночества ограничен рамками одиночества как факта ВСП. Таким образом, в данный комплекс смысловых ареалов не входит, например, моноопера Ф. Пуленка ***«Человеческий голос»***: фактологическое одиночество героини не делает одиночество фактом ВСП. Более того, ВСП героини в моноопере воплощено только через её высказывания, направленные вовне, – мы не слышим ни одного слова, отражающего внутреннюю реакцию героини на происходящее вокруг. Все реплики Женщины рассчитаны на восприятие кем-то другим, не входящим во внутреннюю структуру её ВСП (всё, что она говорит, адресовано кому-то).

Как уже отмечалось, история формирования жанра моноопера обусловила такой факт, как преобладание в фиксированных образцах моноопера одиночества *вынужденного*, тогда как в целом потенциал данного комплекса смысловых ареалов им не ограничен. Потенциал данного комплекса содержит и факты *добровольного* одиночества. Одиночество вынужденное понимается в рамках ВСП как *болезненно переживаемое состояние*, из которого личность (персонаж) стремится выйти. Однако многообразие жизни включает ряд ситуаций добровольного одиночества, когда человек не стремится скорее выйти из этого состояния: отшельничество, молитва (в состоянии благодарности, а не отчаяния), творческий процесс, глубокое позитивное переживание, чтение книги, сон, например[2]. Обозначенный ряд можно продолжить[3].

---

[1] Многообразие ареалов одиночества, существующих в рамках смыслового потенциала моноопера, почти неисчерпаемо. Например, самостоятельными ареалами могут быть одиночество непонятого пророка (история Кассандры), одиночество «блудного сына», одиночество изгнанника и др.

[2] Интересным для реализации в жанре моноопера мог бы стать сюжет о воплощении души – рождении ребёнка, монолог приходящего в мир (ещё не рождённого, а затем родившегося человека).

[3] В данном контексте необходимо вспомнить первую в истории музыкального искусства моноопера, не имевшую ещё такого жанрового обозначения; она несла функцию антракта в большом оперном спектакле. Речь идёт о моноопере Доменико Чимарозы «Il Maestro di Cappella» (1793). Юмор и искромётность, с которыми воплощён в ней образ дирижёра оркестра, противостоят современным распространённым представлениям о моноопере. В моноопере Д. Чимарозы, конечно, нет и намёка на

Таким образом монологичность как одно из ключевых свойств жанра монооперы вообще реализуется, конкретизируясь, в комплексе смысловых ареалов одиночества. ***Комплекс смысловых ареалов одиночества***, как можно утверждать, отличается от других смысловых комплексов монооперы тем, что ***исключает задействованность внешней сигнальной системы***, реализующей контакты ВСП, нацеленные вовне и извне наблюдаемые.

Итак, комплекс смысловых ареалов одиночества выступает одним из комплексов смыслового «поля» жанра монооперы. Его востребованность в существующих фиксированных текстах, относящихся к жанру монооперы, объяснима историческими причинами, а именно синхронностью процессов кульминации эстетики экспрессионизма (в том числе образа «потерянного человека») и рождения монооперы как самостоятельного жанра. Комплекс смысловых ареалов одиночества полностью исключает действие в тексте внешней сигнальной системы, как и области ВСП, включающей контакты, нацеленные вовне и извне наблюдаемые. Подчеркнём, что одиночество становится смысловым ареалом только тогда, когда превращается в воспринятый и осознанный личностью персонажа факт ВСП.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 460 с.

2. *Джурова Т.С.* Концепция театральности в творчестве Н.Н. Евреинова : дис. … канд. иск. СПб., 2007. 34 с.

3. *Евреинов Н.* Введение в монодраму: Реферат, прочитанный в Москве в лит.-худож. кружке 16 декабря 1908 г., в С.-Петербурге в Театральном клубе 21 февраля и в Драматическом театре В.Ф. Коммиссаржевской 4 марта 1909 г. СПб., 1909. 4, 32 с.

4. *Фунтикова С.А.* Трансформация монтажа как выразительного средства в кинематографе : автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2011. 23 с.

5. *Тимошенко С.А.* Искусство кино и монтаж фильма: Опыт введения в теорию и эстетику кино. Л. : Academia, 1926. 74 с.

6. *Сокол Е.М.* «Маленький человек» в творчестве русских писателей 1840-х гг. в свете христианской традиции : дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 266 с.

7. *Юхнова И.С.* Самсон Вырин : миф о маленьком человеке // Вестн. Нижегород. ун-та им. М.И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 285–288.

8. *Борев Ю.Б.* Эстетика : учеб. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.

9. *Власова Н.О.* Музыкальный театр экспрессионизма : к истории одноактной оперы // Искусство музыки : теория и история. 2015. № 12. С. 5–36.

10. *Мельникова С.В.* Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова : дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 164 с.

11. *Данилова Т.В.* Архетипические корни притчи // Рациональность и семиотика дискурса. Киев : Наукова думка, 1994. С. 59–73.

12. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963. 362 с.

Prikhodovskaya Ekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: prihkatja@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 117–125 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/12

SEMANTIC AREAS OF LONELINESS IN A MONOOPERA GENRE

Key words: *monoopera, comprehensive consciousness of the character, semantic areas, loneliness.*

The genre of the monoopera is still relatively young, but is already rather demanded both from composer's, performer's, and researcher's points of view. The most important of the semantic con-

смысловые ареалы одиночества: дирижёр репетирует с оркестром, непрерывно функционирует внешняя сигнальная система (обращения к различным группам оркестра). Неожиданная, но вполне оправданная параллель выстраивается здесь с монооперой Ф. Пуленка «Человеческий голос», также построенной полностью на внешней сигнальной системе.

stants of the monoopera providing its genre uniqueness is the central value of the only character. Such concept as the comprehensive consciousness of the character (CCC) is introduced. All the surrounding we see through the "eyes of the character". Other characters who are virtually present in the monoopera function only as objects of CCC. Among the sets of the semantic areas of the monoopera caused by action of the semantic constant of a genre - "uniqueness" of the character – in the fixed, already created texts the complex of semantic areas of loneliness prevails. Such traditionalism in addressing this complex of semantic areas is caused by specifics of the widespread ideas of the genre of monoopera including, as a rule, mixture of concepts of loneliness represented only by one complex of semantic areas, and the monologicality being one of the key properties of the genre. Monologicality of CCC doesn't demand for the art realization of a subject and factual situation of loneliness. The loneliness becomes a semantic area only when it turns into CCC, the fact apprehended and realized by the identity of the character. Attention to the semantic area of loneliness can be explained through historical processes of formation of the genre of monoopera: chronological synchronism of emergence of the theory of the monodrama, the culminating in development of an expressionistic image of "the lost person", functioning of German "dramas of shout" ("Schrei-dramen") all that isn't accidental. A. Shönberg created the monoopera/monodrama "Expectation" which laid the foundation for understanding the monoopera as an independent genre. In the complex of semantic areas of loneliness in the monoopera such areas as an area of the compelled inaction, an area of epistolary genres and an area of "hidden places of the dimmed consciousness" come to light. The complex of semantic areas of loneliness, differs from other semantic complexes of the monoopera in what excludes involvement of the external alarm system realizing the contacts of CCC aimed outside and from the outside the observable. Theses of the article are illustrated by examples from monooperas by F. Poulenc ("A Human Voice"), G. Fried ("Anne Frank's Diary"), M. Tariverdiev ("Expectation"), and A. Spadavekkia ("The letter of the stranger").

References

1. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.

2. Dzhurova, T.S. (2007) *Kontseptsiya teatral'nosti v tvorchestve N.N. Evreinova* [The concept of theatricality in the work of N.N. Evreinov]. Art Studies Cand. Diss. St. Petersburg.

3. Evreinov, N. (1909) *Vvedenie v monodrama* [Introduction to monodrama]. St. Petersburg: [s.n.].

4. Funtikova, S.A. (2011) *Transformatsiya montazha kak vyrazitel'nogo sredstva v kinematografe* [Installation transformation as a means of expression in the film]. Abstratct of Philosophy Cand. Diss. Moscow.

5. Timoshenko, S.A. (1926) *Iskusstvo kino i montazh fil'ma: Opyt vvedeniya v teoriyu i estetiku kino* [Film Art and Film Editing: Experience introduction to the theory and aesthetics of cinema]. Leningrad: Academia.

6. Sokol, E.M. (2003) *"Malen'kiy chelovek" v tvorchestve russkikh pisateley 1840-kh gg. v svete khristianskoy traditsii* [The "little man" in the works of Russian writers of the 1840s in the light of the Christian tradition]. Philology Cand. Diss. Moscow.

7. Yukhnova, I.S. (2012) Samson Vyrin: The "small man" myth. *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. M.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1(2). pp. 285–288. (In Russian).

8. Borev, Yu.B. (2002) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

9. Vlasova, N.O. (2015) Muzykal'nyy teatr ekspressionizma: k istorii odnoaktnoy opery []. *Iskusstvo muzyki: teoriya i istoriya – Art of Music: Theory and History*. 12. pp. 5–36.

10. Melnikova, S.V. (2002) *Pritcha kak forma vyrazheniya filosofskogo soderzhaniya v tvorchestve L.N. Tolstogo, F.M. Dostoevskogo, A.P. Chekhova* [The parable as a form of expression of the philosophical content in the works by L. Tolstoy, F. Dostoevsky, A.P. Chekhov]. Philology Cand. Diss. Moscow.

11. Danilova, T.V. (1994) Arkhetipicheskie korni pritchi [The archetypal roots of the parable]. In: Parakhonskiy, B.A. (ed.) *Ratsional'nost' i semiotika diskursa* [Rationality and semiotics of discourse]. Kiev: Naukova dumka. pp. 59–73.

12. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

УДК 781.7
DOI: 10.17223/22220836/24/13

Ф.А. Ульмасов

КОНТРАСТНЫЕ И ДИФФУЗНЫЕ ФОРМЫ МНОГОМЕРНОСТИ В ТАДЖИКСКОЙ И УЗБЕКСКОЙ МОНОДИИ

В статье освещается проблема многомерности таджикской и узбекской монодии в контексте универсалий восприятия и мышления. Одной из универсальных форм многомерности мышления рассматривается бинарность, основу которой формирует взаимодействие двух функционально-оппозиционных планов. Такое взаимодействие репрезентирует особый тип многомерного структурирования музыкального процесса, который в таджикской и узбекской монодии имеет контрастную и диффузную форму реализации. Эти две формы отражают специфику многомерной конфигурации на разных уровнях формирования системы восточной монодии.
Ключевые слова: *многомерность, монодия, двуплановость мышления, функциональная оппозиция, контраст, диффузность, голос-инструмент.*

Проблемы многомерного структурирования восточной монодии, в частности ее таджикской и узбекской ветви, представляют актуальное направление современного этапа развития теории монодии. В его основе находится понимание, сформированное результатами многочисленных исследований, проведенных в различных сферах гуманитарной науки (нейропсихологии, философии, языкознании, семиотики и др.), что многомерность является атрибутивным свойством мышления и восприятия, логическим конструктом любой творческой деятельности человека. В музыкознании этот существенный аспект структурирования музыки рассматривался в исследованиях М. Арановского, Б. Асафьева, М. Бронфельда, В. Медушевского, Е. Назайкинского и многих др.

Одной из универсальных форм проявления многомерности является бинарность, понимаемая как структурный и функциональный принцип взаимодействия двух оппозиционных планов. Суть бинарных отношений заключается в том, что эти планы не существуют отдельно друг от друга, а только в единстве, их взаимодействие как функционально-оппозиционных структур формирует целостность процесса, рождает движение. Подобные отношения представлены множественно: дискретность – континуальность, рельеф – фон, симметрия – ассиметрия, инвариант– вариант, вариативность – остинанатность, устой – неустой и т.д.

Бинарность как принцип структурирования реализуется на самых различных иерархических уровнях восприятия и мышления. Это и двуполушарная структуры мозга, где каждая имеет свою специализацию по обработке информации [1], это единство двух основных форм синтезирования психических процессов – сукцессивного и симультанного [2]. Последние применительно к музыкальным явлениям обнаруживаются как вертикальные и горизонтальные аспекты музыкального процесса. В этом контексте выделим проницательную мысль Е. Назайкинского, которая проясняет единство и функциональное различие двух основных координат формирования интона-

ционных структур: «Проблема вертикали, упорядочивающей мелодическое движение, является здесь, очевидно, центральной. Она теснейшим образом связана и с теорией музыкального звуковысотного слуха» [3. С. 95].

Отметим также, что бинарный принцип находится в основе известного феномена – диалогики мышления. Приведем обобщающую мысль Ю. Лотмана, раскрывающую системное проявление бинарности: «…феномен правизны – левизны, что от генетико-молекулярного уровня до самых сложных информационных процессов является базой диалога – основы всех смыслопорождающих процессов» [4. С. 24].

Что касается музыкального мышления, глубокое разъяснение принципов его действия было в свое время предложено Б. Асафьевым: «…музыка... логически представляется в своей исконной двуплановости: мысль, как удлинить, продолжить движение интонируемой ткани, переплетается всегда и неизбежно с мыслью, как цементировать эту ткань, чтобы помочь восприятию архитектоники тонов, расплывающихся в памяти. Иначе говоря: голосоведение и педаль! <…> В народной музыке испокон веков так и обстоит дело» [5. С. 323].

Голосоведение и педаль, в понимании Б. Асафьева лишь на первый взгляд представляют сугубо технологические моменты музыкальной структуры. Если широко рассматривать названные моменты, т.е. концептуально, то они выступают как соотношение двух взаимосвязанных, но различных по функциям планов музыкального процесса: неизменного – объединяющего (смысловая координация элементов) и изменчивого – процессуального (последовательное развертывание мысли). Подобную бинарную структуру предлагается определить как двуплановую функциональную оппозиционность (ДФО), которая продуцирует специфический тип многомерности, имеющий многообразные аналогии в различных музыкальных системах, в том числе и монодических.

Рассмотрим некоторые аспекты специфики ДФО многомерности в таджикской и узбекской монодии, которая имеет две основные формы – диффузную и контрастную реализуемые в следующих отношениях:

– в единстве взаимодействия двух оппозиционных компонентов, представляющих остинантный и вариативный (инвариантный/вариантный, стабильный/мобильный) планы ДФО;

– в одновременных (вертикальных) и разновременных (горизонтальных) срезах музыкального процесса;

– в логической координации планов: остинатный (инвариантный) план ДФО выполняет функции объединения, смыслового различения и координирования вариативных элементов горизонтально развертываемого плана, включая многообразие фигуро-фоновых соотношений.

Диффузная форма ДФО представляет такое взаимодействие разнофункциональных элементов, которые одновременно могут выполнять противоположные функции. В самом общем смысле понятие «диффузность», предложенное С.П. Галицкой, означает в приложении к монодии «специфическую гомеоморфную взаимотождественность, взаимозаменяемость различных сторон, уровней, элементов» [6. С. 237]. Автор статьи данное понятие использует в основном в контексте взаимопересечения неизменного и изменчи-

вого, инварианта и варианта. В этом контексте диффузность представляется как особый вид бинарных отношений.

В вертикальном срезе диффузная форма ДФО многомерности образуется взаимодействием унисонных мелодических линий, которые представлены репрезентативной для таджикской и узбекской монодии структурой музицирования – сольное пение с инструментальным сопровождением («голос – инструмент»). Особенность этого взаимодействия заключается в том, что мелодические линии в этой форме унисона функционально различаются на ведущую (голос) и сопровождающую (инструмент) партии, взаимодействуют как диффузное соотношение инварианта и варианта. В качестве инварианта для мелодических линий выступает вокальная партия певца, выполняющая основную смысловую функцию в музыкальном процессе.

Что касается сопровождающей – инструментальной – партии (их может быть несколько), она демонстрирует вариантное воплощение вокальной партии. Отличия от инварианта во многом определяются исполнительскими особенностями инструмента. В сугубо инструментальном ансамбле в качестве исполнителей ведущей мелодической партии используются инструменты, обладающие яркими выразительными мелодическими качествами, такие, как, например, *танбур, гиджак, най*. Подобное соотношение мелодических линий в структуре «голос – инструмент» рождает специфическое художественное явление в системе восточной монодии – многоплановый унисон, в котором каждая его мелодическая линия сохраняет свой особый интонационный облик. Диффузность в данной структуре проявляется в том, что в сопровождающей партии происходит переплетение инварианта ведущей и варианта (вариантов) сопровождающей линий. Динамику и своеобразие таких соотношений можно ясно представить в аспекте взаимодействия их интонационных спектров, в контексте всех слагаемых интонации, с присущим только им специфическим «набором» ритмических, громкостных, тембровых, а также звуковысотных качеств (прежде всего за счет богатейших возможностей внутризонных смещений). Такое диффузное соотнесение не рождает самостоятельных дискретных ладовых сопряжений, но реализуется в поле микрохроматики – интонационно-ладового расцвечивания. Тончайшая интонационная «подборка» отдельных линий ансамбля создает узор-структуру в «форме» интонационного колорита, способного доставлять слушателям большое эстетическое наслаждение.

В многоплановом унисоне количество входящих в его состав мелодических линий может быть различным. Это непосредственно зависит от количества сопровождающих компонентов в структуре «голос – инструмент». Взаимодействие всех интонационных спектров многопланового унисона образует в восприятии многоплановую интонационную структуру, которая обладает определенной динамикой отношений ее компонентов.

Диффузная форма ДФО многомерности помимо вертикального взаимодействия структур (многоплановый унисон) реализуется также и в горизонтально-процессуальном развертывании монодического процесса. Отметим композиционные и ладовые аспекты на примере таджикской и узбекской традиционной музыкальной классики *Шашмаком*.

Как известно, в структурировании музыкальной композиции вокальных разделов Шашмакома широко используется такое явление, как *намуды*, представляющие, сложившуюся в макомном музыкальном творчестве практику переноса мелодических построений из одного *шуъба* (раздела) или *макома* в другие аналогичные построения, преимущественно в кульминационные части композиции. При этом переносе сохраняются определенные мелодико-ритмические особенности первоначального музыкального построения, что закрепилось в названии подобного намуда, которое демонстрирует, из какого *шуъба* и *макома* взято это построение. Например, «Намуди Наво заимствован из начальных мелодических построений Сарахбор в макоме Наво и используется в шуъба Наврузи Сабо макома Рост, в шуъба Сарахбор, Талкин, Наср и их Уфаре в макоме Сегох» [7. С. 131].

В рассматриваемом виде диффузного ДФО сохраняется его отличительный признак – диффузия инварианта и варианта. Здесь на стороне инварианта выступает мелодическое построение из одного шуъба или макома, которое уже в своей вариантной форме используется в другом *шуъба* или *макоме*. В этой вариантной форме диффузно взаимопересечены исходный инвариант и его вариантное воплощение. Подобная диффузность исполнителями и знатоками *макомной* классики четко осознается в процессе музицирования и слушания. Данный принцип переноса мелодических построений в развитии музыкальной композиции широко используется в исполнительской практике и является одним из существенных художественных ресурсов творческих инноваций в канонической *макомной* традиции.

Обратимся к ладовому аспекту горизонтальной развертки диффузной формы ДФО. Отметим следующую особенность. В качестве инварианта, на основе которого образуется многообразие его вариантных проявлений, выступают высотные элементы собственно самой звуковой системы, где каждый элемент проходит определенные стадии становления своего ладового статуса: от проходящего и опевающего статуса до образования ладовых центров в различных по масштабу построениях. При этом, чтобы каждый высотный элемент системы прошел все стадии своей ладовой динамизации – от устоя небольшого построения до ладового центра крупных и завершенных композиций, необходимо развертывание соответствующего макомного музыкального процесса.

В качестве исходной звуковой системы выступает звукорядная структура струнно-щипкового инструмента *танбура*, который является базовым музыкальным инструментом в классической музыкальной традиции таджиков и узбеков. В музыкальной практике и научной литературе сформировалось понятие «*танбурное* мышление» [8. С. 8], подразумевающее глубокую связанность ладо-структурной организации Шашмакома со звукорядной шкалой *танбура*, различными видами его настройки, определяющими основные ладовые центры системы. Идея влияния конструктивных особенностей звуковой шкалы инструмента на структуру исполняемой на нем музыки получила активную поддержку со стороны исследователей [9]. В целом звуковая структура *танбура* носит стабильный характер и на протяжении долгого времени не изменялась. Именно это и стало основой рассмотрения ее в качестве музыкально-звуковой системы Шашмаком.

В этом контексте отметим, что каждый высотный уровень в звукорядном пространстве грифа *танбура* может рассматриваться как инвариант высотного расположения элемента в системе, который на основе долговременного процесса накопления практического опыта осознается как отдельная высотная структурная единица, имеющая возможность многовариантной реализации своего ладового статуса. Если представить себе, что каждый подобный элемент будет в своем развитии последовательно проходить определенные иерархические ступени построения своего «дома» (от микро- до макроинтонационной структуры), то оформляться такой тип движения сможет в соответствующие мелодические образования, формы, произведения, циклы. Например, один и тот же конкретный высотный элемент системы в одном разделе или части формы может иметь один масштаб своего ладоинтонационного проявления (например, статус проходящего или опевающего элемента), тогда как в других разделах и частях формы он уже другой – представляет временную опору, но в последующем своем развитии способен формировать основной ладовый центр завершенной композиции. Путь от одного уровня проявления высотного элемента до его другого масштаба отражает особенности рассматриваемого вида диффузной ДФО многомерности, который реализует различные возможности динамизации ладового статуса высотной структуры в системе таджикской и узбекской монодии.

Обратимся теперь к рассмотрению контрастной формы ДФО многомерности. Специфика его заключается во взаимодействии – в одновременности и последовательности – функционально разных элементов и структур, разнесенных по разным планам звукового пространства и музыкальной композиции, взаимодействующих как остинатные и вариативные, стабильные и мобильные компоненты музыкального процесса.

Вертикальный аспект контрастной многомерности представляет соотнесение таких важных элементов таджикской и узбекской монодии, ее пространственно-фактурной сферы, репрезентируемых структурой «голос – инструмент», как мелодия и бурдон, мелодия и *усуль* (ритмоформула ударного инструмента) и их различные соотношения. Взаимодействие данных компонентов образует три вида контрастности ДФО: разнородную – разные по качеству звуковые соотношения (мелодия/усуль), однородную – (мелодия/бурдон) и смешанную (мелодия/бурдон/усуль). Все три вида включают в свою структуру как дополнение к своей «модели» ранее отмеченный многоплановый унисон и дополнительный остинатный компонент (ритмический, звуковысотный), образующий явление многоплановой остинатности.

Отметим многоплановость ритмической остинатности, которая реализуется в двух аспектах: тембро-динамическом и ритмическом. Тембро-динамическая многоплановость образуется при игре на нескольких различных, а также одинаковых ударных инструментах, исполняющих одну ритмическую фигуру «в унисон» (Ф. Кароматов). Ритмическая многоплановость формируется одновременным исполнением разных ритмоформул ударными инструментами, создающих эффект полиритмии. Структурное, высотно-регистровое, ритмическое, тембровое, громкостное соотнесение названных выше компонентов определяют различные возможности воплощения контрастной ДФО многомерности. Её виды охватывают в основном всю жанровую

структуру таджикской и узбекской монодии (эпическое творчество, песенную лирику, музыкальную классику). Особенности их применения связаны с типом используемых музыкальных инструментов. Например, соотношение *танбура* и *дойры* (разнородная контрастность) характерно для традиционной музыкальной классики Шашмаком. Фактически все разделы его инструментального цикла Мушкилот исполняются этим видом ансамбля. Совсем другая жанровая «привязка» дается во взаимодействии *сурная и нагоры*, характерном для различных семейных и народных празднеств (свадьба, праздник Нового года Навруз и т.д.). В этом же контексте отметим, что соотношение *голоса*, *танбура и дойры* (контрастность смешанная) в основном используется в жанрах устно-профессиональной традиции.

Контрастная форма ДФО многомерности реализуется также в горизонтальном развертывании, где в качестве основных «участников» музыкального процесса используются соответствующие построения композиции, имеющие функционально-оппозиционную направленность: стабильные и мобильные компоненты. Представление подобных построений осуществляется в последовательном чередовании одного за другим, которое формирует определенный тип композиции: завершенность структуры определяется разными циклами таких чередований. Подобную последовательность можно рассматривать как особый принцип чередования функционально-оппозиционных структур.

В этом контексте отметим два вида мелодических построений, имеющих общие и различные стороны. К общим свойствам относятся сам принцип взаимодействия (стабильность – мобильность) и последовательность чередования. К различиям можно отнести следующее. В одном случае соотношение между стабильными и мобильными построениями, их последовательная развертка формируют всю структуру произведения, как, например, в инструментальных разделах *Мушкилот Шашмакома*, а в другом – подобное соотношение может формировать первичную композиционную единицу *хат* в структуре произведений вокального раздела *Наср Шашмакома*.

В инструментальных разделах используется известный принцип композиционного развертывания *пешрав* (вперед идущий), включающий в себя соотношение двух основных последовательно чередующихся функционально-оппозиционных построений *хона и бозгуй*[1]. Данное соотношение демонстрирует в наиболее явном и полном виде действие принципа контрастной ДФО многомерности в его последовательной композиционной развертке.

Аналогичное решение, но уже в иной форме реализуется в вокальных разделах Наср Шашмакома. Здесь первичное композиционное построение *хат* образуется опеванием двух поэтических строк (*мисра*), включает в себя в ладово-мелодическом контексте соотношение стабильного и мобильного компонентов, которые чередуются в определенной последовательности: в основном сначала подается стабильный компонент структуры, а потом уже мобильный, завершающий композицию *хат*. Эти мелодические структуры определяются как центрированная и распевная линия. Центрированная линия образуется за счет слого-ритмической протяженности одного тона, с его возможными небольшими секундовыми опеваниями. Подобная протяженность создает интонационную вычлененность тона. В результате этого певческого действия формируется определенная стабильность ладового статуса высот-

ного элемента в качестве центрального (опорного) в данной мелодической структуре. Распевные же линии не имеют центрированности одного тона, характеризуются определенной мобильностью высотных изменений, охватывая в своем движении достаточно широкий диапазон (в пределах октавы). Суть соотношения подобных мелодических линий, которые могут иметь разные структурные решения, заключается в последовательном контрастном их сопоставлении, формирующем целостность композиционного построения *хат*.

Рассмотренные формы ДФО многомерности – контрастная и диффузная – являются основой структурирования в таджикской и узбекской монодии, во многом определяют специфику ее многомерной конфигурации на разных уровнях формирования музыкального процесса.

Литература

1. *Медушевский В.* Интонационная форма музыки. М. : Композитор, 1993. 262 с.

2. *Лурия А.Р.* О двух видах синтетической деятельности коры человеческого мозга // Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1963. С. 69–112.

3. *Назайкинский Е.* О психологии музыкального восприятия. М. : Музыка, 1972. 384 с.

4. *Лотман Ю.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992. 247 с.

5. *Асафьев Б.* Слух Глинки // Избранные труды. М., 1952. Т. 1. С. 289–328.

6. *Галицкая С.П.* Монодия : проблемы теории / С.П Галицкая, А.Ю. Палахова. М. : Academia, 2013. 237 с.

7. *Раджабов И. Макомы:* Автореф. дис. … д*ра искусствоведения. Ташкент; Ереван, 1970. 215 с.

8. *Азизи Ф.* Личность, стоящая у истоков // Шихоби Шашмаком. Душанбе, 2012. С. 3–35.

9. *Абурашидов А.* Танбур и его функции в изучении ладовой системы Шашмакома : Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1991. 26 с.

Ulmasov Firuz A. Tajik National Conservatory by name T. Sattorov (Dushanbe, Republic of Tajikistan).

E-mail: firuz_ul@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 126-133 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/13

CONTRAST AND DIFFUSE FORM OF MULTIDIMENSIONAL THE TAJIK AND UZBEK MONODY

Key words: multidimensional, monody, duality of thinking, functional opposition, contrast, diffuse, voice-tool.

The article highlights the problem of multidimensionality Tajik and Uzbek monody in the context of the universals of perception and thought. One of the universal forms of multidimensional thinking is considered the binary, which forms the basis of the interaction of two functionally opposition plans. This interaction represents a special type of multi-dimensional structuring of the musical process, which in the Tajik and Uzbek monody has contrasting and diffuse form of implementation. These two forms reflect the specifics of the multidimensional configurations at different levels of the formation of the Eastern monody system structured in its vertical and horizontal parameters. To form a contrast characteristic functional-opposition ratio of the elements and structures that have their own separate location in the audio space. We consider three types of contrast ratios in the vertical (homogeneous, heterogeneous and mixed), as well as notes such a contrast to the horizontal-procedural aspect as an alternation of stable and mobile melodic constructions. Diffuse form is defined as ambivalent - overlapping - the ratio of the invariant and variants; considered as an example of simultaneous interactions unison melodic lines in the structure of the solo singing with instrumental accompaniment ("voice-instrument"), in the context of horizontal scanning modal status of a high-rise element melodic constructions and transfer from one structure to another.

References

1. Medushevskiy, V. (1993) *Intonatsionnaya forma muzyki* [The intonational form of music]. Moscow: Kompozitor.

2. Luriya, A.R. (1963) *Mozg cheloveka i psikhicheskie protsessy* [The human brain and psychological processes]. Moscow: Pedagogika. pp. 69–112.

3. Nazaykinskiy, E. (1972) *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya* [About psychology of music perception]. Moscow: Muzyka.

4. Lotman, Yu. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 vols]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra.

5. Asafiev, B. (1952) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 289–328.

6. Galitskaya, S.P. & Palakhova, A.Yu. (2013) *Monodiya: problemy teorii* [Monody: Theory]. Moscow: Academia.

7. Radzhabov, I. (1970) *Makomy* [Maqoms]. Abstract of Art Studies Doc. Diss. Tashkent; Erevan.

8. Azizi, F. (2012) Lichnost', stoyashchaya u istokov [Person, standing at the origins]. In: *Shikhobi Shashmakom*. Dushanbe. pp. 3–35.

9. Aburashidov, A. (1991) *Tanbur i ego funktsii v izuchenii ladovoy sistemy Shashmakoma* [Tanbur and its function in the study of the Shashmaqom modal systems]. Abstract of Art Studies Cand. Diss. Tashkent.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 94:(059.3)*2+793(571.1)’’1920/1930’’
DOI: 10.17223/22220836/24/14

П.Е. Азарова

НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ КАК АТРИБУТ ПРАЗДНИКОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается место и значение календарей в организации праздничного времени. Характеризуется структура настольных календарей, выявляются основные виды и типы календарных изданий. Показаны изменения в оформлении и содержании праздничных календарей как отражение перемен в общественно-политическом устройстве и жизненном укладе населения в первые десятилетия советской власти. Прослеживается утверждение новых социокультурных приоритетов через посредство календарной сетки, закрепление памятных и праздничных дат, связанных с событиями революции и социалистического строительства.
Ключевые слова: *календарь, праздник, праздничные атрибуты, праздничные технологии, памятные события.*

Изучение истории праздника в контексте актуализации культурного наследия требует рассмотрения и осмысления места и роли праздничных атрибутов, в их числе – календарей. С давних времен печатные издания календарей включали обязательный перечень месяцев, чисел, дней недели, а также и праздников. Они представляли не только организованную повседневность, но и формировали празднично-памятное пространство, посредством провозглашения различных торжеств, памятных событий. В данной публикации рассматриваются настольные календари, распространяемые на территории Западной Сибири в 1920–1930-х гг.

Структура настольных календарей XIX–XX вв. была практически универсальной, она включала несколько информационных блоков, в их числе – сведения общественно-политического характера и календарные сетки. В первом информационном блоке, как правило, содержались сведения о государственном руководстве. Сначала это были рисунки, фотографии императорской семьи и министров царского правительства, а после 1917 г. – руководителей Коммунистической партии и советского правительства. В календарях 1920-х гг. данный блок представляет целую плеяду политических деятелей: В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.И. Калинин, А.И. Рыков и др. В изданиях 1930-х гг. остались только Ленин и Сталин [1. С. 25; 2. С. 31; 3. С. 3; 4. С. 37; 5. С. 81]. В календарях публиковались фотографические портреты партийно-государственных деятелей, они сопровождались краткими пояснениями о месте и значении тех или иных лиц в государственной иерархии.

Вслед за первым следовал собственно календарный блок, представленный в виде табеля на каждый месяц года. Нужно заметить, что русские календари имперского периода опирались на юлианскую систему летоисчисле-

ния, включали указания на знаменательные даты, по большей части связанные с историей царского дома Романовых, и на православные события и праздники. После революции, когда в феврале 1918 г. в России произошел переход от юлианского к григорианскому календарю, началась переработка внутренней структуры календарей. Разрабатывались проекты о новом летоисчислении, например, от начала Октябрьской революции [6. С. 14]. Предлагалось переименовать все месяцы, чтобы в новых названиях присутствовали имена и события революции: январь – месяц Ленина, февраль – месяц Маркса; март – месяц Революции; апрель – месяц Свердлова; май – месяц Мая; июнь – месяц Советской конституции; июль – месяц жатвы; август – месяц мира; сентябрь – месяц Коминтерна; октябрь – месяц Энгельса; ноябрь – месяц Великой революции; декабрь – месяц Сталина [4. С. 45–47]. Нельзя не отметить проект о переходе на непрерывную пятидневную неделю. Авторы проекта предлагали с помощью цветных квадратов обозначать дни недели: первый – День Коммуны, второй – День Маркса, третий – День Энгельса, четвертый – День Ленина, пятый – День Сталина [7. С. 5; 8. С. 3; 9. С. 27]. Разрабатывались проекты шестидневной недели с отказом от традиционных названий дней недели, с приданием им порядковых номеров (первый, второй, третий и т. д.). Частично такой порядковый календарь использовался в период с 1 декабря 1931 г. по 26 июня 1940 г. [10. С. 3] Все же подобные проекты не прижились, и в 1940 г. в Советской России произошел возврат к семидневной рабочей неделе с традиционными названиями дней недели – понедельник, вторник и т. д. [11. С. 1].

Изменения в календарной сетке отражали перемены в жизненном укладе населения, регламентировали повседневность, в частности сочетание и чередование рабочих и праздничных /нерабочих дней. При этом количество выходных и праздничных дней динамично менялось, находясь в зависимости от политической ситуации в стране. До середины 1920-х гг. органами советской власти допускались традиционные православные праздники, и хотя эти праздничные дни не вводились в официальные календари, они все же были нерабочими. Но в дальнейшем, хотя и не резко, началось обесценивание православных праздников и Нового года и исчезновение их из числа нерабочих дней. Одновременно в рассматриваемых календарях происходило утверждение приоритета событий революционного движения и свершений советской эпохи.

Явные перемены в праздничном календаре наблюдаются в 1930-х гг. Прежде всего произошло сокращение общего количества официальных праздничных дней. Насчитывалось всего шесть нерабочих дней: 22 января – Память Ленина, 1 и 2 мая – День солидарности трудящихся, 7 и 8 ноября – Великая Октябрьская социалистическая революция, 5 декабря – День советской Конституции. Многие календарные даты, такие как антивоенный день 1 августа, День Парижской коммуны 18 марта, сохраняли за собой статус государственного праздника, но с середины 1920-х гг. отмечались в рабочие дни. Календари содержали даты из истории революционного движения в России, обязательными были даты памяти: дни рождения и смерти деятелей Советского государства и зарубежного коммунистического движения. Если для императорской России были характерны в основном дни памяти и годовщины, то для Советской России довоенного периода помимо перечисленных можно выделить еще и полугодовщины [12. С. 31–54; 13. С. 41–66; 14. С. 52–74].

В дни памяти, как правило, вспоминались определенные события и деятели революционного движения, борьбы за новое социалистическое общество. Годовщина представляла особый вид памяти о государственно значимом событии, была призвана консолидировать социум перед общими врагами и мотивировать установку на защиту Родины. При этом положенные в основу события человеческие жертвы, поражение в сражении или восстании должны были демонстрировать ненапрасность жертв, торжество новой жизни (Кровавое воскресенье, гибель бакинских комиссаров и др.). Датой годовщины считался день их учреждения, но периодичность проведения годовщин могла быть различной, в зависимости от масштабности события или личности. День памяти В.И. Ленина, совпадавший с днем жертв Кровавого воскресенья – 22 января, отмечался ежегодно, другие годовщины отмечались раз в пятилетие. Некоторым событиям придавалось настолько важное значение, что помимо годовщин отмечались и полугодовщины. Но все-таки полугодовые торжества не носили ежегодный характер празднования, отмечались несколько раз за десятилетие, а затем исчезали из календаря торжеств, соответствуя политическим маневрам Советского государства.

Третий блок настольных календарей включал небольшие очерки о важнейших событиях советской истории и персоналии советских и революционных деятелей. Как правило, они располагались после календарной сетки на месяц и освещали исторические события текущего месяца, например крестьянское восстание под руководством Емельяна Пугачева, Кровавое воскресенье, восстание декабристов. Особое внимание уделялось партийно-политическим событиям – создание и деятельность Коммунистической партии в России, подготовка и ход Великой Октябрьской социалистической революции, основание Коммунистического интернационала и др.

По содержанию и характеру информации настольные календари 1920–1930-х гг. можно подразделить на общегосударственные и специальные, в частности антирелигиозные, сельскохозяйственные, детские. Такие специальные, или профилированные, календари были ориентированы на отдельные социальные слои или группы людей, отражали значимость для партийно-государственной пропаганды конкретных субкультур, в работе с которыми использовались соответствующие календарные и праздничные даты.

Антирелигиозные календари освещали даты и события, связанные с разоблачением религии и падением авторитета церкви на протяжении всей истории человечества. В сопроводительных к календарным сеткам статьях приводились факты и открытия в естественно-научном мире, провозглашался лозунг «Борьба против религии есть борьба за коммунизм». Прилагались справки о православных торжествах – Рождестве, Пасхе, им давалось исключительно негативное толкование. Религиозная тематика присутствовала в 1920-х гг. в сельскохозяйственных календарях, в них революционный и церковный календари располагались на страницах буквально рядом [1. С. 39; 12. С. 33–46; 15. С. 59–74; 14. С. 12–31]. Резко изменился характер календарей в 1930-е гг., они отличались насыщенной сатирической формой подачи информации в отношении церкви, включали сказки, пословицы, стихотворения, частушки антицерковной направленности [13. С. 24–43; 2. С. 15–41; 5. С. 35–46].

Настольные календари первых десятилетий советской власти служили одним из важнейших инструментов праздничных технологий в стране в целом и в Западной Сибири в частности. В целом ряде случаев они издавались и использовались как ориентир в организации и проведении праздников, поэтому могут рассматриваться как обязательный атрибут досуговой и праздничной культуры. Разнообразная, научно значимая информация о праздниках и других общественных явлениях обеспечивает возможность и необходимость музеефикации календарей, сохранения и использования их в экспозиционной и культурно-образовательной работе.

Литература

1. *Календарь* антирелигиозника на 1939 г. М. : Соцэкгиз, 1938. 400 с.

2. *Настольный* крестьянский календарь на 1927 г. М. : Соцэкгиз, 1926. 450 с.

3. *Конович А.А.* Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высш. шк., 1990. 208 с.

4. *Сельскохозяйственный* настольный календарь на 1926 г. М. : Изд. Крестьянской газеты, 1925. 82 с.

5. *Сибирский* настольный календарь на 1925 г. Новониколаевск : СИБКРАЙИЗДАТ, 1924. 250 с.

6. *Дубнер П.М.* Советский календарь // Огонек. 1929. № 40. С. 14–21.

7. *Викторов Ю.* Нужен почин // Изв. ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. 1929. № 98. С. 5.

8. *Мотивы* за пятидневку (обзор читательских писем) // Изв. ЦИК Союза ССР и ВЦИК Советов. 1929. №199. С. 3.

9. *Кремлев-Свэн И.Л.* Две беседы о непрерывной неделе. М. : Гос. политиздат., 1930. 100 с.

10. *Историко-революционный* календарь 1940 г. М. : Соцэкгиз, 1939. 687с.

11. *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1940. № 20. С. 1.

12. *Календарь* антирелигиозника на 1941 год. М. : ОГИЗ, Государственное антирелигиозное изд-во, 1940. 480 с.

13. *Календарь.* Воинствующий безбожник. 1932 г. М. : ОГИЗ, Государственное антирелигиозное издательство, 1931. 400с.

14. *Сибирский* настольный сельскохозяйственный и промышленный календарь на 1925. Новониколаевск : СИБКРАЙИЗДАТ, 1925. 300 с.

15. *Календарь* на 1933 год. Новосибирск : ОГИЗ, 1933. 750 с.

Azarova Polina E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: azarova.p@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 134–138 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/14

THE DESK CALENDAR AS AN ATTRIBUTE OF WEST SIBERIAN HOLIDAYS IN 1920–30-s

Key words: calendar, holiday, holiday attributes, holiday technologies, commemorations.

This article is devoted to the little-known attributes of city holidays; it studies desk calendars, common in West Siberia in 1920-1930-s. It is showed that the structure of the desktop calendars was almost universal during the 19th and 20th centuries. As a rule, it includes details of the socio-political nature and the calendar grid.

There were portraits of the Communist Party and the Soviet State leaders – Lenin, Stalin, Kalinin, Rykov and others in the Calendars, published after the Revolution of 1917. In the calendars of 1930-s only Lenin and Stalin' portraits remained. These images formed the first block of calendars. The second part of the calendars included the actual calendar block; it was a table for each month of the year. Calendar grid reflected those changes, what took place in the lifestyle of the population, and in the system of chronology. Suggested, for example, to rename the months and reflect the new revolutionary reality in new names. Therefore, it was proposed to call January as month of Lenin, February – month

of Marx etc. Renaming of days of the week were planned: Monday would be a day of Commune, Tuesday – day of Marx. Still all of those proposals had failed.

As to the number of weekends and holidays in the calendar it was dynamically changed, and that changing showed its depending on the socio-political situation in the country. During 1920-s there were marked not only Soviet holidays, but also religious. Although they were not present in the calendars. In the 1930-s, the number of official holidays was reduced to six days a year: they were January 22 (Lenin's Memory), May 1 and 2 (Labor Day), November 7 and 8 (Great October Socialist revolution), December 5 (Day of the Soviet Constitution). All of other holidays were celebrated in working time.

The third block of desktop calendars included essays on major events of Soviet history and of Soviet and revolutionary leaders. As a rule, that publications were confined to historical dates of the current month. The content and nature of the information allows you to subdivide the desk calendars of 1920–1930-s on national and special. Special calendars included anti-religious, agricultural, baby issues. Special calendars information was designed for different social groups. Such calendars allowed Party-and-State agencies to use the calendar and holidays dates for the sake of extending its influence among the population.

The desk calendars served as one of the most important tools of holiday technologies. They were used in the organization and carrying out of holidays in West Siberia, and thus may be considered as an obligatory attribute of leisure and festive culture. A variety of information about the holidays in calendars provides the opportunity of transformation of the calendars into museum subjects and using them in museum studies.

References

1. Fedoseev, P.N. (ed.) (1938) *Kalendar' antireligioznika na 1939 g.* [The calendar of an anti-religious fighter for 1939]. Moscow: Sotsekgiz.

2. Uritskiy, S.B. (ed.) (1926) *Nastol'nyy krest'yanskiy kalendar' na 1927 g.* [Peasants' desk calendar for 1927]. Moscow: Sotsekgiz.

3. Konovich, A.A. (1990) *Teatralizovannye prazdniki i obryady v SSSR* [Theatrical festivals and rituals in the USSR]. Moscow: Vysshaya shkola.

4. Gurov, P.Ya. (ed.) (1925) *Sel'skokhozyaystvennyy nastol'nyy kalendar' na 1926 g.* [An agricultural desk calendar for 1926]. Moscow: Krest'yanskaya gazeta.

5. Anon. (1924) *Sibirskiy nastol'nyy kalendar' na 1925 g.* [Siberian desktop calendar for 1925]. Novonikolaevsk: SIBKRAYIZDAT.

6. Dubner, P.M. (1929) Sovetskiy kalendar' [The Soviet calendar]. *Ogonek*. 40. pp. 14–21.

7. Viktorov, Yu. (1929) Nuzhen pochin [We need initiative]. *Izv. TsIK Soyuza SSR i VTsIK Sovetov*. 98. pp. 5.

8. The Central Executive Committee of the Soviet Union. (1929) Motivy za pyatidnevku (obzor chitatel'skikh pisem) [Motives for a five-day work week (a review of readers' letters)]. *Izv. TsIK Soyuza SSR i VTsIK Sovetov*. 199. pp. 3.

9. Kremlev-Sven, I.L. (1930) *Dve besedy o nepreryvnoy needle* [Two talks about the continuous week]. Moscow: Gospolitizdat.

10. Lebedev, V., Bushuev, S. & Eggert, Z. (eds) (1939) *Istoriko-revolyutsionnyy kalendar' 1940 g.* [Historical and revolutionary calendar for 1940]. Moscow: Sotsekgiz.

11. The Supreme Soviet of the Soviet Union. (1940) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 g. "O perekhode na vos'michasovoy rabochiy den', na semidnevnuyu rabochuyu nedelyu i o zapreshchenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriyatiy i uchrezhdeniy" [Decree of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940 "On the transition to the eight-hour work day, seven-day work week and the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions"]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*. 20. pp. 1.

12. Mikhnevich, D.E. (1940) *Kalendar' antireligioznika na 1941 god* [The calendar of the anti-religious fighter for 1941]. Moscow: OGIZ.

13. Anon. (1931) *Kalendar': Voinstvuyushchiy bezbozhnik. 1932 g.* [Calendar: Militant atheist for 1932]. Moscow: OGIZ.

14. Anson, L. & Basov, M. (eds) (1925) *Sibirskiy nastol'nyy sel'skokhozyaystvennyy i promyshlennyy kalendar' na 1925* [Siberian agricultural and industrial desktop calendar for 1925]. Novonikolaevsk: SIBKRAYIZDAT.

15. Anon. (1933) *Kalendar' na 1933 god* [Calendar for 1933]. Novosibirsk: OGIZ.

УДК 75.047
DOI: 10.17223/22220836/24/15

Ю.С. Васильченко

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ В XX В.

Статья посвящена первым историкам, которые положили начало формированию исследовательской работы в области пейзажной живописи в России. Выявлен круг вопросов, которые поднимают данные авторы. Выделены этапы формирования русской пейзажной живописи. Сделан акцент на пейзажистах, сыгравших решающую роль в становлении пейзажной живописи в России.
Ключевые слова: *пейзажная живопись, пейзаж, национальное самосознание, русское искусство, Академия художеств.*

Фиксация фактов становления русской пейзажной живописи началась практически с ее зарождения. Критические статьи писались виднейшими представителями художественной критики после каждой выставки. Вопросы развития пейзажной живописи волновали как авторов статей, так и самих художников начиная с конца XVIII в. по сегодняшний день. Но вплоть до XX столетия не было исследовательской литературы, представляющей общую картину происходивших художественных процессов. Такая литература начала появляться в начале XX в. Первым автором-историком-художником стал один из представителей русского модерна А. Бенуа. А.А. Федоров-Давыдов (1900–1969) был одним из первых искусствоведов, который начал профессионально исследовать пейзажную живопись и посвятил ей всю жизнь.

В данной статье будут рассмотрены труды этих двух исследователей. Каждый из них являлся постоянным автором статей и выпустил ряд монографий по истории русского искусства, истории пейзажной живописи и монографий, раскрывающих особенности творчества художников-пейзажистов. Исследователи рассматривают внутренние закономерности развития пейзажного жанра в связи с процессом становления национального художественного сознания на разных его исторических этапах.

Александр Бенуа (1870–1960) – театральный художник, живописец, график, литератор, один из авторов современного образа книги, организатор объединения «Мир искусства» и редактор одноименного журнала. Бенуа начал свою творческую деятельность как пейзажист, создав в 1893 г. акварели окрестностей Петербурга. Пейзажи составляют большую часть его наследия. Само обращение к пейзажу у А. Бенуа было продиктовано его интересом к истории. Он использовал такие темы, как «Петербург XVIII – начала XIX века», «Франция Людовика XIV», к ним он обращается для воспроизведения ушедшей жизни со знанием и тонким ощущением стиля.

Кроме того, что А.Н. Бенуа был художником, он также «автор капитальных трудов по истории русской и мировой живописи, он способствовал формированию отечественной историко-художественной науки как одной из областей искусствознания. Он немало занимался теорией отдельных видов

и жанров» [1]. Как искусствовед А. Бенуа начал проявлять себя в 1894 г. Им была написана, на немецком языке, глава о русском искусстве для третьего тома «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера. В России переведенная глава была опубликована в том же году в журналах «Артист» и «Русский художественный архив». После первого такого опыта в свет выходят монографии А. Бенуа «История русской живописи в XIX веке» (1902), «Русская школа живописи» (1904), «История живописи всех времен и народов» (1910–1917), «Путеводитель по картинной галерее Эрмитажа» (1911), мемуары «Мои воспоминания» (1934, издана в 1980). Помимо этого, А. Бенуа печатался в периодических изданиях «Слово» и «Речь», и с 1908 г. статьи связывались общим названием «Художественные письма».

Вышедшая в 1902 г. «История русской живописи в XIX веке» Бенуа А.Н. [2] стала библиографической редкостью. Она вызывала живой интерес у разного круга читателей. В книге прослежена эволюция русской живописи конка XVIII – начала XX в. Автор данной статьи обращается к этому исследованию, так как в нем большинство глав посвящено русским пейзажистам. Монография была переиздана в 1993 и 1995 гг. В статье использовано издание 1995 г. со вступительной статьей В.М. Володарского.

Во вступлении к «Истории русской живописи в XIX веке» А. Бенуа отмечает, что реформы Петра I (1672–1725) изменили жизнь в России, но не привили потребности в новом западном искусстве. Царствование Петра (1682–1725) было временем непрерывных реформ, осуществлившихся во всех сферах государственной и общественной жизни. Россия вышла на европейскую арену, завязывала прочные торговые, дипломатические, династические и культурные связи со странами Европы. В культуре происходили процессы, которые указывали на просвещенный и вполне европейский статус России. Уже в XVII в. началось становление светской, рациональной культуры, но реформы Петра делают этот процесс основным. Особенность новой культуры – ее индивидуализм, что предполагало развитие личных качеств и талантов. В связи с реформами искусство потеряло свою самобытность, национальный характер, к которому на протяжении двух веков пришлось возвращаться. До реформ русский человек находил удовлетворение потребности в образах и формах в церквах, в иконах, «…но когда взамен этого родного, взлелеянного из самого сердца, принесли и навязали ему, быть может, и более совершенное по форме, но чужое, то он от своего-то по принуждению отстал, но к новому так и не пристал» [2. С. 21]. Поэтому произошло отставание в развитии изобразительного искусства в России в XIX в., в отличие от расцвета русской литературы и русской музыки.

В книге выделены главы о пейзажистах: А.Г. Венецианов и его школа, первые пейзажисты, Воробьевская школа (М.И. Лебедев, Ф. Васильев, И. Айвазовский); глава о М.К. Клодте, И.И. Шишкине, А.И. Куинджи; глава о А. Саврасове, В. Поленове, Н. Дубовском, И. Остроухове; отдельные главы посвящены И. Левитану, В. Серову, К. Коровину, М. Нестерову.

В главе о первых пейзажистах Бенуа говорит, что до XVIII в. в России не было живописи как вида изобразительного искусства. Живопись появилась как потребность правящей элиты оставить воспоминания о себе, о строящихся парках, городах, о строителях. Но так как собственных масте-

ров в области портрета и пейзажа не было, то выписывались западные, под влиянием которых воспитывались свои мастера. В конце XVIII в. вместо пейзажей делались топографические виды, и выполнены они были как графические листы. В живописных пейзажах появляются сначала топографические и архитектурные съемки. Развитию живописи в России способствовало открытие в 1757 г. Императорской Академии художеств – высшего учебного заведения в области изобразительных искусств. Когда автор говорит о первых русских пейзажистах, он объединяет их таким названием, как школа петербургских живописцев, – они все писали виды Петербурга и почти все были педагогами Академии художеств, но делит их на группы:

- Первопроходцы – Семен Щедрин, М. Иванов. Использовали стаффажи для оживления пейзажей.
- Поэты Петербурга – Ф. Алексеев, А. Мартынов, М. Воробьев, А. Брюллов. Стаффажи начали играть важную роль в пейзажах.
- Выделяет А. Бенуа из плеяды первых пейзажистов Сильвестра Щедрина, увлекающегося живописными эффектами.
- В книге отмечены результаты А. Иванова в изучении природы в его этюдах, в желании найти правду колорита, что предвещало открытие импрессионистов.

М.К. Клодт, И.И. Шишикин характеризуются в книге как компромиссные и убежденные искатели правды. Оба развивались в 1860-х гг., когда было столкновение «разнородных начал» в искусстве, но явнее всего проявлял себя реализм. В заслугу И. Шишкину ставятся его этюды, в которых он уделял большое внимание рисунку, документальное изучение линий и форм, что противопоставлялось академизму. А.И. Куинджи привнес яркие бодрые краски в пейзажную живопись. Все трое в своих пейзажах раскрывали красоту родного русского пейзажа.

О творчестве И. Левитана, К. Коровина, В. Серова, М. Нестерова отмечается, что эти художники обладали даром выразить свою страну, передать красоту русской природы. Левитан сравнивается с поэтом, однако в его картинах нет ни капли литературности. Живопись этого художника представляет собой направление простого реализма в отличие от социальной направленности живописи передвижников. Основные черты искусства В. Серова – простота и непосредственность. К. Коровин с пониманием сокращал средства выражения до минимума. М. Нестеров отдавался глубоким вопросам сверхчувственного и сверхъестественного порядка, в его пейзажах есть тонкое понимание природы.

А. Бенуа выделяет три периода академического пейзажа.

- Первый – Воробьевская школа. Характеристика: школьный шаблон, манера, установленные рецепты.
- Второй – «Дюссельдорфский». Характеристика: ласковый, приятный. Его самые яркие представители М. Лебедев и Ф. Васильев «…никогда не подходили к природе просто, не всматривались в нее покорно, с благоговением и трепетом… В изучениях натуры они сохраняли бесцеремонность, ту же самодовольную осанку уверенных в своей ловкости маньеристов» [2. С. 302].
- Третий – зависимость от реализма 1860–1870-х гг. Художники этого периода воспользовались находками, сделанными другими, «но при этом не

пожелали изменить своего душевного отношения к делу, а лишь умеренно приладились к новому направлению, приглаживали и прихорашивали добытые открытия» [2. С. 303]. Его представители Клевер, Суходольский, Дюккер и др.

Бенуа ставит творчество И. Айвазовского в отдельный ряд относительно общего развития русской пейзажной школы. «Никто из художников в России не находился на такой высоте, чтобы заинтересоваться трагедией мироздания, мощью и красотой стихийных явлений» [2. С. 301]. Но автор критикует художника за то, что он разменял в себе художника на рыночные отношения.

Анализируя развитие русской пейзажной живописи, А. Бенуа выделяет два вида обстоятельств, повлиявших на него.

Во-первых, обстоятельства, тормозившие развитие пейзажной живописи в России в IX в.:

– академическая зачерствелость;

– застылость требований школы;

– увлечение литературностью сюжетов;

– использование искусства как средства управления массами людей.

Во-вторых, обстоятельства, способствовавшие развитию пейзажной живописи в XIX в.:

1. Академия художеств в Петербурге с 1840-х гг. изменила правила обучения в ней. С указанного времени ученики приходили в Академию только для уроков, что позволило в свободное время объединяться в кружки, где пылко и свободно обсуждалось искусство. Благодаря такому переустройству художники начали обращать больше внимания на окружающую их жизнь.

2. Открылось Училище живописи и ваяния при Московском художественном обществе (1843-1865). Зарождение училища шло от «Натурного класса» – кружка любителей искусства, собиравшихся для рисования с натуры, куда входили Е.И. Маковский, А.А. и В.С. Добровольские, А.С. Ястрибилов и др. В связи с тем, что в училище не было четких правил преподавания, не было шаблонов, в него свободно «проникала жизненная струя» [2. С. 218].

3. С 1850-х гг. у художников зародилась идея «…превратить Академию из охранительницы заветов навеки учрежденного «классического» искусства в простую, свободную школу жизненного искусства, в которой учили бы только справляться с техническими трудностями» [2. С. 224]. Следствием стало событие, произошедшее 9 ноября 1863 г. 13 конкурентов на большую золотую медаль Академии отказались от предоставленных программ для создания художественной работы. «При переходе из класса в класс за выполнение заданий можно было получить одну из четырех серебряных медалей – двух больших и двух малых. Обладатели серебряных медалей участвовали в конкурсах, где могли получить золотую медаль – большую или малую. Задание на конкурсе за большую золотую медаль позволяло проявить способность к самостоятельному творчеству и оценить масштаб дарования, талант художника» [3]. Идейным предводителем бунтарей был И.Н. Крамской, который затем образовал из них Артель художников. Этот поступок дал главную, решительную силу новому течению, благодаря которому появились художники 60-х гг. XIX в. Везде в источниках теперь этот бунт называют

«Бунтом 14». А. Бенуа указывает только 13 живописцев, но к ним вместо живописца присоединился скульптор В. Кретан, и получилось 14 человек.

4. Движение к реализму привело Г.Г. Мясоедова и В.Г. Перова к образованию Товарищества передвижных художественных выставок. «Их дружное, неотступное от основных принципов реализма творчество приучило русскую публику видеть жизнь в искусстве, отличать в нем правду от лжи» [2. С. 221].

5. В 1880-х гг. появились художники новой формации, которые уже не обличали и не поучали, а просто писали то, что им полюбилось, без принуждения. У художников появился принцип полной свободы художественной личности.

С середины 1920-х гг., сначала, как постоянный автор статей, проявил себя А.А. Федоров-Давыдов (1900–1969), советский искусствовед, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1924–1930 гг. он состоял действительным членом Государственной Академии искусствознания. С 1931 по 1934 г. заведовал отделом нового русского искусства в Государственной Третьяковской галерее, и в эти годы он углубленно занимался изучением русского искусства XIX–XX вв., разрабатывал новую концепцию музейной экспозиции. В 1947 г. А.А. Федоров-Давыдов защитил докторскую диссертацию «Русский пейзаж XVIII – начала XIX века». В 1950–1960 гг. вышли в свет монографии о русском и советском пейзаже, исследования о русских художниках-пейзажистах: С. Щедрине, Ф. Алексееве, А. Саврасове, И. Левитане, Ф. Васильеве, А. Рылове, В. Поленове, И. Репине, М. Врубеле. Он был постоянным посетителем московских художественных выставок. После посещения таких выставок он делал их обзор с анализом формальных особенностей художественных произведений. Статьи публиковались в журнале «Печать и революция». В трудах А.А. Федорова-Давыдова о русском пейзаже есть «стремление обнажить законы и закономерности развития пластического языка живописи, неизменное желание выявить особенности построения пейзажного образа в картинах разного времени и различных мастеров» [3].

В данной статье мы остановимся на сборнике статей и очерков А.А. Федорова-Давыдова: «Русский пейзаж XVIII – начала XX века» [4], вышедшем в 1986 г. Составителем сборника является кандидат искусствоведения Т.В. Моисеева. Вступительная статья принадлежит доктору искусствоведения Г.Ю. Стернину. В сборник включены главы из труда «Русский пейзаж XVIII – начала XIX века» 1953 г., «Федор Яковлевич Алексеев» 1955 г., «И.И. Левитан. Жизнь и творчество» 1966 г., «Русский пейзаж конца 19 – начала 20 века» 1974 г. Книга дает полное представление об эволюции научных взглядов исследователя. Сборник был переиздан в 2005 г.

Книга включает текст и иллюстрации. Текст делится на две части. В первой части идет исследование русского искусства XVIII – начала XIX в. Начинается часть с главы, посвященной формированию нового восприятия природы, далее идут главы о Семене Щедрине, Ф. Матвееве, Ф. Алексееве, М. Воробьеве, Сильвестре Щедрине. Вторая часть посвящена русскому искусству второй половины XIX – начала XX в. и включает главы о Ф. Васильеве, В. Поленове, И. Левитане и главу о новом характере пейзажа после импрессионизма.

Вначале А.А. Федоров-Давыдов дает анализ тех литературных произведений, в которых прослеживается эволюция описания пейзажа. С конца XVIII в. восприятие природы в литературе складывалось на основе распространенных идей сентиментализма и романтизма. Деятельность И.А. Крылова, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева пособствовала идейной борьбе с самодержавием, обращению в искусстве к темам русского народа, его истории. В начале XIX в. в литературе начали обращаться к личности человека и к миру его чувств. И уже в первой четверти XIX в. картины природы в литературе стали играть большую роль. Реальные пейзажные картины, как форма выражения эмоциональной составляющей героев, появлялись у Н. Карамзина, П.И. Сумарокова, Г.Р. Державина. В этой же главе говорится об архитекторах, которые разрабатывали пейзажные парки. Федоров-Давыдов утверждает, что замена архитектурной составляющей структуры парка с регулярной на пейзажную, способствовала развитию пейзажного жанра в живописи. Для передовой интеллигенции это стало выражением ее нового мироощущения. Наряду с вниманием к пейзажу в литературных сочинениях появлялся интерес к пейзажу в живописи. Но новые идеи не сразу приобрели новую форму. Шла борьба идеализирующих тенденций, характерных для официальной идеологии, с передовой идеологией, с ее реалистичной трактовкой действительности. Становление пейзажа происходило из «пейзажных боскетных росписей», т.е. «в парковых изображениях происходило своеобразное слияние, сочетание обоих доселе разделенных видов зародышевого пейзажа – ведутного и декоративного. …В их сочетании, в соединении декоративных и видовых задач совершалось становление пейзажа как такового» [4. С. 34]. А.А. Федоров-Давыдов детально анализирует творчество художников: Семена Щедрина, Ф. Матвеева, Ф. Алексеева, М. Воробьева и Сильвестра Щедрина, обращая внимание на пластические особенности построения пейзажного образа в их картинах.

Во второй части книги идет речь о художниках, которые в 60–70 гг. XIX в. создавали эстетические принципы искусства. Для них были характерны идейная содержательность, наглядно-пропагандистское выражение передовых идей эпохи, реалистическая передача природы. Становление пейзажной реалистической живописи было частью общего процесса развития реализма в русском искусстве. И. Шишкин, А. Саврасов, М. Клодт шли по линии жанрово-описательной трактовки природы. Ф. Васильев развивает другую реалистическую систему, языком которой была разработка цвета в полутонах. В творчестве Васильева появились многосложность в построении пейзажа, наполненность его стаффажем, стремление передать эффект освещения. У В. Поленова происходит слияние пейзажного и бытового жанра, также для него характерно стремление связать реализм с традициями академической школы. В 1890-х гг. работы таких художников, как И. Левитан, Н. Дубовский, И. Остроухов, А. Васнецов, были проникнуты стремлением к обобщенности образа, стремлениями к монументальности, к развитию сюжетности, панорамности, к глубокому философствованию. «Вместе с тем это было стремление к выявлению национального в облике русской природы» [4. С. 187]. Размышления

о смысле существования, интерес к национальному прослеживаются и в живописи, и в литературе, и в философии, происходит это на фоне социальных переживаний 1891–1892 гг. Национальность проявлялась в выборе и истолковании типического мотива, в решении вопроса о смысле жизни русского человека.

В конце IX в. пейзажная живопись играла ведущую роль в общем процессе развития живописи. Она испытывала также влияние новых тенденций времени, как и все искусство в целом. К формам станковой живописи прибавляются театральная декорация и книжная иллюстрация. Исчезла описательная повествовательность, декоративность позволила проявить новый характер и истолкование природы. На фоне развития капиталистического общества усиливались индивидуализация и конкуренция в искусстве. «Революционные настроения вдохновляли художников на новые искания, порождали в них новое отношение к природе. Их отрицательное отношение к буржуазной действительности зачастую уводило их от жизни в область мечты и воображения, а желание почувствовать природу осложнялось влиянием мистических настроений» [4. С. 239].

Происходило развитие пленэрной живописи в России. Ее главный представитель К. Коровин стал главой мастеров круга «Союза русских художников». «Мир искусства» создал новый вид исторической пейзажной живописи – пейзаж стал способом характеристики и оценки эпохи.

Подводя итоги, можно отметить, что исследователи, о которых шла речь в данной статье, выделяют одинаковые этапы формирования пейзажного жанра в России в XVIII–XIX вв.:

1-й этап – зарождение пейзажной живописи, его связывают с открытием пейзажного класса в Академии художеств. Выделяют первую плеяду пейзажистов: Семен Щедрин, Ф. Алексеев, М. Иванов.

2-й этап – с 1820 г. начинается интенсивный культурный обмен между европейскими странами, что привело к дифференциации национальных школ. Художники, сыгравшие существенную роль в развитии пейзажной живописи: А. Венецианов, М.Н. Воробьев, Сильвестр Щедрин.

3-й этап – перелом 1850-х гг. Эпоха правления Александра II – «эпоха, свободомыслящая в принципе, но деспотическая на деле» [2. С. 211]. Художники были призваны обучать народ.

4-й этап – 1860–1870 гг. Становление идей передвижничества. Идея преобразования русского общества.

5-й этап – 1880–1900 гг. Новая фаза исканий. Влюбленность в красоту, отказ от назидательности в искусстве.

В каждый из указанных этапов художники ставили перед собой определенные задачи. В XVIII в. пейзажная живопись начала свое развитие с видовых пейзажей. В начале XIX в. происходило формирование нового восприятия природы на фоне социально-экономических сдвигов, которые стимулировали рост национального самосознания. Активно развивалось романтическое течение пейзажной живописи. Художники отказывались от устаревших форм и правил и обращались к непосредственному изучению природы. С середины XIX в. искусство, и пейзажная живопись в том числе, вступило на путь реалистического развития. Художники проникали в жизнь

природы, выявляли эмоциональные возможности цвета, что привело к развитию пленэрной живописи в конце XIX в.

Литература

1. *Наследие* Александра Николаевича Бенуа [Электронный ресурс]. URL: http://www.benua-memory.ru/ (дата обращения: 29.03.2016).

2. *Бенуа А.Н.* История русской живописи в XIX веке / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М. : Республика, 1995. 448 с.: ил.

3. *Товарищество* передвижных художественных выставок [Электронный ресурс]. URL: http://www.tphv-history.ru/ (дата обращения: 03.05.2016).

4. *Федоров-Давыдов А.А.* Русский пейзаж XVIII – начала XX века : история, проблемы, художники: исслед., очерки / сост. сборника Т.В. Моисеева; сост. списка основных трудов автора С.С. Ничун. М. : Сов. художник, 1986. 419 с.: ил.

Vasilchenko Juli S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ju.vasilchenko@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 139–147.

DOI: 10.17223/22220836/24/15

ABOUT THE INITIAL STAGES OF FORMATION OF A HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN LANDSCAPE PAINTING IN THE 20th CENTURY

Key words: *landscape painting, landscape, national consciousness, Russian art, Academy of Arts.*

Fixing of the facts of formation of the Russian landscape painting has begun practically with its origin. Critiques were written by the most visible representatives of art criticism after each exhibition. But up to the XXth century there was no research literature representing an overall picture of the happening art processes. Such literature has begun to appear at the beginning of the 20th century. One of representatives of the Russian modernist style – A. Benois (1870–1960) was the first author-historian-artist. A.A. Fedorov-Davydov (1900–1969) was one of the first art critics who has begun to research professionally landscape painting and has devoted it all life.

Researchers consider internal regularities of development of a landscape genre in connection with process of formation of national art consciousness at its different historical stages.

In this article the speech was about researchers who allocated identical stages of forming of a landscape genre in Russia at XVIII–XIX centuries:

1 stage – origin of landscape painting, they connect it with opening of a landscape class in Academy of Arts; allocate the first group of landscape writers: Semyon Shchedrin, F. Alekseev, M. Ivanov.

2 stage – since 1820 an intensive cultural exchange between the European countries begin that has led to differentiation of national schools. The artists who have played an essential role in development of landscape painting were: A. Venetsianov, M. N. Vorobyov, Sylvester Shchedrin.

3 stage – a change was in the 1850th years. There was an era of government of Alexander II – "an era, which was liberal in principle, but was despotic in practice". Artists have been urged to train the people.

4 stage – 1860–1870. There was formation of ideas of Peredvizhniki movement. There was idea of transformation of the Russian society.

5 stage – 1880–1900. There was new phase of searches. There was falling in love with beauty and refusal of edification in art.

In the XVIIIth century landscape painting has begun the development with specific landscapes. At the beginning of the XIXth century there was a forming of new perception of the nature against social and economic shifts which stimulated growth of national consciousness. Artists refused obsolete forms and rules and addressed direct studying of the nature. From the middle of the XIXth century art and landscape painting including, have taken a way of realistic development. Artists got into nature life, revealed emotional opportunities of color that has led to open-air painting at the end of the XIXth century.

References

1. Benua-memory.ru. (n.d.) *Nasledie Aleksandra Nikolaevicha Benua* [The legacy of Alexander Benois]. [Online] Available from: http://www.benua-memory.ru/. (Accessed: 29th March 2016).

2. Benoit, A.N. (1995) *Istoriya russkoy zhivopisi v XIX veke* [The history of Russian art in the 19th century]. Moscow: Respublika.

3. Tphv-history.ru. (n.d.) *Tovarishchestvo peredvizhnykh khudozhestvennykh vystavok* [Peredvizhniki]. [Online]. Available from: http://www.tphv-history.ru/. (Accessed: 3rd May 2016).

4. Fedorov-Davydov, A.A. (1986) *Russkiy peyzazh XVIII – nachala XX veka : istoriya, problemy, khudozhniki* [Russian landscape of the 18th – early 20th century: History, problems, artists]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

УДК 94:069(571.16)
DOI: 10.17223/22220836/24/16

С.Е. Григорьева

ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье рассматривается недостаточно изученный вопрос о начальном этапе становления Томского краеведческого музея, характеризуются основные виды музейной работы – комплектование, экспозиционное строительство, публикационно-издательская деятельность. Обосновывается ведущая роль Михаила Бонифатьевича Шатилова в создании Томского краевого музея, выявляются его представления о музее как общественно-научном учреждении, раскрывается вклад в формирование фондов, обновление экспозиции, популяризацию знаний о музее.
Ключевые слова: *история музейного дела, Томский краеведческий музей, М.Б. Ша-тилов.*

Задачу изучения истории отдельных музеев, исследования музееведческой мысли в стране первым поставил А.М. Разгон [1]. Он сам и его коллеги-музееведы приступили к решению поставленной задачи, в течение 1957–1971 гг. они издали 7 тематических сборников по истории музейного дела и истории отдельных музеев России XVIII–XX вв. Как продолжение начатого можно рассматривать работы современных исследователей, посвященные изучению отдельных музеев, освещающие внутримузейную жизнь [2–7]. В этом отношении считаю необходимым обратиться к малоизученному вопросу о начальном периоде становления Томского краевого музея (ныне Томский областной краеведческий музей) и о роли М.Б. Шатилова в этом процессе.

Михаил Бонифатьевич Шатилов (1882–1937), юрист по образованию, общественный и политический деятель, публицист, активный участник революции 1917 г., со временем отошел от политической деятельности, с 1920 г. работал в Томском университете на кафедре «Туземное право и быт». С молодости интересуясь вопросами сибиреведения, Шатилов участвовал в подготовительных работах по созданию в Томске музея и 1 сентября 1922 г. был назначен на должность заведующего Томским краевым музеем. Он занимал эту должность вплоть до 1933 г., когда был арестован по сфабрикованному обвинению. По приговору коллегии ОГПУ СССР отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения и впоследствии был расстрелян [8. С. 909–910].

Как руководитель Томского краевого музея на начальной стадии его развития М.Б. Шатилов вполне реализовал свой научный и организаторский потенциал, провел все основные работы по созданию музея как научно-исследовательского и культурно-просветительного центра Томска и всей Сибири. Немалую роль в укреплении музееведческих интересов М.Б. Шатилова сыграло его общение и сотрудничество с Г.Н. Потаниным, который работал в сибирских музеях, активно пополнял их собственноручно собранными коллекциями, участвовал в строительстве экспозиций, популяризировал музееведческие знания [9]. Думается, что под влиянием Г.Н. Потанина Шатилов сформировал свои представления о музее как общественно-научном учреждении, был осведомлен об истории музейного дела в Томске [10. С. 1–3].

Обладая разносторонними талантами, М.Б. Шатилов занимался всеми видами музейных работ. В августе 1924 г. он обследовал остяко-самоедов (современные селькупы) и тунгусов (современные эвенки), живших на землях вдоль р. Иссан. Им были собраны и доставлены в Томский музей 118 предметов, характеризовавших домашний обиход, средства передвижения и, главным образом, промыслы населения [11]. В последующем М.Б. Шатилов принял участие еще в четырех этнографических экспедициях, в результате которых в Томский краевой музей было передано 162 предмета материальной культуры хантов, предметы русского крестьянского искусства (бранное тканье, шитье, резьба по дереву) и другие материалы по этнографии [12–14]. Вместе с этнографическими и археологическими материалами М.Б. Шатилов привозил в музей письменные источники, заложив таким образом базовые основы архива Томского краеведческого музея.

Усилиями М.Б. Шатилова были установлены контакты с центральными музеями страны: Эрмитажем, Музеем фарфора (позже – Государственный музей керамики в Москве), Русским музеем, Третьяковской галереей. В эти музейные хранилища из Томска были отправлены письма с просьбой поделиться экспонатами, поскольку, как писал Шатилов, «музей не может в достаточной мере обслуживать художественные запросы трудящихся в смысле выявления всех направлений в живописи, особенно западноевропейской» [15. Л. 1, 30]. В архиве ТОКМ сохранились сведения о том, что некоторые просьбы были удовлетворены. Так, в 1929 г. из Музея фарфора в Москве была отправлена в Томский музей коллекция, включавшая 82 предмета, иллюстрировавшая историю российского фарфорового и керамического производства [15. Л. 43; 16]. Летом 1929 г. в Томский краеведческий музей были доставлены из Третьяковской галереи 65 подлинных живописных работ Венецианова, Кипренского, Серова, Маковского, Верещагина, Шишкина, Васнецова [17. С. 58].

Активно занимаясь формированием и пополнением музейных фондов, М.Б. Шатилов участвовал в обработке поступающих коллекций. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фондах Томского областного краеведческого музея учетные карточки музейных предметов, написанные рукой Шатилова.

Наиболее важным вкладом М.Б. Шатилова в становление Томского краевого музея является, несомненно, разработка экспозиции. Первая музейная экспозиция была представлена публике 18 марта 1922 г., с ней связывается открытие музея. Но довольно скоро первая экспозиция стала перерабатываться и перестраиваться. Скорее всего, это было связано с приходом в музей Б.М. Шатилова, имевшего собственные представления о музейном показе. Планы обновления музейной экспозиции не сохранились, но подробное описание в статье М.Б. Шатилова позволяет дать ей вполне адекватную оценку. Следует отметить, что он подходил к созданию новой экспозиции по-иному, чем его предшественники. Главную идею музейного показа Шатилов формулировал так: «Былое вокруг нас, оно отходит в область преданий, спешите его зафиксировать!.. Былое вокруг нас… познайте старое, чтобы творить новое!» [10. С. 32].

Особое внимание Шатилова привлекал художественный отдел, который завершал музейный показ. Экспозиционер подчеркивал органическую связь самого музейного здания с задачами художественного отдела: «Главное здание музея принадлежало когда-то томскому золотопромышленнику И.Д. Асташеву, по-

строено архитектором А.П. Деевым в 40-х гг. XIX в. и является высоко художественным архитектурным памятником стиля «ампир», наиболее выдержанным прекрасным образцом этого стиля в Томске». И далее писал: «Памятники художественные, исторические, несомненно, должны включаться в дома, носящие характер соответствующей эпохи, ибо только так – в сочетании архитектуры, мебели, картин, бронзы и исторических документов, – по памятникам материальной культуры может быть понято то или иное время. Усвоен дух эпохи; в этом смысле дом Асташева – единственный в своем роде в Томске памятник… Перенесенный в другое место художественно-исторический отдел музея – стильная мебель, гобелены, картины (старая живопись) не смогли бы воссоздать памятник высокой художественно-исторической ценности, выявить дух эпохи» [10. С. 32].

В художественном отделе был использован ансамблевый метод экспонирования, воссоздана обстановка бывшего асташевского дома как образец дворянской культуры 1830–1840-х гг. Что касается живописных работ, то они были представлены через систематическую экспозицию. Картины были размещены по направлениям творчества художников – от старой западной живописи до футуристов, включая работы сибирских, в основном томских, авторов. Созданная под руководством М.Б. Шатилова экспозиция Томского краевого музея практически целиком опиралась на подлинные источники – вещественные, изобразительные, письменные, многие из них были настоящими униками [10. С. 23–35; 18. Л. 114–115; 19. Л. 184].

Видное место в осуществлении научно-исследовательского направления Томского краевого музея занимала издательская деятельность. По этому поводу М.Б. Шатилов писал: «Музей придает большое значение изданию музейных материалов, так как издание трудов является действительно завершением, последним моментом научно-исследовательской деятельности, с одной стороны, и средством вовлечения в краеведческую работу более широких кругов – с другой» [20. С. 98]. За неполных три года, с 1927 по 1929 г., удалось выпустить 3 тома «Трудов Томского краевого музея», поместить в них 24 научные статьи, авторами которых по большей части были сотрудники музея. Ведущим автором-исследователем был, несомненно, сам М.Б. Ша-тилов. Статьи по истории Томского краевого музея, труды по этнографии вывели их автора в первый ряд советских этнографов и музееведов первой половины XX в. Его знаниями, трудами, увлеченностью и преданностью музейному делу в кратчайшие сроки был создан Томский краеведческий музей, ставший одним из самых крупных в Сибири.

Литература

1. *Разгон А.М. К* вопросу об изучении истории музейного дела: (Вместо предисловия) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. 7. С. 5–7.

2. *Томилов Н.А.* Новосибирский областной краеведческий музей в 1920–1987 гг. // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск, 1999. С. 65–113.

3. *Григорьева С.Е.* Основание и открытие Томского краеведческого музея // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 1. С. 137–140.

4. *Дмитриенко Н.М.* К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.) / Н.М. Дмитриенко, С.Е. Григорьева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 381. С. 119–122.

5. *Черняк Э.И.* Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2015. № 4. С. 5–8.

6. *Дмитриенко Н.М.* Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 397. С. 81–90.

7. *Бурлыкина М.И.* Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015). М. : МАКС Пресс, 2015. 320 с.: ил.

8. *Энциклопедия* Томской области: в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 465–1000.

9. *Дмитриенко Н.М.* Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С. 67–76.

10. *Шатилов М.Б.* Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Тр. Том. краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.

11. *Тучкова Н.А.* Этнографические сборы М.Б. Шатилова 1924 г. в фондах Томского краеведческого музея // Тр. Том. гос. объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 104–120.

12. *Лукина Н.В.* Шатилов как этнограф // Тр. Том. гос. объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. Т. 7. С. 56–58.

13. *Тучков А.Г.* Материалы по истории этнографической экспедиции М.Б. Шатилова на р. Вах (1926 г.) // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2004. Т. 13. С. 31–55.

14. *Артюхова И.В.* Экспедиция М.Б. Шатилова к русскому населению Томского края // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2008. Т. 15. С. 16–25.

15. *Архив* ТОКМ. Оп. 1. Д. 32.

16. *Малофиенко Е.А.* Вазы Императорского фарфорового завода середины XIX в. с картинной живописью в собрании ТОКМ // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2008. Т. 15. С. 155–163.

17. *История* Томского краеведческого музея языком архива / публ. Е.А. Андреевой // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 3–159.

18. *Архив* ТОКМ. Оп. 1. Д. 18.

19. *Архив* ТОКМ. Оп. 1. Д. 73.

20. *Шатилов М.Б.* Обзор деятельности Томского краевого музея (1927–1928 гг.) // Тр. Том. краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 92–104.

Grigorieva Svetlana E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: svetikiss07@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 148–152 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/16

TOMSK MUSEUM OF LOCAL HISTORY STUDIES: THE PHASE OF ESTABLISHMENT

Key words: history of museum science, Tomsk museum of local history studies, M.B. Shatilov.

The article is devoted to the little known aspect of the history of Tomsk regional museum of local history studies during his formative years. It reveals the leading role of M.B. Shatilov as the creator of the Museum. It is underlined that Mikhail Bonifatievitch Shatilov was known as political activist, publicist, and investigator on ethnography. However, there is not enough knowledge of Shatilov' museum science. Now we know that Shatilov had good contacts with G.N. Potanin, who had worked in many Siberian museums, and had a good experience in Museum works. Under the influence of Potanin Shatilov formed his ideas about museums as public and science institutions. As the head of Tomsk regional museum, M.B. Shatilov was able to realize museological ideas.

The article shows that Shatilov could fulfil all kinds of Museum work. He was involved in a fund work, held large expeditions on the Tomsk province / okrug. He delivered good ethnographic, archaeological materials, and they still represent one of the great value of Tomsk Museum. M.B. Shatilov added written sources to Museum, so he laid the foundations of the Museum archive. Shatilov arranged with Central Russian museums about gifts. Paintings, vases and other objects were delivered from Hermitage Museum, Porcelain Museum, and Tretyakov Gallery in Tomsk Museum. It should be note that M.B. Shatilov participated in processing of incoming collections; he compiled record cards of museum objects by himself.

We can say that the main Shatilov' contribution to the formation of Tomsk Museum was his working out of the exhibition. The making of art department had the great importance in the museum exhibition; it was used ensemble method of exposure. There were presented home interiors of Tomsk gold manufacturer Astashev (as it is known, the Museum occupies Astashev' house). The arrangement of paintings reflected the

artistic trends; they included the works of European artists, Russian futurists, as well as Tomsk authors. The exhibit, created by M.B. Shatilov, was based on original sources and was very interesting.

An important role in the organization of Tomsk regional Museum belonged to publishing. M.B. Shatilov produced and published four volumes named as Proceedings of Tomsk regional Museum. These books contain good articles on the history of the Museum, and on specific kinds of Museum work. They can be seen as crucial evidence about works of M.B. Shatilov who needed short time to create one of the largest Siberian Museum.

Reference

1. Razgon, A.M. (1971) K voprosu ob izuchenii istorii muzeynogo dela: (Vmesto predisloviya) [On studying the history of museums: (Foreword)]. In: *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Essays on the history of museums in the USSR]. Issue 7. Moscow: Research Institute of Museology. pp. 5–7.

2. Tomilov, N.A. (1999) Novosibirskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey v 1920–1987 gg. [Novosibirsk Regional Museum in 1920–1987]. In: Patrusheva, G.M. (ed.) *Problemy muzeevedeniya i narodnaya kul'tura* [Problems of muzeology and folk culture]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 65–113.

3. Grigorieva, S.E. (2011) The foundation and opening of Tomsk regional museum of local lore]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(13). pp. 137–140. (In Russian).

4. Dmitrienko, N.M. & Grigorieva, S.E. (2014) On the history of foundation of the Siberian Scientific and Art Museum in Tomsk (1911-1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 119–122. (In Russian).

5. Chernyak, E.I. (2015) D.A. Klements i sozdanie muzeya v Kyakhte [D.A. Klements and his role in foundation of the Kyakhta museum]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 5–8.

6. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Muzei Imperatorskogo Tomskogo universiteta: pervye gody sozdaniya i deyatel'nosti [ ]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. DOI: 10.17223/19988613/36/1

7. Burlykina, M.I. (2015) *Moskovskiy gosudarstvennyy universitet: istoriya muzeynogo dela (1755–2015)* [Moscow State University: History of museum business (1755–2015)]. Moscow: MAKS Press.

8. Mayer, G. V., Dmitrienko, N.M. et al. (eds) (2009) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [The Encyclopedia of Tomsk Region: In 2 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 465–1000.

9. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) G.N. Potanin's contribution to Siberian museum science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 67–76. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/10

10. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya [Historical background and overview of the Tomsk Regional Museum]. *Tr. Tom. kraevogo muzeya*. 1. pp. 1–37.

11. Tuchkova, N.A. (1995) Etnograficheskie sbory M.B. Shatilova 1924 g. v fondakh Tomskogo kraevedcheskogo muzeya [M.B. Schatilov's ethnographic collections of 1924 in Tomsk regional museum collections]. *Tr. Tom. gos. ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya*. 8. pp. 104–120.

12. Lukina, N.V. (1994) Shatilov kak etnograf [Shatilov as ethnographer]. *Tr. Tom. gos. ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya*. 7. pp. 56–58.

13. Tuchkov, A.G. (2004) Materialy po istorii etnograficheskoy ekspeditsii M.B. Shatilova na r. Vakh (1926 g.) [Materials on the history of M.B. Schatilov's ethnographic expedition to the River Wah (1926)]. *Tr. Tom. obl. kraeved. muzeya*. 13. pp. 31–55.

14. Artyukhova, I.V. (2008) Ekspeditsiya M.B. Shatilova k russkomu naseleniyu Tomskogo kraya [M.B. Schatilov's expedition to the Russian population of Tomsk Region]. *Tr. Tom. obl. kraeved. muzeya*. 15. pp. 16–25.

15. *The Archives of Tomsk Regional Museum of Local Lore*. List 1. File 32.

16. Malofienko, E.A. (2008) Vazy Imperatorskogo farforovogo zavoda serediny XIX v. s kartinnoy zhivopis'yu v sobranii TOKM [Vases of the Imperial Porcelain Factory in the middle of the 19th century in the paintings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore collection]. *Tr. Tom. obl. kraeved. muzeya*. 15. pp. 155–163.

17. Andreeva, E.A. (2002) Istoriya Tomskogo kraevedcheskogo muzeya yazykom arkhiva [History of the Tomsk Regional Museum in archival documents]. *Tr. Tom. obl. kraeved. muzeya*. 11. pp. 3–159.

18. *The Archives of Tomsk Regional Museum of Local Lore*. List 1. File 18.

19. *The Archives of Tomsk Regional Museum of Local Lore*. List 1. File 73.

20. Shatilov, M.B. (1929) Obzor deyatel'nosti Tomskogo kraevogo muzeya (1927–1928 gg.) [The Tomsk Regional Museum in 1927–1928)]. *Tr. Tom. kraevogo muzeya*. 2. pp. 92–104.

УДК 75.047+763.047] Кошаров П.М (571.1)"18"
DOI: 10.17223/22220836/24/17

Г.И. Колосова

ЖИВОПИСНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ПЕЙЗАЖИ СИБИРСКИХ РЕК В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ХУДОЖНИКА П.М. КОШАРОВА[1]

В статье рассматриваются живописные и графические работы художника П.М. Кошарова, которые представляют природу, панораму городов, сел и деревень, расположенных на берегах сибирских рек – Томи, Оби, Иртыша, Тобола и Туры – в конце XIX столетия. Небольшие по размеру этюды и литографические рисунки, дополненные авторскими пояснительными текстами, были выполнены художником в 1883–1891 гг. Художник смог добиться в своих пейзажах композиционной и цветовой выразительности, точности в передаче характерных особенностей сибирской природы.
Ключевые слова: *П.М. Кошаров, художник, живопись, литография, речные пейзажи, виды городов, виды сел, Западная Сибирь.*

Настоящая работа посвящена дальнейшему изучению творчества сибирского художника Павла Михайловича Кошарова (1824–1902 гг.). Эта задача остаётся важной и актуальной с точки зрения истории становления и развития изобразительного искусства на территории Сибири во второй половине XIX столетия. Основные этапы биографии художника даны в одной из работ автора [1]. Ниже рассматриваются работы П.М. Кошарова, которые он создал в результате поездки-путешествия из Томска в Петербург. Речные живописные пейзажи художника, созданные в то время и хранящиеся сейчас в разных музеях Томска [2], Москвы [3] и Иркутска [4], до сих пор не становились объектом специального изучения. Рассмотрение всех выявленных пейзажей художника даёт возможность представить живописную и графическую панораму сибирских рек – Томи, Оби, Иртыша, Тобола и Туры в конце XIX столетия.

В формулярном списке Кошарова имеются сведения о том, что с 15 июня по октябрь 1883 г. он находился в отпуске, который провёл в Петербурге [5]. Художник решает добираться до Петербурга водным путём, поскольку в летнее время открывалось пароходное сообщение между Томском и Тюменью. Пароходы начинали плыть по Томи, далее значительную часть по Оби, а затем по Иртышу, Тоболу и Туре – всего около 3000 вёрст. От Тюмени до Перми приходилось добираться сухопутным путём, а затем снова водным путём по Каме и Волге до Нижнего Новгорода и далее в Москву и Петербург.

Как опытный путешественник (напомним, что в 1857 г. он принимал участие в экспедиции П.П. Семенова на Тянь-Шань), художник изучил маршрут своего пути и предварительно нарисовал в альбоме карту следования, отметив в ней города и села, мимо которых будет плыть пароход. Купил в дорогу

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта «Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири», грант №14-01-00263.

альбомы для рисования, карандаши, кисти и краски, взял с собой и несколько альбомов со своими работами.

В Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ хранится путевой альбом художника, который называется «Обские рисунки» [6]. С плывущего парохода парохода Кошаров делает пейзажные зарисовки, стараясь запечатлеть главное. Все страницы альбома (размер 21,1 х 27,2 см) заполнены рисунками панорамных видов населённых пунктов, расположенных на берегах сибирских рек, а также отдельных строений, предметов, лодок, пароходов, типов берегов и др.

Именно эти карандашные рисунки и легли в основу многих живописных работ, на которых художник запечатлел речные сибирские виды. Известно три альбома, в которые включены эти пейзажные работы. В альбоме «Виды природы Севера и Запада Западной Сибири. По рекам: Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре», который хранится в Томском областном краеведческом музее, содержится 9 работ [7]. «Альбом видов Сибири, рисованных с натуры художником П.М. Кошаровым в 1880–1897 гг.» (6 работ) хранится в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета [8]. «Альбом видов Западной Сибири», который находится в фонде Музея личных коллекций (МЛК) в Москве – наиболее полный по составу, он содержит 28 работ, включая два рисунка и карту [9]. Все выявленные работы художника выполнены маслом на картоне небольшого размера (примерно 25 х 34 см). Под каждой своей работой, наклеенной на ватман (размер листа 29,5 х 35 см), художник тушью подписывал название работы, в отдельных случаях помещал краткий пояснительный текст. Так, например, пейзаж «Устье реки Томи» имеет дополнительную подпись «Впадение реки Томи в Обь с корабля слева». На некоторых работах указана дата создания.

Взяв за основу карту пути по рекам, которую художник поместил в путевом альбоме, попробуем восстановить путь Кошарова по сибирским рекам от Томска до Тюмени. В путевом альбоме художник отметил, что 16 июня в 3 часа ночи пароход отошёл от Томской пароходной пристани, которая находилась на правом берегу Томи в северной окраине города. Первой его работой в этой серии и стал пейзаж «Пароходная пристань в Томске». Композиция работы проста. На первом плане берег реки, где у воды изображены два рыбака, в центральной части несколько пароходов и небольших речных судов, стоящих у причала. Далее видна панорама города с куполами церквей. Уже примерно через три часа, преодолев путь по реке Томи около 50 верст, пароход достигает того места, где Томь впадает в Обь. Кроме названного выше этюда, имеется ещё один пейзаж этого места под названием «Устье реки Томи, вправо к востоку – Обь». На переднем плане изображена река Обь, несущая свои воды на север, по краям видны заросшие кустарником берега. Слева показано устье реки Томи и небольшой пароходик, выплывающий в обские просторы.

Первой остановкой стало село Колпашево, расположенное на правом берегу реки Оби. Известны две работы художника – «Село Колпашево» и «Вид села Колпашева, первая станция пароходов от Томска». Судя по композиции, где на переднем плане река, а далее на нагорной части берега дан панорамный вид села, рисунок сделан прямо с палубы парохода. Акцент сделан на

церковь, которая изображена в центре села на фоне заката солнца. Интересно, что в путевом альбоме художник сделал два рисунка села, несколько отличающихся по композиции. На первом в верхнем левом углу листа написал: «С. Колпашево 8 1/2 вечера» [6. С. 15]. На втором – «Колпашево. Вид с юга на северо-восточную сторону» [6. С. 30].

Вероятно, что уже рано утром пароход доплыл до небольшого города Нарыма на севере Томской губернии. Известны также два этюда «Город Нарым Томской губернии» и «Вид города Нарыма. Вид от пароходной станции». На пейзажах на повороте низкой речной террасы видны деревянные постройки сельского типа, среди которых возвышаются две церкви. В целом композиции обеих работ схожи, отличаются лишь небольшими деталями.

После Нарыма следующей станцией было село Тымское. Также известно две работы: «Вид села Тымского, первая станция от Нарыма» и «Село Тымское на правом берегу Оби». Это самое северное поселение в Нарымском крае. Село расположено близ устья реки Тым, от которой и получило название. По композиции видно, что работа была сделана с палубы парохода. На фоне тяжёлых дождевых туч изображены две церкви и несколько десятков домов, окружённых полукругом сосновым и кедровым лесом. На первом плане водная поверхность Оби, покрытая небольшими волнами.

Следующей станцией на карте отмечен Сургут, который художник запечатлел в нескольких своих работах: «Вид большого разлива Оби близ Сургута», «Город Сургут на правом берегу Оби» и «Вид города Сургута с парохода, шедшего из Томска, до станции 9 верст». Композиции двух последних работ одинаковы. На пейзаже видим ещё тяжелые тучи на небе, но на реке уже штиль и под парусом спокойно плывёт лодка. На втором плане – панорамный вид г. Сургута, где над крышами деревянных домиков возвышается купол церкви.

Интерес представляют два пейзажа – «Вид на границе Томской и Тобольской губернии. Буря на Оби» и «Этюд волны на Оби при заходе солнца», на которых художник запечатлел Обь в пасмурную погоду. Работы выполнены в густых серо-голубых тонах, большую часть картины занимают низкое небо и грозовые тучи. Некоторое оживление вносят купола церквей и гребни волн, которые художник выделяет белилами.

Продолжением темы пасмурной погоды на Оби, стал и этюд, который сам художник назвал «Правая сторона прорыва хребта правого берега Иртыша рекою Обью. Левые рукава р. Оби. Вправо к хребту русло р. Оби. За хребтом течение Иртыша (Оби)». Под работой стоит подпись: «Рисов. Кошаров в 1883 году». Очень интересно решена его композиция: на фоне грозового неба большую часть этюда занимает водная поверхность Оби с островками, заросшими кустарником и небольшими деревцами. Где-то вдали виден обрывистый берег, за которым находится устье Иртыша, куда плывет пароход. Продолживший обскую панораму следующий пейзаж художник назвал «Выход реки Иртыша в долину рукавов реки Оби».

Внимание художника также привлекли несколько небольших сёл, расположенных на берегах Иртыша, которые он запечатлел в своих картинах: «Село Селиярово», «Село Самарово в 2-х верстах от пароходной пристани. Вид

на восток» и «Село Филинское на правом берегу Иртыша», на последнем этюде стоит дата – 1883 г.

После недолгого пути по Иртышу пароход повернул в реку Тобол, но это произошло уже ночью, которая вдохновила художника на романтический ночной пейзаж «Устье реки Тобол». Справа изображён обрывистый берег реки, а в центре композиции – луна, лунная дорожка и небольшой пароход, входящий из Иртыша в реку Тобол, в устье которой располагался Тобольск. Известно несколько пейзажей, на которых представлена панорама города: «Вид города Тобольска, на правом берегу Иртыша, от устья Тобола», «Вид города Тобольска», «Город Тобольск. (Вид от устья Тобола)» и «Город Тобольск». По своей композиции они почти одинаковы, но несколько отличаются по цветовой гамме. Вероятно, один этюд написан во время путешествия, а другие сделаны позднее, в них на первый план выведены пароход и лодка под парусом.

Интересны два этюда: «Впадение р. Туры в Тобол. (Устье р. Туры)» и «Устье реки Туры». Кроме того, художник сделал панорамные виды деревни Иевливо и небольшого села Покровское, расположенных на берегах р. Туры. Недалеко от них находится Тюмень – последняя пароходная станция, после которой большая часть пути для Кошарова осталась позади. Известны два пейзажа города: «Вид города Тюмени на правом берегу реки Туры. Завод Курбатова» и «Город Тюмень на Туре».

Таким образом, можно считать, что результатом этого путешествия художника стали многочисленные рисунки в альбоме и этюды маслом. Небольшие по размеру живописные картины П.М. Кошарова отличает точность в передаче пейзажа, они очень искренны и по-своему раскрывают красоту сибирской природы.

В первых числах июля П.М. Кошаров приехал в Петербург, где встречался со многими знакомыми. Некоторые свои рисунки и живописные работы он показал землякам. Среди них был сибирский общественный деятель и публицист Н.М. Ядринцев. Вскоре в газете «Восточное обозрение» об этом появилась его заметка: «Ныне он [П.М.Кошаров] привез свои любопытные альбомы, виды Алтая, типы инородцев и топографические рисунки, а также роскошный альбом рисунков томской флоры и, в заключение, альбом с 30-ю видами, снятыми по пути от Томска до Тюмени, с приложением к нему карты и небольшого объяснительного текста. Путь этот рисует панораму видов и селений по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре. Мы имеем возможность видеть эти рисунки и любоваться ими. Сибирские виды так редки в наших художественных изданиях, что желательно, чтобы они появились в печати и гравюрах» [10].

Вернувшись в октябре в Томск, художник начинает активно работать над пейзажами, подготавливая их к выставке, открытие которой состоялось в 1884 г. Как писала «Сибирская газета»: «Сегодня, 29 апреля в 12 часов дня до 6 вечера, будет открыта в здании реального училища, выставка 30 картин – эскизных видов по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре, рисованных с палубы парохода в 1883 году» [11]. В конце объявления сообщалось, что выставка платная, но «сбор предназначается для вспомоществования бедным ученикам реального училища».

В конце 1880-х гг. П.М. Кошаров, видимо помня пожелание Н.М. Ядринцева, решил создать серию работ о Сибири в технике литографии. Примером для художника послужил «Русский художественный листок», который в 1851-1862 гг. издавал известный русский график В.Ф. Тимм, где в одном из номеров в 1861 г. Кошаров поместил два своих рисунка [12. С.68]. Интересно, что в 1887 г. об этой задумке художника Г.Н. Потанин писал Н.М. Ядринцеву из Томска: «Пав[ел] М[ихайлович] Кошаров мечтает издавать «Сибирский художественный листок», вроде некогда издававшегося листа Тимма» [13. С. 78].

В середине августа 1889 г. Павел Михайлович выпустил первый лист в серии, которую назвал «Художественно-этнографические рисунки Сибири» [14]. По этому поводу Г.Н. Потанин снова пишет Н.М. Ядринцеву: «Павел-то Михайлович! Вот старик явился с укором нам, более молодым. На старости решился-таки осуществить свою заветную мечту» [13. С. 113].

Каждый месяц, 1 и 15 числа из типолитографии Михайлова и Макушина выходило по два листа размером 31х40 см. Таким образом, в период с августа 1889 по июль 1890 г. Кошаров подготовил и издал 24 листа. Во второй год он продолжил выпуск своих рисунков и уже в августе на первом листе он изобразил «Томскую пароходную пристань», с которой начиналось его путешествие по сибирским рекам в 1883 г. В сопроводительном тексте отметил: *Мы уже сообщали, что в нынешнем году будем издавать рисунки севера и запада Западной Сибири, давая понятия об этой природе, ее жителях, как русских поселений, так и кочующих инородцев с их образом жизни. В этой стране существует пароходное сообщение между Томском и Тюменью, по р.р. Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре, на расстоянии около 3000 верст, а потому находим необходимым, прежде всего, держаться этих мест* [15. Л. 1]. Таким образом, созданные в 1883–1884-е гг. рисунки и живописные пейзажи сибирских рек получили своё продолжение в литографии. Интересно, что при подготовке рисунков к изданию он готовил их появление в соответствии с водным маршрутом.

В тексте он также отметил: *В ежегодную навигацию едут на пароходе пассажиры, как в Сибирь, так и обратно, а на баржах перевозятся в Тюмень все чаи, заготовленные зимою, а равно доставляемые и летним путем из Кяхты в Томск. Из Тюмени же доставляют на эту пристань все товары из Европейской России на всю Сибирь. Кроме этого перевозятся арестанты, для которых устроены особые баржи. Также идут в Сибирь и переселенцы и для них устроены подле пристани бараки*» [15. Л. 1].

Иногда на один лист художник помещал несколько рисунков, нарисованных на одном камне. Так, например, на лист помещено четыре рисунка. При этом под изображением художник описывает их все: *1-й рисунок представляет выход р. Томи в р. Обь, в правый её берег, а на последнем плане виден ее левый. Устье это не более 200 сажен и отстоит от Томска водяным путем не более 50 верст. Войдя в Обь явственно заметно, что вода Томи имеет цвет чистый-прозрачный, а Оби – мутно-глинистый и соединение их последует не ранее, как чрез полверсты* [15. Л. 2]. На втором рисунке дано изображение стеклянного завода томского купца Королева, расположенного на правом берегу р.Томи, при этом отмечено: *Завод этот единственный в Том-*

ской губернии, который приготовляет не большое количество простой посуды и стекла, но расходится этого изделия довольно по всей Сибир[и]. На третьем и четвертом рисунке художник соединил вместе два пейзажа, а которых представил выход р. Кети в р. Обь и выход р. Чулым в правый берег р. Оби.

Интересно, что за основу литографического пейзажа «Вид села Колпашева» художник взял не вариант живописного этюда, а рисунок из своего путевого альбома. На листе изображена обрывистая береговая терраса реки Оби, где расположилось село Колпашево. На первом плане изображены три фигуры людей, сидящих на скамейке на берегу реки. На втором плане – постройки села, в центре которых видно здание церкви, а у берега – баржа и несколько лодок. Вот как комментирует рисунок сам художник: *Рисунок этот представляет вид села Колпашева, первой пароходной станции, в 260 верстах от Томска. Село это находится на правом возвышенном берегу реки Оби и расположено почти вдоль берега, по обе стороны церкви, которая недавно отстроена в русском стиле и весьма красива. Дома большею частью срублены из хорошего толстого леса, есть много двухэтажных, как дома, так и сараи, амбары, дворы крыты тесом; дома стоят без всякого порядка, улиц почти нет, а между ними находятся узкие и кривые проходы. Комнаты содержатся весьма чисто и опрятно, надо полагать, что крестьяне живут не бедно* [15. Л. 3]. Такие же выразительные характеристики даны городу Нарыму и селу Тымскому, представленным на рисунке, который был издан в первых числах ноября 1890 г.

В начале декабря Кошаров печатает лист с рисунком «Вид реки Оби на северной границе Томской губернии с Тобольской», где также даёт характеристику: *Этот рисунок представляет вид р. Оби на северной границе Томской губернии с Тобольской. Громадная, многоводная р. Обь, принимая в себя множество притоков в этом месте, поражает своим обилием воды, в особенности во время половодья*. Далее он пишет*: Нам же пришлось видеть эту представленную картину в таком роде: во время лунной, холодной и ветреной ночи, по небу неслись живописной группой облака, по временам застилая луну, а мутные волны Оби бушевали в весьма разноцветных переливах, освещаемые весьма живописно луной и издавая какие-то непонятные звуки. Вдали же, на горизонте едва виднелись очертания берегов и идущий навстречу пароход с баржею арестантов. На первом же плане, под парусом большая лодка рыбопромышленников. Одним словом, в этой чарующей картине, в этой ночной беспредельности, вас невольно переносит мысль, – как будто едущим по взморь* [15. Л. 7]. Свои ощущения от этой стихии на реке он передал в живописной работе под названием «Вид на границе Томской и Тобольской губернии. Буря на Оби». Интересно, что на литографии художник подрисовывает белилами луну и верхушки волн на реке.

В январе 1891 г. Кошаров выпускает лист, где помещает два рисунка, выполненных на одном камне: «Вид г. Сургута Тобольской губернии» и «Вид пароходной пристани Белый Яр». Под изображением помещает текст: *Рисунок 1-й представляет вид г. Сургута Тобольской губернии, снятый с парохода, шедшего из Томска в Тюмень. Этот город представляет и летом и зимой весьма грустную картину, в особенности зимой, когда он покрывается снегом и морозы, как говорят жители, захватывают дух. Основание его отно-*

сится к 1595 г., но и до сих пор, как самый город, так и селения в его районе не подвинулись вперед [15. Л. 9]. При этом он отмечает, что в Сургуте всего около 200 деревянных домов и единственная каменная церковь, а жители занимаются рыбной ловлей и доставкой дров на пароходы. На втором рисунке представлен вид пароходной пристани Белый Яр. В конце отмечает, что весь берег уложен дровами, подготовленными для останавливающихся пароходов. Интересно, что помещённые рисунки противоположны по настроению. На первом рисунке панорамный вид г. Суртута дан на фоне неба, сплошь закрытого грозовыми тучами, а по Оби идёт высокая волна. На втором пейзаже небо безоблачно, на реке штиль и пароход подплывает к пристани Белый Яр.

Как бы в дополнение к пейзажу «Вид г. Сургута» художник издаёт лист, где поместил пять рисунков, на которых изображены небольшие сёла и деревни, расположенные ниже г. Сургута. Рисунки также дополнены краткими авторскими пояснениями.

В конце февраля 1891 г. Кошаров печатает лист, на котором тоже помещает два рисунка – «Впадение Иртыша в Обскую долину» и «Устье Иртыша», снабдив их пояснением: *Эти два рисунка, если сложить вместе, 1-й влево, а 2-й вправо, то выйдет одна общая картина, которая представляет взору путешественника, едущего на пароходе из Томска в Тюмень. Такое необъятное пространство низменных островов и тундр, весной все заливается водою* [15. Л. 13].

В апреле 1891 г. художник выпустил лист с двумя рисунками: «Село Самарово» и «Вид Самарской пароходной пристани», дав под изображением краткие, но очень ёмкие и точные характеристики.

В мае 1891 г. вышел очередной лист, на котором Кошаров поместил также два рисунка: «Общий вид г.Тобольска» и «Устье р. Тобол». В тексте достаточно подробно характеризуются два вида города [15. Л. 18]. При этом в сопроводительном тексте художник не только поясняет увиденное, но и приводит исторические данные.

Как уже отмечалось, водный маршрут художника по сибирским рекам заканчивался в Тюмени. Панорамное изображение города «Вид г. Тюмени» он поместил на одном камне в композиции с рисунками «Берег деревни Иевлевой» и «Устье р. Туры». Рисунки также снабжены краткими, но выразительными описаниями [15. Л. 20]. Таким образом, с августа 1890 г. и по август 1891 г. художником было выпущено 24 листа, из них только на 11 листах он поместил 25 литографических рисунков, посвящённых речным пейзажам Западной Сибири.

Все речные пейзажи выполнены художником в технике литографии с тоном, их отличатт чёткость линий, документальная точность в передаче особенностей местности, тщательное соблюдение законов линейной перспективы. Важно и то, что каждый рисунок художник дополнил подробными авторскими описаниями, которые представляют большую научную ценность для историков, этнографов и краеведов Сибири. Можно считать, что альбом «Художественно-этнографические рисунки Сибири», созданный П.М. Кошаровым, стал его последним заключительным аккордом в технике литографии. Что касается живописных работ, то художник продуманно и тонко строит свои пейзажные этюды, бережно сохраняя индивидуальный характер местно-

сти. Видно, что многие из них были созданы в разное время суток и при разных состояниях погоды. Художник смог добиться композиционной и цветовой выразительности, показать в простом и обыденном сибирском пейзаже те трогательные черты, которые он особенно чувствовал в природе.

Литература

1. *Колосова Г.И.* П.М. Кошаров – художник, педагог, исследователь и просветитель // Теория и практика развития в художественных музеях Сибири : материалы регион. науч.-практ. конф., Томск, 5–10 октября 2004 г. Томск, 2005. С. 144–155.

2. *Киселева Л.В.* Формирование коллекции художника П.М. Кошарова в собрании ТОКМ // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. ст. / отв. ред Л.И. Боженко. Томск, 2002. С. 218–231.

3. *Произведения* русских и западноевропейских мастеров XVI – н. XX в.: Из собрания И.С. Зильберштейна. М. : Родина, 1993. 354 с.

4. *Иркутский* областной художественный музей: каталог. Русское и советское искусство : живопись, скульптура, графика / сост. А.Д. Фатьянов. Л. : Художник, 1961. С. 34–35.

5. *Формулярный* список о службе П.М. Кошарова // ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 372.

6. *Кошаров П.М.* Обские рисунки: аАльбом. 1883 // МАЭС ТГУ. Изобразительный отдел. № 142-1.

7. *Кошаров П.М.* Виды природы Севера и Запада Западной Сибири. По рекам : Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре. 1880-е гг. ТОКМ. № 12559/2-12560.

8. *Кошаров П.М.* Альбом видов Сибири, рисованных с натуры художником П.М. Кошаровым в 1880–1897 гг. // НБ ТГУ. Фонд Отдела рукописей и книжных памятников. № 61062.

9. *Кошаров М.П.* Альбом видов Западной Сибири. Музей личных коллекций. ГР-1394-1421.

10. *Ядринцев Н.М.* [О приезде П.М. Кошарова в Петербург] // Восточное обозрение. Иркутск. 1883. 28 июля. № 30.

11. *Сибирская* газета. Томск. 1884. 28 апр. № 18.

12. *Материалы* для библиографии русских иллюстрированных изданий. Вып. 2 / сост. Н.К. Сипягин. СПб., 1909. 84 с. [Репринт: Leipzig, 1975].

13. *Потанин Г.Н.* Письма. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. Т. 4. 428 с.

14. *Кошаров П.М.* Художественно-этнографические рисунки Сибири. Томск, 1889–1890. 24 л.

15. *Кошаров П.М.* Художественно-этнографические рисунки Сибири. Томск, 1890–1891. 24 л.

Kolosova Galina I. Scientific Library of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
E-mail: ork_2003@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 153–161 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/17

PICTORIAAL AND GRAPHICAL LANDSCAPE DRAWINGS OF SIBERIAN RIVERS IN THE ARTISTIC HERITAGE OF PAINTER P.M. KOSHAROV

Key words*: P.M. Kosharov, painter, pictorial art, lithography, river landscape drawings, city views, views of villages, Western Siberia.*

This article is devoted to the further consideration of the work of Siberian painter Pavel Mikhailovich Kosharov (1824–1902). This task is important in the study of history and development of Siberian fine arts in the second half of XIX century. The article deals with pictorial and graphical works by the painter P.M. Kosharov, which he created as a result of the traveling on Siberian rivers from Tomsk to St. Petersburg in 1883. The joint consideration of all the river landscape drawings by the artist, stored in different repositories, gives an opportunity to imagine pictorial and graphical panorama of not only rivers – Tom, Ob, Irtysh, Tobol and Tura, but also towns and villages located on the banks of these rivers – in the end of XIX century.

Small-sized sketches and lithographic drawings, supplemented by explanatory author texts, were made by the painter in the period from 1883 to 1891. Lithographic landscape drawings are distinguished by a careful observance of the laws of linear perspective, sharpness of lines, documentary accuracy in terrain conveyance. Pictorial sketches by the painter are characterized by compositional and color expressiveness, an accuracy in displaying of characteristic traits of Siberian nature. Together

both pictorial and lithographic works by P.M. Kosharov are of a great scientific value for historians and ethnologists of Siberia.

References

1. Kolosova, G.I. (2004) [P.M. Kosharov – artist, teacher, researcher and educator]. *Teoriya i praktika razvitiya v khudozhestvennykh muzeyakh Sibiri* [Theory and practice of art museums in Siberia]. Proc. of the Regional Conference. Tomsk. October 5–10, 2004. Tomsk. pp. 144–155. (In Russian).

2. Kiseleva, L.V. (2002) Formirovanie kollektsii khudozhnika P.M. Kosharova v sobranii TOKM [Formation of P.M. Kosharov's collection in the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Tomsk. pp. 218–231.

3. Borisovskaya, N.A. (ed.) (1993) *Proizvedeniya russkikh i zapadnoevropeyskikh masterov XVI – n. XX v.: Iz sobraniya I.S. Zil'bershteyna* [The works of Russian and Western European masters of the 16th – early 20th centuries: From I.S. Silberstein's collection]. Moscow: Rodina.

4. Fatyanov, A.D. (ed.) (1961) *Irkutskiy oblastnoy khudozhestvennyy muzey: katalog. Russkoe i sovetskoe iskusstvo: zhivopis', skul'ptura, grafika* [Irkutsk Regional Art Museum. Russian and Soviet art: Painting, sculpture, graphics]. Leningrad: Khudozhnik. pp. 34–35.

5. The State Archives of Tomsk Region. (n.d.) *Formulyarnyy spisok o sluzhbe P.M. Kosharova* [The formulary list of P.M. Kosharov's service]. Fund 3. List 4. File 372.

6. Kosharov, P.M. (1883) Obskie risunki: Al'bom. 1883 [The Ob drawings: Albom. 1883]. *The Archives of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography*. 142-1.

7. Kosharov, P.M. (n.d.) Vidy prirody Severa i Zapada Zapadnoy Sibiri. Po rekam: Tomi, Obi, Irtyshu, Tobolu i Ture. 1880-e gg. [Nature views of the North and West of Western Siberia. Along the rivers: Tom, Ob, Irtysh, Tobol and Tura]. *Tomsk Regional Museum of Local Lore*. 12559/2-12560.

8. Kosharov, P.M. (n.d.) Al'bom vidov Sibiri, risovannykh s natury khudozhnikom P.M. Kosharovym v 1880–1897 gg. [The album of Siberian views drawn from nature by artist P.M. Kosharov in 1880–1897]. *Tomsk State University Research Library. Fund of the Department of Manuscripts and Literary Monuments*. 61062.

9. Kosharov, M.P. (n.d.) Al'bom vidov Zapadnoy Sibiri [The album of Western Siberian views]. *The Museum of Private Collections*. GR-1394-1421.

10. Yadrintsev, N.M. (1883) O priezde P.M. Kosharova v Peterburg [P.M. Kosharov's arrival in Petersburg]. *Vostochnoe obozrenie*. 28th July.

11. *Sibirskaya gazeta*. (1884) 28th April.

12. Sipyagin, N.K. (ed.) (1909) *Materialy dlya bibliografii russkikh illyustrirovannykh izdaniy* [Materials for bibliography of Russian illustrated books]. Issue 2. St. Petersburg: [s.n.].

13. Potanin, G.N. (1990) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 4. Irkutsk: Irkutsk State University.

14. Kosharov, P.M. (1889–1890) *Khudozhestvenno-etnograficheskie risunki Sibiri* [Art and ethnographic drawings of Siberia]. Tomsk: [s.n.].

15. Kosharov, P.M. (1890–1891) *Khudozhestvenno-etnograficheskie risunki Sibiri* [Art and ethnographic drawings of Siberia]. Tomsk: [s.n.].

УДК 069(571.53)+39
DOI: 10.17223/22220836/24/18

О.А. Чернявская

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ КОЛЛЕКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ В ФОНДАХ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье анализируются проблемы атрибуции музейных предметов определенной коллекции в фондах Иркутского областного краеведческого музея. Основная масса музейных предметов по этнографии коренных народов Северо-Востока Сибири поступила в музей в конце XIX – начале XX в., в период, когда традиционная одежда частично заменяется одеждой пришлого населения. История формирования коллекции одежды народов Северо-Востока Сибири позволяет представить масштабы научной работы в Восточной Сибири в конце XIX в. Трудности научного определения предметов традиционной одежды уходят корнями в прошлое музея, которое неразрывно связано с историей страны.
Ключевые слова: *комплектование коллекций, инвентаризация фондов, проблемы атрибуции, Иркутский областной краеведческий музей.*

Задачей музея является популяризация идеи культурного многообразия, с одной стороны, и сохранение материального и нематериального культурного наследия – с другой. Одежда, как предмет, созданный человеком, концентрируют в себе опыт, хранит и передает информацию, обладает функцией «исторической памяти». Но она из ряда музейных предметов, которые не могут храниться бесконечно. К коллекциям одежды можно отнести слова С.И. Ванштейна: «…только небольшая часть этнографических объектов, притом лишь материальных, может быть сохранена в музеях, да и то они в значительной мере утрачивают свое значение подлинных памятников культуры без детального описания их изготовления, реального использования и функционирования в системе этнической культуры.» [1. С. 57]. Проблемы по изучению богатых материалов, хранящиеся в фондах сибирских музеев, поднимались в научных изданиях и на различных научных конференциях неоднократно, но до сих пор большинство этих собраний практически не введены в научный оборот. Одна из таких уникальных коллекций традиционной одежды коренных малочисленных народов Северо-Востока Сибири хранится в Иркутском областном краеведческом музее.

На всем протяжении существования музея происходили подъемы и спады в комплектовании коллекций и в их регистрации. До 40-х гг. XIX в. музей находился в подчинении Иркутской мужской гимназии. Распорядитель музея инспектор Иркутской гимназии В.И. Седаков «...составил руководство для собирания, препарирования, хранения и пересылки предметов… входил в сношение с корреспондентами, отыскивая их во всех уголках Сибири. Плодом его усилий стало создание музея, в котором в 1850 г. было собрано до 650 предметов» [2. С. 126]. С 40-х гг. XIX в. музей перешел в ведение Главного управления Восточной Сибири. В собирательской деятельности насту-

пает перерыв. В 1854 г. музей переходит в ведение основанного в Иркутске в 1851 г. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Подъем в комплектовании этнографических коллекций музея можно отнести к 70–80-м гг. XIX в., периоду работы в Иркутске во ВСОРГО Г.Н. Потанина. На повестку дня был поставлен вопрос о планомерном систематическом изучении края и духовной культуры народов Сибири. В 1883 г. была принята Программа для собирания этнографических предметов для музея ВСОРГО, которая положила начало формированию этнографической коллекции на научной основе. В комплектовании коллекций музея принимают участие представители разных социальных слоев населения: генерал-губернаторы Восточной Сибири и польские ссыльные, студенты и священники, купцы и мещане. Например, вице-губернатор Якутска В.Л. Приклонский, по долгу службы совершавший поездки в Верхоянский и Колымский округа, исследовал жизнь местного населения от устья р. Лены до устья р. Яны, где собрал в 1880-е гг. обширную этнографическую коллекцию, в том числе алеутскую камлею из рыбьей кожи.

В 90-е гг. XIX в. активное участие в формировании коллекции по этнографии эвенков принимал горный инженер С.А. Подьяконов. Более 255 предметов из быта коренных жителей Восточной Сибири были собранны им во время геологических исследований берегов Витима, Алдана и Олекмы. Д.П. Першин в отчете по работе музея за 1900 г. отмечал: «Ценность этой коллекции является тем более значительной, что алданские тунгусы, сравнительно с другими своими соплеменниками, наиболее сохранили типичные племенные черты, а поэтому и предметы их обихода, относящиеся до жилища, одежды... и других сторон жизни, несомненно, заслуживают особого внимания этнографа...» [3. С. 40].

Экспедиция, организованная на средства купца И.М. Сибирякова, имела целью, прежде всего, решение экономических задач. В то же время он писал руководителю экспедиции Д.А. Клеменцу: «Я ничего не имею против употребления сил экспедиции и на общие исследования среди инородцев, не имеющее прямых отношений к приискам… важно составить представление о типе народа, т.е. якутов, тунгусов, и вследствие этого выяснение всех других сторон жизни, касающихся верований, обычаев, языка, антропометрии…» [4. С. 19]. Работы экспедиции охватили Якутский, Олекминский и Колымский округа. На побережье Охотского моря членами экспедиции была собрана коллекция по этнографии ламутов (эвенов), в долинах рек Индигирка и Колыма комплектуется чукотская этнографическая коллекция. На заседании распорядительного комитета ВСОРГО 30 сентября 1898 г. был заслушан отчет В.Г. Богораза о том, что им собраны за время работы Якутской экспедиции «…рукописи чукотско-русского языка… до 200 фотографий. Снимки этнографические, бытовые и антропологические… этнографическая и отчасти археологическая коллекции, около 100 предметов» [5. С. 12].

В результате целенаправленной работы по комплектованию фондов в музей стали поступать большие коллекции по этнографии, быту народов, населяющих огромные северные территории. Возникла проблема с их регистрацией, но за неимением средств на содержание штата хранителей и площадей

для размещения экспонатов работа по учету велась отрывочно. В отчете ВСОРГО за 1897 г., составленном правителем дел А.П. Герасимовым, отмечалось, что материалы, собранные в музее до 1897 г., находятся в необработанном виде и дать полную информацию о количестве предметов в музее не представляется возможным. Но все-таки в том же, 1897 г. на деньги, выданные лично купцом В.П. Сукачевым, под руководством консерватора музея несколько оплачиваемых лиц занимались составлением списка коллекций. На создание каталога в 1897 г. было израсходовано 44 рубля. «Систематические списки составлены в основном по народностям, а именно: буряты – 149 названий, 175 предметов, тунгусы – 57 названий, 81 предмет, народности северовостока Азиатской России – 62 названия, 64 предмета, якуты – 312 названий, 312 предметов, смесь – 84 названия, 84 предметов. Если даже при систематизации коллекций и сделаны какие-то ошибки, тем не менее, составленные списки дают возможность судить о том, что имеется в музее, и позволяют озаботиться систематическим пополнением коллекций», – указывалось в отчете ВСОРГО за 1898 г. [6. С. 45].

В книгах поступления музея, которые составлялись с 1897 г., самые ранние сборы одежды датируются 1881 г. В этот год Сулковский передал в фонды кафтан, расшитый бисером, с двумя медными бляхами, передник, вышитый бисером, приобретенный им на побережье Охотского моря. В этом же году в музей поступают: кухлянка пыжиковая с какулем, кукашка из выпоротка с какулем от Левидии из Средне-Колымска. В 1897 г. было положено начало систематическому учету хранящихся в музее предметов из жизни коренного населения Сибири, но в докладе ревизионной комиссии общему собранию членов ВСОРГО за 1898 г. отмечалось: «Музей до сих пор не разобран, представляет из себя склад случайных научных предметов, а не наглядное и всестороннее систематическое изображение края. Каталоги музея до сих пор не изданы» [7. С. 12]. Единственная коллекция, которая прошла систематическую обработку, стала буддийская коллекция, каталог которой был сделан священником И.А. Подгорбунским в начале XX в. К 1900 г., несмотря на прилагаемые сотрудниками усилия по упорядочению списка музейных предметов, выяснилось, что общее количество экспонатов в музее неизвестно.

Следующая попытка упорядочения системы учета имеющихся коллекций была предпринята в 1908 г., но сделаны списки только тех предметов, которые находились в витринах и на подиумах. Таким образом, те экспонаты, которые не были представлены в экспозиции, остались неучтенными. Списки предметов были отрывочные и не репрезентативные, в инвентарных книгах имелись только названия предмета без указания этнической принадлежности, размеров, места и времени поступления. В 1911 г. в Отчете Восточно-Сибирского Императорского Русского географического общества правитель дел отдела С.Г. Ширяев отмечал: «Одной из первых работ Распорядительного комитета в отчетном году было упорядочение внутренней, так сказать, жизни отдела и музея. И прежде всего огромные и очень ценные коллекции музея требовали много времени и труда для того, чтобы быть приведенными в относительный порядок» [8. Л. 2]. Но необходимо учесть, что обрабатывались только естественно-научные коллекции, этнографические коллек-

ции описывались разрознено, бессистемно, вследствие чего не все предметы были поставлены на учет.

В послереволюционное время для Иркутского краеведческого музея начинаются годы переименований и передачи его в ведение разных государственных органов. В 1920–1921 гг. музей был выведен из-под руководства ВСОРГО и передан отделу народного образования. В 1922 г. Иркутский музей в числе немногих провинциальных музеев получил наименование государственного научного музея и был передан в ведение Главнауки. В 1926 г. название музея менялось дважды: в январе на Музей народоведения, в марте этого же года музей переименовывают в Иркутский государственный научный музей. Как отмечала хранитель этнографического отдела А.М. Попова: «Иркутский областной музей, являясь одним из крупнейших научных хранилищ Восточной Сибири, должен ставить перед собой две главные задачи: быть научно-исследовательским институтом, а также центральной базой культурно-просветительской деятельности края» [9. Л. 2]. Для выполнения этих задач необходимо было привести в порядок систему учета в музее, определить, что имеет музей на хранении.

В начале 20-х гг. XX в. первоочередной задачей хранителей отделов были проверка всех инвентарных списков и сверка с ними коллекций, а также атрибуция коллекций по шаманизму, определение по литературе и со специалистами этнической принадлежности ряда коллекций, которые ошибочно были определены в 1919–1920-х гг. Спешно составлялись коллекционные описи, музейные предметы разбивались по этнической принадлежности. За основу были взяты повитринные описи 1908 г., была проведена сверка наличия экспонатов, материалы, не вошедшие в экспозицию, вновь не были обработаны. Плановой регистрации коллекций мешала регулярная смена хранителей и заведующих отделами, так как происходила постоянная реорганизация отделов, многократная передача коллекций по отделам хранения. В конце 1924 г. отдел туземцев Сибири был объединен с монголо-бурятским отделом. В 1926 г. вновь был организован отдел туземцев Севера, который возглавила А.М. Попова. Стараниями П.П. Хороших, А.М. Поповой, Е. Титова с 1920 по 1925 г. были зарегистрированы коллекции по этнографии бурят, собранные Н. Кирилловым, М.Н. Хангаловым, Н.Н. Агапитовым в 1883–1887 гг., была начата работа по описанию коллекций В.Г. Богораза, переданных в музей в 1898–1902 гг. Несмотря на то, что коллекции последней трети XIX в. поступали в музей без сопроводительных документов, и только часть их была занесена в книги поступления № 1; 1, ч. 2, согласно акту передачи музея 1927 г. от директора Я.М. Ходукина вновь назначенному директору Н.Н. Козьмину были сгруппированы собрания по народностям: «...438 коллекций, 1997 предметов. Народности: алеуты – 10 коллекций, юкагиры – 25 коллекций, 46 предметов, коряки – 5 коллекций, 14 предметов, айны – 1 коллекция, 18 предметов, качинцы – 6 коллекций, 38 предметов, мордва – 1 коллекция, 6 предметов, чукчи – 14 коллекций (число предметов не указано), якуты – 174 коллекций, 520 предметов, тунгусы – 117 коллекций, 679 предметов, сойоты – 14 коллекций, 209 предметов, шаманство – 38 коллекций 260 предметов» [10. Л. 5].

Регистрация коллекций позволила выявить все пробелы в комплектовании этнографической коллекции музея и наметить план добора экспонатов по этнографии коренных народов Сибири. Особенно сильно сказывалась необходимость приобретения коллекций по карагассам и эвенкам, живущим на севере Иркутской области.

Наивысший подъем в комплектовании фондов музея первой трети XX в. пришелся на 1927–1930 гг. В Государственном архиве Иркутской области хранятся документы по сбору этнографического, минералогического, зоологического, археологического материала для экспорта за границу. Для выполнения поставленной государством задачи музею выделяются значительные для того времени суммы на приобретение экспонатов: 1926 г. – 500 руб. из них 300 на закуп, 1927 г. – 700 р. из них 400 р. на закуп. Согласно приказам по личному составу сотрудники музея по несколько месяцев были в разъездах для сбора экспонатов. Например, П.Г. Полтораднев в 1928 г. с сентября по декабрь был в командировке в Тункинском аймаке (Бурятия), Б.Э. Петри две месяца в экспедиции на р. Лене и р. Киренге, А.М. Попова – в месячной командировке в Забайкалье. В январе 1929 г. П.Г. Полтораднев вновь выезжал на исследовательскую работу в Тунку. В 1930 и 1931 гг. снаряжается комплексная экспедиция от Общества изучения производительных сил Восточной Сибири, в ее составе выезжают на Нижнюю Тунгуску П.Г. Полтораднев и П.П. Хороших. Ими было собрано около 200 предметов по быту эвенков, в том числе одежда. При такой интенсивной экспедиционной работе, естественно, не оставалось времени на качественную работу по регистрации коллекций, поступивших в конце XIX в.

В середине 30-х гг. XX в. наступает коллапс в работе музея. В докладной записке обкому ВКП(б) о состоянии Иркутского областного краеведческого музея в 1937 г. директор музея А.Т. Хамуева писала: «В конце декабря 1937 г. в связи с ликвидацией краеведческого общества в аппарат музея влились библиотека, астрономическая обсерватория, научное общество по фольклору, но оживить краеведческую работу не удалось. Я не имела опыта музейной работы. При этом в Иркутском областном музее в течение ряда лет орудовали враги народа… только за период с 17 октября по 20 декабря 1937 г. было репрессировано 8 человек. Остальные научные сотрудники Подгорбунский – археолог, Аремовский – историк, Окунцов – научный работник отдела соцстроительства ждали своей очереди в НКВД, опираться на них я не могла» [11. Л. 6]. Тридцатые годы ознаменовались арестом практически всех научных сотрудников музея, частой сменой руководства, например, только за 6 месяцев 1939 г. сменилось 6 заведующих историческим отделом. К очередной инвентаризации фондов приступили в конце 40-х гг. XX в. молодые выпускники Иркутского государственного университета. По результатам инвентаризаций 1952, 1973, 1982 гг. было определено количество и качество музейных предметов в фондах.

Одним из основных направлений в работе музея является изучение музейных предметов, которые поступили в состав собрания музея, в целях раскрытия их информационных возможностей, культурно-исторической значимости и создания полноценной источниковой базы для выполнения музеем образовательной, воспитательной и просветительской деятельности. Про-

блему атрибуции музейных предметов, в том числе одежды, в музее начали решать в 1982 г. в процессе начавшейся научной инвентаризации. В настоящее время в музее имеется 8 книг с коллекционными описями, сделанными с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. В этих книгах существуют записи различного рода: даны или название предмета «тунгусский мужской кафтан, обтянутый красным сукном», или общая характеристика коллекции: «Коллекция этнографических предметов из быта якутов Западно-Кандалакского улуса. Дата поступления: 1885 г. от В.Л. Приклонского». В данной записи коллекции идет перечень предметов без каких-либо отличительных признаков. Осложняет атрибуцию музейных предметов и путаница с учетными номерами. Например, одна из коллекций в КП № 1, ч. 2, записана так: «Тунгусская коллекция, пожертвованная 20 декабря 1899 г. членом отдела горным инженером Сергеем Аристарховичем Подьяконовым» с номерами от 4801 до 4900. В коллекционной описи, сделанной в 1922–24 гг., эта коллекция числится под одним инвентарным номером 4804. Запись производили люди разного уровня научной подготовки – это сами собиратели коллекций и хранители (консерваторы) музея, и добровольные помощники музея что, естественно, отразилось на качестве описания предметов. Из записей в коллекционных описях следует, что предметы одной коллекции могли быть записаны в другую коллекцию, так как составление коллекционной описи продолжалось несколько лет. Предметы коллекции № 4804 описаны Е. Титовым в 1920–1923 гг. Регистрацию эвенской (ламутской) коллекций № 1429–1436 начал делать в 1920 г. Е. Титов, продолжил регистрацию Гаевски в 1925 г. Коллекции, собранные в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., были записаны в отдельную книгу поступлений с литерой «А». В случае утраты номера появлялись двойные идентичные номера, что приводило к путанице в определении места сбора, собирателя. Более 1000 предметов имеют запись о времени поступления в музей: «Из старого музея, из склада музея, из старых поступлений», что может говорить и о поступлении до иркутского пожара 1879 г. и о конце XIX в., и о предметах, переданных музею из других музеев и организаций, как было с экспонатами с Парижской выставки. В 1868 г. секретарь Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Усольцев обратился к начальнику штаба Восточно-Сибирского военного округа П.А. Кукелю «…с просьбой разыскать или помочь разыскать вещи, взятые на Парижскую выставку. Отдел не знает где они» [12. Л. 5]. В 1869 г. потерянные вещи были возвращены в музей, с ними в качестве подарка прислали 2 чукотских костюма.

Необходимо также отметить, что за весь период существования музей пережил несколько крупных бедствий. Во-первых, городской пожар 1879 г., который уничтожил 80 процентов помещений города, в том числе и здание музея с десятью тысячами экспонатов. Во-вторых, три раза в послевоенное время собрание музейных предметов перевозилось из одного неприспособленного помещения в другое, такое же непригодное для хранения экспонатов. В-третьих, разделение музея в 1936 г. на краеведческий и художественный, а в 90-е гг. XX в. отделение архитектурно-этнографического музея «Тальцы» привело к дроблению коллекций и нарушению их целостности. Несмотря на все это, нужно признать, что музей сумел сохранить уникальную коллекцию традиционной одежды коренных малочисленных народов Северо-востока Сибири. Проведена работа по систематизации и классификации коллекции, установлены этническая принадлежность и

место сбора предметов верхней одежды, не имеющих таких данных, в том числе автором данной статьи. И в настоящее время результаты проделанной работы начали вводиться в научный оборот.

Литература

1. *Вайнштейн С.И.* Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Сов. этнография. 1985. № 3. С. 51–60.

2. *Семьдесят* пять лет Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества // Отдельный оттиск из «Известий Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества». Иркутск, 1926. Т. L. С. 3–142.

3. *Отчет* по музею ВСОИРГО, составленный бывшим препаратором музея членом отдела Д.П. Першиным // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1900. Т. 32. № 2. С. 33–36.

4. *Виноградов Г.* Краткий обзор этнографических изучений ВСОРГО // Отдельный оттиск из «Известий Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества». Иркутск : Власть труда, 1926. Т. 50. С. 3–41.

5. *Действия* Восточно-Сибирского отдела: Протоколы заседания Распорядительного комитета отдела. Иркутск, 1898. 23 с.

6. *Отчет* о деятельности ВСОРГО // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 3. С. 44–45.

7. *Доклад* Ревизионной комиссии собранию членов ВСОРГО о результатах ревизии деятельности отдела за 1898 г. // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1901. Т. 32, № 1–2. С. 1–55.

8. *ГАИО.* Ф. 70. Оп. 3. Т. 2. Д. 4336. Л. 2.

9. *Годовой* план работы музея на 1925–1926 гг. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

10. *Приемо-сдаточный* акт за 1927 г. / Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

11. *Докладная* записка Обкому ВКП(б) о состоянии Иркутского областного краеведческого музея за 1937 г. // Архив Иркутского областного краеведческого музея. Ф. 9904. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

12. *Переписка* о выдаче из музея Сибирского отдела Русского Географического общества капитану Гельмерсену экспонатов для Парижской выставки // ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

Chernjavskaja Olga A. The Irkutsk Regional Local History Museum (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: ya.olcher@yandex.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 162–169 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/18

ON THE QUESTION OF ATTRIBUTION OF THE COLLECTION OF TRADITIONAL CLOTHING OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH-EAST SIBERIA IN THE COLLECTIONS OF THE IRKUTSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM

Key words: Acquisition of collections, inventory funds, problems of attribution, Irkutsk Regional Local History Museum.

Collection of clothing of the indigenous peoples of the North-East Siberia Irkutsk regional Museum of local lore is considered one of the finest ethnographic collections of Siberia. As a result of the poor documentation of Museum exhibits in XIX – beg. of XX vv. more than 1000 subjects were included later in the so-called «from old Museum» or «warehouse» Museum of not properly indicate ethnicity and time to produce.

Traditional clothing is part of the real part of the culture, fair presentation of which cannot be implemented in full, if there is no link in the source base.

Relevance of the research. conditions of modern society development is rapidly disappearing traditional cultural characteristics of individual Nations. In this regard, the role of Museum exhibits, often the only remaining evidence of ability to live of a people. When using the exhibits as ethnographic sources need to have reliable information on attribution.

The object of study are various aspects of the attribution of individual items from the collections of the peoples of the North-East Siberia, which began to emerge in mid- XIX century and actively practiced until 40-ies of XX century.

The subject of this work a meeting of the Irkutsk regional Museum of peoples of the North-East Siberia and documents on the history of its formation and attribution.

The extent of the problem. The analysis of scientific literature reassures that there virtually no descriptions and usage information about the collections of the peoples of the North-East Siberia from the collection of the Irkutsk regional Museum of local lore.

The aim of the research is to identify and address problems of attribution and scientific description of the collections of the peoples of the North-East Siberia in IOKM funds.

Theoretical and methodological basis of the study comprised the work of native historians, ethnographers outlining approaches and principles studying ethnic culture, work, in which the authors have developed a classification and functions of traditional clothing (p. g. Bogatyrev, G.m. Vasilevich, n.f. Prytkova, etc.), archival material stored in the funds of the Irkutsk regional Museum and the State archive of the Irkutsk region.

The scientific novelty of the research lies in the fact that it introduces into scientific circulation had not previously described the collection of funds of the Irkutsk regional Museum of local lore.

The theoretical and practical importance of the work. The destruction of traditional ways of life of indigenous peoples of Siberia in the 20th century caused the revival processes at the turn of the century ethnic awareness and interest in its cultural heritage and ancient original traditions. the results of attribution and scientific description of clothing from the Museum's collection can be used to create an objective picture of the life of indigenous people of the North-East Siberia at the end of XIX century, for the reconstruction of ancient rites and ceremonies of the indigenous population of the North-East Siberia.

References

1. Vaynshteyn, S.I. (1985) Aktual'nye voprosy polevogo issledovaniya traditsionno-bytovykh kul'tur narodov SSSR []. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 51–60.

2. The Russian Geographical Society. (1926) Sem'desyat pyat' let Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Seventy five years of the East-Siberian Division of the Russian Geographical Society State]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva.* Vol. L. pp. 3–142.

3. The Russian Geographical Society. (1990) Otchet po muzeyu VSOIRGO, sostavlennyy byvshim preparatorom muzeya chlenom otdela D.P. Pershinym [Report of the museum VSOIRGO by the former member of the museum's preparator D.P. Pershin]. *Izv. VSOIRGO*. 32(2). pp. 33–36.

4. Vinogradov, G. (1926) Kratkiy obzor etnograficheskikh izucheniy VSORGO [An overview of the ESRGS ethnographic studies]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. 50. pp. 3–41.

5. East Siberian Department of the Russian Geogrpahical Society. (1898) *Deystviya Vostochno-Sibirskogo otdela: Protokoly zasedaniya Rasporyaditel'nogo komiteta otdela* [Actions of the East Siberian Department: Minutes of the Selection Committee of the Department]. Irkutsk: [s.n.].

6. East Siberian Department of the Russian Geogrpahical Society. (1898) Otchet o deyatel'nosti VSORGO [Report on the activities of the ESRGS]. *Izvestiya VSORGO.* 29(3). pp. 44–45.

7. East Siberian Department of the Russian Geogrpahical Society. (1901) Doklad Revizionnoy komissii sobraniyu chlenov VSORGO o rezul'tatakh revizii deyatel'nosti otdela za 1898 g. [Report of the Audit Commission to the meeting of the ESRGS members of the audit of the Department activities during 1898]. *Izvestiya VSORGO*. 32(1–2). pp. 1–55.

8. *The State Archives of Irkutsk Region*. (n.d.) Fund 70. List 3. File 2. Doc. 4336.

9. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore.* (n.d.) Godovoy plan raboty muzeya na 1925–1926 gg. [The annual work plan for the museum for 1925–1926]. Fund 9904. List 1. File 7.

10. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore.* (n.d.) Priemo-sdatochnyy akt za 1927 g. [Acceptance Act for 1927]. Fund 9904. List 1. File 22.

11. *The Archives of Irkutsk Regional Museum of Local Lore.* (n.d.) Dokladnaya zapiska Obkomu VKP(b) o sostoyanii Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya za 1937 g. [A report of the regional committee of the CPSU (b) on the state of the Irkutsk Regional museum for 1937]. Fund 9904. List 1. File 8.

12. *The State Archives of Irkutsk Region.* (n.d.) Perepiska o vydache iz muzeya Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva kapitanu Gel'mersenu eksponatov dlya Parizhskoy vystavki [Correspondence about giving exhibits for the Paris Exhibition from the Museum of the Siberian Division of the Russian Geographical Society to Captain Gelmersen]. Fund 293. List 1. File 3.

УДК 930.85
DOI: 10.17223/22220836/24/19

Б.Л. Шапиро

ЛОШАДИ «ГОСУДАРЕВА СЕДЛА» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII ВВ.

В статье рассматривается история конного хозяйства при царском дворе в Московском государстве XVI–XVII вв. Анализируется значимость породных отечественных и иностранных, а также беспородных лошадей для повседневного быта русской аристократии. Отмечаются качество и принципы работы с лошадьми. Исследуется история конных соревнований. Рассматривается дифференциация работы верховой и экипажной лошади и детских лошадей. Устанавливается роль архаической обрядности с задействованием лошади в воспитании царских детей.
Ключевые слова: *история лошади, Московское государство, русские, обрядность.*

По сложившемуся к XVI в. общему мнению, «московский двор, боярство и войско поражали красотой и великолепием своих коней, их численностью и их породностью, пышностью и блеском выездов, подбором коней в конных отрядах дворян и жильцов и в “Государевом конном полку”» [1. С. 9].

История отечественного разведения лошадей начинается в XV в., с основания великим князем Иваном III Хорошевского завода. Столетием позже царем Иваном Грозным были основаны конные заводы в Александровской и Гавриловской слободах [2. С. 52; 3. С. 126], а к началу XVII в. в Московии было уже 13 «государевых кобылячьих конюшен» – так поначалу именовались конные заводы [4. С. 17]. Имелись свои заводы у дворянской аристократии и у монастырей [5. С. 193, 195].

Объемы заводского разведения поначалу были невелики, и основная масса лошадей для нужд Московии, в том числе и для царских конюшен, поставлялась, как и в прежнее время, «из Казани и из Астрахани ногайские и татарские» [6. С. 103]. Под общим названием «татарские» в то время понимали и монгольских лошадей, и потомков «половецких скоков» [4. С. 12], а также каймакских и кипчакских лошадей. По свидетельству современников, это были животные грубой конституции: низкорослые, неказистые, «узкобрюхие с тяжелой головой, с короткой шеей» [7. С. 122] и самых неблагородных мастей: каурой, чалой, буланой и пегой. Однако эти некрупные степные лошадки, неприхотливые и весьма удобные в обиходе, были хорошо приспособлены к труду, бескормице и холоду [8. С. 341]. «В Московии встречается также множество лошадей, которые вообще росту небольшого, что, впрочем, нисколько не мешает им быть крепкими и нести хорошую службу» – так высоко оценивал их рабочие качества современник [9. С. 11].

Годовой столичный оборот конской торговли составлял 20-50 тысяч голов [6. С. 103; 10. С. 140; 11. С. 58; 12. С. 16]. Табуны ставились у Симонова монастыря, где и производился конский торг [13. С. 119]. Однако наиболее ценные лошади, поступавшие под «государево седло», на общегородской торг не попадали. Исключительным был случай, произошедший в 1633–

1634 гг., когда боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский приобрел на торгу элитного аргамачьего жеребца карей масти. Сумма сделки составила 100 р., что превышало обыкновенные цены на аргамаков минимум в 2,5 раза [12. С. 281]. За боярскую лошадь платили около 20 р., простая русская или ногайская стоила в пределах 3–4 р. [4. С. 14–15].

Породных лошадей верховых пород в Московии было немного. Малая часть их поступала в Московию через Великий Новгород из Европы, в частности из Великого княжества Литовского; это были известные на Руси с XIV в. крепко сбитые литовские жмудки и ливонские клепперы [4. С. 13]. Другая часть, более значительная, имела азиатское происхождение. С 1470–1480-х гг. к царскому двору доставляли рослых и грациозных турухменских (туркменских) [5. С. 194], турецких и крымских [14. С. 31, 106–107; 15. С. 129] аргамаков; по словам Ивана Грозного, «жеребцов добрых» [2. С. 17].

Современники также отмечали, что «знатные люди не имеют недостатка в персидских (т.е. арабских. – *Б.Ш.*) лошадях» [11. С. 58]. «При взгляде на арабскую лошадь бросается в глаза исключительная пропорциональность телосложения и изящество форм», – отмечают иппологи [16. С. 75]. В то же время она привлекает не только своим безупречным экстерьером, но и грациозными движениями [16. С. 76]. Арабская лошадь, особенно изящная, но крепкая, с момента формирования породы неизменно составляла одну из немаловажных черт дворцового быта: восточного – с VII в., европейского – с XIII в.; в отечественном коннозаводстве она появилась на рубеже XVI–XVII вв. [16. С. 75].

Среди особо ценных экземпляров встречались также лошади венгерские, которых называли фарями [17. С. 43; 14. С. 17, 80], и лошади испано-неаполитанского типа под названием дзянет [18. С. 105]; последние использовались преимущественно для выезда на торжественных церемониях. Лошади, которые передвигались быстрым, но резким аллюром (ход, способ движения. – *Б.Ш.*), назывались скакунами [14. С. 94]. Ценными верховыми конями считались коренастые польские бахматы, быстрые и неутомимые [19. С. 219; 14. С. 107, 110]; их качества наилучшим образом проявлялись в бою. Универсальными лошадьми были аргамаки, за что ценились особо. В русских памятниках аргамак упоминается и как конь боевой: «…быти ему на службе на оргамаке въ кольчуге», и как конь экипажный: ездила к нимъ Морозова <…> на колеснице <…> устроенной сребромъ и златомъ, и аргамаки многи» [14. С. 107]. Самые дорогие экземпляры были строго верховыми, т.е. употреблялись исключительно «под седло».

С XVI в. приобрели популярность иноходцы: эти лошади передвигались иноходью – быстрым, но мягким, особо удобным для всадника аллюром, при котором одновременно выносятся обе правые или обе левые ноги. Иппологи допускают, что часть этих животных на деле бежала проиноходью [14. С. 95], или так называемой ходой [5. С. 193], т.е. аллюром, при котором задние ноги опускаются с некоторым запозданием относительно передних [20. С. 298].

Среди лошадей «государева седла» особенно ценилась красивая масть без отметин – прежде всего вороная или светло-серая (почти белая, которая выглядит белой и упоминается в источниках как белая), затем серая в яблоках, темно-гнедая, караковая, бурая. Эти великолепные лошади, кованые на се-

ребряные подковы [5. С. 195], блестели как зеркала, поскольку, по свидетельству очевидцев, «ежедневно обмываются зимою теплою, а летом холодною водою, с мылом» [21. С. 462]. Эти породные лошади, являясь предметом гордости царского конного хозяйства, служили достойным оформлением парадного выезда: «…да как наденут на них самую нарядную сбрую и выедут на какое-нибудь общественное торжество, то и сами тогда бывают загляденье» [11. С. 58].

Основная часть государевых лошадей размещалась у Новодевичьего монастыря, на государевом Остоженном дворе. «Аргамаки резвы» [22. С. 115], т.е. заводские породные лошади, стояли на Аргамачьих конюшнях в Конюшенном государевом дворце у Боровицких ворот Кремля, на конюшнях Варварки в Китай-городе и на конюшнях Белого города. В Конюшенном государевом дворце располагалась также конюшня санниковая и колымажная, в которой стояли упряжные лошади. Запасные конюшни размещались в Земляном городе [23. С. 34, 83, 131]. Имелись конюшни его царского величества и в дворцовых селах Коломенское [19. С. 219; 5. С. 195] и Измайлово [24. С. 128]. Табуны выпасались на Остоженских лугах и вдоль поймы Москвы-реки от Лужников до Пресни. Неподалеку располагались слободы обслуживающего царские конюшни персонала, что сказалось на топонимике города [3. С. 126].

Несмотря на то, что точные цифры конского поголовья под «государевым седлом» от года к году несколько разнятся, можно составить общее представление о размере царских конюшен. По одним данным, царю лично принадлежало 150 лошадей и еще 50 лошадей обслуживало нужды цариц и царевен [6. С. 92]; эта масса делилась на нескольких разрядов, основными из которых были верховые, разъездные и экипажные. По этому принципу подсчета царь владел 75 верховыми лошадьми и двумя сотнями экипажных [21. С. 461].

Лошади назначались в работу по росписи: «…вели царского коня, назначенного на этот день» [25. С. 8], а другой свидетель повседневной жизни дворцовой конюшни продолжает: «…а для всякого царского выходу и походу, в который день бывает выход и выезд, лошади, и сани, и кареты, и колымаги, и каптаны про царицу и царевен, готовят и наряжают по росписи, в котором году и в которой день что было какого наряду, или и вновь что прикажут» [6. С. 93].

Экипажные, или рысистые, лошади делились на санников, которые запрягались только в сани, и колымажных возников [14. С. 133–134, 138], или каретных лошадей [7. С. 122]. Породные упряжные лошади имели свои отличительные черты: это были крупные, рослые животные большой физической силы и выносливости. С XVII в. в Московии появились лошади ольденбургской породы, эффектные и статные, которые наилучшим образом подходили для парадных царских выездов [19. С. 219].

В позднем русском Средневековье образцовой считалась лошадь крупная, тучная, массивная, сильная [3. С. 123]. Именно такими были возники и санники, которые упоминаются в нарративных источниках как очень дорогие и особо желанные подарки для царских особ. Спрос на них активизируется со второй половины XVI–XVII в. вместе с распространением экипажей [14. С. 134,

139]. Выше прочих ценились санники, выученные к работе в запряжке квадригой или «рядом» [11. С. 172], «гусем» [14. С. 138] и «цугом» [26. С. 39].

Вся масса царских экипажных лошадей разделялась на дюжинные «упряжи», подобранные по масти. Выше прочих ценились и поэтому учитывались особо упряжи белоснежных лошадей. Их использовали для высокоторжественных царских выездов: «к…ареты, в которых ездят царские супруги, обиты красным сукном и везут их большею частью восемь белых, как снег, лошадей, украшенных нагрудниками и нахвостниками из красного шелка, а по бокам идет ряд телохранителей» [27. С. 296]. Кроме того, «белые как снег» лошади запрягались в царицыных конных поездах, которые обыкновенно обставлялись более презентабельно, чем совместные выезды царской семьи. Белые лошади использовались и для других целей, когда требовалось подчеркнуть торжественность ситуации [21. С. 461; 28. С. 38; 29. С. 42; 30. С. 63]. Белые верховые кони восточного происхождения выделялись в понятие актаз [14. С. 92–93; 31. С. 16].

Кроме того, в парадных процессиях участвовали гнедые и серые в яблоках лошади; для единообразия масти не брезговали их подкрашиванием. «[Карету] тянули 12 серых с яблоками лошадей, из коих одни были такими от природы, другие подкрашены», – пишет очевидец [32. С. 201].

Отметим, что многолошадная упряжь более характерна для XVII в. Количество лошадей в упряжках со временем все увеличивалось, что привело к их законодательному ограничению для царского окружения. В 1681 г. царем Федором Алексеевичем «было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники на четырех, во время же свадеб и сговоров на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимой в санях на одной лошади» [7. С. 120–121]. Величина царского поезда, где встречались запряжки даже в 16 лошадей [30. С. 63], не ограничивалась.

Для посольских встреч выделялись одна или две сотни лошадей; это число могло быть увеличено соответственно значению посольства за счет резервных трех тысяч голов «добрых береженых лошадей» [6. С. 92] с царской конюшни, которые не имели определенного целевого назначения. Так, в 1575 г. посольство Иоганна Кобенцеля и Даниэля фон Бухау к Ивану Грозному было встречено тремя тысячами всадников [31. С. 142], а в 1634 г. турецкого посла встречал шестнадцатитысячный конный отряд [30. С. 58; 27. С. 287].

При высокоторжественной встрече посланников лошади частично выкрашивались в красный цвет. Так, при описании поезда Марины Мнишек при въезде ее в Москву один из очевидцев говорит о карете царской невесты, запряженной восьмеркой серых в яблоках коней, с красными хвостами и гривами [34. С. 72]. Сведения отчасти дублируются вторым свидетелем, который утверждает, что ее везли 8 белых турецких коней, выкрашенных красной краской от копыт до половины тела [35. С. 45].

Специально для военных действий выделялось 10 000 государевых лошадей, содержавшихся непосредственно в московских царских конюшнях [36. С. 22]. Они входили в те 40 000 голов (по других данным – 50 000 [5. С. 195]), среди которых были как «средние и всякие лошади, на которых ездят за царем в походах дворовые и конюшенного чину люди, и сокольники, и стрель-

цы», так и те, что «ходят во всякой работе на Москве и в городах и в селах» [6. С. 92]. Основная масса животных из этой части царской конюшни была малорослa, выносливa и отлично приспособлена к голоду, работе и холоду; была быстроходна по снегу [10. С. 150].

Для царских верховых выездов употреблялись другие, изящные и легкие скакуны: венгерские и богемские [17. С. 43, 187], туркменские, грузинские, польские, персидские и турецкие [10. С. 150–151; 11. С. 58]. По свидетельству иностранцев, бывавших при царском дворе, эти породные импортные лошади у московитов были «недоездки» [14. С. 135], т.е. не обученные до конца, или вовсе «не учены ни в упряжь, ни подверх» [14. С. 89], или «выезжены дурно» [7. С. 122].

Относительно качества выездки породных лошадей в России XVI–XVII вв. сведения несколько противоречивые. С одной стороны, согласно свидетельству современников, в Московии «нет [даже у знатных людей] учителей верховой езды (берейторов), и красивая, или искусная, поступь неизвестна ни лошади, ни кому-либо из всадников» [11. С. 58]. Эти сведения опровергаются очевидцем, который сообщает, что и московиты, и их лошади были хорошо знакомы с некоторыми элементами европейской высшей школы верховой езды, например, такими, как левада и испанский шаг [5. С. 195; 37. С. 247]. Упряжные лошади обучались «ходить тихо и торжественно» [21. С. 467] для обслуживания церемониальных процессий. Лучшими для обучения признавались испано-неаполитанские верховые лошади [38. С. 248].

Известны были в Московии и переводные труды по конному делу [39. С. 48]. В 1670 г. был переведен с французского труд Антуана де Плювинеля 1623 г. «Maneige royal». В переводе он имел название «Книга лошадиного учения» со следующей аннотацией: «Королевская ездная школа господина Плувинелла королевского величества вышшего конюшева. В которой видети мочно и как деется о обыкновениях, каким способом кони к езде добре выучить, и все иные, которые к выстроению подлинного рыцеря надобны суть, все по обыкновению его школы» [40. С. 235]. В другой, более поздней версии перевода название звучало как «Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть художество о яждении, умершаго господина Антоша де Плувинелла, королевского величества французского началного конюшего, думного статского, каморника и подгубернатора» [40. С. 235; 41. С. 381]. Перевод был подарком царю Федору Алексеевичу к Троице; он был сделан с брауншвейгского издания книги 1653 г. [42. С. 494] силами Посольского приказа по заказу самого царя [43. С. 82].

Русский перевод труда Плювинеля был проиллюстрирован цветными таблицами и рисунками, в том числе с видами породных лошадей. Возможно, изображения Equvs Regivs, Neapolitanus, Equus Germanus, Equus Mavrus, Phryso и др. [44. P. 2, 19, 20, 23, 24] были гравированы с оригиналов работы художника Яна ван дер Страта (Страдануса) и/или были заимствованы из опубликованной в 1578 г. книги «Equile Joannis Austriaci Caroli V Jmp. F» [40. С. 235].

В 1685 г. для Федора Алексеевича была переведена книга с польского издания 1647 г. «Гиппика или наука о конях, способ натуры, примет разных

конских познания, вскормление, учения, как разных немощей и тяжких припадков лечение подающая Кристофа Монвида Дорогостанского» [40. С. 235].

Были в обращении и другие труды по иппологии и ветеринарии: книга неизвестного польского автора «О строении конского дому», рукописный конский лечебник Винтера, и др. [1. С. 18; 40. С. 236].

Федор Алексеевич с трепетом подходил к подбору «своих великого государя лошадей» [45. С. 275]. Известно о том, что в 1676 г. он просил уступить понравившегося ему белого жеребца, принадлежавшего голландскому посольству, а в 1680–1681 гг. он купил «турского аргамака» за немыслимые по ценам того времени 150 р. [45. С. 275], таким образом отбирая самые лучшие экземпляры из возможных.

Совершенствование лошадей происходило постепенно, в результате строгого отбора племенных производителей. Испытанным способом такого отбора были конные ристания – поединки, военные игры, соревнования всадника и его коня в силе и быстроте, где «сила испытывается трудом, а быстрота сравнением» [46. С. 35, 38]. К одному из самых ранних описаний этих ристаний относится рассказ венецианца Амброджо Контарини, который наблюдал за развлечениями московитов на льду Москвы-реки зимой 1476–1477 г. В число ледовых забав входили и «конские бега и другие увеселения; случается, что при этом люди ломают себе шею», – писал путешественник [47. С. 228].

Также говорили, что у московитов «вся молодежь упражняется в разнообразных играх и притом близких к воинскому делу, состязается в беге, борется и участвует в конском ристании» [48. С. 283], при этом «в каждой игре есть своя награда» [49. С. 55]. Конные поединки отмечают следующих видов: скачки на скорость (к сожалению, источники не обозначают разделения на гладкие и барьерные скачки), гонки упряжек, противоборства всадников и стрельба всадников в цель на скаку [50. С. 64, 70, 75; 51. С. 395; 27. С. 352]. Конные лучники ездили на коротких стременах [52. С. 114], из-за чего их ноги были поджаты [53. С. 79; 48. С. 283]; эта манера сообщала всадникам определенные преимущества при стрельбе с коня. Высказывали предположение, что эта привычка была перенесена из военного времени [54. С. 256].

Поединки, как «всякое играние», запрещались правилами № 50 и 51 «О еллинском бесновании» Святого вселенского шестого собора VII в. Запрет был обновлен решением Стоглавого собора в 1551 г. [55. С. 279]. «Коньная уристания» порицалась сразу тремя различными списками Кормчей XII–XIII вв., поскольку «не подобаеть на оуристание коньное въсходити, еже есть игрище», «да инъ людьскыи позор да не сътваряеться» [50. С. 58].

Категорически против участия в поединках выступал и Домострой XVI в., однозначно относя к богомерзким делам «коньские уристания» наряду с блудом, нечистотой, сквернословием и срамословием, бесовскими песнями, плясками, гудением, игрой на музыкальных инструментах, вождением медведя, охотой с ловчими собаками и птицами, ибо «все вкупе будут во аде, а здесь прокляты» [56. С. 35, 57]. Наказанием для участников поединков было отлучение от церкви, а убитым «в примерных схватках» [7. С. 142] обещалось, что «к сим иерей не ходит и службы за них не творит» [7. С. 142]. При этом церковью не одобрялось не только участие в ристаниях, но даже наблюдение за ними [57. С. 14–15].

Отметим, что ристания бытовали на Руси в том числе и как наследие славянской тризны [58. С. 89], представляющее собой поединок живых со злыми духами, когда «провожатые озабочены мыслью, что душа покойного может подпасть власти злых духов, что ее увлекут они в пекло, и она не успеет насладиться счастием последней почести, не будет ее свидетельницей; поэтому грозным полчищем, на конях и с обнаженными мечами, едут проводники русского покойника <…> оберегая душу его от враждебных насилий» [59. С. 223].

Несмотря на запреты, традиция проведения конных соревнований не прекращалась во все время русской средневековой истории, обнаруживая всеобщую склонность московитов к верховой езде. «Если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой выезжает на санях, а летом верхом», – свидетельствует современник [60. С. 80]. «Ни один знатный человек из тех, что побогаче, не пойдет пешком» [52. С. 122], «зажиточные и богатые люди всегда ездят верхом, куда им приведется, в Кремль ли, на торг, в церковь или в гости, для посещения друг друга, и считают большим стыдом и бесчестьем ходить пешком» [51. С. 402], а посему они «все хорошие наездники, ибо они с детства до самой смерти ездят верхом; в Москве каждый <…> держит лошадей, и из одной улицы в другую переезжает верхом» [61. С. 117], при этом «они очень долго могут ездить верхом», – подтверждают другие [49. С. 52].

При этом московиты любят езду быструю [62. С. 168] и всегда «ездят очень шибко, всегда во всю прыть, как только можно» [51. С. 400]. Этому способствуют сами русские кони: «в самой Московии родятся лошади, весьма замечательные по быстроте» [19. С. 219–220] и их убранство, так как «маленькие барабаны, прикрепленные у луки седла; от их звука лошади бегут скорее» [60. С. 79]. На поведение лошади воздействовали и сами «молодцы, сидя верхом, гарцевали и красовались тем, что, ударяя в литавры, заставляли лошадь делать внезапный прыжок, и при этом кольца, цепочки и колокольчики на ногах лошади издавали звуки» [7. С. 120], поскольку «считают всего для себя славнее вдруг погонять лошадей во всю прыть или заставлять их делать безобразные и вовсе неискусные скачки, чтобы тряслись и бренчали от их движения серебряные из больших колец цепочки, украшающие их в виде других уздечек» [11. С. 58].

Любопытным также кажется применение жителями Московии заимствованных у скандинавов звучащих плетей, у которых к верхнему кольцу крепилась обойма для бича и шумящие подвески [63. С. 60]. Лошадь всадника с плетью такого типа была приучена реагировать не на удар, а на взмах.

Кроме лошадей обычного роста, упряжных и верховых, при царском дворе держали специальных малорослых лошадок, для потешных выездов с карликами. «Мы здесь увидели комплект в 8 лошадок, ростом с английских догов, которые запрягались в небольшую карету и имели кучера и ямщика – карликов, и еще 6 карликов-алебардщиков, чтобы бегать вокруг них; все это принадлежало младшему принцу Петру Алексеевичу, сыну вдовствующей царицы <…> Четыре из [лошадок] были запряжены в карету, карлик сел кучером на козлы, шесть человек сели внутри и, таким образом, несколько раз объехали вокруг двора, причем карлики, в роде парадных лакеев, бежали кругом» [21. С. 461, 510]. Были при дворе и лошади, обученные различным

трюкам, среди которых были пляски, подъем и спуск по ступеням, низкие поклоны [21. С. 459–460, 510].

Конный цирк был особенно распространен при дворе Федора Алексеевича. Сохранилось описание представления, организованного «конного учения мастером» Тарасом Ростопчиным [38. С. 382] для голландского посольства Конрада ван Кленка в 1676 г. Шталмейстер [Т.С. Ростопчин] «велел привести красивого серого жеребца (таковыми была большая часть их), который <…> услыхав, что ему стал говорить шталмейстер, начал проделывать разные фокусы, изгибал свое тело в странные дуги и курьезно прыгал то на 4-х, то на 2-х ногах. Он привел еще 3-х других лошадей не менее интересных, чем первая, и, после ряда фокусов, поставил их крестообразно друг против друга; расставленные таким образом оне начали прыгать и скакать, как будто они танцовали и стремились превзойти друг друга в ловкости» [21. С. 461].

Затем Ростопчин «велел привести к себе белую лошадь средней величины, которая могла делать всевозможные фокусы. Захватив ее за уздцы, он, с острой лозою в руке, велел ей нагнуться. Лошадь так и сделала, и ударила головой об пол по Русскому обычаю; затем она легла на бок, точно спала, с конюхом, лежавшим у нее между ногами и положившим свою голову на ее голову. Коротко говоря, она оборачивалась и лежала, когда приказывал шталмейстер, так спокойно, что последний мог становиться на нее ногами. Она пошла так же, как собака, искать шапку, которую она принесла шталмейстеру. Она на передних ногах приподнялась у стены, и тогда конюх вскочил ей на спину, как мальчишки в известной игре прыгают друг другу на спину. Другой конюх захватил передние ноги этой лошади, положил их себе на плечи, и лошадь пошла затем на задних ногах, подобно тому, как иногда мальчики делают с собаками, которых берут за передние ноги, заставляя их идти за ними на задних ногах» [21. С. 461–62]. Интересно, что конные забавы преобладали среди развлечений Федора Алексеевича с самого раннего времени. Известно, что в детстве у царевича было 27 «потешных» лошадей, а сверх того верблюд и осел [38. С. 381]. Это увлечение он сохранил до конца своих дней [43. С. 82].

Для лошадей миниатюрных пород, находившихся в распоряжении царевичей, мастерами Конюшенного приказа изготавливались так называемые «недомерки» [64. С. 24], т.е. конское снаряжение уменьшенного размера. «Недомерками» называли и детские седла, как, например, седло царевича Алексея Михайловича, изготовленное в 1642 г.: «…седло маленькое крыто бархатом червчатым; гвозди, скобки и репейки, наконешники, приступ серебряные; крыльца одного нет; тебеньки бархат волнистой; вместо войлок подвязаны подушки бархатные червчатые» [65. С. 388]. Несмотря на то, что детские седла имели название «потешных», в действительности ничем не отличались от полноразмерных экземпляров, кроме своих габаритов. Известно, что первоначально «недомерки» завозились в Россию как диковинки, но их использование в обучении царских детей верховой езде со временем приобрело статус традиции [66. С. 174].

Потешные деревянные лошадки были еще одним средством подготовки к верховой езде с детских лет, проверенным на протяжении многих поколений. Обучение мальчиков верховой езде проводилось поначалу в форме игры

и начиналось в годовалом возрасте или чуть ранее. Внешний вид детской лошадки был максимально приближен к натуральному; они были оклеены тканью или жеребячьей кожей и имели гриву и хвост, сделанные «из кониной гривы и хвоста» [23. С. 592, 720], но при этом были соразмерны детям – имели «вышину в аршин, длину по размеру» [23. С. 592].

Так, царевич Алексей Михайлович обрел свою первую лошадь – «коня деревянного потешного» в полном уборе – в 10 месяцев. Это был «конь немецкое дело, делан на столице на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом червчатым рытым; узда и паперсть и пахви и ременье объяринные – оковано медью луженою; стремяна меденые ж лужены, покровец на седле камка двоелична мелкотравна немецкая» [23. С. 591]. Имелись деревянные лошадки и у царевен; в основном в их арсенале были потешные колымажки, кареты, сани и возки «с коньми деревянными» [23. С. 587] экипажными, а не верховыми.

Потешная лошадка царевича сменялась на настоящую вместе с обрядом «сажания на конь». Предполагают, что этот обычай представлял собой отголосок архаического действа сажания ребенка на живого коня, что должно символизировать его посвящение в ратный чин [23. С. 592]. Обряд проводился торжественным постриганием волос, при этом постригаемый должен был сидеть на седле со стрелами. Одновременно царевич с женской половины переходил на попечение дядьки [23. С. 550]; это происходило в четырех- или пятилетнем [14. С. 27], по другим данным – в семилетнем [23. С. 578] возрасте. «Мы удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадках <...> так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов», – отмечали гости московского царя [67. С. 35].

Как следствие, царевичи росли в среде, для которой само слово «князь» означало «конный человек» [68. С. 4, 8], где конь входил в число наиболее престижных атрибутов и атрибутов власти.

Литература

1. *Витт В.О.* Из истории русского коннозаводства. М. : Сельхозгиз, 1952. 360 с.

2. *Куницын М.Н.* Александрова слобода : исторический очерк. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1976. 112 с.

3. *Хитенков Г.Г.* Из истории коннозаводства // Коннозаводство и конный спорт / под ред. Ю.Н. Барминцева. М., 1972. С. 125–140.

4. *Кожевников Е.В.* Отечественное коневодство : история, современность, проблемы / Е.В. Кожевников, Д.Я. Гуревич. М. : Агропромиздат, 1990. 220 с.

5. *Курская В.А.* История лошади в истории человечества. М. : Ломоносов, 2016. 280 с.

6. *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Изд. археографической комиссии, 1884. 216 с.

7. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. 215 с.

8. *Рассуждение* о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив. 1940. № 3. С. 305–388.

9. *Карлейль* Чарльз. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. 1879. № 5. С. 1–46.

10. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. А. Береловича, В. Назарова, П. Уварова. М. : Языки славянских культур, 2007. 554 с.

11. *Путешествие* в Московию барона Августина Майерберга. М. : Императорское Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1874. 260 с.

12. *Раздорский А.И.* Конская торговля Москвы в XVII в. (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М. : ООО Старая Басманная, 2011. 238 с.

13. *Литвин, Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М. : Изд-во МГУ, 1994. 151 с.

14. *Одинцов Г.Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М. : Наука, 1980. 224 с.

15. *Юзефович Л.А.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

16. *Барминцев Ю.Н.* Происхождение конских пород / Ю.Н. Барминцев, А.Б. Фомин, И.И. Сорокина // Коннозаводство и конный спорт / под ред. Ю.Н. Барминцева. М. : Колос, 1972. С. 27–123.

17. *Аристов Н.Я.* Промышленность древней Руси. М. : Книжный дом Либроком, 2011. 336 с.

18. *Пельгржимовский-Пелеш* И. Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 г. / пер. И. Шпилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1850. № 68. С. 91–122.

19. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / пер. и примеч. А. Малеина. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1906. 322 с.

20. *Гуревич Д.Я.* Справочник по конному спорту и коневодству. М. : Центрполиграф, 2001. 325 с.

21. *Койэтт Б.* Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. 841 с.

22. *Марков М.И.* История конницы : в 5 ч. Ч. 3. От вооружения конницы огнестрельным оружием до Фридриха Великого. Тверь, 1887. 158 с.

23. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.

24. *Приходная* книга запасов 1676/77 г. // Топычканов А.В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII в. / отв. ред. С.О. Шмидт. М. : Московские учебники и картолитография, 2004. С. 101–130.

25. *Парри В.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1899. № 4. С. 3–10.

26. *Вундерер И.Д.* Путешествие по Дании, России и Швеции с 1589 по 1590 годы // Щит и зодчий : Путеводитель по древнему Пскову / сост. Е.Н. Морозкина. Псков, 1994. С. 33–39.

27. *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М. : Рита-Принт, 1997. 538 с.

28. *Дневник* Андерса Траны : 1655–1656 / пер. А. Галиновой. Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2007. 127 с.

29. *Мильтон* Дж. Московия Джона Мильтона. М., 1875. 83 с.

30. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск : Русич, 2003. 480 с.

31. *Сетаров Д.С.* Тюркизмы в русских названиях лошадей // Сов. тюркология. 1981. № 6. С. 16–32.

32. *Записки* Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве : Москва XV–XVII веков / сост. М.М. Сухман. М. : Столица, 1991. 427 с.

33. *Письмо* Иоанна Кобенцеля о России XVI века / пер. с лат. проф. Домбровского // Журнал министерства народного просвещения. 1842. № 35. С. 127–153.

34. *Устрялов Н.Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. Берова летопись московская. СПб. : Императорская Российская академия, 1831. 314 с.

35. *Устрялов Н.Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. Записки Георга Паерле. СПб. : Императорская Российская академия, 1832. 227 с.

36. *Флетчер Дж.* О государстве русском, или Образ правления русского царя. СПб., 1906. 165 с.

37. *Заметки* о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / пер. Г. Коваленко. М. : Ломоносов, 2012. 344 с.

38. *«Полцарства* за коня…»: Лошадь в мировой культуре: Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань, 2007. 256 с.

39. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. 460 с.

40. *Назаренко И.И.* Некоторые рукописные источники по зоотехнии XVII–XVIII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 1956. № 1. С. 235–241.

41. *Черная Л.А.* Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М. : Молодая гвардия, 2013. 413 с.

42. *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 891 с.

43. *Седов П.В.* Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь : сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 77–93.

44. *Equile* Joannis Austriaci Caroli V Jmp. F. Amsterdam : Philips Galle, 1578. 24 p.

45. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

46. *Мяснов П.Н.* О конских ристаниях и скаковых лошадях. М. : Книжный дом Либроком, 2011. 110 с.

47. *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини в России : к истории итало-русских связей XV в. / сост. Е.Ч. Скржинская. Л. : Наука, 1971. С. 210–247.

48. *Иовий П.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в. : взгляд из Европы / сост., авт. ст. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 255–306.

49. *Фоскарино М.* Донесение о Московии второй половины XVI века // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков / сост. М.М. Сухман. М., 1991. 427 с.

50. *Горбунов Б.В.* Традиция конных состязаний – важнейший компонент народной культуры русского этноса // Российский научный мир. 2014. № 2 (4). С. 56–90.

51. *Де Ерлезунда П.П.* История о Великом Княжестве Московском // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 2. С. 343–578.

52. *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М. : Из-во МГУ, 1988. 430 с.

53. *Гваньини А.* Описание Московии. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 172 с.

54. *Турбервилль Дж.* Послания из России // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 245–275.

55. *Стоглав* // Домострой. Поучения и наставления всякому христианину / сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Колесова; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации: Родная страна, 2014. С. 255–285.

56. *Домострой* / сост. В.В. Колесов. М., 1990. 303 с.

57. *Белякова Е.В.* Поучение новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // Материалы VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси»: тез. докл. М., 2015. С. 14–15.

58. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М. : Наука, 1987. 784 с.

59. *Котляревский А.А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. 252 с.

60. *Дженкинсон А.* Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 67–80.

61. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер. и коммент. А. Морозова. М. : Соцэкгиз, 1937. 208 с.

62. *Де ла Невилль.* Записки о Московии / предисл., пер. и коммент. А. Лаврова М. : Аллегро-пресс, 1996. 304 с.

63. *Конь* и всадник: Взгляд сквозь века: каталог выставки. М. : ГИМ, 2003. 64 с.

64. *Государева* Оружейная палата: Сто предметов из собрания российских императоров. СПб. : Атлант, 2002. 408 с.

65. *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 гг. Вып. 2. М., 1883. 660 с.

66. *Посольские* дары / авт.-сост. И.И. Вишневская и др. М. : Красная площадь, 1996. 272 с.

67. *Алеппский П.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в. / пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1898. Т. 3. 208 с.

68. *Богомолов С.Н.* О значении слова : варяг, казак, росс и рет, или Как должно понимать эти слова в истории. Тифлис, 1848. 72 с.

Shapiro Bella L. Russian State University for the Humanities (Moskow, Russian Federation)
E-mail: b.shapiro@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 170–184 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/19

HORSES OF «ROYAL SADDLE» IN THE MUSCOVITE RUSSIA XVI–XVII CENTURIES

Key words: *history of horses, Muscovite Russia, Russians, ceremonial rites.*

The article describes the history of the horse household at the royal court in the Moscow State of the XVI–XVII centuries. The study marks the magnificence of the Moscow court horses and pomp of royal equipages. The emphasis is on the most solemn horse ceremonies: tsarina equipages and equipages on the occasion of meeting ambassadors. The study notes that ambassador meetings were held with many thousands troops of horsemen. The article also describes the policy of Tsar Fedor Alekseevich, according to which the number of horses at court circle equipages was limited. The size of royal stables and its composition are determined. The study analyzes the importance of domestic and foreign breed, as well as non-breed horses for everyday life of the Russian aristocracy. The article gives a detailed description of various rare breeds of horses that were in the main and spare royal stables. The hierarchy of the color of royal horses and features of their appearance are determined, as well as ways of import of foreign horses, the amount and quality of horse trade in Muscovy. The main principles and features of the dressage of royal horses, performances of the horse circus that took place at the court of Tsar Fedor Alekseevich are described. The study notes the differences in the work of the rider and vehicle-riding horses, including horses for the service of solemn ceremonies at the royal court, as well as combat, coach and sleigh horses. Harnesses typical for the Moscow State are described. The article explores the history of horse racings as the main principle of selection of the best quality horses for royal stables. Among them, it describes war games, horse races, harnesses races, confrontations of horse riders and shooting of riders at a target at full gallop. The study also describes specific equipment of a Moscow rider, mentions their love of horses and riding. The study notes the continuity of the riding training system established in Muscovy in the XVI–XVII centuries. The role and place of miniature horse breeds in the everyday life of royal children are determined, as well as the role and place of horse toys in the education of royal children. It notes that tsarevitches first sat on a horse no later than at the age of one; wooden “funny horses” of their size were made specifically for that. In conclusion, the article analyzes remnants of archaic rituals involving horses in a solemn ceremony of a child’s first haircut that indicated not only a change in their age status, but also symbolized dedication to the military rank. It sums up works, according to which the horse was one of the most prestigious attributes of royal power.

References

1. Vitt, V.O. (1952) *Iz istorii russkogo konnozavodstva* [From the history of Russian horse breeding]. Moscow: Sel'khozgiz.

2. Kunitsyn, M.N. (1976) *Aleksandrova sloboda: istoricheskiy ocherk* [Aleksandrova Sloboda: A historical sketch]. Yaroslavl: Verkh.-Volzh. kn. izd-vo.

3. Khitenkov, G.G. (1972) Iz istorii konnozavodstva [From the history of horse breeding]. In: Barmintsev, Yu.N. (ed.) *Konnozavodstvo i konnyy sport* [Horse breeding and equestrian sport]. Moscow: Kolos. pp. 125–10.

4. Kozhevnikov, E.V. & Gurevich, D.Ya. (1990) *Otechestvennoe konevodstvo: istoriya, sovremennost', problemy* [Russian horse breeding: Past, present, and problems]. Moscow: Agropromizdat.

5. Kurskaya, V.A. (2016) *Istoriya loshadi v istorii chelovechestva* [The history of the horse in the history of mankind]. Moscow: Lomonosov.

6. Kotoshikhin, G.K. (1884) *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha* [About Alexei Mikhailovich’s Russia]. St. Petersburg: Archeographic Commission.

7. Kostomarov, N.I. (1860) *Ocherk domashney zhizni i nravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [An essay of domestic life and manners of Russian people in the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg.

8. Anon. (1940) Rassuzhdenie o delakh moskovskikh Franchesko T'epolo [Francesco Tiepolo on the Moscow affairs]. *Istoricheskiy Arkhiv*. 3. pp. 305–388.

9. Carlyle, Ch. (1879) Opisanie Moskovii pri relyatsiyakh gr. Karleylya [Carlyle’s description of Muscovy]. *Istoricheskaya biblioteka*. 5. pp. 1–46.

10. Margeret, G. (2007) *Sostoyanie Rossiyskoy imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh: (Teksty, kommentarii, stat'i)* [The status of the Russian Empire. Jacques Margeret in documents and studies: (Texts, comments, articles)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

11. Mayerberg, A. (1874) *Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mayerberga* [Baron Augustine Mayerberg's travel to Muscovy]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities of the Moscow University.

12. Razdorskiy, A.I. (2011) *Konskaya torgovlya Moskvy v XVII v. (po materialam tamozhennykh knig 1629 i 1630 gg.)* [Horse Trade in Moscow in the 17th century (based on the books of customs in 1629 and 1630)]. Moscow: Staraya Basmannaya.

13. Litwin, M. (1994) *O nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Translated by V.I. Matuzova. Moscow: Moscow State University.

14. Odintsov, G.F. (1980) *Iz istorii gippologicheskoy leksiki v russkom yazyke* [From the history of hippological vocabulary in Russian]. Moscow: Nauka.

15. Yuzefovich, L.A. (2007) *Put' posla: Russkiy posol'skiy obychay. Obikhod. Etiket. Tseremonial* [The way of an ambassador: The Russian embassy custom. Everyday life. Etiquette. Ceremonial]. St. Petersburg: Ivan Limbakh.

16. Barmintsev, Yu.N., Fomin, A.B. & Sorokina, I.I. (1972) Proiskhozhdenie konskikh porod [The origin of horse breeds]. In: Barmintsev, Yu.N. (ed.) *Konnozavodstvo i konnyy sport* [Horse breeding and equestrian sport]. Moscow: Kolos. pp. 27–123.

17. Aristov, N.Ya. (2011) *Promyshlennost' drevney Rusi* [Industry of Old Rus]. Moscow: Knizhnyy dom Librokom.

18. Pelgrzhimovskiy-Pelesh, I. (1850) Opisanie posol'stva L'va Sapegi v Moskvu v 1600 g. [Description of Leo Sapieha Embassy in Moscow in 1600]. Translated by I. Shpilevsky. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 68. pp. 91–122.

19. Korb, I.G. (1906) *Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.)* [A diary of a journey to Muscovy (1698 and 1699)]. Translated by A. Malein. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

20. Gurevich, D.Ya. (2001) *Spravochnik po konnomu sportu i konevodstvu* [Directory of equestrian sport and horse breeding]. Moscow: Tsentrpoligraf.

21. Koyett, B. (1900) *Posol'stvo Kunraada fan Klenka k tsaryam Alekseyu Mikhaylovichu i Feodoru Alekseevichu* [Embassy of Kunraad fan Klenk to Alexei Mikhailovich and Feodor Alekseevich]. St. Petersburg: [s.n.].

22. Markov, M.I. (1887) *Istoriya konnitsy: v 5 ch.* [The history of the cavalry: In 5 parts]. Tver: F.S. Muraviev.

23. Zabelin, I.E. (2014) *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh* [The home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

24. Topychkanov, A.V. (2004) *Povsednevnaya zhizn' dvortsovogo sela Izmaylova v dokumentakh prikaznoy izby posledney chetverti XVII v.* [The daily life of Izmailovo in documents of the Mandative Office in the late 17th century]. Moscow: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya. pp. 101–130.

25. Parry, V. (1899) Proezd chrez Rossiyu persidskogo posol'stva v 1599–1600 gg. [Trip through Russia by the Persian Embassy in 1599–1600]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 4. pp. 3–10.

26. Vunderer, I.D. (1994) Puteshestvie po Danii, Rossii i Shvetsii s 1589 po 1590 gody [A travel to Denmark, Russia and Sweden from 1589 to 1590]. In: Morozkina, E.N. [ed.] *Shchit i zodchiy: Putevoditel' po drevnemu Pskovu* [The Shield and Architect: A Guide to Ancient Pskov]. Pskov: Otchina. pp. 33–39.

27. Reytenfels, Ya. (1997) Skazaniya svetleyshemu gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii [Tales of Muscovy told to His Highness Duke of Tuscany Kozma the Third]. In: Rode, A., Meyerberg, A., Collins, S. & Reytenfels, J. *Utverzhdenie dinastii* [Adoption of the dynasty]. Moscow: Rita-Print.

28. Tran, A. (2007) *Dnevnik Andersa Trany: 1655–1656* [Anders Tran's Diary: 1655–1656]. Translated by A. Galinova. Velikiy Novgorod: Novgorod State University.

29. Milton, J. (1875) *Moskoviya Dzhona Mil'tona* [Milton's Muscovy]. Moscow: Katkov & K.

30. Oleariy, A. (2003) *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Travel to Muscovy]. Translated from German by A.M. Lovyagin. Smolensk: Rusich.

31. Setarov, D.S. (1981) Tyurkizmy v russkikh nazvaniyakh loshadey [Turkisms names of Russian horses]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 6. pp. 16–32.

32. Nemoevsky, S. (1991) Zapiski Stanislava Nemoevskogo [Notes by Stanislaus Nemoevsky]. In: Sukhman, M.M. (ed.) *Inostrantsy o drevney Moskve. Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow: Moscow of the 15th–17th centuries]. Moscow: Stolitsa.

33. Kobentsel, J. (1842) Pis'mo Ioanna Kobentselya o Rossii XVI veka [John Kobentsel's letter about Russia of the 16th century]. Translated from Latin by Dombrovsky. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 35. pp. 127–153.

34. Ustryalov, N.G. (1831) *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantse* [Contemporary tales about Dmitry the Pretender]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Russian Academy.

35. Ustryalov, N.G. (1832) *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantse* [Contemporary tales about Dmitry the Pretender]. Part 2. St. Petersburg: Imperial Russian Academy.

36. Fletcher, J. (1906) *O gosudarstve russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsarya* [On the Russian state, or the form of government of the Russian tsar]. Translated from English. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

37. Palmkvist, E. (2012) *Zametki o Rossii, sdelannye Erikom Pal'mkvistom v 1674 godu* [Notes on Russia by Eric Palmkvist in 1674]. Translated by G. Kovalenko. Moscow: Lomonosov.

38. Dianova, E.V. & Fedoseenko, O.A. (eds) *"Poltsarstva za konya…": Loshad' v mirovoy kul'ture: Katalog vystavki. Proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha* ["My Kingdom for a horse . . .": The horse in world culture: Tthe exhibition catalog. Works from the State Hermitage]. Kazan: Slaviya.

39. Sobolevskiy, A.I. (1903) *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi XIV–XVII vv*. [Translated literature in the Moscow Russia of the 14th – 17th centuries]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

40. Nazarenko, I.I. (1956) Nekotorye rukopisnye istochniki po zootekhnii XVII–XVIII vekov [Some handwritten sources for zootechnics in the 17th – 18th centuries]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. pp. 235–241.

41. Chernaya, L.A. (2013) *Povsednevnaya zhizn' moskovskikh gosudarey v XVII veke* [The daily life of Muscovy tsars in the 17th century]. Moscow: Molodaya gvardiya.

42. Yukhimenko, E.M. (2004) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rus*i [A Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Russia]. Issue 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

43. Sedov, P.V. (1995) Detskie gody tsarya Fedora Alekseevicha [Early years of Tsar Fedor Alekseevich]. In: Lobachev, S.V. & Lavrov, A.S. (eds) *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 77–93.

44. Goltzius, H. (1578) *Equile Joannis Austriaci Caroli V Jmp. F.* Amsterdam: Philips Galle.

45. Sedov, P.V. (2006) *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka* [The decline of the Moscow kingdom: The royal court in the late 17th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

46. Myasnov, P.N. (2011) *O konskikh ristaniyakh i skakovykh loshadyakh* [About horse battles and racehorses]. Moscow: Knizhnyy dom Librokom.

47. Contarini, A. (1971) Puteshestvie v Persiyu [A Journey to Persia]. In: Skrzhinskaya, E.Ch. (eds) *Barbaro i Kontarini v Rossii: k istorii italo-russkikh svyazey XV v*. [Barbaro and Contarini in Russia: The history of the Italo-Russian relations in the 15th century]. Leningrad: Nauka. pp. 210–247.

48. Iovy, P. (1997) Kniga o posol'stve Vasiliya, velikogo knyazya Moskovskogo k pape Klimentu VII [A book of Embassy, of Basil, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII]. In: Kudryavtsev, O.F. (ed.) *Rossiya v pervoy polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy* [Russia in the first half of the 16th century]. Moscow: Russkiy mir. pp. 255–306.

49. Foskarino, M. (1991) Donesenie o Moskovii vtoroy poloviny XVI veka [A report of Muscovy of the late 16th century]. Sukhman, M.M. (ed.) *Inostrantsy o drevney Moskve. Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow: Moscow of the 15th–17th centuries]. Moscow: Stolitsa.

50. Gorbunov, B.V. (2014) Traditsiya konnykh sostyazaniy – vazhneyshiy komponent narodnoy kul'tury russkogo etnosa [The tradition of equestrian competitions – an essential component of the folk culture of the Russian ethnos]. *Rossiyskiy nauchnyy mir*. 2(4). pp. 56–90.

51. De Erlezunda, P.P. (1867) Istoriya o Velikom Knyazhestve Moskovskom [The history of the Grand Duchy of Moscow]. In: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings of the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 343–578.

52. Herberstein, S. (1988) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from German by A.I. Malein, A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University.

53. Guagnini, A. (1997) *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.

54. Turbervill, J. (1990) Poslaniya iz Rossii [Messages from Russia]. In: Horsey, J. *Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v.* [Notes on Russia. The 16th – early 17th centuries]. Translated from English by A.A. Sevastyanova. Moscow: Moscow State University. pp. 245–275.

55. Platonov, O.A. (ed.) *Domostroy. Poucheniya i nastavleniya vsyakomu khristianinu* [Domostroy. Nurture and admonition to every Christian]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii: Rodnaya strana. pp. 255–285.

56. Kolesov, V.V. (1990) *Domostroy* [Domostroy]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

57. Belyakova, E.V. (2015) [Instructions to young priest in the East Slavic tradition]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi* [Integrated approach to the study of Old Rus]. Proc. of the Eighth International Conference. Moscow. pp. 14–15. (In Russian).

58. Rybakov, B.A. (1987) *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow: Nauka.

59. Kotlyarevskiy, A.A. (1868) *O pogrebal'nykh obychayakh yazycheskikh slavyan* [About the burial customs of the pagan Slavs]. Moscow: [s.n.].

60. Jenkinson, A. (1937) Puteshestvie iz Londona v Moskvu 1557–1558 gg. [Travel from London to Moscow 1557–1558]. In: Rubinshteyn N.L. (ed.) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Yu.V. Gotie. Moscow: Sotsekgiz. pp. 67–80.

61. Massa, I. (1937) *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Brief news of Muscovy in the early 17th century]. Translated by A. Morozov. Moscow: Sotsekgiz.

62. De la Neuville. (1996) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from French by A. Lavrov. Moscow: Allegro-press.

63. Astasheva, N.I. & Murasheva, V.V. (2003) *Kon' i vsadnik: Vzglyad skvoz' veka: katalog vystavki* [Horse and Rider: A look through the ages: The exhibition catalog]. Moscow: GIM.

64. Komarov, I.A. (2002) *Gosudareva Oruzheynaya palata: Sto predmetov iz sobraniya rossiyskikh imperatorov* [Sovereign Armory: One hundred items from the collection of Russian emperors]. St. Petersburg: Atlant.

65. Viktorov, A.E. (1883) *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 gg.* [A description of record books and documents of ancient royal orders of 1613–1725]. Issue 2. Moscow: [s.n.].

66. Vishnevskaya, I.I. et al. (eds) (1996) *Posol'skie dary* [Ambassadorial gifts]. Moscow: Krasnaya ploshchad'.

67. Aleppskiy, P. (1898) *Puteshestvie antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Moskvu v seredine XVII v.* [Travel of the Patriarch of Antioch Macarius in Moscow in the middle of the 17th century]. Vol. 3. Translated from Arabic by G. Murkos. Moscow: [s.n.].

68. Bogomolov, S.N. (1848) *O znachenii slova: varyag, kazak, ross i ret, ili Kak dolzhno ponimat' eti slova v istorii* [About the meaning of the word: Varyag, Cossack, Ross and Ret, or how we should understand these words in the history]. Tiflis: [s.n.].

УДК 7.017.9
DOI: 10.17223/22220836/24/20

С.Ю. Щетинина

СОВРЕМЕННЫЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА

В статье рассматриваются мультимедийные технологии в качестве средств презентации произведений искусства в художественной экспозиции на территории крупнейших музеев и исследовательских центров мира. Описываются технологические достижения и тенденции в оснащении художественных экспозиций, функциональные возможности и особенности выразительных средств мультимедийных технологий. Рассматривается специфика художественного восприятия произведений, показанных зрителю с использованием мультимедийных технологий.
Ключевые слова: *мультимедийные технологии, мобильные приложения, экспозиция, художественное восприятие, интерактивность.*

В современном искусствознании растет интерес к различным технологическим новшествам, которые осваиваются художниками, и мультимедийные технологии – одно из них. Мультимедиа является средством «предоставления информации с помощью объединения множества воспринимаемых человеком сред (аудиальное, визуальное и кинестетическое воздействие), управляемых интерактивным программным обеспечением» [1. С. 25]. Изобразительно-выразительные средства, характерные для мультимедиа, обладают уникальной особенностью – интерактивностью и специфической эстетической природой, в которой объединены пространством и временем художественные средства и материалы [2. С. 18].

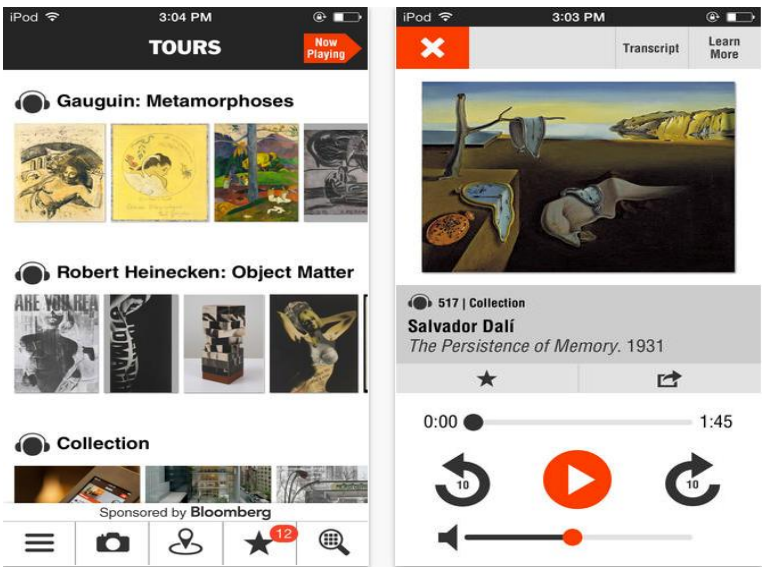
Технологические достижения современности оказали влияние на стиль и формы мышления в среде искусства, породив новые способы взаимодействия с ним. Доступность мультимедийных устройств большому количеству людей в повседневной жизни со временем сделала их часто используемыми и изменила восприятие визуальной реальности. Зрительная погруженность во взаимодействие с экраном монитора, планшета, телефона, вовлеченность в глобальную Сеть повлияли на возможности эстетического и психологического восприятия зрительных образов.

Одно из направлений применения технологии мультимедиа – презентация произведений искусства, ставших историческим наследием, посредством чего такие произведения актуализируются и обретают новое звучание. Другая область применения мультимедиа проявляется в качестве инструмента художественной выразительности в современных художественных практиках, таких как перформанс и инсталляция. В данной статье приведены практические примеры применения мультимедиа как технологии презентации классического искусства и как выразительного средства перформанса.

Современные мультимедийные технологии играют большую роль в передаче и актуализации культурного наследия художественных музеев. Наиболее оснащенными технологическими средствами являются выставочные

площадки и музеи развитых стран: музей МоМа, Нью-Йорк, США; музей искусства GALLERY ONE, Кливленд, США; центр искусств и медиатехнологий в Карлсруэ (ZKM), Германия; Экспериментальный центр медиаискусства и перформанса (Experimental Media and Performing Arts Center), Нью-Йорк, США. В области разработки и внедрения технологий ведущую роль играют Городской университет Гонконга (City University of Hong Kong, CityU), Гонконг, КНР; Центр исследований интерактивного кино (The iCinema Centre for Interactive Cinema Research), Сидней, Австралия. Остановимся на некоторых технологических достижениях перечисленных выставочных и научных центров.

Рассмотрим ряд функциональных возможностей мультимедийных устройств, а именно мультимедийную мобильную навигацию. Мобильное приложение, расширяющее взаимодействие с коллекцией искусства, использует музей МоМа в Нью-Йорке. Мобильное приложение позволяет зрителю, во-первых, составить пространственное представление о границах и тематических разделах, уровнях экспозиции; во-вторых, заранее определиться в предпочтениях и спланировать посещение; в-третьих, сделать интерактивную метку «на карте» экспозиции, сопроводив ее персональной информацией, и открыть доступ участникам сетевых сообществ. Приложение содержит поэтажные планы здания музея с обозначением текущих выставок на этажах, выставки в приложении представлены иллюстрациями экспонатов, текстовой, видео- и аудиоинформацией о них.



Мобильное приложение музея МоМа, Нью-Йорк, США

В результате применения мобильного приложения восприятие экспозиционного пространства расширяется большим охватом его глубины и границ, предварительным выбором приоритетных мест, возможностью сообщить об этих местах другим зрителям в реальном времени или в дальнейшем. Мобильное приложение предварительно информирует о произведениях на вы-

ставке, мотивируя зрителей к посещению музея. Особенностью данной технологии является возможность получения статистических данных о посещениях выставок, так как программа фиксирует количество обращений к определенным экспонатам и обеспечивает обратную связь со зрителями, так как они отмечают и формируют «собственную» коллекцию фотоснимков произведений искусства.

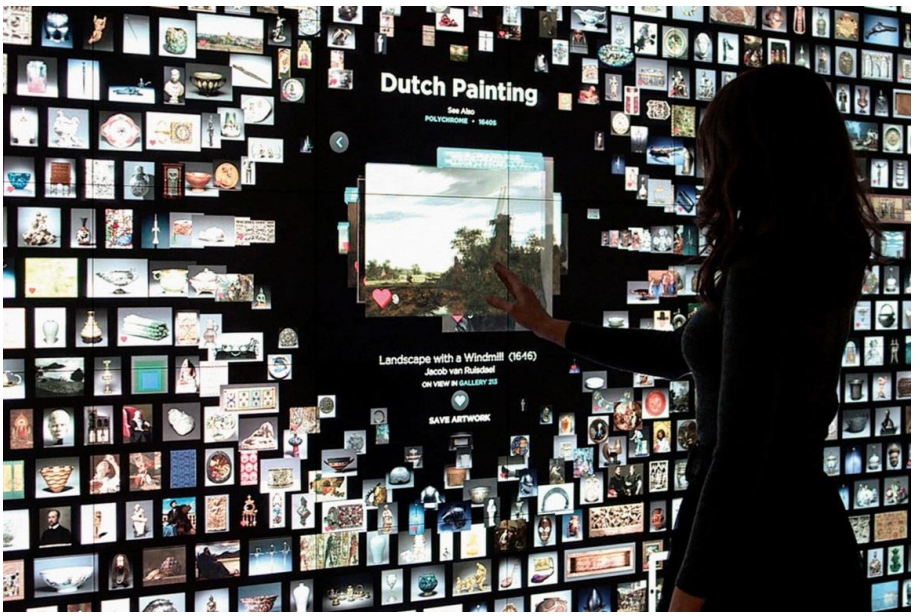
Кроме того, данное мобильное приложение дополняет художественное восприятие звуковым сопровождением. В аудиоописание картин и биографий художников включен профессиональный многоголосый закадровый дубляж (отдельно для детей и взрослых), способствующий погружению в атмосферу произведения. Звуковое сопровождение реализовано в двух вариантах: в виде функции «аудиотур» (которым можно воспользоваться, не находясь в музее), а также в виде функции «визуальный анализ» произведения. «Визуальный анализ» позволяет прослушать голосовое описание картин с детальной характеристикой изображения, в которой виртуальный посетитель видит репродукцию и слышит визуальный анализ полотна, представленный профессиональным искусствоведом.

Использование мобильных устройств и приложений к ним в целях обучения носит персонифицированный характер и совместимо с индивидуальными познавательно-образовательными задачами зрителя. Обучение с помощью мультимедийных приложений ориентировано на специальное изучение разделов истории искусства, стилей, жанров без участия специалиста (экскурсовода).

Мобильное приложение музея GALLERY ONE, Кливленд, США

Другое мобильное приложение нацелено на изучение предмета искусства и взаимодействие с ним, оно разработано для музея GALLERY ONE в Кливленде, США. Технология дает возможность зрителю более активно взаимодействовать с произведением, быстро различать его в ряде других, в том числе в исторической перспективе. В процессе взаимодействия с экспонатом через мобильное приложение зритель имеет возможность совершать различные игровые и познавательные манипуляции: узнать о героях, изображенных на картине, или историю ее создания, собрать изображение фрески самостоя-

тельно по частям. Технические устройства предоставляют информацию зрителю разными способами: на мультимедийной интерактивной стене, где можно выбрать направление изучения по репродукции или периоду истории; на переносных информационных интерактивных панелях, размещенных непосредственно рядом с экспонатом; в форме мобильных устройств, работающих совместно с приложениями к ним. Информационные интерактивные панели сопровождают экспонаты исторической справкой, искусствоведческим анализом произведения, дополнительными иллюстрациями и другими материалами.



Мультимедийная интерактивная стена в музее GALLERY ONE, Кливленд, США

Функции расширенного восприятия произведений существенно улучшают запоминание информации об артефактах при взаимодействии с ними посредством мультимедийного устройства, однако специфической чертой такой формы художественного восприятия является его запрограммированный сценарий. Акт художественной коммуникации заведомо определен, результат прочтения произведений записан, зрителю остается усвоить материал, что, вероятно, может ограничивать самостоятельную зрительскую активность.

Художественная коммуникация изменяется с включением в нее мультимедийных устройств-посредников. Благодаря применению мобильных устройств и мультимедиа зрительские впечатления от взаимодействия с объектами искусства становятся направленными и конкретными с точки зрения их интерпретации.

Технологии позволяют передать стратегии прочтения, разработанные знатоками искусства, «профессиональное видение» напрямую зрителю [3. С. 23]. Так, например, специальное приложение интерактивной галереи GALLERY ONE дает расширенную возможность коммуникации: возмож-

ность повторить визуальные очертания образа в графической зарисовке на планшете, сымитировать позу скульптуры или эмоцию, запечатленную в ней, сохранить репродукцию в мобильное устройство. Перечисленные интерактивные опции способствуют интенсификации вовлеченности в процесс художественной коммуникации зрителя и произведения искусства [4].

Таким образом, использование мультимедийных мобильных устройств существенно дополняет реальность непосредственного художественного восприятия произведений искусства: навигацией в пространстве галереи, индивидуальной стратегией коммуникации с искусством. Далее рассмотрим другой тип технологий в художественной экспозиции – панорамные интерактивные экраны. Экран создается для большего охвата массива визуальной информации и выделения необходимой ее части зрителем.

Практическим применением такой технологии в выставочном пространстве занимается крупнейший в мире Центр искусств и медиатехнологий, основанный в 1997 г. в г. Карлсруэ, Германия (Zentrum für Kunst und Medientechnologie, ZKM). Центр интегрирует достижения в технике и искусстве, объединяет выставочную и научную деятельность, является площадкой мультимедиа технологий, а также размещает художественные проекты, разработанные Институтом визуальных медиа (Institute of Visual Media), расположенным при центре. Институт разрабатывает и внедряет в практику передовые технологии мультимедиа, здесь можно познакомиться с ними до их массового распространения.

Интерактивная информационная панорама, ZKM, Карлсруэ, Германия

Инновационным устройством, входящим в оснащение художественных проектов в центре ZKM, является интерактивная демонстрационная панорама высокого разрешения (Interactive High Resolution Panorama), которая предоставляет визуализацию информации для зрителя с интерактивным содержанием и возможностью манипуляций с ней в реальном времени. Информационное содержание панорамы представлено репродукциями, иллюстрациями в сопровождении с текстами и используется в образовательных целях.

Другое ее применение как части инсталляции или интерактивного перформанса используется художниками, и в их проектах мультимедийная панорама является особенным выразительным средством. Как выразительное средство, этот объект привносит уникальные возможности в инсталляцию: кинетические эффекты, сферическую панорамную обзорность и объемность видеоизображений, что в сумме усиливает визуальное воздействие [5] и синхронизирует его со звуковым и осязаемым воздействием на зрителя.

Интерактивная демонстрационная панорама, ZKM, Карлсруэ, Германия

Характерными особенностями интерактивной панорамы являются ее большой размер (по сравнению с человеческим телом), геометрия и размещение в пространстве (изогнутая форма, охватывающая внимание зрителя внутри себя), а также интерактивность. Можно предположить, что особенности такого устройства влияют на зрительное восприятие, которое расширяется до восприятия телесного.

Справочная информация с интерактивной панорамы усваивается с помощью мобильного планшета или телефона, предоставляя зрелищную подачу зрителю, однако если речь идет об изобразительном восприятии, вероятно, утрачивается непосредственное созерцание оригинального размера изображаемого, пропорции существенно искажаются. Художественное восприятие визуальных образов, переданных интерактивной панорамой, меняется, интенсифицируется, становится фрагментарным и динамичным.

Экспериментальный центр медиаискусства и перформанса (Experimental Media and Performing Arts Center) в Нью-Йорке, США, занимается изучением и внедрением передовых устройств и технологий в деятельность художников. Центр поддерживает эксперименты в работе с пространственными эффектами: световыми, звуковыми и музыкальными, мультимедийными экранными и другими – и соединении их в единую композицию.

На выставочной площадке центра в перформансе «Сверх Формы» (Extra Shapes) художники экспериментируют с мультимедийным содержанием художественного решения. Перформанс состоит из сочетания различных средовых инструментов и использует идеи созерцания и восприятия движения света, звука, видео, танца и других сред. Произведение исследует спонтанность, функционирование и восприятие сред зрителем, превращая их взаимодействие в живой интерактивный процесс.

Перформанс «Сверх Формы» в Экспериментальном центре медиаискусства и перформанса, Нью-Йорк, США

Данный пример перформанса показывает, как современные технологии осваиваются художниками через необычное сочетание средовых инструментов и создание пространства, в котором они выражают свои идеи и приглашают зрителя для проживания этих идей. Инструментами для художника являются не привычные кисть и холст, не планшет и компьютер, а специфически средовые: звук, луч света, движение, видео, исполнение танца, различные механизмы в пространстве и др.

Подводя итог обзору функциональных возможностей мультимедийных устройств, отметим их разновидностями в художественной экспозиции: планшеты, персональные телефоны, навигаторы, интерактивные экраны, панорамы и др. Мобильные устройства и приложения к ним обширно используются в процессе художественной коммуникации с произведениями искусства галерей и музеев. Применение устройств в экспозиции выставочного пространства способствует расширению информационного представления об организованной в этом пространстве реальности, дает дополнительные возможности художественного восприятия. Технологии мультимедиа соединяют несколько видов чувственного восприятия в один поток, транслируют по выбору зрителя видео-, звуковое или текстовое содержание. Технология мультимедиа воздействует одновременно на несколько каналов восприятия [6], однако виртуализация художественного восприятия носит двойственный характер: с одной стороны, актуализирует произведение, с другой способствует утрате уникальности восприятия оригинала произведения. Технология мультимедиа является посредником, который управляет художественным восприятием и не оставляет места уникальному прочтению произведения искусства у зрителя.

В заключение отметим, что современные технологии презентации расширяют художественную реальность, углубляют взаимодействие со зрителем, обогащают художественную образность, раскрывая его новые границы. Виртуальность и мультимедийность включены в восприятие современного человека, живущего отчасти в среде Интернета, социальных сетей, 4D фильмов и других технологий. Сегодня мультимедиа-технологии в искусстве являются синтетическим единством визуальных, аудиальных, кинестетических и других множественных компонентов, функционирующих в управляемой художником среде. Учитывая эти особенности выразительных средств и способности мультисенсорного восприятия у зрителя, вероятно, традиционная презентация произведений искусства требует переосмысления и включения технологических новшеств в художественную коммуникацию.

Литература

1. *Шлыкова О.В.* Культура мультимедиа. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 415 с.
2. *Дворко Н.И.* Основы режиссуры мультимедиа-программ / Н.И. Дворко, В.Ф. Познин, И.Р. Кузнецов, А.Е. Каурых. СПб. : СПбГУП, 2005. 313 с.
3. *Angeles Munoz Civantos.* Using mobile media creation to structure museum interpretation with professional vision // Angeles Munoz Civantos, Michael Brown, Tim Coughlan, Shaaron Ainsworth, Katharina Lorenz [Электронный ресурс]. URL: http://dl.acm.org/citation.cfm?id=2896643 (дата обращения: 01.06.2016).
4. *Falk J.H.* Understanding Museum Visitors' Motivations and Learning. Museums as social learning spaces. 2013. P. 188–208.
5. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М. : Прогресс, 1974. 392 с.
6. *Психология* зрительного восприятия / В.Т. Прокопенко, В.А. Трофимов, Л.П. Шарок. СПб. : СПбГУИТМО, 2006. 73 с.

Shchetinina Svetlana Ju. Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: shine3@ngs.ru
Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 185–193.
DOI: 10.17223/22220836/24/20

WORKS OF ART MODERN MULTIMEDIA PRESENTATION TECHNOLOGIES

Key words: *multimedia technologies, mobile application, exposition, arts perception, interactivity.*

Use of modern technologies in Art Science becomes more popular among artists day after day and multimedia technologies are one of them. Technological innovations of today influenced the way and form of thinking in art and created new ways of interaction with it.

Exhibition spaces and museums in advanced countries are equipped in the best ways: MoMa museum New York; Gallery One The Cleveland Museum of Art; ZKM Center for Art and Media Karlsruhe; Experimental Media and Performing Arts Center New York; City University of Hong Kong; The iCinema Centre for Interactive Cinema Research Sydney.

Multimedia mobile navigation in the MoMa museum is able to produce statistics data concerning exhibitions visits, and enhanced artistic perception of art objects (audio tour and visual analysis of a work of art).

Gallery One Cleveland Museum of Art mobile app gives the spectator a possibility to learn the story of the characters depicted and the story of the artwork creation, to unite small parts to get complete picture, to obtain historical information, art history analysis, additional illustrations and other materials.

Panoramic interactive screen in the Center for Art and Media Karlsruhe Germany is made for a larger visual coverage and provides visual information to the spectator interactively, giving a possibility to manipulate it in real time. Interactive panorama is also used by artists as an expressive means for their installations and performances.

Combinations of various environmental instruments and the contemplation of ideas and perception of their differences are investigated on the Experimental Media and Performing Arts Center exhi-

bition space. «Extra Shapes» project explores spontaneity, functioning and the spectator's perception of environmental effects: light, sound, video, dance, etc.

Modern multimedia presentation technologies expand the artistic reality, deepen interaction with the audience, enrich the artistic imagery revealing its new borders. Multimedia art technologies create synthetic unity of visual, auditory, kinesthetic and other components running within controlled environment. But still, there are pros and cons for virtualization of artistic perception of traditional art in a museum: on the one hand it updates the work of art, on the other hand it promotes loss of its unique character perception. The technology is a mediator, which partially controls artistic perception.

References

1. Shlykova, O.V. (2004) *Kul'tura mul'timedia* [Multimedia Culture]. Moscow: FAIR-PRESS.

2. Dvorko, N.I., Poznin, V.F., Kuznetsov, I.R. & Kaurykh, A.E. (2005) *Osnovy rezhissury mul'timedia-programm* [Fundamentals of directing multimedia programs]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

3. Civantos, A.M., Brown, M., Coughlan, T., Ainsworth, Sh. & Lorenz, K. (2016) Using mobile media creation to structure museum interpretation with professional vision. *Personal and Ubiquitous Computing*. 20(1). [Online] Available from: http://dl.acm.org/citation.cfm?id=2896643. (Accessed: 1st June 2016). DOI: 10.1007/s00779-015-0895-3

4. Falk, J.H. (2013) Understanding Museum Visitors' Motivations and Learning .In: Brændholt Lundgaard, I. & Jensen, J.T. (eds) *Museums Social learning Spaces and Knowledge Produsing Processes*. Styrelsen. pp. 188–208.

5. Arnheim, R. (1974) *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. Moscow: Progress.

6. Prokopenko, V.T., Trofimov, V.A. & Sharok, L.P. (2006) *Psikhologiya zritel'nogo vospriyatiya* [The psychology of visual perception]. St. Petersburg: St. Petersburg ITMO University.

БИБЛИОТЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 027.52 (571.16)
DOI: 10.17223/22220836/24/21

А.И. Дегтярева

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК ТОМСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (2000-е гг.)[1]

В статье рассматривается социальная деятельность сельских библиотек Томского района Томской области в 2000-х гг. Выделяются такие направления работы, как поддержка и развитие детского чтения, поддержка образовательных программ, правовое обеспечение, информационное обеспечение людей старшего поколения, организация культурного досуга, поддержка творческой самореализации местного населения. Указывается, что наиболее популярные темы массовых мероприятий, проводимых сельскими библиотеками Томского района Томской области в рамках социальной деятельности, – это краеведение, экология, история Отечества, правовое просвещение.
Ключевые слова: *муниципальные библиотеки, сельские библиотеки, Томская область, Томский район, социальная деятельность библиотек.*

Деятельность библиотек всегда ориентирована на выполнение социальных задач, которые ставит перед ними общество. В настоящее время функционирование публичных библиотек обусловлено необходимостью содействовать развитию информационного общества, предоставляя своим посетителям максимально широкий доступ к востребованной информации и в то же время решая социальные проблемы, неизбежно возникающие в современном обществе. Среди актуальных на сегодняшний день вопросов отмечаются социальное и информационное неравенство, утрата национальной идентичности, снижение уровня грамотности населения вследствие падения интереса к чтению, обострение межнациональных конфликтов, дегуманизация общества и др. Нередко эти проблемы должны решаться небиблиотечными усилиями, но часто именно библиотеки выступают инициаторами различных проектов, которые призваны смягчать и нивелировать острые социальные вопросы. Такая работа, как правило, осуществляется библиотеками в социальном партнерстве со школами, детскими садами, различными социальными службами, общественными и коммерческими организациями [1. С. 41].

Социальная работа отечественных библиотек является в настоящее время актуальной темой для исследований. Теоретическая сторона социальной деятельности библиотек рассматривается с точки зрения социальных функций и миссии библиотек. Г.М. Кормишина в своей публикации «О миссии и социальной роли библиотек» отмечает, что существует множество трактовок понятия «миссия» библиотеки, его соотношения с терминами «назначние»,

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01261.

«роль», «функция» [2. С. 139]. Анализируя и обобщая публикации, затрагивающие и раскрывающие тему сущности библиотек, их миссии и функций, автор трактует социальные функции библиотек как «внешние проявления деятельности библиотек, которые в первую очередь определяются сущностью библиотек, во вторую – социальной ролью на данном этапе развития общества». Разными авторами указывается на то, что социальные функции библиотек меняются в настоящее время [2. С. 141]. Г.М. Кормишина приходит к выводу, что в современных условиях коммуникативная функция библиотек становится приоритетной [2. С. 142]. Н.М. Свергунова в своей публикации «Социальная миссия библиотек: аналитический обзор мнений», основываясь на рассматриваемых концепциях, заключает, что на современном этапе развития общества основополагающей должна стать гуманистическая миссия библиотек [3. С. 18]. С.А. Антоненко проводит сравнительный анализ социальных функций отечественных сельских библиотек в различные периоды их истории и, говоря о современности, выделяет такие функции, как краеведческая, социальной поддержки и консолидации [4. С. 29]. Так или иначе, теоретическая разработка вопросов о функциях библиотек, их миссии, назначении, роли и т.д. указывает на гуманистическую, социальную направленность деятельности современных библиотек, на необходимость такой направленности. Раскрытию содержания социальных функций, гуманистической миссии библиотек способствуют исследования, обобщающие практический опыт некоторых библиотек, где авторы также говорят о большой значимости социальной деятельности библиотек. Е.Н. Орлова на примере библиотек Дальневосточного региона указывает на приоритет социальной работы библиотек перед информационной [5]. О.М. Конышева, рассматривая деятельность Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина г. Орла, отмечает, что социальная направленность работы библиотек – это не просто парадигма, а насущная потребность времени. В заключение своей статьи автор пишет: «Сегодня библиотека, чутко реагируя на веяния времени, берёт на себя значительный объём социальной работы. Она поддерживает, консультирует, осуществляет обслуживание на дому, организует досуг – словом, идёт навстречу своим читателям в самых сложных ситуациях» [6. С. 34]. Таким образом, гуманистическая, социальная направленность деятельности библиотек, рассматриваемая в различных ракурсах, определяется разными авторами как значимая.

Специфика социальной деятельности, содержание социальной работы каждой конкретной библиотеки и библиотек конкретного региона определяются типовой принадлежностью библиотек, социальными запросами местного сообщества, конкретными решаемыми социальными задачами, формами и методами работы, социальными партнерствами, организационной структурой, региональной принадлежностью изучаемых библиотек.

Характеризуя публичные библиотеки Томского района Томской области, прежде всего, следует иметь в виду, что это сельские библиотеки. Сеть библиотек Томского района представляет собой ряд отдельных учреждений разного типа: две библиотечные сети по четыре библиотеки в каждой, две отдельные библиотеки, все десять – со статусом юридического лица и 28 библиотек-филиалов сельских домов культуры, юридически библиотечными

учреждениями не являющиеся. Всего публичных библиотек в Томском районе 39, включая Межпоселенческую центральную библиотеку п. Зональная Станция. Объединяет все эти библиотеки не только административно-территориальная принадлежность Томскому району, но и прочные профессиональные связи, сложившиеся в их бытность централизованной библиотечной системой, расформированной в 2006 г. По сложившейся в Томской области традиции составления общей отчетности для библиотек, работающих в том или ином муниципальном образовании, в Томском районе ведется единая статистическая отчетность всех основных библиотечных показателей, что является еще одним объединяющим фактором. О сплоченности библиотек Томского района говорит, например, и такой факт, как практически 100% посещаемость различных методических и торжественных мероприятий, организуемых методическим центром – Межпоселенческой центральной библиотекой Томского района [7. Л. 28].

В сложившихся условиях основными социальными партнерами для каждой из библиотек Томского района выступают, прежде всего, библиотеки-соседи и Межпоселенческая центральная библиотека как методический центр, зачастую являющаяся инициатором совместных проектов. Вторым основным социальным партнером для библиотек Томского района, как и для многих других сельских библиотек, являются общеобразовательные школы. Кроме этого, реализуя свои проекты, библиотеки Томского района сотрудничают с детскими садами, школами искусств, домами культуры, общественными организациями, администрациями поселений и другими социальными объектами. Социальное партнерство позволяет библиотекам Томского района ежегодно реализовывать различные проекты, актуальные для местного населения [8. С. 9].

Основной группой пользователей, с которыми работают библиотеки Томского района, являются социально незащищенные слои населения, составляющие свыше 70 % всех читателей [9. С. 9]. В ежегодных отчетах библиотек отмечается, что приоритетными категориями читателей являются дети младшего и среднего школьного звена и пенсионеры. Для этих категорий сельского населения характерны определенные социальные запросы и потребности, на которые отвечает организованное в Томском районе библиотечное обслуживание.

Так, дети всех возрастов нуждаются в актуальной детской литературе, чтение которой существенно влияет на развитие личности ребенка. Детская литература развивает кругозор и воображение, оказывает педагогическое воздействие, способствует социализации детей и подростков, формированию различных моральных качеств, мышления, сознательности. Правильная подача и грамотный выбор детской книги формируют культуру чтения детей и в конечном итоге влияют на формирование информационной культуры местного населения [10. С. 15]. Поддержка и развитие детского чтения имеют большую социальную значимость, библиотеки Томского района активно работают в этом направлении [11].

В библиотеках Томского района дети до 14 лет, являясь одной из приоритетных групп библиотечного обслуживания, составляют около 40 % всех читателей [9. С. 9]. В то же время только в трех библиотеках (Межпоселенче-

ская центральная библиотека Томского района, библиотека им. М.Л. Халфиной с. Моряковский Затон, библиотека с. Рыбалово) выделен детский абонемент с детским библиотекарем [8. С. 4], в остальных библиотеках дети обслуживаются наряду со взрослыми, а приобретение детской литературы не является приоритетным. Тем не менее детскому чтению уделяется особое внимание. Совместно с общеобразовательными школами, дошкольными учреждениями в библиотеках Томского района проводятся различные праздники детской и юношеской книги, литературные конкурсы. Большой популярностью пользуется конкурс чтецов «Читаем классику», участники которого проходят предварительный отбор [12. С. 1–2, 13. С. 2]. В поддержку детского чтения во многих библиотеках с 2009 г. разрабатываются и реализуются целевые программы, такие как «Я читаю – я расту» (с. Новорождественское), «Дружим с книгой всей семьей» (п. Зональная Станция), «Вместе с книгой мы растем» (п. Зональная Станция, с. Турунтаево), «Книги нашего детства» (с. Новорождественское, с. Новоархангельское), «Колыбель детской души» (с. Лучаново) и др. Для поддержки интереса к чтению у детей и подростков в 2010 г. в библиотеках Томского района была организована передвижная книжная выставка «Окно в мир: новые и лучшие книги – детям села», где представлены книги-лауреаты различных литературных наград. Выставка переезжает из библиотеки в библиотеку, на данный момент она побывала в с. Межениновка, с. Новорождественское, д. Нелюбино, д. Поросино. Для каждой книги на выставке сделан читательский дневник, где детям по прочтении книги предлагается написать отзыв для тех, кто возьмет книгу следующим. Таким образом организован обмен мнениями между юными читателями из разных населенных пунктов. Развитию детского чтения способствуют также виртуальные выставки, электронные библиографические пособия, которые с 2010 г. стали осваивать библиотеки Томского района. На сайтах Межпоселенческой центральной библиотеки Томского района и библиотеки с. Лучаново представлены, например, такие материалы, как виртуальная выставка новинок «Бросай мышку, возьми в руки книжку» (с. Лучаново) [14], ежегодная виртуальная выставка «Книги-юбиляры» (п. Зональная Станция) [15], выставка виртуальных ресурсов для родителей «Детское чтение» (п. Зональная Станция) [16].

Работа по поддержке и развитию детского чтения тесно связана с поддержкой образовательных программ, одним из направлений социальной деятельности библиотек Томского района. Для поддержки образования используется литература по различным отраслям знаний, программная художественная литература и литература по внеклассному чтению, которой комплектуются библиотечные фонды. Библиотеки организуют и проводят мультимедийные уроки, способствующие усвоению программного материала. Ведутся тематические подборки книг «Для вас, абитуриенты», «Почемучкины книжки» и др. Для большинства школьников регулярное посещение библиотеки – залог успешной учебы [9. С. 12].

Кроме школьников, библиотеки активно обеспечивают литературой людей старшего поколения. Прежде всего, данная группа населения нуждается в доступе к газетам. Подписка на периодику в некоторых случаях рассматривается как информационная поддержка людей старшего поколения [1. С. 42]. В

библиотеках Томского района ведется подписка на такие издания, как «Аргументы и факты», «Вестник ЗОЖ», «Российская газета», «Ветеран», «Комсомольская правда», «Хозяин», «Томский пенсионер», «Вечерний Томск», «Томское предместье» [17. С. 8]. Из этих газет местное население регулярно получает актуальную информацию как локального, так и глобального значения. Помимо газет, библиотеки обеспечивают своих читателей такими дорогостоящими периодическими изданиями, как журналы. Наибольшим спросом в Томском районе пользуются «Приусадебное хозяйство», «Все для женщины», «Женское здоровье», «Крестьянка», «Караван историй» [9. С. 6–7]. Журналы, различаясь по содержанию, способствуют удовлетворению большого спектра информационных запросов местного населения. Ряд журналов содержит информацию прикладного характера, содержание других изданий обеспечивает культурный досуг читателей.

Следует отметить, что обеспечение культурного досуга местных жителей является одной из важнейших социальных функций библиотек в настоящее время, и оно не ограничивается подпиской на развлекательную и другую литературу. Например, библиотеки активно обеспечивают культурную программу для летних лагерей и площадок, организуемых школами и домами культуры. Тематика культурных мероприятий, предлагаемых библиотеками, разнообразна. Но такие актуальные темы, как экология, краеведение, история Отечества, встречаются чаще всего. В п. Рассвет, например, для лагеря, организуемого при школе, библиотекарем проводились такие мероприятия, как «Защищай! Береги! Умножай!», «Царица-водица», посвященные экологической тематике, «По родным местам», «Летопись нашего поселка», посвященные краеведению [18]. Библиотекари Томского района ежегодно организуют и проводят мероприятия, посвященные памятным датам. Например, в День памяти и скорби, 22 июня, детям рассказывают о начале Великой Отечественной войны, проводят встречи с теми, кто сам был ребенком в те годы, знакомят с песнями и стихами, посвященными той поре. В 2012 г. в России отмечалось 200-летие Бородинского сражения, в честь этой даты в с. Александровское с участниками летнего лагеря «Радужка» была проведена беседа о М.И. Кутузове, М.Е. Барклае-де-Толли, П.И. Багратионе, Д.В. Давыдове. Для детей были организованы книжная выставка, обзор литературы, а также совместное чтение стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» [19]. В разные годы в Томском районе при активном участии библиотек были организованы культурные программы для летнего лагеря «Познавайка» д. Наумовка, школьной площадки с. Курлек, с. Кафтанчиково и др.

Одна из основных форм организации культурного досуга местного населения – организация и ведение различных кружков, регулярных встреч и посиделок. В библиотеке с. Богашево работают детские клубы литературного творчества «Зернышки» и «Резонанс», в с. Петухово – драмкружок «Сказка», в п. Молодежный – клуб «Малышок», п. Зональная Станция – «Мастерилка Читайкина», в библиотеке с. Наумовка – клубы «Светлячок» и кружок «Малышок», в библиотеке д. Верхнесеченово – кружок по изобразительному искусству «Шелковая кисточка» и драматический кружок «Изюминка», в с. Малиновка – «Юный краевед», с. Межениновка – «Краевед». Помимо детских клубов, в библиотеках работают клубы для людей старшего поколения.

В библиотеке д. Кисловка регулярно собираются представители клуба любителей кроссвордов, в п. Мирный библиотекарь О.С. Кондиус организовала клуб литературного краеведения «Вдохновение», в библиотеке п. Богашево работает известный литературно-поэтический клуб «Белая Роза», в библиотеке п. Молодежный – женский клуб «Селянка», клуб «Селяночка» – в д. Верхнесеченово, в библиотеке д. Воронино – клуб садоводов и огородников «Академия домашних волшебников». Клубная деятельность библиотек и другие формы организации культурного досуга местного населения включают подготовку культурно-просветительных программ, организацию встреч по интересам, а также поддержку творческой самореализации. Формы ее поддержки могут быть различными. Как правило, библиотеки стараются стимулировать творческий процесс, объявляя различные творческие конкурсы: фотографии, рисунка, рукоделия, литературных произведений и т.д. Кроме этого, библиотеки нередко выступают площадкой для выставок творческих работ местных жителей, местом встреч авторов с публикой. Так, например, в с. Петухово регулярно организуются выставки местных мастеров декупажа и художественной вышивки [20. С. 5]. Ко дню матери библиотеки д. Нелюбино и п. Мирный были организованы выставки рукоделия [21, 22]. В библиотеке с. Богашево клуб «Белая роза» регулярно собирает авторов и любителей поэзии [23]. Организует творческие встречи с чтением произведений местных авторов, а также, издает сборники их стихов библиотека с. Зоркальцево [24]. Межпоселенческая центральная библиотека практикует издание произведений авторов из разных населенных пунктов Томского района. Практически ежегодно в п. Зональная Станция издаются сборники стихотворений и прозы, в числе которых «Свет малой родины», «Я родилась в Сибири…» Н.В. Грачевой, «Отчий край», «Боготворю природы красоту», «Виват, библиотека!», «Простые истории» [25]. Творческой самореализации способствовал также конкурс вязаных рукавиц «Подари свое тепло». Этот конкурс стал одним из самых ярких социальных проектов, реализованных в сотрудничестве библиотек Томского района. По условиям этого конкурса собранные работы были переданы в детские дома. Данный проект получил большой резонанс среди населения, а также привлек внимание средств массовой информации [26, 27].

Одним из наиболее значимых направлений социальной работы библиотек является работа с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Библиотеки Томского района работают с такими людьми инклюзивно, исходя из принципа максимального включения таких лиц в общественную жизнь села [9. С. 10]. В то же время в ряде библиотек люди, неспособные самостоятельно прийти за книгой, получают библиотечные книги на дом.

Рассматривая социальную работу библиотек, принято обращаться, прежде всего, к работе с социально незащищенными слоями населения. Однако социальная деятельность библиотек может быть направлена и на все группы местного населения. Примером такой универсальной социальной работы являются различные виды правового информирования, а также деятельность созданных при библиотеках Центров общественного доступа к социально значимой информации и многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг. Социальное и правовое информирование рассматривается как одно из перспективных направлений работы

библиотек. В Томском районе оно включает создание информационных листовок и буклетов, библиографических материалов, предоставление удаленного доступа к различным ресурсам, создаваемым в поддержку развития информационного общества и электронной демократии. В с. Малиновка ведется тематическая папка «За советом – к закону», в с. Лучаново регулярно пополняется подборка официальных документов и законов Томской области «Вопрос эксперту». Для жителей Томского района открыт бесплатный доступ к правовой базе данных «Консультант+». Созданные в 2014 г. Центры общественного доступа к социально значимой информации (ЦОД) способствовали оснащению 30 библиотек новой компьютерной техникой, проекционным оборудованием,обеспечению доступа к Интернету. В ЦОДах помимо организации доступа местного населения к государственным услугам, проводятся различные массовые мероприятия, направленные преимущественно на правовое просвещение. Кроме этого, библиотекари используют предоставленную компьютерную технику в целях развития компьютерной грамотности населения, так, например, в 2015 г. в ЦОДах Томского района было проведено 29 информационных часов по теме «Безопасный Интернет». Всего к концу 2015 г. в ЦОДах было организовано 153 мероприятия, зарегистрировано 4528 индивидуальных посещений [8. С. 10–11]. Создание в 2015 г. 18 дополнительных офисов ОГКУ «Томского областного многофункционального центра по предоставлению государственных и муниципальных услуг стало очередным этапом содействия формированию информационного общества через библиотеки. В Многофункциональных центрах местные жители обслуживаются специальным сотрудником и получают широкий спектр государственных услуг.

Таким образом, социальная деятельность библиотек Томского района включает в себя работу по организации досуга, развитию чтения, содействию творческой самореализации местного населения, библиотечное обслуживание людей с ограниченными возможностями здоровья, правовое обслуживание в разных его формах, развитие компьютерной грамотности. Данные направления деятельности сельских библиотек Томского района призваны решать различные социальные проблемы, в числе которых снижение интереса к чтению, снижение уровня грамотности, информационное неравенство, межнациональная напряженность и др. Библиотеки стараются способствовать решению этих проблем, организуя различные культурно-досуговые и просветительные мероприятия, прежде всего для детей и людей старшего поколения, а также других групп населения. Социальная деятельность сельских библиотек Томского района Томской области ведется в партнерстве с различными организациями, в первую очередь со школами и самими библиотеками. В современных условиях такая работа имеет большую значимость и призвана способствовать гуманизации общества.

Литература

1. *Кузоро К.А.* Направления социальной работы сельских библиотек Томской области (на примере Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 41–45.

2. *Кормишина Г.М.* О миссии и социальной роли библиотек // Вестн. МГУКИ. 2008. № 2. С. 139–143.

3. *Свергунова Н.М.* Социальная миссия библиотек : аналитический обзор мнений // Научные и технические библиотеки. 2014. № 7. С. 14–18.

4. *Антоненко С.А.* Социальные функции сельской библиотеки // Библиотековедение. 2010. № 5. С. 26–29.

5. *Орлова Е.Н.* Современная библиотека : информаторий или социальный культурно-досуговый центр // Тр. ГПНТБ СО РАН. 2014. № 7. С. 318–323.

6. *Конышева О.* Социальные функции библиотеки : парадигма или насущная потребность времени? // Библиотечное дело. 2012. № 20 (182). С. 32–34.

7. *Деятельность* Межпоселенческой центральной библиотеки и библиотек Томского района в 2008 году : аналитическая справка / МУ МЦБТР. п. Зональная Станция [Томская область]: Б.и., 2009. 53 л.

8. *Деятельность* Межпоселенческой центральной библиотеки и библиотек Томского района в 2015 году: аналитическая справка / МБУ МЦБТР. п. Зональная Станция [Томская область] : Б.и., 2016. 24 с.

9. *Деятельность* Межпоселенческой центральной библиотеки и библиотек Томского района в 2014 году : аналитическая справка / МБУ МЦБТР. п. Зональная Станция [Томская область]: Б.и., 2015. 26 с.

10. *Масяйкина Е.А.* Формирование информационной культуры читателей в сельской библиотеке (из опыта работы библиотек Верхнекетского, Тегульдетского и Чаинского районов Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 16–22.

11. *Дегтярева А.И.* Приобщение к чтению в сельских библиотеках (из опыта работы библиотек Томского района Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3 (19). С. 82–87.

12. *Читаем* классику // Библиотечный вестник Томского района. 2014. № 3(20). С. 1–2.

13. *Дергилева Н.М.* Участие в районном литературном конкурсе – серьезное достижение // Библиотечный вестник Томского района. 2014. № 3(20). С. 2.

14. *Библиотека* села Лучаново Томского района им. Л.Д. Гурковской. Виртуальная выставка книжных новинок «Бросай «мышку» – возьми в руки книжку!» // Библиотека села Лучаново Томского района. Электрон. дан. [Томская область, с. Лучаново: БИЦ им. Л.Д. Гурковской], 2015–2016. URL: http://luchanovo.ru/data/documents/Virtualnaya-vystavka-knizhnyh-novinok2015.pdf (дата обращения: 07.08.2016).

15. *Книги-юбиляры* 2016 // Межпоселенческая центральная библиотека Томского района / МЦБ Томского района. Электрон. дан. [п. Зональная Станция, Томская область: Межпоселенческая центральная библиотека Томского района, 2013]. URL: http://libtr.tom.ru (дата обращения: 05.08.2016).

16. *Детское* чтение // Межпоселенческая центральная библиотека Томского района / МЦБ Томского района. Электрон. дан. [п. Зональная Станция, Тосмкая область: Межпоселенческая центральная библиотека Томского района, 2013]. URL: http://libtr.tom.ru (дата обращения: 05.08.2016).

17. *Деятельность* Межпоселенческой центральной библиотеки и библиотек Томского района в 2012 году : аналитическая справка / МБУ МЦБТР. п. Зональная Станция [Томская область]: Б.и., 2013. 53 с.

18. *Исаенкова О.Я.* Каникулы без скуки // Библиотечный вестник Томского района. 2012. № 3–4 (11–12). С. 1.

19. *Казацан С.В.* Лагерь + библиотека = будет ярким это лето // Библиотечный вестник Томского района. 2012. № 3–4 (11–12). С. 2.

20. *Холонькова Т.П.* «Свет лика твоего» // Библиотечный вестник Томского района. 2014. № 3 (20). С. 4–5.

21. *В библиотеке* д. Нелюбино // Библиотечный вестник Томского района. 2014. № 4 (21). С. 3.

22. *Журавлева В.М.* «Умелые руки не знают скуки» // Библиотечный вестник Томского района. 2015. № 2–3 (23–24). С. 3.

23. *Глушаева М.Е.* Творческий вечер писателей-земляков / М.Е. Глушаева, О.А. Толкус // Библиотечный вестник Томского района. 2014. № 3 (20). С. 3.

24. *Никитина О.В.* «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались…» // Библиотечный вестник Томского района. 2015. № 2–3 (23–24). С. 1.

25. *Наши* издания // Межпоселенческая центральная библиотека Томского района / МЦБ Томского района. Электрон. дан. [Зональная Станция : Межпоселенческая центральная библиотека Томского района, 2013]. URL: http://libtr.tom.ru/node/2700 (дата обращения: 05.08.2016).

26. *Теплый* октябрь Томского района // Межпоселенческая центральная библиотека Томского района / МЦБ Томского района. Электрон. дан. [Зональная Станция : Межпоселенческая центральная библиотека Томского района, 2013]. URL: http://libtr.tom.ru/node/8612 (дата обращения: 05.08.2016).

27. *Подари* свое тепло // Агентство новостей ТВ2 / ООО «Томская Медиа Группа». Электрон. дан. Томск : ООО «Томская Медиа Группа». URL: http://www.tv2.tomsk.ru/video-chas-pick/podari-svoe-teplo (дата обращения: 05.08.2016).

Degtyareva Alena I. Central Library of Tomsk district (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: alibren@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 194–204.
DOI: 10.17223/22220836/24/21

SOCIAL ACTIVITY OF RURAL LIBRARIES OF TOMSK DISTRICT OF TOMSK REGION (2000 years)

Key words: *municipal libraries, rural libraries, Tomsk region, Tomsk district, social activity of libraries.*

Activities of modern libraries aimed at providing access to information. At the same time, libraries can help solve social problems, among which are social and digital divide, the loss of national identity, the decline in literacy as a result of falling interest in reading, the aggravation of inter-ethnic conflicts, dehumanization of society and others. Humanistic, social orientation of activity of libraries in the theoretical studies and papers summarizing experience is determined by different authors as significant

The solution of social problems is carried out in the social partnership. Social partners for libraries of Tomsk district of Tomsk region are: schools, kindergartens, social services, public and commercial organizations. The main social partners for libraries of Tomsk district are libraries and schools.

Libraries of Tomsk district service firstly children and older peoples. Socially unprotected users in libraries are over 70%.

Social activity of rural libraries of Tomsk district of Tomsk region consists of support and development children's reading, educational programs support, legal support, information support for the older generation, the organization of cultural activities, support of creative self-realization for the local population.

The most popular themes for events of social activities of rural libraries of Tomsk district are local history, ecology, history of the Fatherland, legal education. Children under 14 years are one of the priority groups of library services in the libraries of the Tomsk district and account for about 40% of all readers. Libraries of Tomsk district hold various celebrations for children and youth books, literary competitions, Children's Book Week for the development of children's reading. Books on various fields of knowledge which are equipped with library collections, multimedia lessons which help to assimilate program material, thematic collections of books use to support the education. Libraries writes newsparers and magazines for older peoples. Thus provides information support for older peoples. Club Activity Library promotes the organization of cultural activities of the local population and support creative self. Libraries organize creative competitions and perform on-site for exhibitions of local talent. Legal support of the local population is carried out within the framework of the setting up of libraries, multipurpose centers, public access points, as well as through the organization of thematic folders.

References

1. Kuzoro, K.A. (2013) Napravleniya sotsial'noy raboty sel'skikh bibliotek Tomskoy oblasti (na primere Kargasokskogo, Krivosheinskogo i Molchanovskogo rayonov) [The social work of rural libraries in Tomsk region (a case study of Kargasokskiy, Krivosheinskiy and Molchanovskiy districts of Tomsk region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(11). pp. 41–45.

2. Kormishina, G.M. (2008) O missii i sotsial'noy roli bibliotek [On the mission and social role of libraries]. *Vestnik MGUKI – The Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. *2*. *pp. 139–143*.

3. Svergunova, N.M. (2014) The social mission of libraries: An analytic review of viewpoints. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki – Scientific and Technical Libraries*. 7. pp. 14–18. (In Russian).

4. Antonenko, S.A. (2010) Sotsial'nye funktsii sel'skoy biblioteki [The social functions of the rural library]. *Bibliotekovedenie*. 5. pp. 26–29.

5. Orlova, E.N. (2014) Sovremennaya biblioteka: informatoriy ili sotsial'nyy kul'turno-dosugovyy tsentr [The modern library: Information point or social cultural and recreational centre]. *Tr. GPNTB SO RAN*. 7. pp. 318–323.

6. Konysheva, O. (2012) Sotsial'nye funktsii biblioteki: paradigma ili nasushchnaya potrebnost' vremeni? [Social functions of the library: The paradigm, or an urgent need of the time?]. *Bibliotechnoe delo*. 20(182). pp. 32–34.

7. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia (2009) *Deyatel'nost' Mezhposelencheskoy tsentral'noy biblioteki i bibliotek Tomskogo rayona v 2008 godu: analiticheskaya spravka* [Activities of the Intersettlement Central Library and the libraries of Tomsk Region in 2008: An Analytical report]. Tomsk: [s.n.].

8. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2016) *Deyatel'nost' Mezhposelencheskoy tsentral'noy biblioteki i bibliotek Tomskogo rayona v 2015 godu: analiticheskaya spravka* [Activities of the Intersettlement Central Library and the libraries of Tomsk Region in 2015: An Analytical report]. Tomsk: [s.n.].

9. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2015) *Deyatel'nost' Mezhposelencheskoy tsentral'noy biblioteki i bibliotek Tomskogo rayona v 2014 godu: analiticheskaya spravka* [Activities of the Intersettlement Central Library and the libraries of Tomsk Region in 2015: An Analytical report]. Tomsk: [s.n.].

10. Masyaykina, E.A. (2013) Reader's informational culture in the rural library (a case study of libraries of Verkhneketsky, Teguldetsky and Chainsky districts of Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(9). pp. 16–22. (In Russian).

11. Degtyareva, A.I. (2015) An introduction to reading in rural libraries (a case study of Tomsk district of Tomsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(19). pp. 82–87. (In Russian).

12. Anon. (2014) Chitaem klassiku [Reading classics]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3(20). pp. 1–2.

13. Dergileva, N.M. (2014) Uchastie v rayonnom literaturnom konkurse – ser'eznoe dostizhenie [Participation in the regional literary contest as a major achievement]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3(20). pp. 2.

14. Luchanovo, Tomsk District. (2015–2016) *Biblioteka sela Luchanovo Tomskogo rayona im. L.D. Gurkovskoy. Virtual'naya vystavka knizhnykh novinok "Brosay 'myshku' – voz'mi v ruki knizhku!"*[The library named after L.D. Gurkovsky, Luchanovo, Tomsk Region. A virtual exhibition of new books "Put away the 'mouse' – take up a book!"]. [Online] Available from: http://luchanovo.ru/data/documents/Virtualnaya-vystavka-knizhnyh-novinok2015.pdf. (Accessed: 7th August 2016).

15. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2013a) *Knigi-yubilyary 2016* [Book Anniversaries in 2016]. [Online] Available from: http://libtr.tom.ru. (Accessed: 5th August 2016).

16. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2013b) *Detskoe chtenie* [Children's reading]. [Online] Available from: http://libtr.tom.ru. (Accessed: 5th August 2016).

17. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2012) *Deyatel'nost' Mezhposelencheskoy tsentral'noy biblioteki i bibliotek Tomskogo rayona v 2012 godu: analiticheskaya spravka* [Activities of the Intersettlement Central Library and the libraries of Tomsk region in 2012: An analytical report]. Tomsk: [s.n.].

18. Isaenkova, O.Ya. (2012) Kanikuly bez skuki [Holidays without boredom]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3–4(11–12). pp. 1.

19. Kazatsan, S.V. (2012) Lager' + biblioteka = budet yarkim eto leto [Camp + library will make you summer bright]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3–4(11–12). pp. 2.

20. Kholonkova, T.P. (2014) “Svet lika tvoego” [“The light of thy countenance”]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3(20). pp. 4–5.

21. Anon. (2014) V biblioteke d. Nelyubino [The library of Nelyubino]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 4(21). pp. 3.

22. Zhuravleva, V.M. (2015) “Umelye ruki ne znayut skuki” [Skillful hands do not know boredom]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 2–3(23–24). pp. 3.

23. Glushaeva, M.E. & Tolkus, O.A. (2014) Tvorcheskiy vecher pisateley-zemlyakov [An evening with fellow writers]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 3(20). pp. 3.

24. Nikitina, O.V. (2015) “Kak zdorovo, chto vse my zdes' segodnya sobralis'…” [“It's great that we are all gathered here today . . .”]. *Bibliotechnyy vestnik Tomskogo rayona*. 2–3(23–24). pp. 1.

25. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2013c) *Nashi izdaniya* [Our publications]. [Online] Available from: http://libtr.tom.ru/node/2700. (Accessed: 5th August 2016).

26. Intersettlement Cental Library of Tomsk region. Zonalnaya Stantsia. (2013d) *Teplyy okty*abr' [Warm October]. [Online] Available from: http://libtr.tom.ru/node/8612. (Accessed: 5th August 2016).

27. Tomskaya Media Gruppa. (n.d.) *Podari svoe teplo* [Give your warmth]. [Online] Available from: http://www.tv2.tomsk.ru/video-chas-pick/podari-svoe-teplo. (Accessed: 5th August 2016).

УДК 021.63 (571)
DOI: 10.17223/22220836/24/22

Т.В. Дергилева

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ

В статье освещены кардинальные изменения в деятельности информационно-библиотечной системы Сибирского отделения РАН, связанные с реформированием самой Российской академии наук. Обосновано, что реструктуризация научных организаций проходит на принципах объединения научно-исследовательских институтов. Выявлены проблемы информационного сопровождения научных исследований Сибирского отделения и даны рекомендации по их решению. Наиболее актуальными из них являются внедрение и использование облачных сервисов и повышение квалификации библиотечных специалистов.

Ключевые слова: *информационно-библиотечная система, реформы, проблемы функционирования библиотек, Web-технологии, повышение квалификации библиотечных специалистов.*

Реформирование Российской академии наук и интеграция трех академий: Российской академии наук (РАН), Российской академии медицинских наук (РАМН), Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), переподчинение всех научных организаций Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) России повлекли за собой процессы реорганизации, такие как сокращение финансирования науки; оценка эффективности деятельности научных организаций; реструктуризация научно-исследовательских институтов; перевод научных сотрудников и библиотекарей на систему эффективного контракта, а также оптимизация штатов с объявленным повышением зарплаты научных сотрудников. В новых условиях кардинально изменились деятельность и формы взаимодействия информационно-библиотечных структур Сибирского отделения РАН, в том числе с научно-методическим центром – Государственной публичной научно-технической библиотекой (ГПНТБ) СО РАН. В связи с этими обстоятельствами возникла потребность в изучении текущего состояния и проблем функционирования библиотек, подведомственных Федеральному агентству научных организаций (ФАНО) территориального управления (ТУ) Сибирского отделения (СО) России.

Реструктуризация научно-исследовательских институтов в основном проходит на принципах объединения. Например, в целях содействия развитию взаимодействия академической науки с бизнесом и промышленностью на базе 11 объединенных научных организаций Красноярского научного центра создается Федеральный исследовательский центр. Изучаются условия организации Байкальского федерального исследовательского центра[1] на основе слияния пока двух институтов Иркутского научного центра: Динамики

[1] Подробнее см.: http://rosnauka.ru/news/1614 (дата обращения: 21.04.2016).

систем и теории управления и Лимнологического. Сибирский научно-исследовательский институт растениеводства и селекции Россельхозакадемии (РАСХН) в 2015 г. стал филиалом Института цитологии и генетики СО РАН, идет также процесс реорганизации Сибирской научной сельскохозяйственной библиотеки (СибНСХБ) в филиал ГПНТБ СО РАН. Очевидно, что после реструктуризации институтов – системы более высокого порядка – будет проведена и реорганизация библиотечной системы, которая уже началась с объединения библиотек научно-исследовательских институтов Красноярского научного центра и перевода сотрудников всех научных организаций, подведомственных ФАНО ТУ СО, на эффективный контракт. Данный контракт предусматривает аттестацию рабочих мест, а также зависимость стимулирующих выплат от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, хотя «…ни эффективный, ни иной контракт, никакая система оплаты труда не позволят повысить среднюю заработную плату без увеличения фонда оплаты труда или (и) сокращения численности работников учреждения»[1]. Объявленное повышение зарплаты научным сотрудникам предполагает оптимизацию штатов, как научных сотрудников, так и библиотечных, что на деле повлечет за собой их сокращение. Примером тому может служить глобальная реформа библиотечного дела и оптимизация (в данном случае сокращение) штатов библиотек, реализуемая в настоящее время в Москве[2].

В целях определения состояния библиотечного дела и выявления проблем функционирования библиотек был проведен блиц-опрос заведующих библиотеками, входящими ранее в централизованную библиотечную систему Сибирского отделения РАН [1]. Им было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Существуют ли проблемы в самостоятельном комплектовании фонда отечественными и зарубежными изданиями.

2. К каким электронным ресурсам, необходимым ученым и специалистам для проведения научно-исследовательской работы, библиотека не имеет доступа.

3. Нужны ли библиотекам компьютеры современной модификации и оргтехника.

4. Требуется ли обновление программного обеспечения (ПО) «ИРБИС».

5. Наличие программиста для сопровождения (внедрения) автоматизированных библиотечных процессов (да/нет).

6. Требуется ли библиотекарям повышение квалификации.

В опросе приняли участие 40 из 68 библиотек научных организаций Сибирского отделения. Анализ состояния функционирования библиотечного дела Сибирского отделения, основанный на эмпирическом опыте и результатах проведенного опроса, позволил сделать следующие выводы.

Сотрудники библиотек подтвердили, что основной проблемой с 2014 г. остается отсутствие централизованного комплектования библиотек отечест-

[1] *Ломов А.И.* «Эффективный контракт и трудовой договор: найди десять отличий» / А.И. Ломов // Журнал руководителя управления образованием. 2014. № 3. URL : http:// obr.direktor.ru/archive/2014/3/Effektivnyy_kontrakt_i_trudovoy_dogovor_naydi_desy (дата обращения: 15.09.16)

[2] ТАСС. Информационное агентство России. URL : http://tass.ru/moskva/3209045 (дата обращения: 21.04.2016).

венными и зарубежными источниками информации через ГПНТБ СО РАН, в восстановлении которого заинтересованы практически все библиотеки сети. Однако возобновление данного технологического процесса маловероятно, поскольку законодательством РФ запрещена централизация средств и передача ресурсов с баланса одной организации на баланс другой. Проблема дефицита информационного обеспечения научных исследований, качество которого все больше зависит от доступа к зарубежным электронным ресурсам (ЭР), усугубляется или его отсутствием, или нестабильностью доступа, который предоставляется только при условии, что институт выигрывает конкурс[1]. Из-за недостаточного финансирования ограничен доступ научным сотрудникам и к российским ЭР[2].

Качественное и оперативное информационное сопровождение научных исследований зависит не только от доступа к информационным ресурсам, но и от оснащения библиотек современным оборудованием. Следовательно, одним из критериев эффективного функционирования библиотек служит показатель материально-технической базы (МТБ), главным образом оснащенность современными компьютерами и наличие программного обеспечения. В библиотеках разный уровень МТБ и автоматизации библиотечных процессов, но большинство библиотек нуждаются в обновлении парка персональных компьютеров и оргтехники. Причем библиотекари заинтересованы в приобретении многофункциональных устройств, которые практичнее в работе и экономичнее по стоимости в сравнении со сканерами и принтерами. Современное компьютерное оборудование необходимо библиотекам не только для выполнения основных производственных задач, но и для совместной информационной, образовательной, методической и просветительской деятельности.

От наличия в библиотеке ПО зависит состояние справочно-поискового аппарата (СПА). В зависимости от способа ведения СПА библиотеки Сибирского отделения можно распределить на три группы:

– 18 (26 %) библиотек генерируют только электронные каталоги (ЭК);

– 40 (58 %) библиотек ведут электронные и карточные каталоги;

– 10 (14 %) библиотек – только карточные каталоги.

При генерации ЭК 54 библиотеки (77 %) используют ПО «ИРБИС» (разные версии); 1 библиотека работает на ПО OPAC-Global; 2 библиотеки – на CDS ISIS; 3 – применяют собственные разработки, а в 10 библиотеках автоматизированных процессов нет [2]. Целесообразнее было бы всем библиотекам работать в одном ПО – «ИРБИС». Однако это зависит как от финансовых возможностей институтов, так и от библиотекарей, которые должны обучиться генерировать ЭК в новой программе, затем конвертировать уже имеющиеся в ЭК. Учитывая тот факт, что в данных библиотеках работает один сотрудник, как правило не владеющий информационными технологиями, генерация ЭК для них не представляется возможной. Ситуация усугубляется

[1] WoS, SCOPUS, Springer, Elsevier, Natural Publishing Group, Wiley-Blackmell, Royal Society of Chemistry, журналы American Physical Society, American Institute of Physics, Optical Society of America, SciFinder, REAXYS, MathSciNet, American mathematical society, патентной базе компании "Questel" QPAT, IEEE, AAAS, SPIE, CUP и некот. др.

[2] ЭБ диссертаций РГБ, ЭБС КнигаФонд, полные тексты издательства «Наука», РЖ ВИНИТИ, БД РКП, журналы на платформе Elibrary, ЭР Министерства образования и науки РФ.

еще и тем, что в библиотеках нет программистов, а в большинстве институтов – IT-специалистов, владеющих библиотечным программным обеспечением для (внедрения) сопровождения автоматизированных библиотечных процессов. Так, например, библиотекам Новосибирского, Красноярского и Омского научных центров, работающим в ПО «ИРБИС», оказывают методическую помощь два специалиста Отдела автоматизированных систем ГПНТБ СО РАН; в Томском научном центре СО РАН пять библиотек научных организаций обслуживает один специалист, работающий на 0,5 ставки. Очевидно, что этого недостаточно, и сотрудникам библиотек приходится самостоятельно решать все проблемы, связанные с автоматизацией библиотечных процессов.

Опрос показал, что потребность в повышении квалификации существует у многих библиотечных специалистов, но большинство обучающих мероприятий проводятся на платной основе, на что у институтов чаще всего нет средств. Тем не менее, сотрудниками библиотек были предложены темы семинаров, обучение на которых будет способствовать повышению эффективности их работы. Наиболее актуальными из них являются:

- Комплектование фондов книгами и электронными ресурсами (поиск поставщиков-правообладателей, взаимодействие с издательствами, составление договоров).
- Учет, списание, хранение информации (в том числе из удаленных электронных библиотек), оцифровка фондов.
- Интернет-технологии. Проектирование, разработка и обслуживание содержательного наполнения библиотечного сайта.
- Работа в наукометрических БД; создание профиля организации в БД Scopus, WoS, REAXYS.
- Наукометрия и продвижение публикаций сотрудников. Регистрация информационных ресурсов в международных и российских организациях, получение DOI.
- Лицензирование открытого доступа. Свободные лицензии в России.
- Международные базы данных научного цитирования и практика их использования для научной деятельности.
- Служебное произведение науки и авторское право.

Таким образом, проведенный опрос показал, что практически на все заданные вопросы о наличии проблем в работе библиотек сотрудники ответили положительно. Следовательно, ГПНТБ СО РАН как научно-методический центр должна последовательно решать поставленные библиотеками задачи.

Возможные пути решения проблем функционирования библиотек информационно-библиотечной системы Сибирского отделения РАН:

1. Проблема отсутствия централизованного комплектования фондов библиотек научных организаций может быть решена путем обучения сотрудников библиотек самостоятельному комплектованию фондов. ГПНТБ СО РАН организует специальный семинар, на котором сотрудников библиотек обучат осуществлять поиск поставщиков-правообладателей, устанавливать взаимодействие с издательствами, составлять договоры и многое другое. При этом будет продолжено оказание методической консультативной помощи по всем возникающим вопросам.

2. Стабильный доступ к зарубежным и российским ЭР является наиболее важной и в то же время трудно решаемой проблемой, которая может быть решена только на государственном уровне, поскольку зависит от достаточного финансирования науки.

3, 4. Повышение уровня МТБ библиотек, модернизация компьютеров, обновление ПО «ИРБИС» по мере появления его новой версии, а также автоматизация библиотечных процессов требуют немалых средств. Однако наиболее трудно решаемой проблемой является не приобретение техники современной модификации и ПО, а внедрение и сопровождение автоматизированных библиотечных процессов, так как в библиотеках нет квалифицированных IT-специалистов. Поэтому одним из вариантов решения перечисленных проблем является использование облачных сервисов. Главным стимулом для их внедрения небольшими библиотеками со штатом 1–3 сотрудника является сокращение затрат на развёртывание автоматизированной системы, установку, поддержку, обновление и обслуживание, в том числе мультиплатформенность и предсказуемость платежей. Переход на облачные технологии представляется оптимальным еще и потому, что проект ГПНТБ СО РАН «Создание единого центра автоматизации библиотечно-информационных процессов СО РАН» уже внедрен и эксплуатируется библиотеками Красноярского, Новосибирского и Омского научных центров [3].

5. Заявленные библиотекарями темы семинаров будут включены в тематику обучающих семинаров Центра непрерывного образования библиотечных специалистов ГПНТБ СО РАН.

Необходимо пояснить, что в статье приведен далеко не полный перечень библиотечных проблем, препятствующих функционированию библиотек на современном уровне. Помимо перечисленных, требуют принятия решений проблемы немалых фондов (27 % библиотек имеют фонды от 200 до 400 тыс. экз.); в штате 40 % библиотек работает 1 сотрудник, который не в состоянии обеспечить информационное обслуживание ученых и специалистов на высоком профессиональном уровне; ежегодно увеличиваются и усложняются функциональные обязанности библиотекарей и многое другое.

Следовательно, управление информационно-библиотечной системой в целом и оптимизация функционирования ее отдельных элементов во многом зависят от выработки подходов к решению проблем каждой конкретной библиотеки, поскольку от уровня их деятельности зависит качественное и оперативное информационное обеспечение научных исследований.

Литература

1. *Дергилева Т.В.* Централизованная библиотечная система СО РАН в условиях реформирования Российской академии наук [Электронный ресурс] // Библиотеки и образование для молодежи новой формации : междунар. науч.-практ. интернет-конф., Орел, 28 апреля – 30 мая 2014 г. Орел, 2014. Электрон. дан. Систем. Требования : IBM PC, Windows 2000 или выше. Загл. с титул. экрана. URL: http://library.gu-unpk.ru/docs/internet_konf_2014/Dergileva.pdf (дата обращения: 10.07.2016).

2. *Стукалова А.А.* Особенности развития справочно-поискового аппарата библиотек научно-исследовательских учреждений СО РАН // Библиосфера. 2015. № 3. С. 62–67.

3. *Баженов С.Р.* Формирование справочно-поискового аппарата библиотек на базе единого центра / С.Р. Баженов, А.А. Стукалова. URL: http://www.gpntb.ru/win/inter-vents/crimea2016/disk/proceeding.html (дата обращения: 12.07.2016).

Dergileva Tatiana V. State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL of SB RAS), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: dergileva@spsl.nsc.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 205–210.

DOI: 10.17223/22220836/24/22

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE INFORMATIONAL-LIBRARIAN SYSTEM OF SIBERIAN BRANCH UNDER REFORMS

Key words: *informational-library system of Siberian branch, reforms, the problems of libraries, Web-technologies, training.*

This article contains directions of reforming of the Russian Academy of Sciences:

– the integration of the three Russian academies: the Academy of Sciences, the Academy of Medical Sciences, Academy of Agricultural Sciences and the subordination of all scientific research organizations, the Russian Federal Agency of scientific organizations;

– financing reduction of science; assessment of the effectiveness of scientific organizations; restructuring of research institutes; translation of researchers and librarians in the effective contract and optimization of staff of the scientific organizations.

The new conditions have changed activities and forms of cooperation information and librarian departments of the Siberian Branch (SB) including scientific and methodological center of system – the State Public Scientific and Technical Library (SPSTL) SB RAS.

It is proved that the restructuring scientific organizations held on the principles of association, for example, the Institutes of the Irkutsk, Krasnoyarsk and Novosibirsk Scientific Center. Simultaneously with the reorganization of the higher-order system has begun reforming the library system. Under these conditions, it took to study the state library and identify the problems of functioning libraries, Siberian Branch.

For this purpose, we conducted a survey of library staff, previously included in the centralized library system of SB RAS. According to the survey identified problems in the information support of scientific research of the Siberian Branch: instability access to foreign and Russian electronic resources; the absence of a centralized library acquisition by domestic and foreign sources of information through SPSTL of SB RAS; lack of funds for the renewal of personal computers, office equipment, software and IT-specialists with library software; there is a need for further training of library professionals SB.

In conclusion, suggesting the possible ways of solving the problems of information support of scientific organizations FANO TU SB Russia, such as: the introduction and use of cloud services and the organization of special events to improve the skills of library staff.

References

1. Dergileva, T.V. (2014) [The Centralized Library System SB RAS in the conditions of reforming of the Russian Academy of Sciences]. *Biblioteki i obrazovanie dlya molodezhi novoy formatsii* [Libraries and Education for the New Formation of Youth]. Proc. of the International Internet Conference. Orel. April 28 – May 30, 2014. [Online] Available from: http://library.gu-unpk.ru/docs/internet_konf_2014/Dergileva.pdf. (Accessed: 10.07.2016). (In Russian).

2. Stukalova, A.A. (2015) Osobennosti razvitiya spravochno-poiskovogo apparata bibliotek nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniy SO RAN [Reference and search devices of SB RAS libraries]. *Bibliosfera*. 3. pp. 62–67.

3. Bazhenov, S.R. & Stukalova, A.A. (2016) *Formirovanie spravochno-poiskovogo apparata bibliotek na baze edinogo tsentra* [The formation of reference and search library apparatus on the basis of a united centre]. [Online] Available from: http://www.gpntb.ru/win/inter-vents/crimea2016/disk/proceeding.html. (Accessed: 12th July 2016).

УДК 02(460)
DOI: 10.17223/22220836/24/23

О.А. Жеравина

БИБЛИОТЕКА САЛАМАНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СВОЕЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается период в истории библиотеки старейшего испанского университета, охватывающий два с лишним столетия. Анализируется законодательство Альфонса X Мудрого, в котором была утверждена должность университетского библиотекаря; проводится терминологический анализ соответствующего фрагмента текста второй части Семи Партид, раскрывается содержание библиотечной деятельности в рассматриваемый период, характеризуется уровень развития библиотеки как университетского подразделения.
Ключевые слова: *Библиотека Саламанкского университета, законодательство Альфонса X Мудрого, библиотекарь университетской библиотеки.*

Библиотека Саламанкского университета является старейшей действующей университетской библиотекой Испании. Она была учреждена королем Альфонсом X Мудрым в 1254 г. в университете, основанном еще в 1218 г. В своем учредительном акте, официально закреплявшем существование и деятельность самого университета, король утвердил наличие библиотеки как университетского подразделения.

Испания была единственной страной Западной Европы, в которой уже в XIII в. национальным законодательством закреплялось важное значение института университетской библиотеки для развития науки и гуманитарных знаний. Во второй части знаменитого свода законов Семи Партид Альфонса Мудрого должность библиотекаря учреждалась как обязательная для каждого учебного заведения, претендующего на роль генеральных штудий. В обязанность ему вменялось «отбирать достойные и должным образом оформленные книги» для предоставления их студентам. Последние могли переписывать имевшиеся в библиотеке тексты или использовать их как образцы для исправления ошибок в уже переписанных.

Разрешение занимать должность библиотекаря, согласно указанному законодательству, мог давать только ректор университета, который, в свою очередь, был обязан предварительно проверить все книги, имевшиеся в распоряжении претендента на эту должность, и убедиться, что все они являются «подходящими, читабельными, содержащими истинные положения». Если же таковых книг не находилось при тщательной проверке, ректор не должен был выдавать лицензию на осуществление библиотечной деятельности такому претенденту, а студентам разрешать пользоваться не отвечающими высоким требованиям книгами, «по крайней мере до того, как те подвергнутся процедуре необходимых исправлений» [1. P. 345–346].

Как видим, библиотечная деятельность, законодательно зафиксированная в университетском пространстве уже на раннем этапе его существования и выступает в качестве неоспоримого факта, характеризующего первоначаль-

ную историю испанской университетской библиотеки как таковой. Вместе с тем возникает вопрос о характере этой деятельности и стойкое стремление избежать соблазна модернизации в понимании ее существа.

Внимательное прочтение текста главы XXXI, в которой под рубрикой Закона 11 речь идет об описанной выше должности библиотекаря, делает очевидной необходимость учета этимологии ключевого слова. В тексте Семи Партид для обозначения должности библиотекаря употребляется термин *estacionario,* относящийся к разряду архаической лексики и одновременно имеющий конкретно-историческую «привязку» именно к Саламанкскому университету. Помимо устаревшего ныне значения «букинист», термин *estacionario* в старинной Саламанке употреблялся в значении «библиотекарь». При этом очевидна здесь прямая связь со словом *estación,* одно из значений которого в настоящее время является устаревшим и означает «книжный магазин».

Смысловой анализ архаичных терминов позволяет более адекватно трактовать характер деятельности саламанкских библиотекарей в первые века существования университетской библиотеки. Это дает дополнительное подтверждение обоснованности такой трактовки и позволяет очевидный смысл рассматриваемого текста принимать как таковой, без соблазна интерпретировать его с позиций содержания современной терминологии.

В подтверждение сказанного обратимся к концовке Закона 11 о должности «библиотекаря», где говорится о том, что ректор совместно с Советом университета обязан оценивать, «сколько должен получать библиотекарь за каждую книгу или тетрадь, которую предоставляет студентам для ее копирования или исправления по ней ошибок в своих записях». Помимо этого, закон предписывает ректору принять надежных поручителей библиотекаря, которые могут засвидетельствовать, что тот будет «надлежащим образом следить за всеми книгами, которые будут переданы ему для продажи, и что он не допустит обмана со своей стороны» [1. P. 61].

Очевидно, что первоначально университетский библиотекарь в своей деятельности был генетически связан с теми слоями городских ремесленников, которые выстраивали мощную инфраструктуру вокруг любого возникающего университета, даже на стадии генеральной штудии. Переписчики, переплетчики, книжные торговцы активно обустраивали свои мастерские и книжные лавки в университетских городах, находя здесь немалый спрос на свое мастерство и товар и создавая тем самым своего рода информационно-методическое обеспечение учебного и научного процесса.

Университетская библиотека в первые века своего существования не могла конкурировать с этим интенсивным потоком книжного производства и циркуляции книжной продукции. Обладая некоторым фондом учебной литературы, она выполняла поставленную на самом высоком уровне перед ней задачу отвечать за подлинность тщательно выверенных текстов, предоставляемых учащимся для копирования с целью обретения своих личных экземпляров для использования в учебных целях.

Висенте Бельтран де Эредиа, ученый доминиканец, профессор Католического университета Саламанки, большой знаток университетской истории и ее источников, замечает, что университет, по всей видимости, первые два века вряд ли располагал каким-то специальным библиотечным пространст-

вом. Тот самый библиотекарь, о котором шла речь в Семи Партидах Альфонса Мудрого и которому этот король установил жалованье в 100 мараведи, держал книги в своей комнате и выдавал их за некоторую плату студентам для копирования, причем книги чаще всего разделялись на тетради с тем, чтобы одновременно с каждой книгой могло работать столько студентов, сколько тетрадей ее составляли. Комната библиотекаря никоим образом не представляла собой место для чтения. Книги или тетради студенты переписывали дома, а помещение, где их получали у библиотекаря, напоминало, скорее книжную лавку, нежели читальный зал [2. P. 175].

Университетский библиотекарь, как правило, имел в своем распоряжении весьма скромное число книг в силу их дороговизны, и до начала XV в., по мнению В. Бельтрана де Эредиа, говорить о сколько-нибудь заметном библиотечном фонде в университете вряд ли представляется возможным [2. С. 176].

Не отличался особой величиной книжный фонд университетской библиотеки и в более позднее время, когда, казалось бы, происходили заметные перемены в ее развитии. Проведя сравнение общего числа книг, которые имелись в библиотеке Саламанкского собора с фондом библиотеки университета в конце XV – начале XVI в., Анхель Риеско Терреро делает вывод о том, что библиотека собора значительно превосходила «едва-едва начинавшую развиваться и еще бедную университетскую библиотеку». Положение кардинально изменилось только к середине XVI в., когда книжный фонд последней начинает заметно расти, принимая в дар библиотеки выдающихся университетских профессоров и благодарных учеников. Соборная же библиотека в эту эпоху впадает в состояние полного упадка, во всех отношениях уступив ведущие позиции библиотеке Саламанкского университета [3. С. 199].

Библиотека со скудным фондом, не отражающим широту дисциплин, преподаваемых в университете; с отсутствующим библиотечным пространством, адекватным потребностям обучения; с непроработанным регламентом предоставления услуг неизбежно превращается в неэффективное и малопригодное для функционирования университета подразделение.

Очевидно, что объективно присущий библиотечному организму огромный потенциал развития в рамках университетской корпорации не мог бесконечно оставаться невостребованным, особенно в условиях несколько ускорившихся темпов роста самой корпорации. По образному выражению Сесилии Фернандес, «со времени нашего далекого прошлого библиотеки стали термометром, которым можно измерять состояние здоровья университета, точно так же, как состояние последнего определяет здоровье испанского общества» [4. P. 57].

Несмотря на все трудности, с момента своего возникновения библиотека университета становится его неотъемлемой частью, что закреплялось в университетских уставах, а ее текущие проблемы рассматривались и решались на заседаниях ученого совета. Спустя более столетия после учредительного акта Альфонса Мудрого появляются первые уставы Саламанкского университета, изданные папами Бенедиктом XIII в 1411 г. и Мартином V в 1422 г. В этих документах университету предписывается выделять определенные суммы денег на покупку книг, а также иметь фиксированное место для их хранения.

Из Устава Мартина V следует, что в первой четверти XV в. университет уже имел определенное помещение, где располагалась библиотека, которая в определенные часы была открыта для посетителей. Указывалась даже сумма в 2 тыс. флоринов, ежегодно выделяемая на приобретение книг, причем на это же предписывалось тратить средства, сэкономленные по статье университетского управления. Библиотека, согласно Уставу Мартина V, должна была быть открыта в течение четырех часов ежедневно, кроме воскресенья.

Этапной для библиотеки Саламанкского университета стало первое десятилетие второй половины XV в., когда восхищенным взорам студентов и преподавателей открылось наконец просторное помещение библиотеки, над которым возвышался купол, расписанный фигурами знаков Зодиака и эмблемами, олицетворяющими свободные искусства. Такая необычная роспись была осуществлена художником Фернандо Гальего вскоре после открытия кафедры астрологии в Саламанкском университете. В южной части главного здания университета было отведено достойное место коллекции рукописей, собранных университетом за два века своего существования.

Литература

1. *Las Siete* Partidas del Rey Don Alfonso el Sabio, cotejadas con varios codices antiguos por la Real Academia de Historia. Tomo II. Partida segunda y tercera. Madrid : En la Imprenta Real, 1807. 834 p. URL : http://fama2.us.es/fde/lasSietePartidasEd1807T2.pdf (дата обращения:10.09.2016).

2. *Beltrán de Heredia V.* Bulario de la Universidad de Salamanca (1219-1549). T. I. Salamanca : Universidad de Salamanca, 1966. 625 p.

3. *Riesco Terrero A.* Datos para la historia de una biblioteca medieval y renacentista vinculada al cabildo cathedral de Salamanca // Revista General de Información y Documentación. Vol. 8, № 1. Madrid : Universidad Complutense, 1998. P. 189–201.

4. *Cecilia Fernández Fernández*. La Universidad Española y sus bibliotecas // Boletín de la ANABAD. Tomo 40, № 2–3, 1990. P. 57–64.

Zheravina Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 211–215.
DOI: 10.17223/22220836/24/23

THE LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF SALAMANCA DURING THE INITIAL STAGE OF ITS HISTORY

Key words: *Library of University of Salamanca, Alphonse X the Wise's legislation, librarian of university library.*

The library of the Salamanca University is the oldest university library of Spain. It was founded by the king Alphonse X in 1254. Spain was the country of Western Europe in which in the 13th century the national legal system value of the institute of university library for development of science and humanitarian knowledge was reflected. In the second part of the well-known compiled laws Seven Partidas of Alphonse the Wise the position of the librarian was established in all general studies.

Permission to hold the librarian's position, according to the specified legislation, only the rector of university could give. The rector in turn, was obliged to check previously all books which were available at the disposal of the applicant for this position and to be convinced that all of them are "suitable, readable, containing true positions". As we see, library activity was carried out already at an early stage of existence of university.

Originally university librarian in the activity was genetically connected with those layers of city handicraftsmen which built powerful infrastructure of book production and trade around any arising university. The university library in the first centuries of the existence could not compete with this intensive stream of book production and trade. The university, most likely, hardly had the first two centuries some special library space. The room of the librarian did not represent the place for reading.

Books or notebooks students rewrote at home, and the room where they were received, reminded, rather a book-store, than the reading room.

Despite all difficulties, from the moment of the emergence the library of university becomes its important part that was reflected in university charters, and its current problems were considered and solved at meetings of the academic council.

In the second half of the 15th century, the spacious premises of library over which the dome painted with figures of zodiac signs towered were open. In the main building of University the worthy place of a manuscript collection, collected by University for two centuries of the existence was allocated.

References

1. *Las Siete Partidas del Rey Don Alfonso el Sabio, cotejadas con varios codices antiguos por la Real Academia de Historia* [The Seven Partides of the King Don Alfonso the Wise, compared with several old codices by the Real Academy of History]. (1807) Vol. 2. Madrid: En la Imprenta Real. [Online] Available from: http://fama2.us.es/fde/lasSietePartidasEd1807T2.pdf. (Accessed: 10th September 2016).

2., Beltran de Heredia, V. (1966) *Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549)* [Bulario of the University of Salamanca (1219–1549)]. Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca.

3. Riesco Terrero, A. (1998) Datos para la historia de una biblioteca medieval y renacentista vinculada al cabildo cathedral de Salamanca. *Revista General de Información y Documentación*. 8(1). pp. 189–201. (In Spanish).

4. Fernández, C. (1990) La Universidad Española y sus bibliotecas [The Spanish University and its libraries]. *Boletín de la ANABAD*. 40(2–3). pp. 57–64.

УДК 027.1
DOI: 10.17223/22220836/24/24

Е.В. Ивановская

ЧТО ЧИТАЛ РУССКИЙ ОФИЦЕР-РАЗВЕДЧИК НАЧАЛА XX В. (К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕКИ М.А. ПОЛУМОРДВИНОВА)

В Научной библиотеке Томского государственного университета хранится библиотека русского офицера М.А. Полумордвинова. В ее состав входят интересные работы по истории Маньчжурии, Монголии, Китая, Кореи и Японии XIX – начала XX в. на русском, монгольском, китайском и других языках. Библиотека офицера-разведчика была необходима ему при выполнении своих служебных обязанностей. До настоящего времени библиотека П.А. Полумордвинова не являлась объектом специального исследования, и в данной статье делаются первые шаги на пути к её изучению.
Ключевые слова: *личные библиотеки, Научная библиотека Томского государственного университета, литература о Дальнем Востоке.*

В первые годы советской власти на территории Сибири фонды Главной научной библиотеки Томского университета пополнились целым рядом интереснейших коллекций и отдельных изданий. Связано это было с закрытием и преобразованием учебных заведений, различных организаций и обществ, а также национализацией частных библиотек. Одной из таких библиотек было книжное собрание русского офицера М.А. Полумордвинова (1867–1917). Книжные собрания русских купцов, ученых, офицеров, проживавших на территории Дальнего Востока, а также военные библиотеки давно привлекают внимание исследователей [1–3]. Однако о библиотеке Полумордвинова есть только упоминания в некоторых работах новосибирских исследователей, изучение данного собрания только начинается. Исследование этого вопроса становится актуальным, если учесть еще и тот факт, что в настоящее время пристальное внимание уделяется изучению хранящейся в Томском областном краеведческом музее восточной коллекции, собранной М.А. Полумордвиновым за период его службы на Дальнем Востоке.

Михаил Аркадьевич Полумордвинов родился в дворянской семье Оренбургской губернии. Окончил шесть классов Оренбургского кадетского корпуса и Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. Службу он начал в 1885 г. в 158-м пехотном Кутаисском полку рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда. Участник похода в Китай (1900–1901 гг.) и Русско-японской войны (1904–1905 гг.). В 1903 г. Полумордвинов был переведён в Отдельный корпус пограничной стражи младшим офицером 22-й сотни Заамурского округа; 6 декабря 1903 г. он стал уже штабс-ротмистром, 27 декабря 1904 г. – ротмистром, а 6 декабря 1908 г. – подполковником. 15 августа 1910 г. его перевели в 3-й пограничный Заамурский пехоный полк; 16 мая 1912 г. – в 1-й пограничный Заамурский пехотный полк. С 3 октября 1913 г. он служил в качестве старшего адъютанта штаба Заамурского округа. За боевые отличия награжден орденом Св. Анны 3-й степени и Св.

Станислава 2-й степени, а также чином ротмистра. На 1914 г. числился в чине подполковника [4. С. 31]. Являлся участником Первой мировой войны. В начале 1916 г. в связи с ранением Полумордвинов вышел в отставку в чине полковника [5. С. 6]; впоследствии служил в Томске в Управлении земледелия [6. С. 204–207].

С образованием Харбинского общества востоковедов в 1908–1909 гг. Михаил Аркадьевич вошел в состав его совета, самостоятельно овладел монгольским языком, написал ряд работ по истории Китая и организации военного дела в этой стране [7. С. 135–136]. За годы службы в Заамурском округе (1903–1914) Михаил Аркадьевич участвовал в работе в органах разведки округа, совершил несколько рекогносцировок в Маньчжурии и Восточной Монголии, занимался переводами разных военных книг, собрал коллекцию предметов быта дальневосточных народов, предметов буддийского культа и т.д. В данный момент эта коллекция хранится в фондах Томского областного краеведческого музея.

Кроме этого, Полумордвинов собрал интересную по своему составу личную библиотеку, которая отвечала его профессиональным интересам. Большинство книг в ней освещают разные аспекты жизни стран Дальнего Востока: Маньчжурии, Монголии, Китая, Кореи и Японии. Основная масса изданий относится к военному делу, на 20 изданиях из них стоит гриф «Секретно» или «Не подлежит оглашению», т.е. эти издания предназначались только для служебного пользования. Книги под грифом «Секретно» раскрывают ту информацию, которая была известна узкому кругу читателей и, естественно, интересна современным исследователям. Большое место здесь занимает литература военного, географического, исторического характера в основном на русском языке. Однако есть небольшой блок книг на иностранных языках: несколько книг на китайском, японском, немецком. В связи с тем, что М.А. Полумордвинов сотрудничал с редакцией журнала «Вестник Азии» и являлся редактором нескольких его выпусков, в его библиотеке есть подборка этого журнала за 8 лет с 1909 по 1916 г.

Особый интерес представляет альбом военных открыток «Японская армия и флот». В нем помещено 93 фотографии, на которых можно увидеть, как выглядел военный мир Японии начала XX в.

Основная часть книг коллекции была издана в начале XX в. (табл. 1). Однако встречаются издания более раннего периода. Например: О. Ковалевский «Буддийская космология» (1837), «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах…» Т. 1–3 (1824); «Монгольская хрестоматия». Т. 1–2. (1836–1837).

Таблица 1

Период издания книг, входящих в состав библиотеки М.А. Полумордвинова

Дата издания	Количество книг	В % соотношении
1-я половина XIX в.	6	2,4
2-я половина XIX в.	30	13,4
Начало XX в.	174	80,9
Без указания года	7	3,3

Если рассматривать все издания, входящие в состав описываемого книжного собрания, то около половины книг было издано в Санкт-Петербурге. Из

табл. 2 можно также увидеть, что большой массив литературы был напечатан на Дальнем Востоке.

Таблица 2

Место издания книг, входящих в состав библиотеки М.А. Полумордвинова

Место издания	Кол-во книг	В % соотношении	Место издания	Кол-во книг	В % соотношении
Владивосток	13	6	Никольск-Уссурийский	1	0,5
Хабаровск	4	1,9	Киев	3	1,4
Харбин	43	20	Томск	1	0,5
Порт-Артур	3	1,4	Йокохама	1	0,5
Пекин	10	4,7	Токио	3	1,4
Лейпциг	1	0,5	Санкт-Петербург	94	43,5
Москва	14	6,5	Без указания места	20	9,3
Казань	4	1,9			

После смерти владельца несколько лет библиотека оставалась в ведении его вдовы, Екатерины Петровны Полумордвиновой. В марте 1920 г. председатель Самусьского затонского комитета Иван Королев реквизировал её. Он обратился в Политпрос с заявлением следующего рода: «…при производстве обыска у гр. Полумордвиновой (вдовы полковника), проживающей на хуторе близ д. Велейки, Петропавловской волости Томского уезда, агент УТЧК Ив. Коротков обнаружил большие запасы книг. Доводя о сём до сведения Райкомвода, Самусьский затон просит срочно ходатайствовать перед отделом Нар. Просв. О разрешении реквизировать указанные книги для рабочих Самусьского Затона» [8. Л. 6–6 об.]. На этом заявлении было отмечено, что разрешение на изъятие этого книжного собрания у владелицы было дано. В октябре этого же года Томской губернской реквизиционно-конфискационной комиссией у Екатерины Петровны были «реквизированы для подотдела по делам музеев охраны памятников искусств и старины Томского губернского отдела народного образования предметы из коллекции подполковника Полумордвинова» [9. Л. 2]. Среди них числилось несколько книг.

Сложно сказать, что случилось потом, но в 1922 г. губнаробраз передал библиотеку Полумордвинова Главной библиотеке Томского университета. В отчете за 1922 г. это книжное собрание характеризовалась как «ценная коллекция книг по изучению Востока» [10. Л. 96 об.]. Начиная с апреля 1922 г. большая часть книг М.А. Полумордвинова влилась в фонды университетской библиотеки практически единым блоком.

В 1929 г. Е.П. Полумордвинова продала Томскому краеведческому музею восточную коллекцию мужа, собранную им во время его службы. Среди многочисленных предметов искусства фигурируют 16 книг по буддизму, истории Дальнего Востока на русском языке, восемь книг и рукописей на китайском и монгольском языке [9. Л. 13, 36].

В начале 1990-х гг. в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета было принято решение о восстановлении библиотеки М.А. Полумордвинова. Тогда из фонда общего книгохранения и резервно-дублетного фонда было выбрано около 200 томов книг. В 2013 г. поиск книг был возобновлен. На данный момент выявлен 251 экземпляр. Установить точное количество поступивших в библиотеку университета книг пока не удалось, так как на эту библиотеку нет отдельного

каталога. Однако в архивном фонде Томского областного краеведческого музея имеется список, составленный самим владельцем. После тщательного просмотра каждой книги удалось установить, что встречающиеся цифровые данные на титульных листах или обложках книг соответствуют порядковому номеру из этого списка. Самая большая цифра, которая была обнаружена, 313.

Отличительной чертой этого собрания является присутствие на титульном листе или обложке либо факсимиле подписи «М. Полумордвинов» с наклоном влево либо записи черными чернилами «М. Полумордвинов». При этом в архивном фонде Томского областного краеведческого музея есть «опись коллекции М.А. Полумордвинова», в которой числится более трехсот книг. Данное обстоятельство облегчает поиски по восстановлению данного книжного собрания.

Источники поступления книг в данную библиотеку определить практически невозможно. Только на 10 % книг есть указания либо на имя предыдущего владельца книги, либо на какой то книжный магазин. На 7 книгах стоит оттиск штемпеля книжного магазина И.Т. Щелокова в г. Харбине. На одном издании стоит печать южно-русского книжного магазина И.И. Динтерав в Киеве. Несколько книг попали к Полумордвинову из других личных библиотек: 2 книги ранее принадлежали П.В. Гейцигу, 1 книга из библиотеки Николая Шаврова, 1 книга Н.С. Мережковского. На книгах, на титульных листах которых стоит гриф «Секретно» или «Не подлежит оглашению», имеется оттиск штемпеля: «Библиотека Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи». На одном издании есть оттиск штемпеля «Военная контора А.А. Износкова. С.-Петербург. Гороховая 12».

Из общего вида библиотеки можно сделать предположение, что-где то в 1910-х гг. Михаил Аркадьевич начал приводить в порядок общий вид своего собрания. Около половины книг одеты в единообразные переплеты, которые состоят из полукожаного корешка и тканевых сторонок переплета коричневого цвета. На некоторых переплетенных книгах остались ярлычки переплетной мастерской магазина баронессы С.Н. Врангель в Харбине. Поэтому можно предположить, что книги из своей личной библиотеки М.А. Полумордвинов переплетать начал в период службы в Харбине. Закончить начатое дело, вероятно, помешала Первая мировая война.

Для того чтобы бы собрать все сведения по данной библиотеке, проводились также исследования в фондах Томского краеведческого музея, где хранится коллекция различных предметов, собранных М.А. Полумордвиновым. В ходе работы было найдено 7 книг и 2 рукописи (монгольская и японская). Однако их принадлежность к интересующей нас библиотеке на 100 % сложно подтвердить, так как нет точных указаний об источнике их поступления.

Данная библиотека пока находится в стадии формирования, но уже сейчас можно сказать, что это очень интересное собрание книг по истории Востока. Книжное собрание М.А. Полумордвинова сформировалось в конце XIX – начале XX вв. как личная библиотека военного-востоковеда, удовлетворявшая профессиональным и духовным запросам владельца. До настоящего времени библиотека М.А. Полумордвинова упоминалась в работах новосибирских исследователей, но не являлась объектом специального исследования. В данный момент делаются первые шаги на пути к её изучению.

Литература

1. *Пайчадзе С.А.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: (Очерки истории второй половины XIX – начала XX столетия). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1995. 225 с.

2. *Пайчадзе С.А.* Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.) / С.А. Пайчадзе, С.Н. Лютов, Е.Н. Савенко. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1998. 160 с.

3. *Лютов С.Н.* Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века) / А.М. Панченко, С.Н. Лютов. Новосибирск : Изд-во ГПНТБ СО РАН, 2007. 320 с.

4. *Список* генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чинам Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству в чинах по родам оружия и по частям / сост. по 1-е мая 1914 г. Харбин, 1914. С. 31.

5. *Раненные* в боях: Сведения «Русского слова» // Русское слово. 1916. № 37. 16 (29) февр. С. 6.

6. *Кумаков А.В.* Сигары и шоколад для русского полковника в австрийском плену // Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу: Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 204–207.

7. *Ефремова М.В.* К истории поступления Восточной коллекции в собрание Томского областного краеведческого музея // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 135–136.

8. *Государственный* архив Томской области. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 450.

9. *Томский* областной краеведческий музей. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1.

10. *Архив* НБ ТГУ. Оп. 1. Д. 8.

Ivanovskaya Ekaterina V. Scientific Library of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sizova_e@rambler.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 216–221.

DOI: 10.17223/22220836/24/24

WHAT READS RUSSIAN SERVICE AGENT OFFICER IN EARLY XX CENTURY (TO THE QUESTION OF THE RECONSTRUCTION OF THE LIBRARY M.A. POLUMORDVINOV, 1867–1917)

Key words: private libraries, Scientific Library of Tomsk State University, M.A. Polumordvinov.

In the first years of the Soviet power in the territory of Siberia funds of library of Tomsk university were replenished with a number of book collections. Library of the Russian officer Mikhail Arkadyevich Polumordvinov (1867–1917) was one of such libraries.

Polumordvinov have collected a private library, interesting on the structure, which was equitable to his professional interests. The majority of books in her cover different aspects of life of the countries of the Far East: Manchuria, Mongolia, China, Korea and Japan. The most part of books belong to military science. Here literature of military, geographical, historical character generally in Russian figures prominently. However there is a small block of books in foreign languages: several books on Chinese, Japanese, German. Because M. A. Polumordvinov cooperated with editorial office of the Bulletin of Asia magazine and was an editor of several of his releases, in his library there is a selection of this magazine in 8 years from 1909 to 1916. The main part of books of a collection has been published at the beginning of the 20th century. However editions of earlier period of time meet.

In the early 1990th in department of manuscripts and book monuments of Scientific library Tomsk state university have made the decision on restoration of library of Polumordvinov. 251 copies are at the moment revealed. In the 1910th Mikhail Arkadyevich has begun to put a general view of the meeting in order. About a half of books are dressed in identical covers. On some bound books there were labels of a binding workshop of shop of baroness S. N. Wrangel in Harbin. Therefore it is possible to assume that M. A. Polumordvinov has begun to bind books from the private library in the period of service in Harbin. World War I has prevented to finish the begun business probably.

This library is in a stage of the formation so far. But already now it is possible to tell that this very interesting collection of books on East history. So far M. A. Polumordvinov's library wasn't object of special research and at present the first steps on the way to her studying are taken.

References

1. Paychadze, S.A. (1995) *Russkaya kniga v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: (Ocherki istorii vtoroy poloviny XIX – nachala XX stoletiya)* [Russian books in the Asian-Pacific region: (Essays on the history of late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: The State Public Scientific Library, SB RAS.

2. Paychadze, S.A., Lyutov, S.N. & Savenko, E.N. (1998) *Voennaya kniga v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya izdaniya i sotsial'nye funktsii (1917–1945 gg.)* [Military books in Siberia and the Far East (1917–1945): History of publication and social functions]. Novosibirsk: The State Public Scientific Library, SB RAS.

3. Lyutov, S.N. & Panchenko, A.M. (2007) *Voennye biblioteki v Rossii (XIX – nachalo XX veka)* [Military libraries in Russia (the 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: The State Public Scientific Library, SB RAS.

4. The Separate corps of border guards of the Amur district. (1914) *Spisok generalam, shtab- i ober-ofitseram i klassnym chinam Zaamurskogo okruga Otdel'nogo korpusa pogranichnoy strazhi po starshinstvu v chinakh po rodam oruzhiya i po chastyam* [The list of generals, staff and senior officers and class ranks the separate corps of border guards of the Amur district in seniority in rank for weapons and parts]. Kharbin: [s.n.].

5. *Russkoe slovo*. (1916) Ranennye v boyakh [Wounded in battle]. 16th February. pp. 6.

6. Kumakov, A.V. (2006) Sigary i shokolad dlya russkogo polkovnika v avstriyskom plenu [Cigars and chocolate for a Russian colonel in the Austrian captivity]. *Pervaya mirovaya voyna: poiski novykh podkhodov k issledovaniyu, priglashenie k dialogu: Doklady Akademii voennykh nauk – WWI: Searching for New Approaches towards Research and Invitation to Dialogue. Reports of Military Science Academy*. 5(23). pp. 204–207.

7. Efremova, M.V. (2004) K istorii postupleniya Vostochnoy kollektsii v sobranie Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [On the history of Eastern collection in the collection of the Tomsk Regional Museum]. In: Voskresenskaya, M.A. (ed.) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of formation of the spiritual world and the social image of the population of Western Siberia since ancient times to the present]. Tomsk: NTL. pp. 135–136.

8. *The State Archive of Tomsk Region*. Fund R-28. List 1. File 450.

9. *Tomsk Regional Museum of Local Lore*. Fund 1. List 5. File 1.

10. *Tomsk State University Research Library Archives*. List 1. File 8.

УДК 027.52 (571.16)
DOI: 10.17223/22220836/24/25

К.А. Кузоро, А.А. Ляпкова

ОБСЛУЖИВАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕКАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ ОПЫТА[1]

В статье анализируется опыт работы муниципальных сельских библиотек Томской области по организации обслуживания читателей с ограниченными возможностями здоровья в 2010-х гг. Рассмотрены такие направления их работы, как обеспечение необходимой литературой и справочной информацией, предоставление тифлотехнических средств, обучение компьютерной грамотности, организация досуга, благотворительные акции, создание библиотечных клубов, содействующие адаптации инвалидов, развитию их информационной культуры, творческих способностей.
Ключевые слова: *социальная работа, граждане с ограниченными возможностями здоровья, сельские библиотеки, муниципальные библиотеки, Томская область.*

По данным департамента социальной защиты населения, в настоящее время в Томской области проживает около 60 тысяч граждан с ограниченными возможностями здоровья (это более 5 % от общего количества населения), из них почти 4 тысячи детей-инвалидов [1].

Одним из принципов библиотечного обслуживания в Томской области декларируется поддержка со стороны государственной власти и местного самоуправления развития библиотечного обслуживания инвалидов как наименее социально и экономически защищенной категории граждан [2. Ст. 22]. Реализация государственного протекционизма в библиотечном обслуживании инвалидов относится к полномочиям исполнительных органов государственной власти Томской области [2. Ст. 23].

В 2003 г. был принят закон «О социальной защите инвалидов в Томской области» (изм. от 12.11.2015 г.), в соответствии с которым приоритетными признаются следующие направления деятельности:

– беспрепятственное предоставление определенных федеральным и областным законодательством социальных гарантий и льгот;

– обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур и к предоставляемым в них услугам;

– совершенствование социальной инфраструктуры и разнообразных форм социальной помощи в соответствии с потребностями инвалидов;

– создание специализированных реабилитационных центров;

– оказание протезно-ортопедической, слухопротезной помощи и обеспечение техническими средствами реабилитации; – профессиональная подготовка и переподготовка;

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01261.

– создание специальных рабочих мест, цехов, организаций для обеспечения трудоустройства инвалидов [3].

В области действует Томское региональное отделение общественной организации Всероссийского общества инвалидов, Томская областная общественная организация «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых», Томское региональное отделение Всероссийского общества глухих, Томская региональная общественная организация родителей и опекунов инвалидов с детства «Незабудка»; районные организации. В целях социальной интеграции инвалидов, предоставления для них услуг и объектов приоритетных сфер жизнедеятельности действует региональная программа «Доступная среда» (2015–2020).

Публичные библиотеки также являются одним из социальных институтов, способным оказывать поддержку гражданам с ограниченными возможностями здоровья. В профессиональной научной литературе рассмотрены направления работы библиотек с незрячими и слабовидящими читателями [4–7], детьми-инвалидами [8, 9]; возможности применения арт-терапевтических методик [10, 11], опыт создания библиотечных клубов [12], история специализированных библиотек [13], система профессиональной подготовки библиотекарей к взаимодействию с читателями-инвалидами [14].

Особую значимость социальная деятельность приобретает в сельской местности, где муниципальные библиотеки остаются практически единственными организациями, готовыми на безвозмездной основе вести культурно-просветительскую работу, заниматься организацией досуга граждан с ограниченными возможностями здоровья.

В Томской области муниципальные библиотеки работают во всех 16 районах, общее количество муниципальных библиотек составляет 324 (по данным за 2015 г.) [15. С. 13]. Различные направления социальной деятельности сельских библиотек Томской области рассмотрены в статьях А.А. Ляпковой [16–18], Е.А. Масяйкиной [19, 20], Д.А. Усковой [20], К.А. Кузоро [21, 22], А.И. Дегтярёвой [23, 24]. В числе изучаемых вопросов – особенности работы с пожилыми людьми, приобщение к чтению населения разных возрастов, краеведческое и экологическое просвещение, профориентация молодежи, формирование культуры семейного чтения, здорового образа жизни, информационной компетентности. Рассмотрим организацию обслуживания читателей с ограниченными возможностями здоровья в муниципальных сельских библиотеках Томской области, возможности библиотек и направления их деятельности. Источником для данного исследования послужили годовые информационно-аналитические отчеты Томской областной универсальной научной библиотеки (ТОУНБ) им. А.С. Пушкина и центральных районных библиотек за 2011–2015 гг., районная периодическая печать.

Работу с инвалидами библиотеки осуществляют в партнерстве с общественно-политическими, социальными, образовательными, медицинскими учреждениями и организациями: районными администрациями, спортивно-оздоровительными комплексами, советами ветеранов, социально-реабилитационными центрами для несовершеннолетних, домами культуры. Сельские муниципальные библиотеки включаются в реализацию районных и област-

ных социальных проектов, направленных на улучшение качества жизни граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Обеспечение доступа к информации является одним из важных условий полноценной социальной реабилитации. Читателям с ограниченными возможностями здоровья во всех библиотеках оказывается помощь в поиске информации, даются рекомендация и осуществляется доставка необходимой литературы. Информация предоставляется через стенды, тематические папки, буклеты. Для инвалидов предусмотрена 50% скидка на платные услуги – ксерокопирование, распечатку, сканирование документов и т.д. В библиотеках проводятся консультации, информационные часы, Дни правовых знаний с участием сотрудников Пенсионного фонда, центров занятости населения, районных больниц, центров социальной поддержки.

Значительное внимание уделяется пользователям с ограниченными возможностями здоровья в центрах общественного доступа к социально значимой информации – действующих в библиотеках информационных службах, обеспечивающих бесплатный доступ к правовой, нормативной, социальной информации и организующих консультативную помощь по ее поиску. Большинство запросов составляют справки о льготах и субсидиях, правилах предоставления жилья, социального такси; вопросы начисления, расчета и перерасчета пенсий.

Сотрудники центров проводят специальные курсы компьютерной грамотности для пожилых людей и инвалидов, на которых учат работать в программе Microsoft Word и базовых офисных приложениях; пользоваться поисковыми системами, электронной почтой, Skype, социальными сетями; оплачивать услуги ЖКХ, приобретать товары через Интернет и т.д. Для пенсионеров и инвалидов в центральной библиотеке Кожевниковского района реализуется проект «Открытые возможности». Задачи проекта – обучение основам работы с компьютером, повышение информационной культуры, приобретение навыков взаимодействия гражданина и государства с помощью компьютерных технологий. Темы занятий различные: как найти необходимый документ в системе «КонсультантПлюс», зарегистрироваться в электронной почте и социальных сетях, научиться работать с порталом государственных услуг. Проект финансируется фондом М. Прохорова в рамках открытого благотворительного конкурса «Новая роль библиотек в образовании» [25. С. 24].

В Каргасокском районе интеграция социально незащищенных пользователей в информационное пространство осуществляется в ходе реализации программы «Школа компьютерной грамотности». В центральной библиотеке работает компьютерный класс, где сотрудники проводят обучающие тренинги «Основы работы с персональным компьютером». Более 300 пенсионеров и инвалидов Каргасокского района в течение последних пяти лет окончили «Школу компьютерной грамотности» [26. С. 2].

В специализированном библиотечном обслуживании остро нуждаются незрячие и слабовидящие читатели. Ежегодно центральные районные библиотеки из ТОУНБ им. А.С. Пушкина получают плоскопечатные книги с укрупненным шрифтом и сборники практических материалов по работе с читателями-инвалидами. На сайтах центральных библиотек Зырянского,

Верхнекетского, Парабельского, Чаинского районов доступны версии для слабовидящих. В библиотеках имеются тифлофлешплееры, магнитофоны, пользуясь которыми, можно прослушать аудиокниги и звуковые журналы.

Многие инвалиды в силу сложившихся обстоятельств зачастую оторваны от внешнего мира, поэтому для преодоления информационной изоляции обслуживаются внестационарно. Например, в поселке Орехово Первомайского района библиотекарь приносит в дом-интернат для пожилых людей и инвалидов новые книги, подбирает литературу по заявкам. В Тымской библиотеке Каргасокского района организована «Служба доставки литературы на дом» для пенсионеров, инвалидов и многодетных семей.

В Колпашевском районе пенсионеры и инвалиды обслуживаются на дому – ежемесячно к ним приходит или приезжает сотрудник абонемента центральной Колпашевской библиотеки. В 2014 г. таким видом библиотечных услуг воспользовался 21 читатель [27. С. 7].

Библиотеки способствуют обогащению социального опыта и организации досуга читателей с ограниченными возможностями здоровья. Инвалидов приглашают на все мероприятия, проводимые библиотеками, привлекают к участию в фестивалях, праздниках, концертах, выставках декоративно-прикладного творчества. На базе библиотек Зырянского, Молчановского, Первомайского районов открыты социальные комнаты, сотрудники которых занимаются организацией досуга пенсионеров и инвалидов [28. С. 3].

Организуются также мероприятия, предназначенные специально для людей с ограниченными возможностями. Так, в библиотеках Бакчарского района в декаду инвалидов в 2014 г. был организован целый ряд мероприятий: в Бакчарской центральной районной библиотеке прошла презентация «Смотри на меня, как на равного», посвященная спортсменам-паралимпийцам; в Высокоярской центральной библиотеке совместными усилиями с сельским Домом культуры был организован литературный вечер «Триумф смешной девчонки», посвященный 80-летию российской актрисы театра и кино А.Б. Фрейндлих; в Крыловской библиотеке была проведена игровая программа «Путешествие по радужной стране» для детей-воспитанников местной школы-интерната VIII вида; в Богатыревской библиотеке действовала выставка «Растения-целители нашего края», посвященная лекарственным растениям; библиотекарь Новобурковского филиала Парбигской центральной библиотеки Н.М. Хохлова посетила инвалидов, предложив им взять на прочтение книги на выбор [29. С. 57–58].

Библиотеки взаимодействуют с центрами социальной защиты населения в разработке и проведении районных этапов фестиваля-конкурса спортивных и творческих способностей «Преодолей себя». В декаду инвалидов (1–10 декабря) в библиотеках Первомайского района проходит ежегодная акция «Острова доброты», в программу которой входят вечера отдыха, конкурсно-познавательные программы, литературно-музыкальные гостиные. Тех, кто по состоянию здоровья не может приходить на мероприятия, библиотекари посещают на дому [30. С. 22].

В Александровском районе библиотечный комплекс осуществляет взаимодействие с ОГБУ «Дом-интернат для престарелых и инвалидов», для кото-

рого библиотечными сотрудниками организуются различные мероприятия [31. С. 10].

Сотрудники библиотек признают значимость помощи в социальной адаптации инвалидов через самореализацию в творческой деятельности. Так, в библиотеках организуются персональные выставки картин и декоративно-прикладного творчества людей с ограниченными физическими возможностями; при поддержке сотрудников читатели принимают участие в литературных районных и областных конкурсах.

Библиотекари становятся инициаторами благотворительных акций для инвалидов и пожилых людей. Например, в декаду инвалидов сотрудники библиотек Кожевниковского и Тегульдетского районов посещают инвалидов, вручают им подарки, приносят необходимую литературу, оказывают помощь по хозяйству.

Муниципальные библиотеки Колпашевского района реализовали проект «Безграничный тур» по развитию социального туризма для людей с инвалидностью. В его подготовке помимо библиотек приняли участие управление по культуре, спорту и молодежной политике администрации Колпашевского района, районное общество инвалидов. В 2015 г. состоялись обзорные экскурсии «Старинный город на Томи», «Сибирские Афины», «Казачий острог». Участники проекта посетили Томский областной краеведческий музей, православные храмы [15. С. 50–51].

Особая категория инвалидов, с которыми работают библиотеки, – дети и подростки. Среди направлений работы в качестве основных можно выделить развивающие и обучающие занятия, познавательно-игровые программы, конкурсы.

С 2009 г. сельские библиотеки принимают участие в областном конкурсе по изготовлению тактильных книг «Чтобы дети верили в чудо», цель которого – «развитие у детей с нарушением зрения устойчивого интереса и потребности в чтении, содействие раскрытию их творческого потенциала, создание условий для диалога и общения детей друг с другом и со здоровыми сверстниками» [32]. В конкурсе, организованном ТОУНБ им. А.С. Пушкина, участвуют авторы и авторские коллективы, возраст участников не ограничен.

Кривошеинская детская библиотека выступает площадкой для встреч воспитанников социально-реабилитационного центра «Дельфин» и школьников села. В библиотеке проводятся игровые и познавательные мероприятия, выставки рисунков и поделок, на встречи приглашаются местные творческие коллективы. В этом же направлении работают библиотеки Тегульдетского района, проводящие встречи для школьников «Люди на свете бывают разные». Межпоселенческая централизованная библиотечная система Зырянского района в 2015 г. реализовала программу «От сердца к сердцу», целевой аудиторией которой стали дети и подростки с ограниченными возможностями здоровья, а также дети из неблагополучных семей. Основной целью проекта было внедрение форм работы, позволяющих организовать эффективное библиотечное обслуживание, досуговую деятельность, обучение компьютерной грамотности детей с ограниченными возможностями. Сотрудничество с Зырянским детским домом позволило привлечь детей из отдаленных сел района. В течение года были проведены познавательно-игровые программы

«Неделя сказок» и «Школа суперагентов», литературная гостиная «Семейная круговерть», урок милосердия «С открытым сердцем, с добрым словом», мастер-класс по изготовлению новогодних игрушек [14. С. 50].

В Бакчарском районе в 2014 г. проведена игровая программа «Малые олимпийские игры» для детей с ограниченными возможностями здоровья. Участники были разделены на две команды; каждая из которых зарабатывала баллы, участвуя в интеллектуальных конкурсах – отгадывании кроссворда, спортивной викторине [29. С. 52]. Особое внимание работе с детьми-инвалидами уделяет Анастасьевская библиотека Шегарского района. Библиотекари обсуждают с детьми прочитанные книги, что помогает развивать речь ребенка, формировать информационную культуру.

Инвалиды имеют очень узкий круг общения, и как показывает опыт, внести вклад в создание благоприятных условий для их социальной адаптации могут клубы. Особенно популярны клубы у представителей старшего поколения, поскольку позволяют активизировать творческий потенциал пожилого человека, реализовать его творческие возможности.

В библиотеках районов действуют клубы общения для пенсионеров и инвалидов, в число их задач входит создание комфортной культурно-развивающей среды и условий для творческой самореализации; организация и проведение тематических вечеров, фольклорно-этнографических праздников, конкурсов. В подготовке мероприятий участники клубов принимают самое активное участие – подбирают материалы, разучивают стихи и песни, помогают готовить реквизит для конкурсов.

Клуб ветеранов и инвалидов «Добрые встречи» был открыт в 1997 г. в Каргасокской библиотеке. Заседания клуба проводятся в двух формах – деловые встречи и досуговые мероприятия. Поскольку клуб создавался в первую очередь для делового общения, эта форма является приоритетной. На заседания приглашаются юристы, врачи, работники аптек, социальных служб, жилищно-коммунальной сферы, специалисты администрации, руководители села и района. Такие встречи не только дают возможность разобраться в актуальных для его участников вопросах, но и обеспечивают обратную связь, привлекая внимание власти к тем трудностям и проблемам, которые в данный момент являются первоочередными для этой категории населения [33].

С 2006 г. в Александровской библиотеке работает клуб «Встреча» для молодых инвалидов (возраст его членов – от 14 до 30 лет). Сотрудники библиотек проводят праздничные и конкурсные программы, на которые участники могут приходить вместе с родителями или опекунами. Для детей-инвалидов значима возможность участия в мероприятиях совместно с другими детьми. Например, в Первомайской детской библиотеке, Торбеевской и Туендатской библиотеках Первомайского района работает клуб «Модульное оригами», занятия которого дети-инвалиды посещают вместе со своими здоровыми сверстниками.

Специалисты Каргасокской детской библиотеки для семейного клуба «Гнездышко» постарались создать безбарьерное пространство, в котором детям-инвалидам будет комфортно развиваться и учиться взаимодействовать друг с другом. Особое внимание библиотекари уделяют вопросам формиро-

вания толерантного отношения к инвалидам, организуя совместные мероприятия с детьми, не имеющими ограничений по здоровью. В селе Подгорном при детской библиотеке работает клуб «Веселая семейка», в который в течение учебного года приглашаются дети-инвалиды, воспитанники социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, их родители.

Клубы по интересам для читателей с ограниченными физическими возможностями оказывают положительное эмоциональное воздействие, помогают в самообразовании, предоставляют возможности для творческого самовыражения. Участники расширяют коммуникативное пространство, начинают общаться друг с другом вне стен библиотеки, помогают друг другу в трудных жизненных ситуациях.

Для того, чтобы заниматься обслуживанием читателей с ограниченными возможностями здоровья, библиотекарю недостаточно обладать профессиональными знаниями, необходимы знания основ социальной психологии и психологии межличностных отношений; представление о психологических, экономических, правовых, социальных проблемах инвалидов; умение пользоваться тифлотехническими средствами. Все эти знания приобретаются и совершенствуются благодаря постоянному самообразованию, а также обучающим семинарам и курсам. К этому необходимо добавить и личностные качества сотрудников – доброжелательность, терпение, отзывчивость, внимательность, умение создать благоприятный психологический климат. Повышение квалификации библиотечных работников Томской области по библиотечному обслуживанию инвалидов, обучение работе со специальным оборудованием осуществляет центр библиотечного обслуживания людей с ограничениями жизнедеятельности ТОУНБ им. А.С. Пушкина. Например, были проведены обучающие семинары для работников культуры: «Формирование безбарьерной среды в рамках реализации государственной программы “Доступная среда”» (2015), «Официальные сайты образовательных организаций и учреждений культуры» (2016).

В качестве факторов, ограничивающих развитие обслуживания инвалидов в сельских библиотеках, можно назвать финансовые трудности, отсутствие или недостаточность необходимой материально-технической базы, неприспособленность библиотечных помещений. В перспективе у муниципальных библиотек – создание версий для слабовидящих для всех библиотечных сайтов; привлечение к работе психологов и медицинских работников; дальнейшее изучение информационных потребностей «особенных» читателей, их восприятия библиотечного обслуживания и библиотечного пространства.

Библиотека в сельской местности является для многих людей с ограниченными возможностями здоровья единственным центром информации и досуга. Библиотеки выполняют значимые социальные задачи – помогают инвалидам адаптироваться в обществе, обеспечивают максимальную доступность необходимой информации, снижение социальной депривации; приобщают к чтению, культурной жизни, развивают их творческие способности.

Литература

1. *Доступная* среда [Электронный ресурс] // Департамент социальной защиты населения Томской области : официальный сайт. URL: http://centersocial.ru/dostupnaya-sreda.html (дата обращения: 14.09.2016).

2. *Закон* Томской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Томской области» № 573 от 09.10.1997 г. (с изм. на 05.10.2015 г.) [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/951805413 (дата обращения: 26.09.2016).

3. *Закон* Томской области «О социальной защите инвалидов в Томской области» № 109-ОЗ от 10.09.2003 г. (с изм. на 12.11.2015 г.) [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/951806692 (дата обращения: 14.09.2016).

4. *Марусич Ж.В.* Библиотечное обслуживание инвалидов по зрению средствами новых информационных технологий. М. : Либерея, 2004. 94 с.

5. *Коновалова М.П.* Библиотека для слепых как центр социокультурной реабилитации : системный подход // Библиотековедение. 2009. № 5. С. 23–30.

6. *Коновалова М.П.* Пути повышения роли библиотек для слепых в реализации национальной программы поддержки и развития чтения // Библиотековедение. 2010. № 2. С. 53–60.

7. *Аминева А.Р.* Чтение незрячих пользователей с использованием информационных технологий в современных условиях // Библиотековедение. 2011. № 3. С. 63–67.

8. *Стародубцева Л.В.* Сделать мир ярче: Библиотечное обслуживание детей с ограниченными физическими возможностями // Библиотечное дело. 2015. № 18 (252). С. 16–19.

9. *Татохина Т.А.* Работа с детьми с ограниченными возможностями здоровья в Воронежской областной юношеской библиотеке [Электронный ресурс] // Методобъединение. Виртуальное методическое объединение библиотек и организаций, работающих с молодежью. URL: http://vmo.rgub.ru/lib_activity/practice/voronezh.php (дата обращения: 14.09.2016).

10. *Труфанова Е.В.* «Особые дети» : корректирующие методики и сказкотерапия // Библиотечное дело. 2012. № 8 (170). С. 2–4.

11. *Саруханова Е.* В гармонии с собой и миром // Библиотека. 2011. № 10. С. 40–45.

12. *Базлова В.А.* «Территория солнца»: Клуб людей с безграничными возможностями // Библиотечное дело. 2015. № 18 (252). С. 7–9.

13. *Клюяшкина И.Н.* Самарская областная библиотека для слепых : вектор современного развития / И.Н. Клюяшкина, В.В. Тюгашева // Библиотековедение. 2010. № 4. С. 116–121.

14. *Милькова В.Н.* Талант всегда зрячий. О системе непрерывного образования библиотечных работников Республики Коми // Библиотечное дело. 2012. № 8 (170). С. 8–12.

15. *Муниципальные* общедоступные (публичные) библиотеки Томской области : информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2015 г / сост. Т.П. Вергановичус. Томск, 2016. 139 с.

16. *Ляпкова А.А.* Возможности работы с пользователями – пожилыми людьми в сельских библиотеках Томской области // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3 (19). С. 96–105.

17. *Ляпкова А.А.* Поддержка семейного чтения как направление работы сельских библиотек (из опыта деятельности библиотек Кожевниковского района Томскойобластив 90-е гг. XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 83–87.

18. *Ляпкова А.А.* Профориентационная работа с молодежью в сельской библиотеке (на примере библиотек районов Томской области) // Профессиональная ориентация. 2015. № 1. С. 27–31.

19. *Масяйкина Е.А.* Деятельность библиотек Томской области по формированию экологической культуры читателей (на примере Верхнекетского и Чаинского районов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 88–101.

20. *Масяйкина Е.А.* Деятельность сельской библиотеки по формированию информационной компетентности читателей (из опыта работы библиотек Чаинского района Томской области начала XX в. / Е.А. Масяйкина, Д.А Ускова // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 67–73.

21. *Кузоро К.А.* Событийный менеджмент как средство воспитания здорового образа жизни муниципальными сельскими библиотеками (на примере Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3 (19). С. 88–95.

22. *Кузоро К.А.* Краеведческая деятельность сельских библиотек Томской областив начале XXI в. (из опыта работы библиотек Каргасокского, Кривошеинского и Молчановского районов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. № 3 (7). С. 74–82.

23. *Дегтярёва А.И.* Приобщение к чтению в сельских библиотеках (из опыта работы библиотек Томского района Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 3(19). С. 82–87.

24. *Дегтярёва А.И.* Представление библиотечных краеведческих материалов в сети Интернет как способ их сохранения и трансляции (на примере веб-сайтов муниципальных библиотек Томской области) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). С. 102–111.

25. *Аналитический* отчет деятельности библиотек межпоселенческой централизованной библиотечной системы Кожевниковского района за 2014 г. Кожевниково, 2015. 56 с.

26. *Шашель И.* Хотим учиться! // Северная правда. 2016. 1 апр. С. 2.

27. *Аналитическая* справка о деятельности Муниципального библиотечного учреждения «Библиотека» в 2014 году. Колпашево, 2015. 33 с.

28. *Светлакова Е.* За чашкой чая в социальной комнате // Знамя. 2015. 20 окт. С. 3.

29. *Информационно*-аналитический обзор о состоянии и деятельности муниципальных общедоступных (публичных) библиотек Бакчарского района за 2014 г. Бакчар, 2015. 106 с.

30. *Муниципальные* общедоступные (публичные) библиотеки Первомайского района: Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 г. Первомайское, 2015. 61 с.

31. *Информационно*-аналитический отчет Александровского района за 2014 г. Александровское, 2015. 24 с.

32. *Конкурс* «Чтобы дети верили в чудо» [Электронный ресурс] // Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина : официальный сайт. URL: http://rslib.lib.tomsk.ru/page/861/ (дата обращения: 14.09.2016).

33. *Клуб* «Добрые встречи» – добрая традиция каргасокских ветеранов [Электронный ресурс] // Каргасокская межпоселенческая центральная районная библиотека : официальный сайт. URL: http://kargasoklib.sokik.ru/d_vstr.html (дата обращения: 14.09.2016).

Kuzoro Kristina A., Lyapkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: clio-2002@mail.ru, anna_lyapkova@rambler.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 222–233 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/25

SERVICE OF THE READERS WITH DISABILITIES IN MUNICIPAL RURAL LIBRARIES OF TOMSK REGION: ANALYSIS OF THE EXPERIENCE

Key words: social work, people with disabilities, rural libraries, municipal libraries, Tomsk region.

Public libraries are one of the social institutions that are able to provide social support to citizens with disabilities.

The libraries carry out work with disabled people in partnership with the socio-political, social, educational, medical institutions and organizations: regional administrations, sports and fitness complexes, councils of veterans, centers of social rehabilitation for minors, houses of culture. Readers with disabilities in all the libraries are assisted in searching for the information, advice on finding and delivering the necessary literature. The information is provided through the stands, thematic folders, booklets. Most of the queries are inquiries about benefits and subsidies, rules of provision of housing, social taxi; issues of charging, calculation and recalculation of pensions. Library staff conduct for disabled courses of computer literacy, which teach the disabled to work in Microsoft Word and basic office applications; to use search engines, e-mail, Skype, social networks; to purchase goods via the Internet, etc.

Each year, rural libraries get from the Tomsk Regional Universal Scientific Library flatbed books with large print. On the websites of the central libraries of Zyryansky, Verkhneketskijj, Parabelskiy, Chainsky districts versions for the visually impaired people are available. The libraries are equipped with typhlo-technical devices, using which you can listen to audio books and audio magazines.

Disabled are invited to all the activities conducted by the library, they are attracted to participate in festivals, celebrations, concerts, exhibitions of arts and crafts. Librarians are the initiators of charitable actions for people with disabilities and the elderly; they visit the disabled, hand them gifts, bring the necessary literature, assist in household.

A special category of persons with disabilities which the libraries work with are children and adolescents. Among the areas of work as a major there can be identified educational and training sessions, cognitive-game programs, games.

People with disabilities have a very narrow circle of contacts, and as experience has shown, clubs can contribute to the creation of favorable conditions for their social adaptation. Especially popular clubs are among the older generation, because they allow to activate the creative potential of an elderly person, to realize his creative potential. A library in a rural area is for many people with disabilities the only center of information and entertainment. Libraries perform important social tasks – they help disabled people to integrate into the society, provide them maximum availability of the necessary information, introduce them to reading, cultural life, develop their creative abilities.

References

1. The Department of Social Protection of the Population of Tomsk Region. (n.d.) *Dostupnaya sreda* [Accessible Environment]. [Online] Available from: http://centersocial.ru/dostupnaya-sreda.html. (Accessed: 14th September 2016).

2. Tomsk Region. (n.d.) *Zakon Tomskoy oblasti "O bibliotechnom dele i obyazatel'nom ekzemplyare dokumentov v Tomskoy oblasti" № 573 ot 09.10.1997 g. (s izm. na 05.10.2015 g.)* [Law № 573 of Tomsk Oblast dated by September 9, 1997, "On libraries and legal deposit of documents in Tomsk region", (rev. May 10, 2015)]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/951805413. (Accessed: 26th September 2016).

3. Tomsk Region. (n.d.) *Zakon Tomskoy oblasti "O sotsial'noy zashchite invalidov v Tomskoy oblasti" № 109-OZ ot 10.09.2003 g. (s izm. na 12.11.2015 g.)* [Tomsk Oblast Law № 109-OZ of September 10, 2003, "On social protection of disabled people in Tomsk region" (rev. November 12, 2015)]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/ 951806692. (Accessed: 14th September 2016).

4. Marusich, Zh.V. (2004) *Bibliotechnoe obsluzhivanie invalidov po zreniyu sredstvami novykh informatsionnykh tekhnologiy* [Library service of the visually impaired by means of new information technologies]. Moscow: Libereya.

5. Konovalova, M.P. (2009) Biblioteka dlya slepykh kak tsentr sotsiokul'turnoy reabilitatsii: sistemnyy podkhod [Library for the blind as a center of social and cultural rehabilitation: A systematic approach]. *Bibliotekovedenie*. 5. pp. 23–30.

6. Konovalova, M.P. (2010) Puti povysheniya roli bibliotek dlya slepykh v realizatsii natsional'noy programmy podderzhki i razvitiya chteniya [Ways of increasing the role of libraries for the blind in the implementation of national programs of support and development of reading]. *Bibliotekovedeni*e. 2. pp. 53–60.

7. Amineva, A.R. (2011) Chtenie nezryachikh pol'zovateley s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy v sovremennykh usloviyakh [Reading of blind users using information technology in modern conditions]. *Bibliotekovedenie*. 3. pp. 63–67.

8. Starodubtseva, L.V. (2015) Sdelat' mir yarche: Bibliotechnoe obsluzhivanie detey s ogranichennymi fizicheskimi vozmozhnostyami [Making the world a brighter: Library services for children with disabilities]. *Bibliotechnoe delo*. 18(252). pp. 16–19.

9. Tatokhina, T.A. (n.d.) *Rabota s det'mi s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v Voronezhskoy oblastnoy yunosheskoy biblioteke* [Working with disabled children in the Voronezh regional youth library]. [Online] Available from: http://vmo.rgub.ru/lib_activity/practice/voronezh.php. (Accessed: 14th September 2016).

10. Trufanova, E.V. (2012) "Osobye deti": korrektiruyushchie metodiki i skazkoterapiya ["Special children": Corrective techniques and farytale therapy]. *Bibliotechnoe delo*. 8(170). pp. 2–4.

11. Sarukhanova, E. (2011) V garmonii s soboy i mirom [In harmony with oneself and the world]. *Biblioteka*. 10. pp. 40–45.

12. Bazlova, V.A. (2015) "Territoriya solntsa": Klub lyudey s bezgranichnymi vozmozhnostyami ["The territory of the sun": The club of people with limitless possibilities]. *Bibliotechnoe delo*. 18(252). pp. 7–9.

13. Klyuyashkina, I.N. & Tyugasheva, V.V. (2010) Samarskaya oblastnaya biblioteka dlya slepykh : vektor sovremennogo razvitiya [The Samara Regional Library for the Blind: The vector of modern development]. *Bibliotekovedenie*. 4. pp. 116–121.

14. Milkova, V.N. (2012) Talant vsegda zryachiy. O sisteme nepreryvnogo obrazovaniya bibliotechnykh rabotnikov Respubliki Komi [Talent is always sighted. On the system of continuous education of librarians of the Komi Republic]. *Bibliotechnoe delo*. 8(170). pp. 8–12.

15. Verganovichus, T.P. (ed.) (2016) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Tomskoy oblasti: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2015 g.* [Municipal public (public) libraries of Tomsk Region: Informational and analytical overview of the status and activity for 2015]. Tomsk: [s.n.].

16. Lyapkova, A.A. (2015) Vozmozhnosti raboty s pol'zovatelyami – pozhilymi lyud'mi v sel'skikh bibliotekakh Tomskoy oblasti [Potential of work with elderly in rural libraries of Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(19). pp. 96–105.

17. Lyapkova, A.A. (2012) Podderzhka semeynogo chteniya kak napravlenie raboty sel'skikh bibliotek (iz opyta deyatel'nosti bibliotek Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblastiv 90-e gg. XX v.) [The support of family reading as direction of work in rural libraries (a case study of libraries of Kozhevnikovsky District, Tomsk Region, in 1990s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(7). pp. 83–87.

18. Lyapkova, A.A. (2015) Proforientatsionnaya rabota s molodezh'yu v sel'skoy biblioteke (na primere bibliotek rayonov Tomskoy oblasti) [Professional orientation work with young people in the rural library (a case study of libraries of Tomsk Region]. *Professional'naya orientatsiya*. 1. pp. 27–31.

19. Masyaykina, E.A. (2012) Deyatel'nost' bibliotek Tomskoy oblasti po formirovaniyu ekologicheskoy kul'tury chitateley (na primere Verkhneketskogo i Chainskogo rayonov) [Activity of Tomsk region libraries for forming readers environmental culture (a case study of Verkhneketsky and Chainsky districts)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(7). pp. 88–101.

20. Masyaykina, E.A. & Uskova, D.A. (2013) Deyatel'nost' sel'skoy biblioteki po formirovaniyu informatsionnoy kompetentnosti chitateley (iz opyta raboty bibliotek Chainskogo rayona Tomskoy oblasti nachala XX v. [The activities of rural libraries of forming readers' informational competence (a case study of libraries in Chainsky district, Tomsk Region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4(12). pp. 67–73.

21. Kuzoro, K.A. (2015) Event-management as a way of training a healthy lifestyle by municipal rural libraries (a case study of Tomsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(19). pp. 88–95. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/19/12

22. Kuzoro, K.A. (2012) Kraevedcheskaya deyatel'nost' sel'skikh bibliotek Tomskoy oblastiv nachale KhKhI v. (iz opyta raboty bibliotek Kargasokskogo, Krivosheinskogo i Molchanovskogo rayonov) [Regional studies in the rural libraries of Tomsk Region in the early 21st century. (A case study of the libraries in Kargasoksky, Krivosheinsky and Molchanovsky district)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(7). pp. 74–82.

23. Degtyareva, A.I. (2015) An introduction to reading in rural libraries (a case study of libraries of Tomsk District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(19). pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/19/11

24. Degtyareva, A.I. (2015) Presentation of library materials on local history in the Internet as a way of their preservation and broadcasting (a case study of websites of municipal libraries in Tomsk Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2(18). pp. 102–111. (In Russian). (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/18/14

25. Intersettlement centralised library system of Kozhevnikovsky district. (2015) *Analiticheskiy otchet deyatel'nosti bibliotek mezhposelencheskoy tsentralizovannoy bibliotechnoy sistemy Kozhevnikovskogo rayona za 2014 g.* [An analytical report for libraries belonging to the intersettlement centralised library system of Kozhevnikovsky District for 2014]. Kozhevnikovo: [s.n.].

26. Shashel, I. (2016) Khotim uchit'sya! [We want to study!]. *Severnaya pravda*. 1st April. pp. 2.

27. The municipal library “Biblioteka”. (2015) *Analiticheskaya spravka o deyatel'nosti Munitsipal'nogo bibliotechnogo uchrezhdeniya “Biblioteka” v 2014 godu* [Analytical information on the activities of the municipal library “Biblioteka” for 2014]. Kolpashevo: [s.n.].

28. Svetlakova, E. (2015) *Za chashkoy chaya v sotsial'noy komnate* [Over a cup of tea in the social room]. Znamya. 20th October. pp. 3.

29. Bakchar District. (2015) *Informatsionno-analiticheskiy obzor o sostoyanii i deyatel'nosti munitsipal'nykh obshchedostupnykh (publichnykh) bibliotek Bakcharskogo rayona za 2014 g*. [The information-analytical review of the status and activity of municipal public (public) libraries in Bakchar district for 2014]. Bakchar: [s.n.].

30. Pervomaysky District. (2015) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Pervomayskogo rayona: Informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 g*. [Municipal public (public) libraries of Pervomaysky District: An information-analytical review of the status and activities of 2014]. Pervomayskoe: [s.n.].

31. Aleksandrovskoe. (2015) *Informatsionno-analiticheskiy otchet Aleksandrovskogo rayona za 2014 g*. [Informational and analytical report of Aleksandrovsky district for 2014]. Aleksandrovskoe: [s.n.].

32. Tomsk Regional Research Library named after A.S. Pushkin. (n.d.) *Konkurs "Chtoby deti verili v chudo"* [The contest "Children need to believe in miracles"]. [Online] Available from: http://rslib.lib.tomsk.ru/page/861/. (Accessed: 14th September 2016).

33. Kargasok Intersettlement Central Regional Library. (n.d.) *Klub "Dobrye vstrechi" – dobraya traditsiya kargasokskikh veteranov* [The Club "Good meetings" - a good tradition of Kargasok veterans]. [Online]. Available from: http://kargasoklib.sokik.ru/d_vstr.html. (Accessed: 14th September 2016).

УДК 002.2
DOI: 10.17223/22220836/24/26

О.Л. Лаврик

МАТЕРИАЛЫ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ КАК СРЕДСТВО НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ. КОММЕРЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

В статье показано, что материалы заочных конференций не являются полноценным средством научных коммуникаций, не отвечают коммуникационным задачам, решаемым на конференциях, имеют низкую научную ценность. Но поскольку их издатели четко соблюдают сроки публикаций и размещают сборники в РИНЦ, они стали удобной площадкой для любых публикаций. С научной точки зрения в лучшем случае такие публикации являются «пробой пера» для молодых, в худшем – порождают информационный шум. Подобные публикации выполняют исключительно отчетную функцию.
Ключевые слова: *материалы заочных конференций, издающие организации, научные коммуникации, библиометрические и альтметрические показатели, РИНЦ.*

Введение

В развитии научных коммуникаций несколько лет назад появилось новое явление – коммерческие научные издания, обещающие безусловную публикацию и размещение электронной версии издания в РИНЦ, наличие ISBN. Стопроцентно все (именно *все* – специалисты, работающие в любой области, находящиеся на любой должности и в любом статусе, и, главное, пишущие научные статьи и оставившие свои адреса электронной почты в научных журналах) получают по мэйлу приглашение принять участие в научной конференции с очень широким названием или прислать статью в сборник статей, также с очень широким названием.

Конечно, можно понять соблазн специалистов, от которых требуется постоянно повышать свою публикационную активность, быстро издать свою статью в сборнике, где нет строго научного рецензирования, но представленного в РИНЦ. Именно эта потребность и породила, мы уверены, такого рода политематические сборники. То есть не развитие науки, диверсификация или углубление научных направлений, а административные необходимость и требование. Сейчас любая научная организация отчитывается за свою публикационную активность, подает сведения о количестве статей, отраженных в РИНЦ, Web of Science, Scopus. И если попасть в журнал, обрабатываемый в Web of Science и Scopus, довольно сложная задача (высокий научный уровень статьи, строгое научное рецензирование, хорошее владение иностранным языком), то отдать материал в сборник, который будет представлен в РИНЦ, где не существует качественного отбора, довольно просто. Как говорится, «спрос рождает предложение».

Изучением этого явления мы занялись в 215 г. [1, 2]. В первоначальном исследовании было выявлено, что в этих политематических сборниках:

- статьи располагаются в алфавитном порядке фамилий авторов;

• тематика – любая (что и служит доказательством административно-вынужденного характера этих публикаций;

• с точки зрения структуры и назначения не имеют ничего общего с выработанными (наверное, за 200 лет) требованиями и характерными чертами такого рода изданий.

Основные выводы:

• в печатном формате *подобные политематические сборники вряд ли могут служить научным коммуникативным средством*: невозможно искать необходимую информацию, просматривая их содержание. *Опубликованная статья попадет в поле зрения читателя только благодаря ее электронному формату* и тематическому поиску в большом информационном массиве – базе данных (если такие сборники обрабатываются, например, в ВИНИТИ для создания реферативного журнала, или ГПНТБ СО РАН при формировании региональных баз данных) и, естественно, в РИНЦ.

• печатный формат такого сборника выполняет только статусную и регистрационную функцию, для научной коммуникации он никакой роли не играет. Для него важен электронный формат.

• порожденный формальными требованиями («publish or parish»[1]), новый тип научных политематических сборников стал формальной оболочкой для многочисленных статей, способом их идентификации, проникновения и функционирования в электронной среде.

Следующим этапом исследования стало более пристальное изучение одной из разновидностей подобных политематических сборников – *материалов заочных конференций*. А аспектами исследования стали:

– организаторы заочных конференций;

– наукометрические показатели авторов, публикующихся в указанных материалах;

– альтметрические показатели сборников материалов заочных конференций.

Методологической основой исследования стала теория научных коммуникаций. В качестве методов использованы контент-анализ, статистические методы обработки данных.

1. Сбор материала и его обработка

Исходной точкой для отбора материалов заочных (или дистанционных) конференций послужили письма-приглашения, которые поступили в электронный ящик автора в 2016 г. Среди них, например, были: «21 век: фундаментальная наука и технологии», «Актуальные вопросы научных исследований», «Актуальные вопросы образования и науки», «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований», «Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения», «Актуальные проблемы науки XXI века», «Инновационные технологии развития современной науки», «Интеграция отечественной науки в мировую: структурные преобразования и перспективные направления развития», «Международная мультинаучная конференция», «Образование и наука. Современное состояние и

[1] Публикуйся, или умрешь.

перспективы развития», «Проблемы и перспективы развития территорий», «Развитие науки в XXI веке», «Стратегии устойчивого развития мировой науки», «Теоретические и практические вопросы современной науки», «Управление устойчивым развитием предприятий» и др.

Благодаря тому, что это были уже не первые конференции, их предыдущие сборники были найдены в РИНЦ. Всего было изучено 50 сборников 2012–2016 гг., содержащих 4250 статей, написанных почти 4500 авторами. Данные РИНЦ (elibrary.ru) позволили выявить библиометрические и альтметрические показатели сборников и авторов.

2. Анализ полученных результатов

Названия заочных конференций. Прежде всего, обращает на себя внимание схожесть названий конференций. В вышеперечисленных 15 в качестве ключевых слов можно выделить фактически 4: отечественная и мировая наука, развитие, актуальные вопросы, проблемы. Это обобщающие, родовые понятия, позволяющие объединить в одном издании материалы по любой теме.

Организаторы заочных конференций. На основе имеющегося материала нам удалось выделить 4 типа организаторов и их некоторых аналогов:

– международная исследовательская организация (международный центр инновационных исследований; международное научное объединение

– научно-издательский центр;

– консалтинговая компания;

– негосударственное образовательное учреждение.

Главным направлением деятельности этих типов учреждений является проведение международных научно-практических конференций на мультидисциплинарную тематику с заочным (дистанционным) участием и издание их материалов. Кроме того, некоторые из них через сайт предоставляют информационные ресурсы, в том числе в помощь автору, правила оформления статей и советы молодому ученному, дают информацию о ведущих вузах Российской Федерации, содержат архивы сборников докладов и тезисов прошедших конференций.

Все они – коммерческие учреждения. Они гарантируют издание в указанные сроки и выполняют свои обязательства. Все сборники размещаются в РИНЦ. Это обеспечивает постоянный приток авторов, которым необходима срочная публикация.

Характеристика мероприятий и изданий. Все публикации в материалах заочных конференций являются платными. Кроме того, ряд организаций выдает сертификат участника конференции, что немаловажно для отчета о повышении квалификации. Материалы не рецензируются и не редактируются. (Заметим, что *тезисы* докладов «традиционно» проводимых конференций также не редактируются. И программный комитет только самых продвинутых и престижных конференций действительно проводит отбор докладов). В одном из сборников было написано: «Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции».

Теперь задумаемся о самом словосочетании «заочная конференция». Как известно, существует 2 формы научных коммуникаций – формальная и неформальная [3]. Последняя – это конференции (теперь приходится говорить – «очные»), на которых благодаря формату есть возможность задать «горячий» вопрос выступающему, провести многостороннюю дискуссию, обсудить в ходе конференции любой вопрос с любым участником конференции. Заочная конференция лишена этих возможностей.

Теперь рассмотрим, компенсируются ли эти возможности в РИНЦ, где предоставляется возможность посмотреть, включены ли данная статья или сборник в целом в подборки, количество оценок и среднюю оценку данного материала. Пользователю предоставляется возможность дать оценку публикации и написать отзыв. Но последнее – только на сборник в целом. Однако, как нами уже было отмечено, пользователь ищет не политематические сборники, а, как правило, отдельные публикации по интересующей тематике, которые из такого рода сборников попадают в поле зрения читателя только благодаря ее электронному формату. Поэтому, очевидно, в альтметрических характеристиках рассмотренных сборников мы находим следующие средние данные:

- просмотров – 10 (скорее всего это сами авторы);
- загрузок – 1;
- включено в подборки – 6;
- всего оценок – 0
- средняя оценка – 0
- всего отзывов – 0.

Как видим, заочная форма конференции как форма научной коммуникации не компенсируется сервисами РИНЦ. Справедливости ради отметим, что оценок и отзывов нет и на хорошо цитируемые статьи. Очевидно, что это является следствием отсутствия либо интереса к данному материалу, либо привычки или традиции у ученых давать оценки и писать отзывы. И даже если оценка будет поставлена или написан отзыв, не факт, что автор будет на него отвечать.

Как известно, в Интернете пользователи «встречаются» на форумах. Пока только этот он-лайн формат позволяет обсуждать любой вопрос. Но примеров обсуждения материалов заочных конференций на форумах нами не обнаружено.

Очень настораживает и тот факт, что практически все указанные сборники имеют нулевую цитируемость. Это может свидетельствовать о следующем:

– очень низкий научный уровень материалов;

– неизвестный источник информации.

Нами была выявлена только одна организация, которая публикует материалы заочной конференции в издаваемых ею же журналах – «Научный альманах» и «Вестник научных конференций». И только публикации в журналах имеют цитирования.

Отметим также, что статьи (доклады) в этих сборниках могут значительно различаться в объеме: от 2 до 8 страниц.

Структура издания. Как правило, данные политематические сборники устроены следующим образом: тематика в алфавитном порядке (например: архитектура, ветеринарные науки, землеустройство, исторические науки,

ландшафтоведение, медицинские науки, …, юридические науки). Внутри разделов – статьи в алфавитном порядке первых авторов.

Авторы сборников материалов заочных конференций. Анализ аффиляций авторов, подающих статьи в сборники материалов заочных конференций, и их публикационной активности показал следующее:

- подавляющее большинство авторов – сотрудники отечественных университетов. Но можно встретить любой тип научно-производственных организаций;
- в среднем авторы имеют от 1 до 4 публикаций. Явно, что это – молодые авторы, которые только начинают свою научную работу, еще не получили значительных результатов.

Выводы и заключение

Более пристальное изучение одной из форм коммерческих научных публикаций – материалов заочных конференций – показало, что они не являются полноценным средством научных коммуникаций, не отвечает коммуникационным задачам, решаемым на конференциях. Материалы имеют низкую научную ценность. Но поскольку их издатели четко соблюдают сроки публикации и, безусловно, размещают сборники в РИНЦ, они стали успешной площадкой для любых публикаций любых специалистов.

С научной точки зрения в лучшем случае такие публикации являются «пробой пера» для молодых специалистов, в худшем – порождают информационный шум, даже информационный «мусор», поскольку не дают даже самого минимального прироста знаний. Подобные публикации выполняют исключительно отчетную функцию.

Литература

1. *Лаврик О.Л.* Новый вид политематических научных сборников в печатном формате: назначение, структура, условия существования в системе научных коммуникаций // Десятые Макушинские чтения : материалы науч. конф., Томск, 12-14 мая 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 164–168

2. *Лаврик О.Л.* Новые средства научных коммуникаций и их влияние на формирование ресурсов академических библиотек / О.Л. Лаврик, Н.И. Подкорытова // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2015. № 1 (17). С. 99–103.

3. *Михайлов А.И.* Основы информатики / А.И. Михайлов, А.И. Черный, Р.С. Гиляревский. М. : Наука, 1968. 756 с.

Lavrik Olga L. State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: lisa@spsl.nsc.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 234–239 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/26

MATERIALS OF CORRESPONDENCE CONFERENCES AS A MEANS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Key words: materials of conference, publishers, scientific communication, bibliometric indicators, Russian Science Citation Index.

In the development of scientific communications a few years ago there appeared a new phenomenon – a multidisciplinary scientific collections, promising unconditional publication and posting electronic versions of publications in RISC, the presence of ISBN. One of their varieties are materials of correspondence conferences. Based on the study of 50 collections published in 2012-2016, containing

4250 articles written by almost 4500 authors and RISC data, the article describes the organizers of the correspondence conferences, authors scientometrics, publishing their articles in these materials, altmetrics of these collections. The detailed analysis of the titles of such materials is given, as well as the characteristics of events and publications, their structure. The analysis of altmetrical indicators of such collections in RISC has shown that the correspondence form of a conference as a form of scientific communication is not compensated by RISC services. Almost all of these collections have zero citations. The analysis of authors affiliations submitting articles in such collections, and their publication activity has revealed that the vast majority of authors – the staff of the national universities. The study of correspondence conference collections has shown that they are not real means of scientific communications, as they do not respond to communication tasks of a conferences. The materials have a low scientific value. But as their publishers adhere to the terms of publication and place the collections in RISC, they have become a successful platform for any publications of any professional in any subject field. From the scientific point of view, in the best case such publications are "pen test" for young professionals, in the worst – generate informational noise. Such publications are exclusively perform the reporting function.

References

1. Lavrik, O.L. (2015) [A new kind of multidisciplinary scientific journals in print format: Purpose, structure, conditions of existence in the scholarly communication system]. *Desyatye Makushinskie chteniya* [The Tenth Makushin Readings]. Proc. of the Conference. Tomsk. May 12-14, 2015. Novosibirsk. pp. 164–168. (In Russian).

2. Lavrik, O.L. & Podkorytova, N.I. (2015) New means of scholar communication and their impact on research libraries resources forming. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(17). pp. 99–103. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/17/16

3. Mikhaylov, A.I., Chernyy, A.I. & Gilyarevskiy, R.S. (1968) *Osnovy informatiki* [Fundamentals of Informatics]. Moscow: Nauka.

УДК 027.52
DOI: 10.17223/22220836/24/27

А.А. Ляпкова

БИБЛИОТЕКА И СЕМЬЯ: ПРАКТИКА РАБОТЫ БИБЛИОТЕК РАЙОНОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В статье рассматривается организация работы библиотеки с семьей как комплексной единицей-пользователем. Характеризуются задачи и направления работы, среди которых выделяются: способствование выстраиванию коммуникации между членами семьи, относящимися к разным поколениям; работа с детьми из «неблагополучных» семей; организация библиотечного обслуживания в помощь семейному воспитанию. Рассматриваются основные способы реализации обслуживания в библиотеках районов Томской области в рамках реализации данных направлений.
Ключевые слова: *сельские библиотеки, библиотечное обслуживание, Томская область.*

Работа с семьей в библиотеке – многоаспектная деятельность, которой уделяется пристальное внимание в литературе и на страницах периодической печати. М.Я. Дворкина отмечает, что библиотека способна решить темпоральные проблемы семьи за счет своевременного обеспечения необходимой литературой на всех этапах ее становления и существования и тем самым в значительной степени сократить ее временные затраты на освоение новых семейных отношений, решение возникающих семейных вопросов и проблем [1].

Вопросам библиотечной деятельности по формированию толерантных отношений в семье посвящены статьи Э.Н. Якубова, Б.М. Умахановой [2, 3]. Значительное число публикаций посвящено формированию интереса к чтению посредством приобщения ребенка к чтению в кругу семьи, семейному чтению. В 2006 г. Е.А. Бухтияровой была защищена диссертация, посвященная взаимодействию библиотеки и семьи в процессе формирования читателя-ребенка [4]. Приобщению детей и подростков к чтению путем взаимодействия с семьей посвящены, например, статьи Т.А. Новиковой [5], В.М. Шамчиковой [6], В.М. Подобы [7] и др.

Специалистами раскрывается практика работы отдельных библиотек по реализации взаимодействия с семьей, семейному воспитанию молодежи, подготовке молодежи к самостоятельной семейной жизни. Так, в статье А.А. Буграновой отражен опыт взаимодействия Самарской областной юношеской библиотеки и центра «Семья» Железнодорожного района [8]. Отдельной достаточно обширной темой является возрождение традиций семейного чтения ([9, 10, 11] и др.).

Работа с семьей в рамках сельской библиотеки – это даже не комплекс мероприятий. Прежде всего, это ряд направлений деятельности, среди которых выделяются:

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса РГНФ, проект № 15-33-01261.

– Укрепление связи между поколениями в рамках семьи. Это обеспечение условий для совместной деятельности членов семьи, а также внедрение такой деятельности в семейный уклад. Сюда можно включить работу различных семейных клубов в рамках библиотек, организацию конкурсов, участниками которых становятся семьи читателей, и помощь в участии в областных и иных семейных конкурсах; пропаганду и развитие семейного чтения и др.

– Поддержка детей из «неблагополучных» семей. Как минимум, это обеспечение в рамках библиотеки площадки, где дети могут провести какое-то время в спокойной обстановке, участие в организации деятельности групп продленного дня; организация кружковой работы и профилактика вредных привычек (например, посредством проведения библиотерапевтических занятий); привлечение детей к участию в подготовке библиотечных мероприятий, что дает возможность самовыражения, укрепления веры в себя и т.д.

– Работа с родителями в помощь воспитательному процессу: в эту группу мероприятий можно включить деятельность клубов, организацию праздников, выставок, подготовку методических пособий и библиографических обзоров новой литературы в помощь родителям.

Работа с семьями призвана найти темы для совместной деятельности детей и родителей, что способствует укреплению семейных отношений, взаимопонимания, осознанию необходимости взаимной поддержки.

Одним из таких направлений является организация семейных чтений и поддержка семейного чтения в домашних условиях.

Прежде всего, это организация конкурсов на лучшую читающую семью. Конкурсы вообще и читательские конкурсы в частности являются актуальным видом организации библиотечных мероприятий. Такие конкурсы являются традиционными для российских библиотек [12]. Так, в 2014 г. в Бакчарском районе проводился конкурс на лучшую читающую семью «Книга дарит вдохновение». Семьи-победители районных конкурсов принимают участие в областном конкурсе на лучшую читающую семью «Читаем всей семьей». Помощь в подготовке работ на такие конкурсы семьям оказывают библиотекари. Так, победители районного конкурса 2014 г. семья Глушковых подготовили свою работу под руководством библиотекаря Большегалкинской библиотеки-филиала № 1 МКУК «Бакчарская ЦРБ» Т.А. Фокиной [13. С. 11].

В 2015 г. прошел уже шестой ежегодный областной конкурс на лучшую читающую семью «Читаем всей семьей». Организацией областного конкурса в Томской области является Томская областная детско-юношеская библиотека при поддержке областной думы. В конкурсе приняла участие 201 семья [14].

В Томской области действует и ряд других конкурсов, нацеленных на оказание помощи в формировании семейных ценностей, укрепление семейных отношений, актуализацию вопросов ответственного материнства, отцовства. Это такие конкурсы, как «Мы – семья» и «Я – мама». Эти конкурсы организованы Уполномоченным по правам ребенка в Томской области, партнером по организации выступает и Томская областная детско-юношеская библиотека. В 2014 г. конкурс «Я – мама» проводился в четвертый раз [15; 16. С. 27].

Важным направлением является работа с приемными семьями, в которых в первую очередь необходимо обеспечить сближение между детьми и приемными родителями. Библиотека обеспечивает такое сближение за счет организации совместной работы, конкурсов. Такая работа проводится библиотекой при взаимодействии с педагогами, органами опеки и попечительства.

Так, в рамках Года семьи в 2014 г. в отделе детской литературы центральной районной библиотеки Бакчарского района проводилась конкурсная программа «Мальчишки и девчонки, а также их родители». Она включала набор заданий, которые необходимо было решать совместными усилиями всем членам семьи. Интересной была организация оценки за правильные ответы. Вместо балльной системы предполагалось «построение» дома для дружной семьи: каждый правильный ответ добавлял элемент картины дома и окружающих его элементов (солнце, деревья и др.).

По итогам конкурса каждая семья получила семейное фото, сделанное во время прохождения конкурсов. Такое фото само по себе напоминание о совместной веселой, интересной, дружной семейной деятельности. Наконец, после завершения конкурсов библиотекарь О.В. Майнер провела для семей-участниц обзор безопасных и полезных для детей сайтов; особое внимание было уделено работе с сайтом «Началка», на котором представлена литература (в том числе аудиокниги) для детей, сгруппированная по рубрикам (в зависимости от класса начальной школы, на который ориентирована та или иная литература) [12. С. 55].

Работа с семьей обеспечивается посредством объединения усилий библиотек с другими организациями – школами, детскими садами и т.д. Так, в библиотеке Нового Васюгана Каргасокского района Томской области в 2014 г. начал действовать проект «Читаем вместе с мамой», при организации которого библиотека сотрудничала с детским садом «Теремок».

Продолжением работы по привлечению к семейному чтению стал второй проект, реализованный в том же году, – «Театр книги. Волшебные куклы». Этот проект был разработан библиотекарем Т.Н. Калининой и стал одним из проектов-победителей на районном конкурсе творческих проектов. Задача привлечения к семейному чтению и творчеству в рамках проекта осуществлялась через привлечение читателей к созданию кукольного театра. К концу 2014 г. в рамках проекта были подготовлены два спектакля. Первый был создан по пьесе С. Маршака «Теремок», роли в нем исполняли ученики старших классов вместе со своими родителями. Во втором спектакле – «Утенок Дорофей» – роли исполняли младшеклассники. В подготовке спектаклей принял участие местный Центр культуры [17. С. 25]. Библиотеки Тегульдетского района под руководством детского отдела Центральной библиотеки с 2013 г. реализуют проект «Библиотека, книжка, я – вместе дружная семья», включающий серию мероприятий (праздники, акции, уроки и игровые программы для детей) [18. С. 13; 19. С. 14].

Совместные чтения детей и взрослых – один из вариантов укрепления семьи за счет объединения интересов, они дают возможность для общения, улучшения взаимопонимания. Семейное чтение – это отдельная тема в век информационных технологий, когда досуговые возможности оказываются весьма широкими, но зачастую это приводит к обособлению досуга каждого

из членов семьи в итоге, сокращению времени, совместно проводимого членами семьи. Домашнее чтение, в свою очередь, видоизменяется: так, чтение сказок на ночь родителями может заменяться просмотром мультфильмов, использованием аудиокниг и другими видами досуга, не требующими непосредственного участия самих родителей.

Важным при этом является не эпизодическое совместное чтение, а формирование семейной читательской традиции. Способствование формированию и развитию семейного чтения является одним из важных направлений библиотечной работы с семьей. Так, в Кожевниковском районе с 2014 г. реализуется программа «Вместе с книжкой мы растем», направленная на привлечение к чтению дошкольников и их родителей. При этом детский отдел районной библиотеки и библиотеки района действуют в сотрудничестве с дошкольными учреждениями [20. С. 21]. Подобные программы есть в библиотеках других районов Томской области, например в Торбеевском филиале Первомайского района («Вместе с книгой мы растем»), Ежинском филиале Первомайского района («Расти с книгой, малыш!») и др. [21. С. 20].

Укреплению семейного чтения также способствует организация различных массовых мероприятий: как в рамках всероссийских акций («Библионочь»), так и в пределах отдельных библиотек. В частности, в данном направлении библиотеками готовятся и книжные выставки, рассчитанные на организацию семейного досуга. Так, в библиотеках Кривошеинского района в 2014 г. организовывались выставки «Семья и книга», «Семья в современном обществе», «Когда семья вместе, то и душа на месте», «Для вас, молодые родители», «Где любовь и совет, там и горя нет», имеющие основными задачами как предоставление информации об имеющейся в библиотечных фондах литературе по семейной педагогике в целом и организации семейного чтения в частности [22. С. 32]. В помощь родителям библиотеки готовят также разнообразную библиографическую продукцию. Так, в детском отделе Центральной библиотеки Парабельского района в 2014 г. был оформлен стенд «Советы родителям» [23. С. 47].

Важным самостоятельным направлением библиотечного обслуживания является работа библиотек с приемными семьями. Так, в Центральной библиотеке Кривошеинского района при содействии отдела опеки и попечительства кривошеинской администрации был создан клуб «Дочки-сыночки». Заседания клуба ежемесячные и, помимо организации мероприятий для приемных и опекунских семей, осуществляет также информационную поддержку таких семей [22. С. 26].

Таким образом, работа библиотек с семьями – направление деятельности, включающее целый комплекс важных, достаточно самостоятельных задач, решение каждой из которых требует разработки отдельного алгоритма действий. Работа библиотеки с семьей, хотя и основывается на ситуациях чтения, имеет главной своей задачей в большинстве случаев не привлечение к совместному чтению, а сближение членов семьи, оказавшихся разобщенными отсутствием совместной работы и совместных интересов. Данное направление деятельности реализуется путем объединения усилий библиотеки с учреждениями образования и культуры. Также данная работа тесно переплетается с другими направлениями деятельности библиотеки – краеведческой работой,

патриотическим и экологическим воспитанием, формированием информационной культуры и др.

Литература

1. *Дворкина М.Я.* Семья и библиотека : темпоральный аспект : информационно-справочные материалы к конференции, Москва, 15–16 апреля 2008 г. // Междунар. науч. конф. «Румянцевские чтения». М., 2008. С. 25–28.

2. *Якубов Э.Н.* Формирование толерантных отношений в семье как задача библиотеки // Библиосфера. 2008. № 3. С. 59–60.

3. *Умаханова Б.М.* Мультиплицирование усилий семьи и библиотеки в вопросах формирования толерантных отношений между детьми и родителями / Б.М. Умаханова, Э.Н. Якубов // В мире научных открытий. 2010. № 1–3. С. 82–85.

4. *Бухтиярова Е.А.* Взаимодействие семьи и библиотеки как фактор формирования читателя-ребенка : дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2006. 255 с.

5. *Новикова Т.А.* Семья и библиотека – единомышленники и партнеры в приобщении детей и подростков к чтению // Вестн. Моск.

6. *Шамчикова В.М.* Чтение детей : совместная деятельность семьи, школы, библиотеки // Семья в России. 2008. № 3. С. 62–67.

7. *Подоба В.М.* Библиотека и семья: грани взаимодействия // Вестн. Дальневост. гос. науч. библиотеки. 2010. № 2(47). С. 106–110.

8. *Бугранова А.А.* Все начинается с семьи : из опыта работы Самарской юношеской библиотеки и центра «Семья» Железнодорожного района // Седьмые Азаровские чтения. Библиотека в информационной среде региона : стратегии формирования и поддержки : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 21–24.

9. *Степичева Т.В.* К вопросу о традиции семейного чтения // Библиотековедение. 2010. № 5. С. 59–62.

10. *Зеткина И.А.* Семейное чтение в России: в поисках утраченной традиции / И.А. Зеткина, Е.А. Николаева // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2011. № 1. С. 205–209.

11. *Мелентьева Ю.П.* Семейное чтение : теоретический аспект // Библиосфера. 2011. № 4. С. 11–14.

12. *Косцова С.В.* Конкурсы – функциональное звено библиотечного дела: попытка анализа и структурирования [Электронный ресурс] / Виртуальное методическое объединение библиотек и организаций, работающих с молодежью. Электрон. дан. URL: http://vmo.rgub.ru/editions/issue3/chap_16.php (дата обращения: 10.09.2016).

13. *Информационный* аналитический обзор Бакчарского района Томской области за 2014 г. Бакчар, 2015. 107 с.

14. *Областной* конкурс «Читаем всей семьей» [Электронный ресурс] / Законодательная дума Томской области. Электрон. дан. URL: http://duma.tomsk.ru/content/oblastnoj_konkurs_chitaem_vsej_semej (дата обращения: 10.09.2016).

15. *2014-01-16. 20 декабря* первые участники конкурса «Я – Мама» получили подарки [Электронный ресурс] / Уполномоченный по правам ребенка в Томской области. Электрон. дан. Томск, 2014. URL: http://tomsk.rfdeti.ru/display.php?id=18664 (дата обращения: 10.09.2016).

16. *Муниципальные* библиотеки Зырянского района : Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 г. / Муниципальное бюджетное учреждение «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Зырянского района»; сост. Т.М. Энгель. Зырянское, 2014. 118 с.

17. *Деятельность* библиотек Каргасокского района : Аналитическая справка за 2014 год / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Каргасокская центральная районная библиотека». Каргасок, 2015. 64 с.

18. Годовой отчет о деятельности МКУ «Тегульдетская районная ЦБС» за 2012 г. [Электронный ресурс] / Муниципальное казенное учреждение «Тегульдетская районная централизованная библиотечная система». Тегульдет, 2013. Электрон. дан. URL: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf (дата обращения: 10.09.2016).

19. *Годовой* отчет о деятельности МКУ «Тегульдетская районная ЦБС» за 2014 г. / Муниципальное казенное учреждение «Тегульдетская районная централизованная библиотечная система». Тегульдет, 2015. 37 с.

20. *Аналитический* обзор деятельности библиотек в 2014 г. / Муниципальное бюджетное учреждение «Межпоселенческая централизованная библиотечная система Кожевниковского района». Кожевниково, 2015. 56 с.

21. *Муниципальные* общедоступные (публичные) библиотеки Первомайского района: информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 г. / Муниципальное автономное учреждение «Централизованная библиотечная система Первомайского района». Первомайское, 2015. 63 с.

22. *Информационно*-аналитический обзор состояния и деятельности за 2014 год / сост. Г.Ю. Грищенко; Муниципальное бюджетное учреждение «Кривошеинская центральная межпоселенческая библиотека». Кривошеино, 2015. 68 с.

23. *Аналитическая* справка МБУК «Межпоселенческая библиотека» Парабельского района в 2014 г. / сост. К.В. Красикова, ред. Т.А. Мутных; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Межпоселенческая библиотека» Парабельского района. Парабель, 2015. 72 с.

Lyapkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru
Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 240–247 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/27

LIBRARIES AND THE FAMILY: THE PRACTICE OF LIBRARIES OF TOMSK REGION

Key words: rural libraries, library services, Tomsk region.

This paper deals with the organization of work with the family as an integrated unit, understood as the library' user. At the same attention is paid to family reading and also to other areas of work with the family.

The article highlighted the following areas of work with the family as a part of the implementation of library and information services:

– promotion to alignment of communication between family members, which belongs to different generations;

– work with children from dysfunctional families;

– organization of library services for helping to family education.

Considered the basic methods of implementation of service in libraries of Tomsk region within the framework of these directions. This direct servicing of library readers : the organization of exhibitions, mass and group actions with participation of families, but not certain readers; creation on the basis of libraries circles and clubs, which oriented to work with the families, as well as children from dysfunctional and broken families, and others. Also important area of work of libraries the help to families in ensuring collective family activities. First of allit is about assistance in the family education organization, interaction between family members. Besides, libraries provide assistance in the preparation of family members to participate in various competitions, directed to forming of more close family relations, provision of joint activities. Such competitions are organized at the levels of: individual settlements, districts, regions.

Thus, in this article the family considered not as certain users of library, but as elements of peculiar «complex user» – family. One of the main directions of servicing during the work with a family is providing the platform, knowledge and opportunities for communication, of general subjects of communication, general views of activities which could strengthen intra family relations. Such communicative and activity platforms are organized both based on the library, and in a family.

These directions of activities are considered on the example of the organization of library and information services libraries of the Tomsk region: district libraries, children's libraries and departments, libraries, municipal library networks of the Tomsk region.

References

1. Dvorkina, M.Ya. (2008) [Family and library: The temporal aspect]. *Rumyantsevskie chteniya* [The Rumyantsev Readings]. Proc. of the International Conference. Moscow. April 15–16, 2008. Moscow. pp. 25–28. (In Russian).

2. Yakubov, E.N. (2008) Formirovanie tolerantnykh otnosheniy v sem'e kak zadacha biblioteki [The formation of tolerant relations in the family as a task of the library]. *Bibliosfera*. 3. pp. 59–60.

3. Umakhanova, B.M. & Yakubov, E.N. (2010) Mul'tiplitsirovanie usiliy sem'i i biblioteki v voprosakh formirovaniya tolerantnykh otnosheniy mezhdu det'mi i roditelyami [Replicating efforts of the family and library in the formation of tolerant relations between children and parents]. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 1–3. pp. 82–85.

4. Bukhtiyarova, E.A. (2006) *Vzaimodeystvie sem'i i biblioteki kak faktor formirovaniya chitatelya-rebenka* [Interaction of a family and library as a factor in the formation of the child-reader]. Pedagogy Cand. Diss. Chelyabinsk.

5. Novikova, T.A. (2008) Sem'ya i biblioteka – edinomyshlenniki i partnery v priobshchenii detey i podrostkov k chteniyu [Family and library as associates and partners in encouraging children and adolescents to read]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5. pp.

6. Shamchikova, V.M. (2008) Chtenie detey: sovmestnaya deyatel'nost' sem'i, shkoly, biblioteki [Children's reading: Joint activities of the family, schools, libraries]. *Sem'ya v Rossii*. 3. pp. 62–67.

7. Podoba, V.M. (2010) Biblioteka i sem'ya: grani vzaimodeystviya [Library and family: Aspects of interaction]. *Vestn. Dal'nevost. gos. nauch. biblioteki*. 2(47). pp. 106–110.

8. Bugranova, A.A. (2011) [It all starts with the family: The experience of the Samara Youth Library and the center "Semya", Zheleznodorozhny District]. *Sed'mye Azarovskie chteniya. Biblioteka v informatsionnoy srede regiona: strategii formirovaniya i podderzhki* [The Seventh Azarov Readings. The library in the information environment of the region: Sstrategy of formation and support]. Proc. of the All-Russian Conference. Samara. pp. 21–24. (In Russian).

9. Stepicheva, T.V. (2010) K voprosu o traditsii semeynogo chteniya [On the tradition of family reading]. *Bibliotekovedenie*. 5. pp. 59–62.

10. Zetkina, I.A. & Nikolaeva, E.A. (2011) Family reading in Russia: in search of the lost traditions. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1. pp. 205–209. (In Russian).

11. Melentieva, Yu.P. (2011) Semeynoe chtenie: teoreticheskiy aspekt [Family reading: The theoretical aspect]. *Bibliosfera*. 4. pp. 11–14.

12. Kostsova, S.V. (n.d.) *Konkursy – funktsional'noe zveno bibliotechnogo dela: popytka analiza i strukturirovaniya* [Contests as a functional link of the library science: An attempt to analyse and structure]. [Online] Available from: http://vmo.rgub.ru/editions/issue3/chap_16.php. (Accessed: 10th September 2016).

13. Bakchar District. (2015) *Informatsionnyy analiticheskiy obzor Bakcharskogo rayona Tomskoy oblasti za 2014 g.* [The information analytical review of Bakchar District, Tomsk Region, for 2014]. Bakchar: [s.n.].

14. Legislative Duma of Tomsk Region. (n.d.) Oblastnoy konkurs "Chitaem vsey sem'ey" [The regional competition "Read with the entire family"]. [Online] Available from: http://duma.tomsk.ru/content/oblastnoj_konkurs_chitaem_vsej_semej. (Accessed: 10th September 2016).

15. Ombudsman for Children in the Tomsk region. (2014) *20 dekabrya pervye uchastniki konkursa "Ya – Mama" poluchili podarki* [December 20, the first participants of "I am mother" received gifts]. [Online] Available from: http://tomsk.rfdeti.ru/display.php?id=18664. (10th September 2016).

16. Engel, T.M. (2014) *Munitsipal'nye biblioteki Zyryanskogo rayona: Informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 g.* [The municipal library of Zyryansky District: The information-analytical review of the status and activity for 2014]. Zyryanskoe: [s.n.].

17. Kargasoksky District. (2015) *Deyatel'nost' bibliotek Kargasokskogo rayona: Analiticheskaya spravka za 2014 god* [Libraries of Kargasok District: Analytical review of the 2014]. Kargasok: [s.n.].

18. Municipal State-Owned Institution "Teguldetsky District Centralised Library System. (2013) *Godovoy otchet o deyatel'nosti MKU "Tegul'detskaya rayonnaya TsBS" za 2012 g.* [Annual report on the activities of CLS ofTeguldetsky District for 2012]. [Online] Available from: http://prof.lib.tomsk.ru/files2/3572_AS_Teg_2013.pdf. (Accessed: 10th September 2016).

19. Municipal State-Owned Institution "Teguldetsky District Centralised Library System. (2015) *Godovoy otchet o deyatel'nosti MKU "Tegul'detskaya rayonnaya TsBS" za 2014 g.* [Annual report on the activities of Teguldetsky District CLS for 2014]. Teguldet.

20. Municipal Budgetary Institution "Intersettlement Centralised Library System of Kozhevnikovsky District". (2015) *Analiticheskiy obzor deyatel'nosti bibliotek v 2014 g.* [Analytical review of library activities for 2014]. Kozhevnikovo: [s.n.].

21. Municipal Autonomous institution “Centralised Library System of Pervomaisky district”. (2015) *Munitsipal'nye obshchedostupnye (publichnye) biblioteki Pervomayskogo rayona: informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 g.* [Municipal public (public) libraries of Pervomaisky District: Informational and analytical overview of the status and activity for 2014]. Pervomayskoe.

22. Grishchenko, G.Yu. (2015) *Munitsipal'noe byudzhetnoe uchrezhdenie “Krivosheinskaya tsentral'naya mezhposelencheskaya biblioteka”. Informatsionno-analiticheskiy obzor sostoyaniya i deyatel'nosti za 2014 god* [Municipal Budgetary Iinstitution “Krivosheino Central District Library”. Informational and analytical overview of the status and activity for 2014]. Krivosheino: [s.n.].

23. Mutnykh, T.A. (ed.) (2015) *Analiticheskaya spravka MBUK “Mezhposelencheskaya biblioteka” Parabel'skogo rayona v 2014 g.* [Analytical Review MBUK “Intersettlement Library" of Parabel District in 2014]. Parabel: [s.n.].

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 94(571.1/5)
DOI: 10.17223/22220836/24/28

В.А. Дробченко, Э.И. Черняк

ВЛАСТЬ И СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (МАРТ 1917 – МАЙ 1921 г.)

Рецензия

Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. документов / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.

Объективное и всестороннее исследование переломных этапов российской истории связано с необходимостью привлечения широкого круга источников, среди которых особое место занимают источники личного происхождения. Именно они позволяют более полно ощутить «дух эпохи», наполнить ее конкретным содержанием, увидеть за сухими строчками документа живых людей с их бедами, тревогами и переживаниями.

Составитель рецензируемого сборника документов – профессор В.И. Шишкин – один из крупнейших специалистов по истории гражданской войны в Сибири. Им введен в научный оборот внушительный пласт документов, многие из которых, не вписываясь в контекст официальной советской истории, ранее либо игнорировались, либо искажались, либо вообще не были доступны исследователям. В сборниках, подготовленных и опубликованных В.И. Шишкиным, представлен комплекс документов, связанных с формированием и эволюцией антибольшевистской власти в Сибири летом – осенью 1918 г. [1], а также с массовыми выступлениями сибирских крестьян в 1920–1921 гг. [2]. Сборник документов «Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)» [3] в определенном смысле является связующим звеном между всеми этими документальными публикациями, поскольку, с одной стороны, охватывает весь период от Февральской революции до завершения гражданской войны в Сибири и, во-вторых, включает документы личного характера, характеризующие положение человека в условиях быстрой смены политических режимов и трансформации общественного сознания.

Следует отметить, что представленный сборник является логическим продолжением публикаций сибирских историков, направленных на изучение проблемы отношений общества и власти в период социальных катаклизмов. Особое место среди них занимает публикация материалов о съездах, конфе-

ренциях и совещаниях социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в сибирских областях и губерниях в период марта 1917 – ноября 1918 г., осуществленная под руководством Э.И. Черняка [4]. Материалы сборников предоставляют возможность произвести социально-психологические срезы общественной жизни Сибири, исследовать эволюцию отношений между обществом и властью на различных этапах революции и гражданской войны. Так, Э.И. Черняк в монографии «Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года)» (Томск, 2001) через анализ решений съездов и конференций раскрыл содержание и структуру общественно-политической жизни в регионе

Сборник документов «Письма во власть…» существенно дополняет имеющиеся публикации как широким кругом представленных источников, так и новизной введенных в научный оборот документов. Во введении к сборнику В.И. Шишкин подробно остановился на характеристике термина «письма во власть», указав, что «этим словосочетанием обозначают совокупность разнообразных эпистолярных жанров: доклады, доносы, жалобы, записки, заявления, наказы, обращения, петиции (прошения), поздравления, послания, предложения, приветствия, телеграммы, ходатайства, а также собственно письма, которые в разной степени активно использовались в российских коммуникативных практиках на протяжении последних, как минимум, пяти веков при апелляции во властные структуры» [3. С. 3].

В кратком, но довольно ёмком историографическом обзоре автор раскрывает сущность понятия «письма во власть», выявляет причины их появления, роль и значение. Исследователь, соглашаясь с принципиальной оценкой таких писем как разновидностью коммуникации, в то же время подчеркивает, что считать их даже «суррогатным» диалогом общества и государства можно только при выявлении реакции властных структур на эти обращения. По мнению автора, такие обращения необходимо рассматривать как социальные действия, выраженные в проявлении инициативы граждан к диалогу с властью в наиболее приемлемой и доступной для них форме в надежде получить прогнозируемый ответ [3. С. 5].

Нельзя не согласиться с автором в том, что важнейшей причиной появления таких писем является специфика российской политической системы, которая всегда испытывала дефицит подлинных демократических институтов, механизмов и процедур [3. С. 4]. Россия была и остается «сложноорганизованной системой патерналистского типа» [4. С. 8], в которой власть, а не суд, в массовом сознании воспринимаются высшим арбитром, конечной инстанцией. Такое отношение к власти, существовавшее в имперской России, сохранилось в советской, а в постсоветской даже целенаправленно культивируется, особенно в последние годы.

Письма во власть необходимо рассматривать как особый вид исторических источников личного происхождения. Их отличительной чертой является высокий уровень достоверности. Адресант, рассчитывая на конкретную реакцию власти, как правило, указывал свои данные, излагая суть событий, не мог не понимать, что достоверность его сообщения будет тщательно проверяться, и любая ложь будет во вред ему самому. Конечно, оценка событий

в таких источниках всегда субъективна, но это уже задача исследователя – отделить зерна от плевел. Крайне осторожно следует относиться к анонимным посланиям, в первую очередь доносам, целью которых нередко являлось сведение личных счетов. Следует отметить, что автор не только провел тщательный отбор документов, но и представил данные об адресантах, адресатах, а в ряде случаев и информацию о реакции властей на обращение [3. С. 8].

Адресатами писем являлись как органы, так и конкретные должностные лица. Власть всегда персонализирована, но в условиях революции и гражданской войны происходила довольно быстрая смена политических декораций и действующих персон. Этим, в частности, объясняется весьма разнородный список адресатов в первые месяцы после Февральской революции, когда старая система власти была упразднена, а новая находилась в процессе становления. Поэтому обращения в центр шли на имя главы Временного правительства Г.Е. Львова, председателя Государственной думы М.В. Родзянко, А.Ф. Керенского, конкретных министров, а также правительства в целом и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. На местах адресатами являлись коллегиальные органы: комитеты общественной безопасности, различные исполнительные комитеты и советы.

В период июня 1918 – конца 1919 гг. наибольшее число из персональных обращений, представленных в сборнике, адресовано П.В. Вологодскому, последовательно занимавшего посты председателя Совета министров сначала Временного Сибирского, а затем – Временного Российского правительства. После восстановления Советской власти в Сибири самым популярным адресатом стал председатель Сибревкома И.Н. Смирнов. Конечно, основной причиной обращений к этим лицам являлось их должностное положение, но необходимо отметить и то, что судьбы обоих были тесно связаны с Сибирь. Вологодский и Смирнов были хорошо знакомы, более того их связывала совместная работа в Томском комитете общественного порядка весной 1917 г. В дальнейшим их пути разошлись, но в сибирском обществе (точнее в определенных его слоях) у них имелась репутация людей порядочных, честных, принципиальных. Авторы ряда обращений прямо подчеркивали эти качества, надеясь на внимательное отношение и справедливое рассмотрение дела.

Как отмечал известный историк В.П. Булдаков, «свидетельства простых людей относительно малочисленны, научно неаттрибутированы, порой удручающе косноязычны. Собрать их трудно, систематизировать еще сложнее» [5. С. 8–9]. В.И. Шишкину в целом удалось успешно справиться с этой задачей. Отбор источников был осуществлен в центральных и сибирских архивах, причем «приоритет отдавался тем из них, содержание которых позволяет получить новое знание о политической повседневности Сибири периода революции и гражданской войны в трактовке и интерпретации их адресантов» [3. С. 9]. Как отметил составитель, «наибольшее отражение в публикуемых документах получили политика властей по отношению к разным социальным слоям, взаимоотношения органов власти и граждан, проблемы и трудности адаптации населения к стремительно менявшимся и зачастую исключительно суровым политическим реалиям» [3. С. 9].

В структурную основу сборника положен хронологический принцип. Составитель выделил четыре главы, границы которых определены сменой поли-

тических режимов на территории Сибири. По нашему мнению, логично было бы первую главу, охватывающую период с марта 1917 по июнь 1918 г., разделить на две, которые соответствовали бы периодам пребывания у власти Временного правительства и «первой сибирской Советской власти». В.И. Шишкин объяснил такое соединение периодов крайней малочисленностью писем, датированных осенью 1917 – весной 1918 г. Он указал, что с началом гражданской войны руководство советов Сибири сознательно уничтожило документацию, содержавшую сведения об их деятельности, в том числе обращения граждан [3. С. 9]. Необходимо уточнить, что в связи со стремительностью и неожиданностью антибольшевистского переворота в конце мая 1918 г. советское руководство Новониколаевска и Томска попросту не имело времени на уничтожение документов. Поэтому их уничтожение могло идти как в процессе поступления, так и после свержения Советской власти. В архивах бывших уездных центров Томской губернии документы 1917–1918 гг. представлены крайне скудно, а архив Кузнецка вообще был сожжен партизанами-роговцами в конце 1919 г.

Еще одна причина в ограниченности «писем во власть» периода «первой Советской власти» связана с тем, что до конца весны 1918 г. в большинстве сибирских территорий сохранялось «провинциальное двоевластие», и населению в этой властной «чехарде» сложно было разобраться. Также отметим, что большинство представителей непролетарских слоев и оппозиционных партий негативно относилось к большевикам, рассчитывало на их скорый уход и поэтому не стремилось к диалогу с ними. Об этом свидетельствуют публикации эсеровских и меньшевистских газет, которые, хотя и с большими сложностями, выходили в регионе до конца весны 1918 г. Таким образом, нам представляется, что включение в первую главу сборника только трех «писем», адресованных органам Советской власти связано с отсутствием документов, а не с какими-либо упущениями составителя.

По содержанию обращения, включенные в первую главу можно с определенной долей условности разделить на три группы: 1) приветственные обращения; 2) личные просьбы; 3) сообщения с мест. Документы первой группы – телеграммы и приветствия в адрес Временного правительства, Петроградского совета, губернских властей. Они принимались на собраниях, митингах, съездах. Основной массив таких коллективных приветствий датируется мартом 1917 г., а далее их поток заметно снизился, несколько вырос в связи с корниловским мятежом и фактически иссяк к осени. Многие из обращений такого типа были опубликованы на страницах сибирских газет. Как правило, в таких обращениях содержатся заявления о поддержке правительства, его курса на осуществление демократических преобразований, выражены надежды на скорейший созыв Учредительного собрания, решение вопросов о войне и мире, земле и многих других. В обращениях служащих и интеллигенции нередко выражалась готовность терпеть определенные лишения ради достижения грядущих великих целей.

Вторая группа документов – это индивидуальные обращения (прошения, заявления, жалобы), авторы которых обращались с просьбой решения частной проблемы (выдача пособия, увеличение денежного содержания, возвращение из армии единственного сына-кормильца, жалобы на неправомерные действия властей).

Третья группа наиболее разнопланова. В нее включены документы (заявления, доносы), в которых сообщается о нарушениях общественного порядка как властными структурами, так и гражданами. Здесь сообщения о милицейском произволе, массовом самогоноварении, уклонении от военной службы и т.п.

В ряде документов содержатся размышления авторов о происходящих событиях, даются оценки, высказываются предложения. В этом отношении интересно заявление члена Алтайской Горной думы С.С. Борисова в Алтайский губернский исполнительный комитет, датированное 24 января 1918 г. [3. С. 38–42]. С.С. Борисов – активный деятель национального движения на Алтае, в дальнейшем – советский разведчик и дипломат, руководитель секретной экспедиции в Тибет (1924–1925). В своем заявлении он размышлял о судьбах сибирских инородцев, о возможности предоставления им территориальной автономии, указывал, что, несмотря на соответствующее решение Томского губернского народного собрания, на уездном уровне вопрос так и не был решен, подчеркивал, что инородческий вопрос не может решаться в узких рамках уездного обсуждения. В связи с этим Борисов заявил о сложении с себя полномочий члена Алтайского губернского исполнительного комитета. По выражению Борисова, принятие ряда декларативных заявлений в первые постфевральские месяцы во многом было обусловлено «романтикой первого периода революции».

Вторая глава охватывает период так называемой «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.). В нее включены документы, направленные в структуры и должностным лицам Временного Сибирского правительства (в ноябре 1918 г. – Российского правительства). Существенный массив представленных здесь документов включает в себя обращения, содержащие как анализ сложившейся ситуации, так и конкретные рекомендации правительству по различным вопросам общественно-политической жизни, в первую очередь по вопросам формирования власти. Так, широкая программа преобразований изложена в заявлении соединенного заседания Бийского биржевого общества и Бийского торгово-промышленного союза уполномоченному Временного Сибирского правительства от 3 июля 1918 г. [3. С. 65–67] и записке представителей торгово-промышленного класса востока России председателю Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьеву в начале ноября 1918 г. [3. С. 104–110].

В памятной записке «блока» правосоциалистических групп г. Омска в Совет министров Временного Сибирского правительства от 11 июля 1918 г. [3. С. 68–72] основное внимание уделено характеристике созываемой Сибирской областной думы, указано, что она «не может функционировать в качестве органа, обеспеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп», а ее созыв обессилит Временное Сибирское правительство, поскольку «дума может стать одним из «предпарламентов», превращающимся в «говорильню», разлагающим власть, а не укрепляющим ее, профанирующим идею настоящего народного представительства и посягающим на права Учредительного собрания путем решения кардинальных вопросов государственной жизни до него». В записке спрогнозирован неминуемый конфликт между думой и правительством, предложено, отказавшись от созыва думы, приложить все усилия к формированию «твердой и единой власти».

В докладной записке Омского отдела «Союза возрождения России» заместителю председателя Административного совета, министру финансов Временного Сибирского правительства И.А. Михайлову (первая половина октября 1918 г.) сообщается о многочисленных случаях произвола военных: безосновательных арестах, «скорострельных судах», «коротких расправах» с людьми, виновность которых не только не установлена, но даже и не оправдана мало-мальски сносным следствием и документами». В документе указано на необходимость «восстановления разрушенного правового государственного строя», подчеркнуто, что «действия новой сибирской власти… должны были базироваться на строго правовых нормах» [3. С. 86–90].

Жалобы на произвол властей (в первую очередь – военных) содержатся в значительной части как индивидуальных, так и коллективных обращений. В них освещен широкий круг вопросов: необоснованные аресты и расправы над населением, изъятие имущества, препятствия в работе профессиональных и кооперативных организаций. В сообщениях с мест содержится информация о бедственном положении населения, об обесценивании человеческой жизни. К.Е. Вилков, бывший в 1913 г. письмоводителем у П.В. Вологодского, в письме к премьеру от 28 октября 1918 г. писал: «Нельзя обойти молчанием того состояния, что ни один гражданин не имеет уверенности в том, что с ним будет сейчас, сию минуту. А массовые расстрелы, увозы людей куда-то, откуда ни то ждать их возвращения или они прикончены, эта неизвестность, эта неуверенность в свое существование создали такие условия существования, что каждый не рад жизни, а тем более сменам властей» [3. С. 96].

Житель Томска А.Н. Лялин в письме П.В. Вологодскому от 15 июля 1918 г., сообщая об «ужасном, безвыходном и непонятном положении крестьян», отмечал, что «обозлять, восстановлять народ действительно трудовой не следует – он дает войско, хлеб, денег, но с ним надо обращаться по-человечески» [3. С. 72, 74]. Иной подход к решению существующих проблем предлагал житель Каинска С.А. Соболевский. В письме в адрес правительства от 27 сентября 1918 г. он указывал на отсутствие действенных мер «против ужасного возрастания продовольственной разрухи», заявлял, что «самогонка в сие время равносильна бедствию пожара всей России» и предлагал в качестве «тормоза к алчным аппетитам крестьян» жесткие меры вплоть до публичных телесных наказаний и смертной казни, а по отношению к самогонщикам и спиртоносам применять на местах самосуд [3. С. 83–85].

Во вторую главу составителем включено несколько документов (писем), авторы которых излагали свои размышления о судьбах страны и власти в ярко выраженной эмоциональной форме. Эта экспрессия свидетельствует о глубоких внутренних переживаниях. Так, не назвавший своего имени офицер в письме к «Комитету всероссийской власти» писал: «Внемлите крику истерзанной, истомленной души русского человека! Обратите внимание на горькую действительность. Проснитесь от снов, навеваемых гармонией красивых и знаменательных речей, различных совещаний, собраний, заседаний и т.п. Спросите о действительности простого гражданина, и он гораздо правдивее передаст вам о том, что переживает, думает и что может сделать и при каких условиях население страны, чем какие-либо представители различных партий, организаций» [3. С. 81].

Присяжный поверенный А.М. Мариупольский в обращении во Временное Сибирское правительство писал: «Не могу молчать, когда только что спасенная наша Родина Сибирь вновь ставится на край гибели». Размышляя о расстановке сил в регионе, он призывал власть быть твердой до конца, опираться на народ, иначе «перед страхом большевизма народ припадет к стопам военной диктатуры, и тогда действительно будет контрреволюция и погибнет все, что отвоевано народной кровью и столетними страданиями». [3. С. 75–76].

Документы, представленные во второй главе, свидетельствуют о том, что после свержения Советской власти противоречия внутри сибирского общества стали еще более обостряться. Решение этих проблем одни связывали с реализацией идей народовластия, другие – с военной диктатурой, причем к установлению последней склонялись не только представители торгово-промышленного класса, но и части средних слоев, а идея диктатуры приобретала в общественном сознании все более зримые очертания.

В третьей главе представлены документы, относящиеся к периоду деятельности Временного Российского правительства адмирала А.В. Колчака (декабрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Не вдаваясь в подробности, лишь отметим, что существовавший режим, являясь военной диктатурой, в то же время разрешал деятельность таких демократических институтов, как местное самоуправление, профсоюзы, политические партии (за исключением радикальных), относительно независимой прессы. Кратковременные успехи белых на фронте сменились чередой неудач, что в свою очередь отразилось на ситуации в тылу. В обращениях с мест показана картина разрухи, все большего обнищания населения, беспомощности, а зачастую и невежества низовых властных структур. Все это усугублялось разгулом военщины, милицейским беспределом, эскалацией насилия.

В докладной записке председателя общества домовладельцев г. Тюмень Н.И. Беседных председателю Совета министров Российского правительства от 23 апреля 1919 г. указывалось, что, несмотря на стремление правительства к устроению государства на началах законности и правопорядка, местная власть далеко не всегда придерживается этих принципов. Беседных отмечал, что «чувствуется рутина и произвольность действий низших агентов власти, легко опьяняемых ею, несдерживаемых надлежащим надзором, и твердая власть получает выражение в приемах, напоминающих приемы власти тяжелой памяти коммунистов-большевиков» [3. С. 191].

В рапорте зауряд-прапорщика 3-го Барнаульского кадрового полка Климанова управляющему Алтайской губернией от 16 февраля 1919 г. сообщалось о насилиях, чинимых над населением военными и милицией. Приведя примеры таких насилий, Климанов указывал, что все это «ложится грязным пятном на армию, на офицеров», а «милиция, явно играя в пользу большевиков и во вред существующему правительству, сеет рознь между крестьянами и властью» [3. С. 165]. Крестьянин А.М. Лисавенко в письме к П.В. Вологодскому от 2 февраля 1919 г. прямо указывал, что правительство своими действиями «восстановило людей против себя» [3. С. 170]. В этих условиях продолжалось разложение деревни, где повсеместными явлениями стали

уклонение от налогов и повинностей, спекуляция, самогоноварение, «лесоистребление».

В ряде обращений содержатся предложения о принятии экстренных мер по укреплению армии. В докладной записке Совета объединений несоциалистических общественных деятелей земской и городской России председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому от 28 января 1919 г. предлагалось немедленно призвать 18–19 летних учащихся высших и средних учебных заведений. В документе указывалось, что все доводы об отрыве от учебы, о возможных потерях отступают перед угрозой поражения, поскольку «при воцарении большевизма» этой молодежи все равно суждено погибнуть [3. С. 158].

Представители тюменских общественных организаций в обращении к председателю Совета министров от 18 марта 1919 г., поддержав предложение о мобилизации всего имущего класса Сибири в возрасте от 18 до 55 лет, указали, что мобилизованные в возрасте до 35 лет должны быть отправлены на фронт, а остальные – «нести гарнизонную службу и обязаны довольствие и обмундирование иметь со своего счета на дому» [3. С. 175]. Прапорщик 14-го Иртышского Сибирского полка Степаненко в письме А.В. Колчаку от 2 июля 1919 г. писал: «Чтобы остановить противника и дать ему надлежащий отпор, нужно немедленно мобилизовать до 45 лет всех беженцев и купцов во всех городах. Довольно им спекулировать. Это будет более надежное войско, чем 20-летние сибиряки, которые настроены, если не большевистски, то безразлично» [3. С. 205].

Несмотря на все усилия, деградация армии продолжалась, росло дезертирство, которое не удавалось остановить даже расстрелами. В письме учителей села Болотное А.В. Колчаку от 1 октября 1919 г. сообщалось о бесчинствах солдат, вставших в селе на постой, указывалось, что жителей притесняют хуже «большевиков», и все это делается с ведома высшего начальства. Авторы письма указывали: «…Благодаря подобных выходок военной власти уважение к ним всякое пропадает, а уроки большевизма очень хорошо прививаются» [3. С. 238].

В документах, представленных в третьей главе, преобладают обращения частного характера. Хотя в состав главы включено относительно немного прошений об оказании помощи, эти документы свидетельствуют о том, что их авторы оказались в крайне сложной ситуации, были поставлены на грань выживания. Особенно тяжелым было положение беженцев. Бывший жандармский унтер-офицер М.Х. Матвеев писал, что с семейством вынужден проживать в вагоне «без всяких на пропитание средств», работу найти не может, и просил назначить ему хоть какое-то пособие, поскольку «мне с семейством далее существовать нет никакой возможности» [3. С. 205].

Старший бухгалтер Тобольской казенной палаты В.А. Дронзиков в прошении на имя Верховного правителя сообщал, что его жалования не хватает даже на приобретение необходимой месячной нормы муки, и ему остается «стать на паперть с протянутой рукой или же послать детей просить милостыню». Он просил: «Придите на помощь моей голодающей и почти нищенствующей семье и семьям таких же многосемейных маленьких государственных работников», «увеличив наше содержание в спешном порядке» [3.

С. 205–206]. Завизировавший документ директор канцелярии Верховного правителя А.А. Мартьянов отметил, что изложенное «совершенно все верно», но все это может прекратить только окончание гражданской войны, т.е. победа над большевиками, а если выдавать пособие всем служащим на государственной службе, то никаких денег не хватит [3. С. 207].

Документы, представленные в третьей главе, свидетельствуют о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода нарастали противоречия не только между властью и обществом, но и внутри самой белой власти. Ужесточение режима, применение чрезвычайных мер вело к эскалации насилия, ускорило крушение колчаковского режима.

В четвертой главе представлены документы периода восстановления Советской власти в Сибири (декабрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Основной массив документов – это обращения по поводу арестов, приговоров, реквизиций и конфискаций. Причем, нет какой-либо существенной разницы по содержанию между частными и коллективными обращениями. Подборка материалов в этой главе свидетельствует о жестокости, с которой представители Советской власти относились к сибирскому населению, в первую очередь – к крестьянству, только что «освобожденному» от гнета колчаковщины. Террор и насилие были возведены в ранг государственной политики, которую осуществляли структуры репрессивного аппарата (ЧК, трибуналы). Судя по обращениям, размах репрессий существенно превзошел все то, что пережило население в предыдущие годы.

Наиболее ощутим беспредел властей был на низовом уровне, когда они непосредственно сталкивались с населением. Житель г. Нарым П.И. Вяжев в письме председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 17 июня 1920 г. писал: «Здесь найдете все: клевету, интриги, подлизывание, фанфаронство и прочие атрибуты существовавших ранее властей. Здесь все честное, трудолюбивое, лояльное искореняется или пресекается в самом зародыше» [3. С. 301]. Население крайне болезненно реагировало на различия между провозглашенными лозунгами и реалиями жизни. Жители деревни Мокшино Ишимского уезда в письме И.Н. Смирнову от 17 февраля 1921 г. указывали на «неисполнение властью своих приказов и слов», сообщали, что проводимая политика привела к тому, что «личность человека перестала быть личностью его, а стала как инвентарь», и в этих условиях «крестьянин, живя на страже своего сельского хозяйства и видя неминуемую гибель его от настоящих условий, приходит к умопомрачению, ради чего теряет свое равновесие к государственной власти» [3. С. 345].

Среди документов есть несколько обращений в вышестоящие органы представителей низовых властных структур. Так, сотрудник Барабинского политбюро В. Косткин в рапорте в Каинский уездный комитет РКП(б) от 4 ноября 1920 г. указывал, что «поступает масса материалов о злоупотреблениях; орган, который борется с злоупотреблениями, сам злоупотребляет», и отмечал, что «не хватает энергии находиться на настоящей должности при такой обстановке» [3. С. 323]. Начальник рабоче-крестьянской милиции 3-го района Ачинского уезда М.Н. Петренко в заявлении, адресованном В.И. Ленину, от 16 мая 1921 г. сообщал о «грубом произволе», самосудах над арестованными, бесчинствах над мирными гражданами, «учиняемых в некото-

рых местностях Ачинского уезда представителями даже высших органов власти» [3. С. 365].

Расследование событий, описанных в письме Петренко, было взято под высший контроль, получило широкую огласку и стало известно как «шарыповское дело». По своим масштабам и жестокости эти события превзошли все иные насилия, творимые в Сибири представителями власти. В середине февраля 1921 г. милицией и отрядом ЧОН под командованием бывшего партизанского командира Г.Х. Перевалова в селе Шарыпово Ачинского уезда и ряде окрестных сел было арестовано по подозрению в политической неблагонадежности около 60 человек, более половины из которых были тайно удушены. Процесс по этому делу, проходивший в Красноярске в конце 1921 г., подробно освещался местной прессой. Из 53 подсудимых 15 были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к различным срокам заключения, но уже вскоре были амнистированы учетом их заслуг перед Советской властью и «обстановкой ожесточенной борьбы» [6].

Документы, включенные в четвертую главу, лишь частично затрагивают проблему «красного бандитизма» в Сибири, но вместе с тем дают четкое представление о формах и методах восстановления Советской власти в регионе. «Письма к власти» свидетельствуют о том, что население Сибири вынуждено было принять эту власть, не видя ей иной альтернативы. Поэтому в ряде обращений даже бывших противников Советской власти выражена готовность к сотрудничеству с нею с условием корректировки курса. В этом отношении интересны показания одного из организаторов «Сибирского крестьянского союза» В.И. Игнатьева, арестованного чекистами в конце 1920 г. Указав, что являлся сознательным противником Советской власти, Игнатьев, заявлял, что при взятом большевистским руководством курсе на развитие производства он готов вести разъяснительную работу среди крестьян при условии отказа власти от террора и насилия. Он подчеркивал, что «для власти выгоднее, да и желательнее дотолковаться с крестьянами, а не терроризировать их» [3. С. 333–337].

Дальнейшие события уже в масштабах страны, связанные с переходом к НЭПу, свидетельствуют о том, что советскому руководству пришлось учитывать интересы самой большой части населения – крестьянства. Конечно, причиной этого в первую очередь стали массовые крестьянские выступления, но и «письма во власть» внесли свою лепту в это кардинальное изменение экономического курса.

В целом, характеризуя документы, представленные в сборнике, следует подчеркнуть, что они содержат важную информацию по истории революции и гражданской войны в Сибири, дают представление об эволюции сознания как отдельных социальных групп, так и всего сибирского общества. По сути, представленные документы – это попытка диалога с властью в контексте углубляющего социального раскола и эскалации насилия. Весьма важны документы, характеризующие положение человека в условиях политической нестабильности и частной смены политических режимов.

Отдельно следует отметить большую работу, проделанную исследователем при составлении комментариев. В них представлены биографические справки адресантов, адресатов и лиц, упоминаемых в документах. Кроме это-

го, даны комментарии к важнейшим событиям и институциональным образованиям. Отличительной чертой сборника и, в определенном смысле, новацией является сопровождение документов (в тех случаях, когда позволяли источники) комментариями о реакции властей на обращение и результатах предпринятых действий.

В итоге необходимо подчеркнуть, что В.И. Шишкиным введен в научный оборот комплекс документов, большей частью впервые опубликованных. Документы сборника освещают широкий круг вопросов, охватывая все сферы общественной жизни, что, без сомнения, позволяет более полно понять сущность и специфику исследуемых процессов и проблем одного из переломных этапов отечественной истории.

Литература

1. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005; *Временное* Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007; *Сибирский* предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013.

2. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.): сб. док. / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000; *Сибирская* Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. / сост. В.И. Шишкин. М., 2000.

3. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

4. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1991–1992. Ч. 1–2; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Е.Н. Косых. Томск, 1991; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992; *Съезды*, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2.

5. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

6. *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79.

Vladimir A. Drobchenko – PhD, Doctor of History, Associate Professor of Department of Psychology and Educational Sciences, Anzhero-Sudzhensk Branch of Kemerovo State University

E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

Eduard I. Chernyak – PhD, Doctor of History, Professor, Director of Institute of Arts and culture of National Research Tomsk State University, Head of Department of Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage

POWER AND SIBERIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF SOCIAL CATACLYSMS (MARCH 1917 – MAY 1921)

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 248–259 pp. DOI: 10.17223/22220836/24/28

References

1. Shishkin, V.I. (ed.) (2013) *Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.)* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918)]. Novosibirsk: SB RAS.

2. Shishkin, V.I. (ed.) (2015a) *Za sovety bez kommunistov: Krest'yanskoe vosstanie v Tyumenskoy gubernii (1921 g.)* [For the Soviets without Communists: The peasant uprising in Tyumen Province (1921)]. Moscow: [s.n.].

3. Shishkin, V.I. (ed.) (2015b) *Pis'ma vo vlast' v epokhu revolyutsii i grazhdanskoy voyny (mart 1917 – may 1921 g.)* [Letters to authorities in the era of revolution and civil war (March, 1917 – May, 1921)]. 2nd ed. Novosibirsk: SB RAS.

4. Yakimova, T.V. (ed.) (1991–1992) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March, 1917 – November, 1918)]. Tomsk: [s.n.].

5. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.

6. Shishkin, V.I. (1992) Krasnyy banditizm v Sovetskoy Sibiri [Red banditry in Soviet Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: Challenges and lessons]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 3–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРОВА Полина Евгеньевна – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: azarova.p@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры киноискусства Казанского государственного института культуры, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, киновед, член Союза кинематографистов России, член Гильдии киноведов и кинокритиков России.
E-mail: alekseeva-kaz@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Петровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: tatyana.alekseevasergeeva@mail.ru

АРДАШКИН Игорь Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского Томского политехнического университета.
E-mail: ibardashkin@mail.ru

БАУШЕВ Андрей Валерьевич – преподаватель кафедры народных инструментов Тамбовского государственного музыкально-педагогического института им. С.В. Рахманинова; аспирант кафедры теории и истории музыки Тамбовского государственного музыкально-педагогического института им. С.В. Рахманинова.
E-mail: bayshev14@mail.ru

БУБЕНКОВА Мария Викторовна – аспирант кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры; преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры.
E-mail: Masha-aissur@yandex.ru

ВАСИЛЬЧЕНКО Юлия Сергеевна – аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета; преподаватель художественных дисциплин Губернаторского колледжа социально-культурных технологий и инноваций (Томск).
E-mail: ju.vasilchenko@mail.ru

ВИНИЦКАЯ Наталья Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: Natigor007@yandex.ru

ВОРОБЬЕВА Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета (Владивосток).
E-mail: alenka-lisichka7@mail.ru

ГОРБАЧЕВА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки.
E-mail: yulia_popova@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета; специалист экспозиционной и выставочной деятельности Комплекса музеев Национального исследовательского Томского политехнического университета.
E-mail: svetikiss07@mail.ru

ДЕГТЯРЁВА Алёна Игоревна – заведующая методико-библиографическим отделом Межпоселенческой центральной библиотеки Томского района.
E-mail: alibren@mail.ru

ДЕРГИЛЕВА Татьяна Владиславовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии науки (ГПНТБ СО РАН) (Новосибирск).
E-mail: dergileva@spsl.nsc.ru

ДРОБЧЕНКО Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогических наук филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске.
E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: toledo@mail.tomsknet.ru

ЗАБУЛИОНИТЕ Аудра Кристина Иосифовна – доктор философских наук, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: k.zabulionite@holism-culture.org

ИВАНОВСКАЯ Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: sizova_e@rambler.ru

КОЛОСОВА Галина Иосифовна – заведующая отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: ork_2003@mail.ru

КОРОБЕЙНИКОВА Лариса Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры истории и философии науки ИСИ ГТ Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: larisa_korobeynikova@rambler

КУЗОРО Кристина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: clio-2002@mail.ru

ЛАВРИК Ольга Львовна – доктор педагогических наук, заместитель директора по научной работе Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск).

E-mail: lisa@spsl.nsc.ru

ЛЯПКОВА Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

МАКИЕНКО Марина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: mma1252@tpu.ru

НАУМОВ Филипп Викторович – аспирант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: c_d90@mail.ru

ПРИХОДОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры хорового дирижирования и вокального искусства Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: prihkatja@mail.ru

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: tolstova_11@mail.ru

УЛЬМАСОВ Фируз Абдушукурович – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки Таджикской национальной консерватории им. Т. Сатторова (Таджикистан, Душанбе).

E-mail: firuz_ul@mail.ru

ЧЕРНЯВСКАЯ Ольга Александровна – старший научный сотрудник филиала «Музей городского быта» Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова; соискатель кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ).

E-mail: ya.olcher@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Ирина Валерьевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (Барнаул).

E-mail: gurkina-22@mail.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – доктор исторических наук, профессор, директор Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия. E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ЧМЫХАЛО Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: sanichtom@inbox.ru

ШАПИРО Бэлла Львовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

E-mail: b.shapiro@mail.ru

ЩЕТИНИНА Светлана Юрьевна – аспирант кафедры монументально-декоративного искусства Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств.

E-mail: shine3@ngs.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

2016. № 4(24)

Редактор *Т.В. Зелева*
Оригинал-макет *Т.В. Дьяковой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона*
(проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 21.12.2016 г. Дата выхода в свет 30.12.2016 г.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ. л. 15,75; усл. печ. л. 22,05; уч.-изд. л. 22,55.
Тираж 250 экз. Заказ № 2288. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск. пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru